

ISSN 2223-2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 12 2025 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»
Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

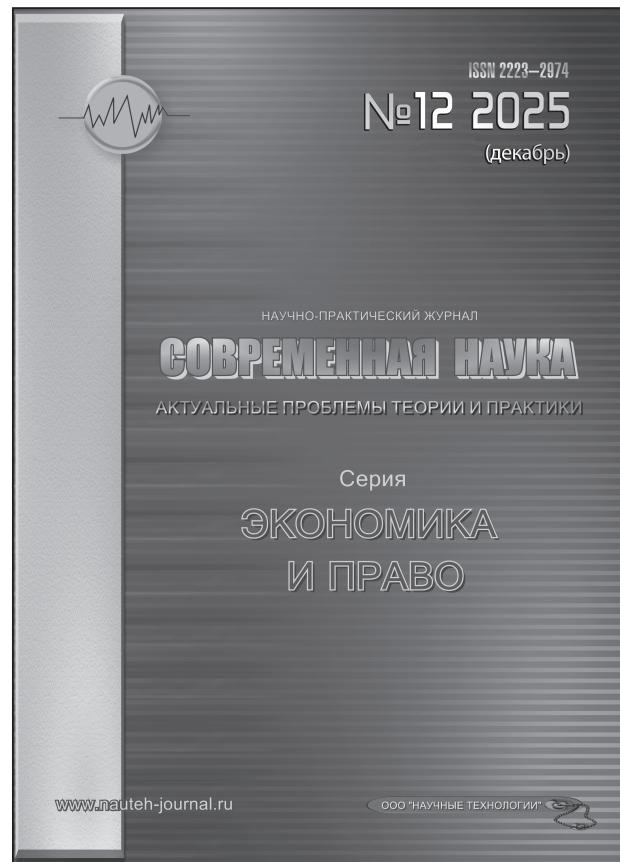
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК — 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.12.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор, Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с., НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор, Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор, г.н.с., Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент, Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с., Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н., профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с., Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор, Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с., Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор, Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор, Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский государственный социальный университет

Шедъко Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор, с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор, Нижегородская Государственная сельскохозяйственная академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Баянов А.Ф. — Цифровая трансформация управления персоналом в наземном транспорте: вызовы и решения	6
<i>Bayanov A.</i> — Digital transformation of human resource management in ground transport: challenges and solutions	6
Градобоев Е.В. — Индекс региональной экономической безопасности Иркутской области	
<i>Gradoboev E.</i> — Index of regional economic security of the Irkutsk region	12
Григорьянц И.А., Тарасова Т.М., Корягина И.А. — Инновации в международных маркетинговых стратегиях: искусственный интеллект и автоматизация	
<i>Grigiryants I., Tarasova T., Koryagina I.</i> — Innovations in international marketing strategies: artificial intelligence and automation	18
Дадалян М.М. — Цифровые валюты центральных банков (CBDC) как фактор повышения устойчивости национальных валютных систем	
<i>Dadalyan M.</i> — Central bank digital currencies (CBDC) as a factor in enhancing the stability of national monetary systems	22
Еремина Н.А. — Подходы к решению проблемы утилизации текстильных изделий на примере технологии «апсайклинг»	
<i>Eremina N.</i> — Approaches to solving the problem of textile product disposal using the example of upcycling technology	28
Жильцов С.А. — Методика оценки эффективности инновационного развития электроэнергетической отрасли России	
<i>Zhiltssov S.</i> — Methodology for assessing the effectiveness of the innovative development of the Russian electric power industry	33
Золотовский В.А. — Водный круизный туризм: регулирование качества услуг	
<i>Zolotovskiy V.</i> — Water cruise tourism: regulation of the quality of services	37

Иванова Л.Н. — Преодоление импортозависимости российского семеноводства: проблемы и возможности	
<i>Ivanova L.</i> — Overcoming import dependence of Russian seed production: challenges and opportunities	42
Иванчина О.В., Бобкова Е.Ю., Григорьянц И.А. — Этика и устойчивое развитие в международном маркетинге	
<i>Ivanchina O., Bobkova E., Grigiryants I.</i> — Ethics and sustainable development in international marketing	48
Ищенко Н.Г., Крупина А.А., Пурен К.А., Пыжиков Н.С., Чимирис Е.С., Живалов В.Н. — Различия в социально-экономическом положении трудовых мигрантов в ЕАЭС — подходы к сближению и гармонизации медицинских услуг	
<i>Ishchenko N., Krupina A., Puren K., Pyzhikov N., Chimiris E., Zhivalov V.</i> — The difference in social and economic status of labor migrants in the Eurasian Economic Union — approaches for convergence and harmonization of medical service	53
Корягина И.А., Тарасова Т.М., Фурсов А.Л. — Международный маркетинг в условиях кросс-культурной коммуникации	
<i>Koryagina I., Tarasova T., Fursov A.</i> — International marketing in the context of cross-cultural communication	60
Ляшенко В.Е. — Перспективная модель высшего образования на основе динамических профилей компетенций и систем искусственного интеллекта к 2030 году	
<i>Lyashenko V.</i> — A promising model of higher education based on dynamic competency profiles and artificial intelligence systems by 2030	64
Медведева Н.В. — Кастомизация управленческих практик: влияние на результативность	
<i>Medvedeva N.</i> — Customization of management practices: impact on performance	72
Полозов Я.С. — Глобальные цепочки добавленной стоимости как инструменты цифрового контроля и стратегического суверенитета в автомобильной индустрии	

Polozov Ya. — Global value chains as instruments of digital control and strategic sovereignty in the automotive industry	78	Darbishukhumaev M. — The specifics of considering individual labor disputes between athletes and coaches in professional sports	115
Рябоконь Л.А. — Перспективы применения блокчейн-технологий во внешнеторговой логистической системе региональных экономических систем		Землякова Е.В. — К вопросу о преступлениях, совершаемых при реализации национальных проектов в Российской Федерации	
<i>Ryabokon L.</i> — Prospects for the use of blockchain technologies in the foreign trade logistics system of regional economic systems	85	<i>Zemlyakova E.</i> — On the issue of crimes committed during the implementation of national projects in the Russian Federation	120
Силакова В.В. — Управление экономическим потенциалом и повышение конкурентоспособности предприятий агропромышленного комплекса		Иванов А.А. — К вопросу становления и развития дознания, его процессуального порядка окончания в дореволюционный период	
<i>Silakova V.</i> — Managing economic potential and increasing the competitiveness of agro-industrial enterprises	91	<i>Ivanov A.</i> — On the question of the formation and development of the inquiry, its procedural order of termination in the pre-revolutionary period	124
Ta Na — Управление человеческим капиталом в экосистеме университетов центральных и западных регионов Китая		Исаев Д.Ш. — Платформенное право и модель соуправления цифровыми экосистемами: теоретико-правовой анализ эволюции подхода Европейского Союза	
<i>Ta Na</i> — Human capital management in the university ecosystem of Central and Western China	96	<i>Isaev D.</i> — Platform law and the co-regulation model of digital ecosystems: a theoretical and legal analysis of the evolution of the European Union's approach.....	130
Тарасова О.В., Бобкова Е.Ю., Корягина И.А. — Влияние глобальных мегатрендов (урбанизация, экология, цифровизация) на международный маркетинг		Кобзарь-Фролова М.Н. — Усмотрение в сфере налогов и сборов (отдельные проблемы вынесения решения в условиях правовой неурегулированности)	
<i>Tarasova O., Bobkova E., Koryagina I.</i> — The impact of global megatrends (urbanization, ecology, digitalization) on international marketing	100	<i>Kobzar-Frolova M.</i> — Discretion in taxes and fees (specific issues of decision-making in contexts of legal unsettledness).....	135
Цисар А.В. — Оптимизация государственных закупок медицинских товаров и услуг через государственно-частное сотрудничество		Кудрявцева В.П. — Принцип формальной (юридической) истины в гражданском процессе: опасности правоприменения и внутреннее противоречие правового регулирования	
<i>Tsisar A.</i> — Optimization of public procurement for medical goods and services through public-private partnership	105	<i>Kudriavtseva V.</i> — The principle of formal (legal) truth in civil proceedings: the dangers of law enforcement and the internal contradiction of legal regulation.....	141
Школьный Ю.И. — Экономика внимания как новый актив на цифровых финансовых платформах		Кудрявцева В.П. — Действие принципа формальной (юридической) истины в гражданском процессе — попрание идеи социальной справедливости: постановка проблемы	
<i>Shkolny Yu.</i> — The attention economy as a new asset on digital financial platforms.....	110	<i>Kudriavtseva V.</i> — The effect of the principle of formal (legal) truth in civil proceedings is a violation of the idea of social justice: posing a problem.....	147
Право		Макаров И.М. — Криминологическая и уголовно-правовая характеристика неправомерного (преднамеренного или фиктивного) банкротства	
Дарбишухумаев М.З. — Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в профессиональном спорте			

<i>Makarov I.</i> — Criminological and criminal-legal characteristics of illegal (intentional or fictitious) bankruptcy.....	151	<i>Стебивко И.Ю.</i> — Социальное восприятие дисциплинарной ответственности судей в России: анализ общественного мнения и его влияние на судебную практику
Пряникова М.А. — Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: криминологическая и уголовно-правовая характеристика		<i>Stebivko I.</i> — Social perception of disciplinary responsibility of judges in Russia: analysis of public opinion and its impact on judicial practice
<i>Pryanikova M.</i> — Production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors: criminological and criminal-legal characteristics	156	168
Секретарёв Р.В. — Проблемы и перспективы обеспечения реальной исполнимости судебного акта		Социология
<i>Sekretaryov R.</i> — Problems and prospects of ensuring the practical enforceability of court decisions	161	
Спильная В.А. — Место налоговой ответственности в системе права		Потапчук В.В., Потапчук Е.Ю. — Становление системы трудовой занятости несовершеннолетних граждан в Российской Федерации в 1990–2000-х гг.
<i>Spilnaya V.</i> — The place of tax liability in the legal system	165	<i>Potapchuk V., Potapchuk E.</i> — Formation of the system of employment of minor citizens in the Russian Federation in the 1990–2000 s
		173
Скопа В.А. — Механизмы социального становления и самоопределения подростков в условиях социокультурной бытийности		Скопа В.А. — Механизмы социального становления и самоопределения подростков в условиях социокультурной бытийности
		<i>Skopa V.A.</i> — Mechanisms of social development and self-determination of adolescents in the context of socio-cultural existence.....
		179
		Наши авторы
		183

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В НАЗЕМНОМ ТРАНСПОРТЕ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

DIGITAL TRANSFORMATION OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN GROUND TRANSPORT: CHALLENGES AND SOLUTIONS

A. Bayanov

Summary. This paper explores the challenges of digital transformation in human resource management in ground transport organizations. Unlike the adoption of isolated artificial intelligence tools, it addresses a broader context of HR digitalization, encompassing strategic, technological, and social dimensions. Based on the analysis of domestic and international literature, the main challenges of digital transformation are identified: staff turnover, shortage of digital competencies, employee resistance to technological change, and ethical risks related to the use of AI algorithms in personnel management. The paper proposes a set of solutions, including a step-by-step algorithm for implementing digital HR tools, a digital maturity assessment model for transport organizations, and the use of HR analytics and employee digital twins for workforce risk forecasting. The practical significance of this work lies in its applicability to the modernization of HR systems in metro, railway, and bus transport, contributing to improved efficiency, resilience, and transportation safety.

Keywords: digital transformation, human resource management, ground transport, artificial intelligence, HR analytics, digital maturity, workforce risks, transport safety.

Введение

Цифровая трансформация в последние годы стала одним из ключевых факторов развития транспортной отрасли. Для наземного транспорта, включающего автобусные системы, системы метрополитена цифровизация управления персоналом приобретает особую значимость, так как именно кадровый потенциал определяет безопасность перевозок, устойчивость графиков движения и качество обслуживания пассажиров. Согласно исследованию Amar J., Parikh N., Arora S., McConnell S., Cornwall T., Faucher J. «AI can transform workforce planning for travel and logistics companies» [3], компании транспортного и логистического сектора сталкиваются с ростом издержек на персонал и дефицитом квалифицированных кадров, а цифровые технологии, включая искусственный интеллект (ИИ), способны сократить затраты на подбор и планирование на 15–20 %, одновременно повышая точность прогнозирования кадровых потребностей.

Баянов Алмаз Флюнович
Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патрика Лумумбы
almazb@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вызовов цифровой трансформации управления персоналом в организациях наземного транспорта. В отличие от адаптации отдельных методов искусственного интеллекта, здесь рассматривается более широкий контекст цифровизации кадровых процессов, охватывающий стратегические, технологические и социальные аспекты. На основе анализа отечественных и зарубежных работ выявлены ключевые вызовы цифровой трансформации: кадровая текучесть, дефицит цифровых компетенций, сопротивление персонала внедрению новых технологий, а также риски, связанные с использованием алгоритмов искусственного интеллекта в управлении людьми. В статье предложены решения для преодоления данных проблем, включая разработку алгоритма поэтапного внедрения цифровых HR-инструментов, формирование системы оценки цифровой зрелости транспортных организаций, а также использование HR-аналитики и цифровых двойников сотрудников для прогнозирования кадровых рисков. Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные подходы могут быть применены при модернизации систем управления персоналом в метрополитене, железнодорожном и автобусном транспорте, обеспечивая повышение эффективности, устойчивости и безопасности перевозок.

Ключевые слова: цифровая трансформация, управление персоналом, наземный транспорт, искусственный интеллект, HR-аналитика, цифровая зрелость, кадровые риски, транспортная безопасность.

В отечественной практике цифровизация кадровых процессов также рассматривается как одно из приоритетных направлений развития транспортной отрасли. Так. Степаненко Д.Ю. [2] отмечает, что внедрение ИИ позволяет не только оптимизировать режимы труда, но и существенно снизить временные затраты работников на рутинные операции, в отдельных случаях до 40 %. В то же время использование цифровых инструментов в Human Resources (человеческие ресурсы) (HR) требует комплексного подхода, включающего подготовку персонала, развитие цифровых компетенций и преодоление сопротивления изменениям.

В статье Кретова М.В., Дегтярева А.В., Шляпина М.В. «Искусственный интеллект в управлении персоналом» [1] подчеркивается, что интеграция цифровых технологий в HR дает возможность автоматизировать процессы подбора, обучения и оценки вовлеченности сотрудников, но при этом требуется баланс между автоматизацией и человеческим участием, особенно в социально значимых отраслях, таких как транспорт.

Можно с уверенностью говорить о том, что цифровая трансформация управления персоналом в наземном транспорте связана с целым рядом вызовов: кадровая текучесть, дефицит специалистов с цифровыми навыками, необходимость адаптации организационной культуры и обеспечение прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта при работе с людьми. Решение этих проблем предполагает создание новых моделей управления персоналом, в которых цифровые технологии рассматриваются не как замена человека, а как инструмент повышения эффективности и устойчивости транспортных систем.

Целью статьи является выявление основных вызовов цифровой трансформации управления персоналом в организациях наземного транспорта и обоснование возможных решений, обеспечивающих повышение эффективности и безопасности функционирования отрасли.

Методология и методы

При подготовке статьи использовались общенаучные и специальные методы анализа, направленные на выявление вызовов и возможных решений цифровой трансформации управления персоналом в организациях наземного транспорта.

1. Анализ научной литературы и публикаций.

Проведен обзор отечественных и зарубежных источников, посвященных цифровизации и применению искусственного интеллекта в управлении персоналом. В частности, использованы работы Amar J. и др. [3], где рассматриваются международные практики внедрения цифровых технологий в транспортно-логистической сфере, и Степаненко Д.Ю. [2], в которой показаны примеры применения ИИ в кадровых процессах российских железных дорог.

2. Сравнительный метод.

Для выявления ключевых вызовов цифровой трансформации использовалось сопоставление международного опыта [3] с практикой отечественных транспортных организаций [1, 2], что позволило выделить общие тенденции (рост затрат на персонал, дефицит кадров, необходимость цифровых компетенций) и специфические особенности российского контекста (жесткая регламентация труда, высокая социальная ответственность транспортных предприятий).

3. Системный подход.

Анализ цифровой трансформации HR в наземном транспорте осуществлялся с позиций системного подхода, позволяющего рассматривать персонал, техноло-

гии и организационные процессы как взаимосвязанные элементы, что дало возможность предложить концепцию «цифровой зрелости HR-систем» транспортных организаций, которая станет инструментом диагностики и управления цифровизацией.

4. Элементы моделирования.

В рамках статьи были приведены элементы авторского моделирования, направленного на построение алгоритма поэтапного внедрения цифровых HR-инструментов и использование HR-аналитики для прогнозирования кадровых рисков. Такой подход базировался на результатах анализа публикаций.

Таким образом, методологическая основа статьи сочетает анализ научных источников, сравнительный анализ международного и российского опыта, системный подход к управлению персоналом и элементы моделирования для обоснования практических решений в условиях цифровой трансформации.

Результаты

Проведенный анализ научных публикаций и практических кейсов цифровизации транспортных организаций позволил выявить целый ряд вызовов, с которыми сталкиваются предприятия наземного транспорта при внедрении современных цифровых технологий в управление персоналом. Одновременно были определены возможные пути решения этих проблем, основанные как на международном опыте, так и на российской практике.

Систематизация вызовов цифровой трансформации управления персоналом представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Ключевые вызовы цифровой трансформации HR

Категория	Конкретные вызовы
Кадровые	Текущесть, дефицит специалистов с цифровыми навыками
Технологические	Недостаток данных, сложности интеграции HR-платформ
Социальные	Сопротивление изменениям, страх потери рабочих мест
Этические	Риск дискриминации алгоритмов, непрозрачность решений

Источник: Составлено автором на основе McKinsey, 2024; Deloitte, 2024; Степаненко, 2024 [2,3]

Во-первых, необходимо отметить высокую текучесть кадров и сохраняющийся дефицит специалистов в транспортной отрасли. По данным исследования Amar J. и соавт. [3], уровень увольнений в логистике и транспорте после пандемии увеличился примерно

на треть по сравнению с предыдущими годами. Это означает, что транспортные компании вынуждены гораздо чаще закрывать вакансии, что приводит к росту прямых издержек на подбор и обучение новых сотрудников. Для наземного транспорта такая ситуация особенно опасна, поскольку дефицит работников может напрямую повлиять на стабильность графиков перевозок и снизить качество предоставляемых услуг пассажирам.

Во-вторых, существенным препятствием является недостаточный уровень цифровых компетенций у работников транспортных предприятий. Как отмечают Кретов М.В., Дегтярева А.В. и Шляпина М.В. [1], успешное внедрение искусственного интеллекта и цифровых HR-платформ невозможно без готовности персонала работать с цифровыми интерфейсами и понимать основы анализа данных. Однако возрастная структура кадров и традиционная консервативность отрасли затрудняют этот процесс, так как многие сотрудники не имеют опыта взаимодействия с современными цифровыми инструментами.

Третьим вызовом выступает сопротивление изменениям со стороны персонала. В работе Степаненко Д.Ю. [2] подчеркивается, что внедрение искусственного интеллекта в железнодорожной отрасли нередко сопровождается опасениями работников относительно роста контроля за их деятельностью и потенциальной угрозы сокращения рабочих мест. Подобные настроения способны снижать уровень вовлеченности и создавать дополнительное социальное напряжение в трудовых коллективах.

Наконец, еще одним вызовом является необходимость учета этических и организационных рисков, связанных с использованием алгоритмов искусственного интеллекта. В условиях автоматизации подбора и оценки персонала возникает проблема прозрачности алгоритмов и риска предвзятых решений, что требует создания механизмов «человеческого надзора» (human-in-the-loop) и регулярного аудита цифровых систем, как отмечается в международных исследованиях [3].

Для преодоления обозначенных вызовов целесообразно использовать комплекс мер. Одним из таких инструментов может стать поэтапный алгоритм внедрения цифровых HR-инструментов. На первом этапе внимание должно уделяться автоматизации рутинных процессов — обработке резюме, формированию графиков и администрированию документооборота. На втором этапе важно внедрить системы HR-аналитики, позволяющие прогнозировать текучесть кадров и уровень вовлеченности сотрудников. Третий этап предполагает использование цифровых двойников работников и симуляторов, что позволит организовать персонализированное обучение и повышение квалификации. Завершающим эта-

пом должно стать внедрение интеллектуальных систем поддержки управленческих решений, интегрирующих все кадровые данные в единую цифровую платформу.

Следующим направлением может стать формирование системы оценки цифровой зрелости HR-процессов транспортных организаций. Такая система может включать несколько уровней: от фрагментарного применения отдельных инструментов до комплексной интеграции цифровых технологий в стратегию управления персоналом. Наличие подобных показателей позволит компаниям объективно оценивать текущее состояние и планировать дальнейшие шаги цифровизации.

Не менее важным элементом цифровой трансформации является развитие цифровых компетенций сотрудников. Организациям следует внедрять системные программы обучения, включающие как базовые навыки работы с цифровыми системами, так и продвинутые курсы по аналитике данных и управлению ИИ-инструментами. Использование симуляторов и цифровых двойников, как показывает международный опыт [3], способствует более быстрому освоению новых технологий и формированию устойчивых навыков.

Кроме того, необходимо шире применять HR-аналитику для прогнозирования кадровых рисков. Алгоритмы предиктивной аналитики позволяют своевременно выявлять сотрудников с высокой вероятностью увольнения или признаками профессионального выгорания. Это, в свою очередь, позволяет руководству разрабатывать адресные меры по удержанию, например, корректировку рабочих графиков или индивидуальные программы развития.

Наконец, цифровая трансформация HR в транспорте должна сопровождаться внедрением механизмов этического контроля. Прозрачность алгоритмов, регулярный аудит качества данных и обязательное участие HR-специалистов в ключевых этапах принятия решений позволяют минимизировать риски дискриминации и ошибок автоматизированных систем.

Анализ показывает, что для успешного внедрения цифровых HR-инструментов в транспортных организациях ключевым условием является сочетание организационной и технологической готовности. Наибольшую значимость имеют два фактора — поддержка топ-менеджмента (85 % компаний) и наличие качественных данных о персонале (82 %), которые отражены Таблице 2. Это означает, что цифровая трансформация невозможна без стратегической вовлеченности руководства и развитой системы учета кадровой информации.

Второй по значимости блок факторов связан с компетенциями HR-службы и технологической интеграци-

Таблица 2.
Факторы успешного внедрения
цифровых HR-инструментов

Фактор	Доля компаний, %
Поддержка топ-менеджмента	85
Качественные данные о персонале	82
Цифровые компетенции HR	70
Доверие персонала	65
Интеграция HR-систем	55
Вовлеченность сотрудников	50

Источник: составлено автором на основе Deloitte HR Tech 2024

ей. Около 70 % компаний указывают на необходимость развития цифровых навыков специалистов HR, а более половины — на важность интеграции новых инструментов с существующими системами. Это подчеркивает, что цифровизация HR не может рассматриваться изолированно: она требует согласованности с другими корпоративными процессами.

Наконец, около половины компаний выделяют как критически важный фактор вовлеченность сотрудников. Это подтверждает выводы о том, что технологические решения должны сопровождаться культурными изменениями внутри организации.

Успех цифровизации HR в наземном транспорте зависит не только от внедрения технологий, но прежде всего от управляемой поддержки, качества исходных данных и готовности персонала адаптироваться к изменениям.

Таким образом, результаты анализа подтверждают, что цифровая трансформация управления персоналом в наземном транспорте невозможна без комплексного подхода, включающего технологические, организационные и социальные компоненты. Только сочетание современных инструментов (искусственный интеллект, HR-аналитика, цифровые двойники) с системными мерами по управлению изменениями и развитию компетенций сотрудников позволит транспортным организациям повысить эффективность работы и обеспечить устойчивость перевозочного процесса.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что цифровая трансформация управления персоналом в наземном транспорте имеет двойственный характер: с одной стороны, она открывает новые возможности для оптимизации кадровых процессов, а с другой — созда-

ет дополнительные риски, требующие управляемых и этических решений.

Сравнение международного и отечественного опыта показывает, что ряд вызовов носит универсальный характер. Так, в исследовании Amar J. и др. [3], выполненных экспертами McKinsey, подчеркивается, что дефицит сотрудников и рост издержек на подбор персонала являются характерными проблемами для всех крупных транспортных и логистических компаний. Эти данные согласуются с выводами российских авторов: Степаненко Д.Ю. [2] отмечает, что даже в условиях внедрения искусственного интеллекта железнодорожная отрасль сталкивается с кадровыми ограничениями, которые невозможно преодолеть исключительно за счет автоматизации. Следовательно, цифровые инструменты необходимо интегрировать в комплексную систему управления, учитывающую социальные и организационные аспекты.

Особое внимание в литературе уделяется вопросу цифровых компетенций работников. Как показывают Кретов М.В., Дегтярева А.В., Шляпина М.В. [1], без развития цифровой грамотности у персонала внедрение современных HR-технологий не дает ожидаемого эффекта. Данное наблюдение подтверждается и зарубежными исследованиями, согласно которым использование HR-аналитики и цифровых двойников приносит ощутимые результаты только при условии, что сотрудники и руководители умеют интерпретировать цифровые данные и применять их в управляемых решениях.

Однако наряду с очевидными преимуществами цифровизации кадровых процессов в транспорте сопровождается рядом ограничений. Во-первых, существует риск технологической зависимости от поставщиков цифровых платформ, что снижает гибкость организаций. Во-вторых, автоматизация HR может усиливать социальное напряжение, так как часть сотрудников воспринимает алгоритмы как инструмент контроля и угрозу рабочим местам. В-третьих, использование ИИ в оценке персонала ставит проблему этики и прозрачности алгоритмов, о чем свидетельствует как зарубежный опыт [3], так и российские публикации [2].

Предлагаемая авторская модель цифровой зрелости HR-систем включает четыре уровня, отражённых в Таблице 3.

Представленная модель уровней цифровой зрелости HR-систем отражает поэтапное развитие кадровых функций в транспортных организациях. На первом уровне (фрагментарном) цифровые инструменты используются точечно и не влияют на стратегию управления персоналом. Такой уровень характерен для большинства предприятий наземного транспорта в России, где цифровизация ограничивается базовым кадровым учетом [4].

Таблица 3.
Уровни цифровой зрелости HR-систем

Уровень зрелости	Характеристика
I. Фрагментарный	Используются отдельные цифровые инструменты
II. Системный	Внедрены HR-платформы для подбора и учета
III. Аналитический	Применяется HR-аналитика и прогнозы
IV. Интеллектуальный	Полная интеграция ИИ и аналитики в HR

Источник: составлено автором

Второй уровень (системный) предполагает внедрение комплексных HR-платформ для подбора и администрирования персонала. На этом этапе компании получают ощутимый эффект в виде автоматизации рутинных процессов, однако возможности для прогнозирования кадровых рисков остаются ограниченными.

Третий уровень (аналитический) связан с использованием HR-аналитики и предиктивных моделей. Это позволяет прогнозировать текущесть кадров, оценивать вовлеченность и формировать кадровый резерв. Данный уровень пока присущ в основном крупным транспортным холдингам.

Четвертый уровень (интеллектуальный) представляет собой стратегическую интеграцию ИИ во все HR-процессы. Здесь HR становится источником данных для управленческих решений, а кадровая функция — ключевым элементом цифровой трансформации бизнеса.

Большинство транспортных организаций находятся между первым и вторым уровнями цифровой зрелости. Достижение третьего и четвертого уровней требует не только внедрения технологий, но и развития цифровых компетенций сотрудников, а также готовности руководства к стратегическим изменениям.

Таким образом, предложенные в статье решения — алгоритм поэтапного внедрения цифровых инструментов, система оценки цифровой зрелости и использование предиктивной HR-аналитики — должны рассматриваться не как универсальные механизмы, а как часть более широкой стратегии цифровой трансформации. Их эффективность напрямую зависит от организационной культуры, готовности руководства инвестировать в развитие компетенций персонала и способности интегрировать новые технологии в существующие процессы [5].

Прогноз экономического эффекта цифровизации HR-систем представлен в Таблице 4.

Сценарное моделирование показало, что цифровизация HR-процессов в транспортных организациях име-

Таблица 4.
Прогноз экономического эффекта цифровизации

Сценарий	Снижение издержек, %	Рост производительности, %
Базовый	10	5
Оптимистический	20	12
Пессимистический	5	2

Источник: составлено автором

ет прямой экономический эффект, выражаящийся в снижении затрат и росте производительности труда. Даже при пессимистическом сценарии, когда внедрение ограничено базовой автоматизацией, организации могут ожидать сокращения издержек на 5 % и повышения производительности на 2 %. Это демонстрирует, что цифровизация оправдана даже при минимальных инвестициях.

Базовый сценарий предполагает использование HR-аналитики и отдельных инструментов искусственного интеллекта. В этом случае снижение затрат достигает 10 %, а рост производительности — 5 %. Такой результат подтверждает эффективность поэтапного внедрения цифровых решений без радикальной перестройки всей системы.

Наибольшие выгоды прогнозируются в оптимистическом сценарии, который связан с комплексной интеграцией цифровых инструментов, включая цифровые двойники сотрудников и предиктивную аналитику. При таком подходе компании могут сократить издержки на 20 % и повысить производительность на 12 %, что позволяет говорить о высокой рентабельности инвестиций.

Экономический эффект цифровизации HR в наземном транспорте имеет ярко выраженный положительный характер при всех сценариях. При этом максимальные результаты достигаются только в случае комплексной трансформации, сопровождающейся изменением организационной культуры и развитием цифровых компетенций персонала.

В Таблице 5 представлены идентифицированные риски цифровой трансформации систематизированные в матрице, что позволяет расставить приоритеты при разработке стратегий управления изменениями.

Матрица рисков цифровой трансформации HR показывает, что ключевые угрозы связаны не только с технологиями, сколько с человеческим фактором и готовностью организаций к изменениям. Наибольший приоритет имеет риск недостатка цифровых компетенций, который одновременно обладает высокой вероятностью возникновения и значительным влиянием на результаты внедрения. Это означает, что без системной программы подготовки кадров успешная цифровизация невозможна [6].

Таблица 5.
Матрица рисков цифровой трансформации

Риск	Вероятность	Влияние	Приоритет
Сопротивление изменениям	Высокая	Среднее	Высокий
Алгоритмическая дискриминация	Средняя	Высокое	Высокий
Технологическая зависимость	Средняя	Среднее	Средний
Недостаток компетенций	Высокая	Высокое	Очень высокий
Потеря доверия сотрудников	Средняя	Высокое	Высокий

Источник: составлено автором

Схожий уровень значимости имеют риски сопротивления изменениям и потери доверия сотрудников к цифровым системам. Высокая вероятность их возникновения связана с опасениями работников по поводу роста контроля и угрозы сокращений. Это требует от руководства транспортных компаний не только технологических, но и культурных преобразований.

К рискам высокой значимости также относится алгоритмическая дискриминация, которая может подорвать доверие к HR-системам. Для ее предотвращения необходимы механизмы прозрачности и аудита алгоритмов [7].

Технологическая зависимость от поставщиков цифровых платформ получила среднюю оценку по вероятности и влиянию, что делает ее риском второго порядка. Однако в долгосрочной перспективе она может ограничить гибкость транспортных организаций.

Главные угрозы цифровой трансформации HR в наземном транспорте лежат в социальной и этической плоскости. Это подтверждает, что успех цифровизации опреде-

ляется не только качеством технологий, но и стратегией управления изменениями и работой с персоналом [8].

Заключение

Проведенный анализ работ показал, что цифровая трансформация управления персоналом в организациях наземного транспорта является неотъемлемым условием повышения эффективности работы и обеспечения устойчивости перевозок. Она охватывает широкий спектр задач — от автоматизации рутинных процессов и внедрения HR-аналитики до формирования цифровых компетенций сотрудников и обеспечения этической прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта.

Выявленные в ходе анализа вызовы — высокая текучесть кадров, дефицит специалистов с цифровыми навыками, сопротивление изменениям и риски алгоритмической предвзятости — требуют комплексного подхода. Предложенные в статье решения включают разработку алгоритма поэтапного внедрения цифровых HR-инструментов, формирование системы оценки цифровой зрелости транспортных организаций, использование цифровых двойников для персонализированного обучения и применение предиктивной аналитики для прогнозирования кадровых рисков.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанных подходов при модернизации HR-систем в метрополитене, железнодорожных и автобусных предприятиях. Это позволит не только повысить экономическую эффективность и снизить издержки, но и укрепить социальную устойчивость трудовых коллективов, а также повысить уровень транспортной безопасности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с апробацией предложенной модели на примере конкретных транспортных организаций, а также с разработкой инструментов количественной оценки влияния цифровизации HR-процессов на качество и надежность пассажирских перевозок.

ЛИТЕРАТУРА

- Кретов М.В., Дегтярева А.В., Шляпина М.В. Искусственный интеллект в управлении персоналом. Материалы I Самарской областной студенческой научной конференции. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2024. С. 64–65.
- Степаненко Д.Ю. Применение искусственного интеллекта в железнодорожной отрасли. Научное обозрение. 2024. № 5. С. 19–23.
- Amar J., Parikh N., Arora S., McConnell S., Cornwall T., Faucher J. AI can transform workforce planning for travel and logistics companies. McKinsey & Company, September 2024. 9 p. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/ai-can-transform-workforce-planning-for-travel-and-logistics-companies> (дата обращения: 30.08.2025).
- Бочегов М.А., Медникова О.В. Искусственный интеллект на железной дороге. Проблемы науки. 2024. № 4 (85). С. 7–12.
- Акимов А.Е. Большие данные, искусственный интеллект и облачные технологии: цифровизация железных дорог. Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 314–318.
- Никонова Я.И., Проскурякова Е.А. Цифровизация железнодорожных вокзальных комплексов. Инновационные транспортные системы и технологии. 2022. № 3. С. 55–67.
- Нарейко В.Г. Искусственный интеллект в управлении персоналом. Диалог. 2023. № 1. С. 50–53.
- Галикеева Н.Н., Фархиева С.А. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года в РФ и федеральном проекте «Искусственный интеллект». Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 3-1. С. 186–188.

ИНДЕКС РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

INDEX OF REGIONAL ECONOMIC SECURITY OF THE IRKUTSK REGION

E. Gradoboev

Summary. The article examines theoretical and methodological approaches to measuring regional economic security using the case of the Irkutsk Region. Regional economic security is defined as the state of a region's socio-economic system that ensures sustainable development, financial independence, and protection against threats. The research is based on the analysis of production-economic, financial, investment-innovative, social, demographic, and environmental indicators. An integral index of regional economic security has been developed, incorporating normalized and weighted indicators as well as risk metrics. Calculations demonstrate that the Irkutsk Region maintains a high level of economic resilience, though certain risks persist in the industrial sector and household income. The proposed approach enables ongoing monitoring of regional economic conditions, identification of vulnerabilities, and formation of policy measures in the field of economic security. The practical significance of the study lies in the applicability of its results for regional authorities, research institutions, and analytical centers in developing socio-economic development strategies and anti-crisis measures.

Keywords: economic security, theoretical and methodological issues of studying economic security problems, typology of economic security problems, measuring threats and challenges to economic security, financial and economic analysis.

Градобоеев Евгений Валерьевич
кандидат экономических наук, доцент,
Иркутская государственная медицинская академия
последипломного образования (ИГМАПО) — филиал
Федерального Государственного Бюджетного
Образовательного Учреждения Дополнительного
Образования «Российская медицинская академия
непрерывного профессионального образования»
Министерства здравоохранения Российской Федерации;
соискатель, Автономная Некоммерческая Организация
Высшего Образования «Международный банковский
институт» имени Анатолия Собчака,
Санкт-Петербург
gradoboev_eugene@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и методические подходы к измерению региональной экономической безопасности на примере Иркутской области. Исследование основано на анализе производственно-экономических, финансовых, инвестиционно-инновационных, социальных, демографических и экологических показателей. На основе авторских методик разработан интегральный индекс региональной экономической безопасности, включающий нормированные и взвешенные показатели, а также риск-метрики. Расчеты демонстрируют, что Иркутская область характеризуется высоким уровнем экономической устойчивости при наличии отдельных рисков в промышленном секторе и доходах населения. Предложенный подход позволяет проводить мониторинг состояния экономики региона, выявлять слабые места и формировать направления государственной политики в сфере экономической безопасности. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов органами регионального управления, научными и аналитическими центрами при разработке стратегий социально-экономического развития и планировании антикризисных мер.

Ключевые слова: экономическая безопасность, теоретико-методологические вопросы исследования проблем экономической безопасности, типология проблем экономической безопасности, измерение угроз и вызовов экономической безопасности, финансово-экономический анализ.

Введение

Современные вызовы социально-экономического развития регионов России требуют создания эффективных инструментов диагностики и оценки состояния экономической безопасности [1]. Под экономической безопасностью региона понимается способность его экономики сохранять устойчивость к внутренним и внешним угрозам, обеспечивать сбалансированное развитие и поддерживать социальную стабильность [2]. Значимость данного направления возрастает в условиях

макроэкономической нестабильности [3], санкционного давления и структурных преобразований, происходящих в промышленности и финансовой системе страны [4]. Теоретические основы оценки экономической безопасности заложены в методических документах Минэкономразвития России и в научных работах, посвященных формированию системы индикаторов и пороговых значений. Вместе с тем каждая территория обладает своими особенностями, что требует адаптации подходов к региональному уровню. Иркутская область, обладая развитым промышленным и ресурсным потенциалом,

характеризуется рядом уязвимостей — высокой долей сырьевых отраслей, экологическими рисками и зависимостью от внешних факторов.

Настоящее исследование направлено на разработку интегрального индекса, позволяющего количественно оценить уровень региональной экономической безопасности Иркутской области. Индекс формируется на основе совокупности социально-экономических показателей, нормированных относительно пороговых значений, и отражает степень устойчивости региона. Полученные результаты могут использоваться для мониторинга динамики экономического состояния [5], сравнительного анализа с другими субъектами РФ и выработки стратегических управлеченческих решений [6].

Современные теоретические подходы измерения региональной экономической безопасности

Региональная экономическая безопасность (РЭБ) — это состояние экономики субъекта РФ, при котором обеспечиваются устойчивое развитие, финансовая самостоятельность и защита от внутренних и внешних угроз [7]. Законодательной основой для разработки системы измерения экономической безопасности в Российской Федерации являются следующие источники: методика Минэкономразвития РФ «Оценка уровня экономической безопасности субъектов РФ» (используется в ряде региональных стратегий), стратегия экономической безопасности РФ до 2030 г. Именно этот регуляторный документ задаёт ключевые индикаторы: доля обрабатывающей промышленности, инфляция, бедность [8].

При разработке способов измерения параметров региональной экономической безопасности можно основываться и на региональных программах: «Концепция экономической безопасности субъекта РФ», региональные доклады о социально-экономическом положении).

Для измерения региональной экономической безопасности применяют систему показателей (индикаторов) и пороговых значений, которые отражают ключевые аспекты экономического развития региона [9]. В научных статьях по этой теме выделяются несколько направлений [10]. По этим направлениям выделяются и нормируются определённые показатели. В существующих теоретических подходах это следующие показатели и направления.

Производственно-экономическое направление измерения экономической безопасности. В этом направлении используются показатели: валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения, темпы роста ВРП, доля высокотехнологичных отраслей в ВРП, устойчивость экономического роста, диверсификация, доля дотаций в доходах бюджета [11].

В финансовом направлении измерения региональной экономической безопасности используются показатели: уровень госдолга к собственным доходам, коэффициент бюджетной обеспеченности, самодостаточность бюджета, риск долговой зависимости [12].

В инвестиционном и инновационном измерении экономической безопасности региона используют: объем инвестиций в основной капитал на душу населения, доля инновационной продукции, потенциал модернизации и долгосрочного роста [13].

В социальном направлении используются показатели: уровень безработицы, реальные доходы населения, коэффициент дифференциации доходов, в также показатели, описывающие социальную стабильность и качество жизни [14].

В демографическом направлении применяют показатели естественного прироста населения, миграционного баланса, воспроизводства трудовых ресурсов [15].

В экологическом направлении измерения региональной безопасности применяют показатели: уровень загрязнения, расходы на охрану окружающей среды, экологические риски для экономики [2].

В научной литературе по теме измерения экономической безопасности выделяют следующие методики её оценки.

Индикаторный метод. Для каждого показателя устанавливаются пороговые значения. В частности, безработица менее или равна 7 %, доля дотаций менее или равна 30 %. Затем рассчитываются отклонения фактических значений от лимитированных значений. Полученные значения отклонений свидетельствуют о проблемных местах. Построение композитных индексов. При этом происходит нормирование показателей и их агрегирование в каком-либо интегральном индексе. Здесь можно отметить метод Евразийского национального университета, индекс региональной экономической безопасности Минэкономразвития).

Данная методика позволяет ранжировать регионы и сравнивать динамику изменения региональной экономической безопасности во времени [3].

Другой метод — измерение региональной экономической безопасности с помощью эконометрических моделей. В рамках данного направления происходит анализ взаимосвязей между факторами. В моделях экономической безопасности ставится в сопоставление со структурой ВРП, бюджетной политикой, миграцией [4].

Следующий метод: сценарное прогнозирование. В рамках этого метода проводится оценка рисков при

различных макроэкономических сценариях: кризис, санкции, падение цен на ресурсы [5].

Измерение региональной экономической безопасности Иркутской области на основе традиционных подходов

На основании существующих научных работ по Иркутской области была разработана и использована методика измерения экономической безопасности региона на основании собранных эмпирических данных по области и анализом выявленных проблем.

Методика была построена на основе направлений исследования и показателей, которые используют исследователи, ученые — экономисты, анализирующие Иркутскую область: производственно-экономические, финансовые, социальные (уровень жизни), инвестиционные, инновационные, ресурсно-экологические, демографические, миграционные.

В методике были использованы следующие показатели, используемые в статьях: темпы роста ВРП области, ВРП на душу населения, доля обрабатывающей промышленности, уровень безработицы, реальные доходы населения, доля дотаций в бюджете, уровень бюджетной обеспеченности, инвестиции в основной капитал, показатели инфляции, денежной массы, естественный прирост населения, миграционный баланс, показатели загрязнения, экологические расходы.

Примеры использования этих показателей можно найти в методиках соответствующих исследований. Для оценки состояния экономической безопасности Иркутской области в исследованиях используется набор ключевых индикаторов, по которым выявляются «узкие места» региона. Также при оценке финансовой безопасности Иркутской области рассматриваются денежно-инфляционные компоненты, которые, в соответствии с методикой, уже «не соответствуют пороговым значениям и демонстрируют отрицательную динамику». При мониторинге экономической безопасности Иркутской области также может классифицироваться регион по уровню развития и группам угроз. Так реализуется набор использованных направлений и показателей в методике расчета индекса.

При создании методики проводится нормирование и установка порогов. Для каждого показателя необходимо задать пороговое значение, которое считается «безопасным» или «допустимым». Размеры параметров: безработица $\leq 6-8\%$, доля дотаций к доходам бюджета $\leq 30\%$, темп роста ВРП \geq среднероссийского, инвестиции на душу населения \geq среднего по России порога, естественный прирост ≥ 0 или наблюдается слабый отток мигрантов, нормы по уровню загрязнения воздуха, воды.

Пороговые значения устанавливаются на основе федеральных методик Минэкономразвития и эмпирически, на основе среднероссийских и лучших региональных практик.

После этого фактические значения каждого показателя нормируются приведением к шкале 0–1 или 0–100 с учётом пороговых точек, и рассчитывается отклонение от «безопасного» уровня.

На следующем этапе проводится сведение в интегральный индекс. После нормирования показателей по блокам ими можно взвешенно агрегировать, с учётом важности блока в один интегральный индекс, характеризующий общий уровень экономической безопасности региона.

Использованная формула — формула 1:

$$I\mathcal{E}B = \sum w_i \cdot Z_i \quad (1)$$

где $I\mathcal{E}B$ — индекс региональной экономической безопасности;

w_i — вес;

Z_i — нормированный (стандартизованный) показатель.

На основе этого индекса региону может быть присвоена категория: «высокая безопасность», «удовлетворительная», «рисковая зона», «кризисная зона».

Применение индекса происходит на фоне следующих характеристик экономической безопасности региона Иркутской области.

При оценке финансовой безопасности Иркутской области, исследователи отмечают, что денежно-инфляционные компоненты региона демонстрируют отрицательную динамику и уже не соответствуют пороговым значениям — то есть финансовая безопасность региона ухудшается. При мониторинге экономической безопасности Иркутской области регион классифицируется как относящийся к группе с средним уровнем развития, т.е. не в числе лидеров, но и не отстающих тяжёлых. В докладе по социально-экономическому положению Иркутская область заняла 18-е место среди субъектов РФ по интегральному рейтингу с оценкой 58 баллов. В стратегии социально-экономического развития региона подчёркивается, что Иркутская область — один из лидеров Сибирского федерального округа по важнейшим макроэкономическим показателям (например, по ВРП).

В основу расчётов показателей индекса кладутся базовые статистические данные: ВРП, доходы населения, отрасли. В частности, они отражены в статистическом сборнике «Иркутская область в цифрах» и других источниках.

Таблица 1.

Показатели для моделирования расчета регионального индекса экономической безопасности

Показатель	Текущее значение показателя, закладываемое в расчеты	Нормируемое значение	Расчет норматива для показателя
Темп роста ВРП	2,50 %	3 %	$2,5/3 = 0,833$
Безработица	8 %	7 %	Проделывается расчет $(7 - 8)/7 = -0,143$, результат которого преобразуется в шкалу
Доля дотаций	35 %	30 %	$(30/35) = 0,857$
Инвестиции, руб./жителя	50 тыс. руб	60 тыс. руб	$50/60 = 0,833$
Естественный прирост населения	-1 %	0	считаем 0 (либо шкала)

Источник: расчеты автора.

При исследовании угроз экономической безопасности субъектов малого и среднего предпринимательства Иркутской области» выделяются конкретные риски для МСП региона — слабая институциональная поддержка, нестабильность внешних условий, нехватка финансовых ресурсов.

Таким образом, имеющиеся исследования дают основание при проведении анализа экономической безопасности Иркутской области выделить следующие слабые места региона: ухудшающаяся денежная и инфляционная ситуация (финансовая нестабильность), риск зависимости от внешних факторов — сбыт, цены на сырье, недостаточная диверсификация экономики — большая доля добывающей и сырьевой отраслей, социально-экономическое неравенство, риски миграции, экологические и ресурсные ограничения, с учетом экологической специфики региона.

Практическое использование индекса, моделирование расчета индекса на усреднённых данных

Для расчета используются 5 показателей и их критические значения: темп роста ВРП, лимитируемое значение $\geq 3\%$, безработица, лимитируемое значение $\leq 7\%$, доля дотаций в доходах бюджета, нормируемое значение $\leq 30\%$, инвестиции на душу населения, естественный прирост населения, значение ≥ 0 .

В расчеты закладываются следующие значения: — таблица 1.

Расчет индекса по Иркутской области проводится по показателям за 2023–2025 годы. Исходные данные — таблица 2.

Показатели, закладываемые в расчет и их нормативы приведены в таблице 3.

Таблица 2.

Показатель	Значение
ВРП (в текущих ценах)	2 539,38 млрд руб.
ВРП на душу населения	1 086,39 тыс. руб.
Темпы роста ВРП	прирост +8,17 %
Инвестиции в основной капитал	998,76 млрд руб. (прирост 9,73 %)
Уровень безработицы	3,00 %
Численность рабочей силы	1 138,0 тыс. человек
Сводный индекс промышленного производства	97 %
Прогноз ВРП	2 882,4 млрд руб.

Источник: расчеты автора.

Таблица 3.

Нормативы показателей для расчета

Показатель	Норматив
Темп роста ВРП	$\geq 4,0\%$
ВРП на душу населения	$\geq 1 200$ тыс. руб.
Инвестиции (средний ежегодный рост)	$\geq 6\%$
Уровень безработицы	$\leq 5,0\%$
Индекс промышленного производства	$\geq 100\%$
Прогноз роста ВРП	$\geq 3,0\%$

Источник: расчеты автора.

Нормирование проводится приведением показателей к шкале от 0 до 1.

При нормировании используется отношение фактического значения к нормируемому. При этом если фактическое значение показателя более нормированного, то принимается значение единицы.

В случае, когда меньшее значение свидетельствует о лучшем результате, для показателя безработицы, используется обратный алгоритм расчетов. В таблице 4 представлены результаты вычислений по описанному алгоритму.

Таблица 4.

Нормирование показателей по шкале от 0 до 1

Показатель	Значение	Нормированное значение для подстановки в формулу
Темп роста ВРП	8,17 %	1
ВРП на душу населения	1 086,39 тыс. руб	0,905
Рост инвестиций	9,73 %	1
Уровень безработицы	3,00 %	1
Индекс промышленного производства	97 %	0,97
Прогноз роста ВРП	2,80 %	0,933

Источник: расчеты автора.

При расчете индекса всем шести показателям придаются равные веса, w_i в формуле равен 0,1667. Тогда индекс региональной экономической безопасности Иркутской области равен

$$I = \sum w_i Z_i = 0,1667 \times (1 + 0,905 + 1 + 1 + 0,97 + 0,933) = 0,8013.$$

Это достаточно высокий уровень индекса региональной экономической безопасности в рамках выбранной модели. Иркутская область в целом демонстрирует сильные показатели. Проблемные моменты касаются показателей промышленности и ВРП на душу населения.

Интерпретация результатов практического применения построенного индекса такова. Иркутская область показывает хорошие темпы роста ВРП и инвестиционной активности, что повышает её экономическую устойчивость. Уровень безработицы низкий, что говорит о благоприятной ситуации на рынке труда в рамках данных модели. Индекс промышленного производства < 100 % указывает на спад или стагнацию в части промышленности, что является слабым местом. ВРП на душу населения — сильный, но всё же чуть ниже «порогового» ориентира, что говорит о потенциале роста. Прогноз роста ВРП (2,8 %) чуть ниже порогового в модели (3,0 %) — это указывает на умеренный потенциал.

Таким образом, хотя регион по модели получает достаточно высокий интегральный индекс, есть области, требующие внимания — промышленность, повышение эффективности, поддержание темпов роста и повышение качества жизни.

Графическая интерпретация нормирования баллов представлена на рисунке 1 — региональные экономические индикаторы Иркутской области в расширенном наборе.

Рис. 1. Региональные экономические индикаторы Иркутской области в расширенном наборе

Источник: разработки автора

Разработанный индекс характеризует состояние региональной экономической безопасности, но для учета специфических отраслевых влияний на него, требуется введение дополнительных параметров.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что интегральный индекс является эффективным инструментом комплексной оценки экономической безопасности региона. Разработанная методика позволила выявить сильные и слабые стороны социально-экономического развития Иркутской области. К числу положительных факторов относятся высокий темп роста ВРП, низкий уровень безработицы и рост инвестиционной активности. Вместе с тем сохраняются проблемы в промышленном производстве, уровне доходов населения и диверсификации экономики. Рассчитанный индекс (0,8013) указывает на высокий уровень региональной экономи-

ческой безопасности при необходимости принятия мер по укреплению финансовой устойчивости и инновационной активности.

Практическое применение методики обеспечивает возможность регулярного мониторинга, прогнозирования рисков и корректировки социально-экономической политики региона. Введение интегрального индекса в систему стратегического планирования способствует повышению прозрачности и обоснованности управленческих решений, а также формированию базы для сопоставления регионов по уровню безопасности и устойчивости. Таким образом, предложенный подход к измерению региональной экономической безопасности может быть использован в научных исследованиях и практике государственного управления, обеспечивая комплексную оценку состояния экономики и поддерживая устойчивое развитие территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самаруха В.И., Хитрова Е.М., Гуляева Л.В. Мониторинг экономической безопасности Иркутской области // Известия Иркутской государственной экономической академии (ныне — Известия Байкальского государственного университета). — 2003. — № 1(34). — С. 55–61. — Режим доступа: <https://izvestia.bgu.ru/classes/pdfDL.ashx?id=5399>. — Дата обращения: 25.09.2025.
2. Бородавко Л.С., Дьякова А.В. Оценка финансовой безопасности Иркутской области // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 11-2. — (страницы уточняются). — Режим доступа: <https://intjournal.ru/11-2-2023/> (полный выпуск); аннотация: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-finansovoy-bezopasnosti-irkutskoy-oblasti>. — Дата обращения: 25.09.2025.
3. Новикова И.В. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2010. — № 3. — С. 34–40.
4. Никитина И.А.; Борзунов А.А. Станкостроение в контексте обеспечения экономической безопасности российских предприятий // Ученые записки Международного банковского института. — 2025. — № 1 (51). — URL: <https://scinetwork.ru/articles/34624> (дата обращения: 06.10.2025).
5. Бородавко Л.С., Дьякова А.В. Угрозы экономической безопасности субъектов малого и среднего предпринимательства Иркутской области // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 6. — С. ??–???. — Режим доступа: <https://grr-bgu.ru/reader/article.aspx?id=26547>. — Дата обращения: 26.09.2025.
6. Бажанова М.И. Современный подход к оценке уровня экономической безопасности региона // Экономика и предпринимательство. — 2024. — № 6(159). — С. 215–223.
7. Хадисов М.Р.Б. Интегральная оценка уровня экономической безопасности региона при сравнительном анализе // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 12. — С. 55–66.
8. Митяков С.Н., Митяков Е.С., Романова Н.А. Система индикаторов экономической безопасности // Экономика региона. — 2021. — Т. 17, № 4. — С. 1054–1070.
9. Пыхов П.А. Экономическая безопасность России и её регионов: подходы к диагностике и авторская методика // Экономика. Налоги. Право. — 2024. — Т. 17, № 2. — С. 87–101.
10. Безденежных Т.И., Шарафанова Е.Е., Печерица Е.В. Экономическая безопасность в научных исследованиях современных зарубежных авторов // Технико-технологические проблемы сервиса. — 2021. — № 3(57). — С. 69–74. — EDN: GCEYVA.
11. Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и её регионов // Экономика и управление. — 2014. — № 6(104). — С. 45–52.
12. Борзых Л.А. Метод оценки индикаторов экономической безопасности России в социальной сфере // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 31. — С. 23–32.
13. Голованова Л.А. Методический подход к оценке финансовой безопасности региона // Финансы и кредит. — 2021. — Т. 27, № 9(789). — С. 2127–2143.
14. Круглова И.А. Исследование индикаторов экономической безопасности социальной сферы региона / И.А. Круглова, Л.А. Борзых // Ученые записки Международного банковского института. — 2017. — № 21. — С. 85–99.
15. Затевахина А.В. Мезоуровень: экономическая безопасность и устойчивое развитие социально-экономических систем // Экономика и предпринимательство. 2021. № 7 (132). С. 553–560.

ИННОВАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЯХ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОМАТИЗАЦИЯ

INNOVATIONS IN INTERNATIONAL MARKETING STRATEGIES: ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND AUTOMATION

I. Grigiryants
T. Tarasova
I. Koryagina

Summary. The purpose of the study is to analyze the transformational impact of artificial intelligence and automation on international marketing strategies in the digital economy. The results of the study indicate the formation of a new paradigm of international marketing, characterized by the transition to hyperpersonalization, predictive analytics and automated cross-cultural communications. The author concludes that modern artificial intelligence technologies are fundamentally changing the competitive landscape of international marketing, creating new opportunities for value creation and requiring a revision of traditional business models. The scientific novelty of the research consists in a comprehensive consideration of artificial intelligence and automation as systemic factors that transform not only the toolkit, but also the strategic foundations of international marketing. Unlike existing work, which often focuses on the technical aspects of implementation, the present study offers an integrated approach linking technological capabilities with competitive advantages in global markets. The main result of the novelty is the development of a multi-level M-CARDS scheme, which is a structured methodology for the step-by-step transformation of international marketing under the influence of artificial intelligence technologies. The practical significance of the study is determined by the possibility of applying the proposed scheme to increase the effectiveness of marketing operations in global markets.

Keywords: international marketing, artificial intelligence, automation, digital transformation, marketing, marketing strategy.

Введение

Актуальность исследования обусловлена стремительной трансформацией международной маркетинговой среды под влиянием технологий искусственного интеллекта и автоматизации. Глобализация цифровых экосистем, увеличение объема данных

Григорьянц Игорь Александрович
к.э.н., доцент,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева
market@ofernio.su

Тарасова Татьяна Михайловна
кандидат экономических наук, доцент, Приволжский
государственный университет путей сообщения
Tarasova2004@inbox.ru

Корягина Инга Анатольевна
к.и.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова
2001inga@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ трансформационного воздействия искусственного интеллекта и автоматизации на международные маркетинговые стратегии в условиях цифровой экономики. Результаты исследования свидетельствуют о формировании новой парадигмы международного маркетинга, характеризующейся переходом к гиперперсонализации, прогнозной аналитике и автоматизированным кросс-культурным коммуникациям. Автор приходит к выводу, что современные технологии искусственного интеллекта кардинально меняют конкурентный ландшафт международного маркетинга, создавая новые возможности для создания ценности и требуя пересмотра традиционных бизнес-моделей. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении искусственного интеллекта и автоматизации как системных факторов, трансформирующих не только инструментарий, но и стратегические основы международного маркетинга. В отличие от существующих работ, часто фокусирующихся на технических аспектах внедрения, настоящее исследование предлагает интегральный подход, связывающий технологические возможности с конкурентными преимуществами на глобальных рынках. Основным результатом, составляющим новизну, является разработка многоуровневой схемы M-CARDS, представляющей собой структурированную методологию поэтапной трансформации международного маркетинга под влиянием технологий искусственного интеллекта. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения предложенной схемы для повышения эффективности маркетинговых операций на глобальных рынках.

Ключевые слова: международный маркетинг, искусственный интеллект, автоматизация, цифровая трансформация, маркетинг, маркетинговая стратегия.

о потребительском поведении и необходимость оперативного принятия решений на множественных рынках создают беспрецедентные вызовы для традиционных подходов к международному маркетингу. Технологии искусственного интеллекта, включая машинное обучение, обработку естественного языка и компьютерное зрение, открывают новые возможности для преодоления

барьеров межкультурной коммуникации, оптимизации маркетинговых бюджетов и создания персонализированного потребительского опыта в глобальном масштабе. В условиях, когда скорость адаптации становится критическим фактором конкурентоспособности, международные компании сталкиваются с необходимостью фундаментального пересмотра своих маркетинговых парадигм и операционных моделей. Цель статьи заключается в выявлении направлений и механизмов влияния искусственного интеллекта и автоматизации на формирование и реализацию международных маркетинговых стратегий, а также в разработке практического инструментария для управления данной трансформацией.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс взаимодополняющих методов, позволяющих обеспечить всесторонний анализ заявленной проблематики. Системный подход позволил рассмотреть международный маркетинг как сложную адаптивную систему, трансформирующуюся под воздействием технологических инноваций. Также применялись контент-анализ научной литературы. Материалы исследования представлены научные публикации российских и зарубежных авторов в области международного маркетинга, искусственного интеллекта и цифровой трансформации.

Результаты и обсуждения

Анализ современных практик международного маркетинга выявил формирование нескольких направлений трансформации под влиянием искусственного интеллекта. Наиболее значимым изменением становится переход от сегментного подхода к гиперперсонализации в глобальном масштабе. Технологии машинного обучения позволяют анализировать поведенческие паттерны миллионов потребителей в разных странах, выявляя неочевидные закономерности и создавая уникальные ценностные предложения для каждого клиента [3, 4]. Международные компании, такие как Netflix и Amazon, демонстрируют, что AI-алгоритмы способны не только адаптировать контент под языковые и культурные особенности, но и предсказывать возникновение новых потребительских трендов на конкретных национальных рынках за несколько месяцев до их массового проявления. По данным McKinsey, 35 % покупок пользователей на Amazon и 75 % просмотренных фильмов и сериалов на Netflix основаны на предиктивном анализе [6]. Это кардинально меняет парадигму международного маркетинга — от реагирования на сложившийся спрос к его активному формированию и опережающему удовлетворению.

Вторым значимым направлением является автоматизация кросс-культурных коммуникаций. Современ-

ные системы на основе обработки естественного языка (NLP) способны не только переводить маркетинговые материалы, но и адаптировать их к культурным кодам, социальным нормам и эмоциональным особенностям восприятия в разных странах. Это позволяет существенно снизить риски межкультурных ошибок и повысить эффективность коммуникационных кампаний. Автоматизированные системы управления мультиканальным маркетингом координируют взаимодействие с потребителями через социальные сети, мессенджеры, email и другие каналы, обеспечивая содержательность коммуникаций при сохранении культурной релевантности для каждого канала и региона [1]. При этом важно отметить, что полностью автоматизировать межкультурные коммуникации невозможно — человеческий контроль остается необходимым для решения сложных этических и культурных дилемм [7].

Третье направление связано с прогнозной аналитикой и оптимизацией маркетинговых ресурсов. Искусственный интеллект трансформирует процесс стратегического планирования в международном маркетинге, предоставляя инструменты для моделирования различных сценариев развития рынков, оценки эффективности маркетинговых активностей и оптимизации распределения бюджетов между странами и каналами. Алгоритмы предиктивной аналитики способны выявлять скрытые зависимости между маркетинговыми активностями и бизнес-результатами в различных культурных контекстах, что позволяет принимать более обоснованные решения о выходе на новые рынки, позиционировании бренда и разработке продуктовых стратегий. Автоматизация A/B-тестирования маркетинговых гипотез на разных рынках ускоряет процесс обучения и адаптации, создавая основу для agile-подхода в международном маркетинге [8, 9].

Четвертое направление касается трансформации цепочек создания ценности в международном маркетинге. Искусственный интеллект создает возможности для автоматизации не только рутинных операционных процессов, но и таких сложных задач, как динамическое ценообразование с учетом множества факторов на разных рынках, управление глобальными цепочками поставок и складскими запасами, прогнозирование спроса с учетом региональных особенностей. Это приводит к формированию принципиально новых бизнес-моделей в международном маркетинге, когда компании могут предлагать персонализированные продукты и услуги глобальной аудитории с минимальными предельными издержками [5, 8].

Однако внедрение искусственного интеллекта в международные маркетинговые стратегии сопряжено со значительными вызовами. К ним относятся проблемы качества данных в разных странах, риски алгоритмиче-

Рис. 1. Предлагаемый многоуровневый алгоритм внедрения AI-driven маркетинга для международных компаний

ских ошибок при межкультурных коммуникациях, необходимость преодоления организационного сопротивления, этические дилеммы, связанные с использованием персональных данных, и регуляторные ограничения в различных юрисдикциях [2, 5, 7]. Успешное внедрение требует сбалансированного подхода, учитывающего как технологические возможности, так и культурно-специфические особенности целевых рынков.

На основе проведенного анализа в рамках данного исследования разработан многоуровневый алгоритм внедрения AI-driven маркетинга для международных компаний (рис. 1).

Данная схема представляет собой последовательный алгоритм трансформации, состоящий из пяти взаимосвязанных этапов.

Первый этап — измерение — предполагает комплексную диагностику текущего уровня цифровой зрелости международного маркетинга компании. На этом этапе проводится аудит существующих данных о потребителях в разных странах, оценивается качество и релевантность данных для обучения AI-моделей, анализируется текущая эффективность маркетинговых активностей на глобальных рынках. Результатом данного этапа является создание системы метрик, позволяющих объективно оценивать воздействие внедрения искусственного интеллекта на международные маркетинговые стратегии.

Второй этап — контентный интеллект — фокусируется на трансформации процессов создания и адаптации маркетингового контента для разных рынков. Внедряются AI-инструменты для автоматизированной генерации и локализации контента, обеспечивающие его культурное соответствие. Разрабатываются системы семантического анализа, позволяющие выявлять актуальные темы и тренды для каждого целевого рынка. Создаются алгоритмы для автоматической оптимизации контента под различные цифровые каналы и форматы с учетом региональных предпочтений.

Третий этап — автоматизация и персонализация — предполагает внедрение AI-решений для автоматизации кросс-канальных коммуникаций и обеспечения гиперперсонализации взаимодействия с потребителями в глобальном масштабе. Разрабатываются и внедряются

системы предиктивной аналитики для прогнозирования потребительского поведения, создаются алгоритмы для динамического ценообразования и персонализированных предложений, автоматизируются процессы управления мультиканальными маркетинговыми кампаниями.

Четвертый этап — масштабирование взаимоотношений — направлен на использование искусственного интеллекта для углубления и масштабирования взаимоотношений с потребителями на международных рынках. Внедряются AI-инструменты для анализа эмоциональных реакций и степени удовлетворенности клиентов, создаются системы проактивного сервиса и поддержки, разрабатываются алгоритмы для идентификации и удержания наиболее ценных клиентов в разных странах.

Пятый этап — стратегическая интеграция — завершает цикл трансформации, интегрируя AI-возможности в стратегическое планирование международного маркетинга. Создаются системы сценарного планирования и прогнозирования развития рынков, внедряются AI-инструменты для оптимизации распределения маркетинговых бюджетов между странами и регионами, формируются организационные структуры и компетенции для управления AI-драйвен международным маркетингом.

Разработанный алгоритм предоставляет международным компаниям структурированный подход к цифровой трансформации маркетинга, позволяющий последовательно наращивать технологические возможности и интегрировать их в стратегическое управление.

Дальнейшее развитие международного маркетинга будет неразрывно связано с углублением интеграции искусственного интеллекта во все аспекты маркетинговой деятельности.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд основополагающих выводов относительно трансформации международных маркетинговых стратегий под влиянием искусственного интеллекта и автоматизации. Во-первых, технологии искусственного интеллекта кардинально меняют конкурентный ландшафт международного маркетинга, создавая новые возможности для создания ценности и требуя пересмотра традиционных бизнес-моделей. Во-вторых, преимуществами внедре-

ния AI в международном маркетинге являются возможность обеспечения гиперперсонализации в глобальном масштабе, повышение скорости и точности принятия решений, а также существенное снижение операционных издержек. В-третьих, успешная интеграция искусственного интеллекта в международные маркетинговые стратегии требует комплексного подхода, учитывающего не только технологические аспекты, но и культурные особенности целевых рынков, регуляторные требования и организационные возможности компаний. Критически важным становится обеспечение качества дан-

ных, преодоление сопротивления персонала и решение этических дилемм, связанных с использованием AI. В качестве практического инструмента управления данной трансформацией разработана авторская многоуровневая схема, представляющая собой последовательный алгоритм внедрения искусственного интеллекта в международный маркетинг. Предложенная схема позволяет компаниям системно подходить к цифровой трансформации, минимизируя риски и максимизируя отдачу от инвестиций в AI-технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина, Л.А. Особенности кросс-культурного маркетинга в международном предпринимательстве / Л.А. Баландина, Н.М. Малюгина, Р.И. Полякова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2025. — № 4-1. — С. 25–29. — DOI 10.17513/vaael.4070.
2. Газиева, Л.Р. Международный маркетинг: современные тенденции и факторы внешней среды, связанные с кросс-культурными различиями / Л.Р. Газиева // ФГУ Science. — 2024. — № 4(36). — С. 33–38. — DOI 10.36684/37-2024-36-4-33-38.
3. Гиперперсонализация: новый стандарт маркетинга и клиентского сервиса // PW agency. — URL: https://pw.agency/blog_new/internet-reklama/giperpersonalizatsiya-novyy-standart-marketinga-i-klientskogo-servisa/ (дата обращения: 20.10.2025).
4. Понякина, М.Б., Карпова С.В. Гиперперсонализация на основе искусственного интеллекта // Практический маркетинг. — 2025. — №5 (335). — С. 20–23.
5. Рябова, О.В. Персонализация продукции и маркетинга на основе ИИ: анализ успешных кейсов и разработка рекомендаций для стратегического планирования / О.В. Рябова, К.Д. Николаева, Д.А. Малышина // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. — 2025. — № 1. — С. 207–213. — DOI 10.56584/1560-8816-2025-1-207-213.
6. Смирнов, С. Искусственный интеллект трансформирует entertainment // Tbank. — URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/kak-ii-menyaet-industriyu-razvlechenij/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F&internal_source=copyPaste (дата обращения: 20.10.2025).
7. Штурмин, С.М. Искусственный интеллект и межкультурная коммуникация: новые возможности, вызовы, риски / С.М. Штурмин. // Молодой ученый. — 2024. — № 32 (531). — С. 26–29.
8. Davenport, T. H., Guha A., Grewal D., & Bressgott T. How artificial intelligence will change the future of marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. — 2019. — №51(1). — pp. 35–48.
9. Kumar, V., Rajan B., Venkatesan R., Lecinski J. Understanding the role of artificial intelligence in personalized engagement marketing // California Management Review. — 2019. — № 61(4). DOI:10.1177/0008125619859317.
10. Verhoef, P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. — 2021. — № 122 (4). — pp. 889–901. DOI:10.1016/j.jbusres.2019.09.022.

© Григорьянц Игорь Александрович (market@ofernio.su); Тарасова Татьяна Михайловна (Tarasova2004@inbox.ru);

Корягина Инга Анатольевна (2001inga@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ (CBDC) КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТНЫХ СИСТЕМ

CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCIES (CBDC) AS A FACTOR IN ENHANCING THE STABILITY OF NATIONAL MONETARY SYSTEMS

M. Dadalyan

Summary. The article examines the potential of central bank digital currencies to enhance the stability of national monetary systems in the context of global financial architecture transformation. The mechanisms of CBDC's influence on currency risk reduction, financial stability provision, and decreasing dependence on dominant reserve currencies are analyzed. Based on the study of pilot projects of digital yuan, digital ruble, digital euro and other national CBDCs, key advantages and challenges of central bank digital currencies implementation are identified. The research results show that CBDCs create new opportunities for strengthening currency sovereignty, optimizing cross-border settlements, and improving monetary policy effectiveness.

Keywords: central bank digital currencies, CBDC, monetary system, financial stability, currency risks, digital ruble, cross-border settlements, currency sovereignty.

Дадалян Меружан Мишаевич
аспирант, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития
Российской Федерации
dadalyan@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется потенциал цифровых валют центральных банков в повышении устойчивости национальных валютных систем в условиях трансформации глобальной финансовой архитектуры. Анализируются механизмы влияния CBDC на снижение валютных рисков, обеспечение финансовой стабильности и уменьшение зависимости от доминирующих резервных валют. На основе изучения пилотных проектов цифрового юаня, цифрового рубля, цифрового евро и других национальных CBDC выявляются ключевые преимущества и вызовы внедрения цифровых валют центральных банков. Результаты исследования показывают, что CBDC создают новые возможности для укрепления валютного суверенитета, оптимизации трансграничных расчетов и повышения эффективности денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: цифровые валюты центральных банков, CBDC, валютная система, финансовая стабильность, валютные риски, цифровой рубль, трансграничные расчеты, валютный суверенитет.

Современная мировая валютная система переживает период фундаментальных трансформаций, обусловленных цифровизацией финансовых отношений, изменением геополитического ландшафта и возрастающей потребностью в более устойчивых и эффективных механизмах денежного обращения. В этом контексте цифровые валюты центральных банков выступают инновационным инструментом, способным существенно повысить устойчивость национальных валютных систем и создать основу для более сбалансированной международной финансовой архитектуры. По данным Банка международных расчетов, к концу 2024 года более 130 стран, представляющих 98 процентов мирового ВВП, находятся на различных стадиях исследования или внедрения CBDC [11]. Эта беспрецедентная активность центральных банков свидетельствует о признании стратегической важности цифровых валют для будущего глобальной финансовой системы.

Тхалиджоков А.С. определяет цифровые валюты центрального банка как цифровую форму фиатных денег,

эмитируемую и регулируемую центральным банком государства, которая представляет собой его прямое обязательство и обладает статусом законного платежного средства [8; с. 107]. В отличие от криптовалют, CBDC характеризуются централизованным управлением, государственными гарантиями и интеграцией в существующую финансовую систему. Санникова Л.В. подчеркивает, что правовая природа CBDC принципиально отличается от частных цифровых активов, поскольку цифровая валюта центрального банка является полноценной формой денег, а не суррогатом или финансовым инструментом [5; с. 29]. Это фундаментальное различие определяет потенциал CBDC в обеспечении валютной стабильности и укреплении доверия к национальной денежной единице.

Валютные риски представляют собой одну из ключевых угроз для экономической безопасности государств, особенно в условиях высокой волатильности международных финансовых рынков и геополитической нестабильности. Традиционные механизмы управления валютными рисками, включая валютные интервенции

и накопление международных резервов, требуют значительных финансовых ресурсов и не всегда обеспечивают желаемый эффект в условиях спекулятивных атак или структурных дисбалансов. CBDC открывают новые возможности для снижения валютных рисков через несколько взаимосвязанных механизмов, которые качественно отличаются от традиционных инструментов валютной политики.

Первый механизм связан с расширением инструментария денежно-кредитной политики и повышением ее эффективности. Варфоломеева В.А. и Иванова Н.А. отмечают, что в цифровую эпоху традиционные каналы трансмиссии денежно-кредитной политики трансформируются, и CBDC могут обеспечить более прямую и оперативную связь между решениями центрального банка и поведением экономических агентов [2; с. 93]. Цифровая валюта центрального банка позволяет реализовывать более точную настройку параметров монетарной политики, включая возможность применения дифференцированных процентных ставок, программируемых условий использования и таргетированных мер стимулирования. Это повышает способность центрального банка противодействовать валютным шокам и поддерживать стабильность обменного курса национальной валюты без необходимости масштабных валютных интервенций.

Второй механизм заключается в снижении зависимости от корреспондентских банковских сетей и платежных систем, контролируемых странами-эмитентами доминирующих резервных валют. Современная архитектура международных расчетов характеризуется высокой концентрацией и зависимостью от ограниченного числа платежных систем, что создает риски финансовой изоляции и ограничения доступа к глобальным финансовым ресурсам. Коршунов А.В. справедливо указывает, что процессы девалютизации национальных экономик тесно связаны с необходимостью снижения валютных рисков и зависимости от иностранных валют в расчетах [4; с. 156]. CBDC создают техническую основу для развития альтернативных платежных инфраструктур, основанных на прямом взаимодействии между центральными банками различных стран без посредничества коммерческих банков и международных платежных систем.

Третий механизм связан с повышением прозрачности и контролируемости финансовых потоков. CBDC на базе технологии распределенных реестров или централизованных цифровых платформ обеспечивают возможность отслеживания транзакций в режиме реального времени, что позволяет центральным банкам более эффективно выявлять и предотвращать спекулятивные операции, отмывание денег и другие действия, дестабилизирующие валютный рынок. Тхалиджоков А.С. подчеркивает, что влияние цифровых валют центральных

банков на финансовые рынки и институты проявляется через трансформацию механизмов обеспечения финансовой стабильности и снижение системных рисков [9; с. 169]. Возможность программирования условий использования CBDC позволяет внедрять автоматические механизмы предотвращения чрезмерной волатильности и ограничения спекулятивной активности.

Анализ пилотных проектов CBDC в различных странах демонстрирует разнообразие подходов к реализации цифровых валют центральных банков и их потенциальное влияние на устойчивость валютных систем. Китайский проект цифрового юаня, запущенный в 2020 году, представляет наиболее масштабный и продвинутый опыт внедрения CBDC. К началу 2025 года цифровой юань используется более чем в 260 городах Китая, объем транзакций превысил 1,8 триллиона юаней, а количество личных кошельков достигло 260 миллионов [12]. Китайский подход характеризуется двухуровневой архитектурой, при которой Народный банк Китая эмитирует цифровую валюту, а коммерческие банки и платежные операторы обеспечивают ее распространение среди пользователей. Стратегическая цель проекта выходит за рамки модернизации внутренней платежной системы и включает создание инфраструктуры для международного использования юаня в обход традиционной долларовой системы расчетов.

Европейский центральный банк в 2021 году запустил фазу исследования цифрового евро, которая должна завершиться к концу 2025 года принятием решения о запуске фазы подготовки. Джохадзе Е.Д. и Синельникова-Мурылева Е.В. анализируют уроки международного опыта реализации проектов розничных цифровых валют и отмечают, что европейский подход делает акцент на защите приватности пользователей и интеграции с существующей финансовой инфраструктурой [3; с. 5]. Цифровой евро разрабатывается как дополнение к наличным деньгам, а не их замена, с целью обеспечения европейским гражданам доступа к надежному и эффективному цифровому платежному средству в условиях снижения использования наличных и доминирования иностранных платежных систем на европейском рынке.

Россия реализует проект цифрового рубля с 2021 года, перейдя в 2023 году к фазе пилотного тестирования с участием реальных клиентов и бизнеса. Шайдуллин А.И., Воронюк А.А. и Комаров М.М. выделяют несколько ключевых перспектив внедрения цифрового рубля, включая снижение стоимости и ускорение расчетов, повышение финансовой доступности, создание новых возможностей для реализации государственных программ и укрепление технологического суверенитета в сфере платежных систем [10; с. 8]. Андрианова Н.Г. подчеркивает, что финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты централь-

ногого банка определяют его статус как третьей формы денег наряду с наличными и безналичными средствами, что требует специального правового регулирования [1; с. 27]. Сидоренко Э.Л. отмечает, что российская модель правового регулирования CBDC характеризуется комплексным подходом, охватывающим гражданско-правовые, финансово-правовые и административно-правовые аспекты [7; с. 254].

Особый интерес представляет опыт небольших развитых стран, уже запустивших полнофункциональные CBDC. Багамские острова в 2020 году первыми в мире запустили Sand Dollar, а Восточно-Карибский центральный банк внедрил DCash в 2021 году. Нигерия в 2021 году запустила eNaira для африканского континента. Севостьянова С.А. анализирует особенности внедрения цифровой валюты центрального банка Сингапура и проводит сравнение с цифровым рублем, выделяя сингапурскую модель фокуса на оптовых CBDC для межбанковских расчетов как альтернативный подход [6; с. 127]. Проект Ubin в Сингапуре демонстрирует потенциал CBDC для трансформации инфраструктуры финансовых рынков и повышения эффективности расчетов по ценным бумагам. Таблица демонстрирует сравнительную характеристику основных пилотных проектов CBDC.

Представленные данные демонстрируют, что различные страны выбирают разные архитектурные решения и приоритеты в зависимости от специфики национальной финансовой системы, уровня экономического развития и стратегических целей. Крупные экономики фокусируются на создании комплексных систем, способных обеспечить как внутренние, так и международные расчеты, в то время как малые страны концентрируются на решении конкретных проблем доступности финансовых услуг и модернизации платежной инфраструктуры.

Потенциал CBDC в обеспечении финансовой стабильности реализуется через несколько каналов воздействия на финансовую систему. Первый канал связан

с укреплением механизмов денежно-кредитной трансмиссии и расширением инструментария центральных банков для реагирования на финансовые шоки. Цифровая валюта центрального банка позволяет более оперативно и точно воздействовать на денежное предложение и кредитные условия, что критически важно в периоды кризисов. Возможность программирования CBDC открывает перспективы для реализации таргетированных мер поддержки отдельных секторов экономики или социальных групп без необходимости воздействия сложных административных механизмов распределения.

Второй канал заключается в снижении рисков банковских паник и массового изъятия депозитов. Наличие стабильной цифровой валюты центрального банка как безрисковой альтернативы банковским депозитам может как снижать, так и повышать системные риски в зависимости от дизайна CBDC. При правильной настройке параметров, включая лимиты на хранение CBDC и дифференцированное вознаграждение, цифровая валюта может служить механизмом стабилизации финансовой системы, обеспечивая гражданам доступ к надежному платежному инструменту без создания избыточного давления на банковскую систему.

Третий канал связан с повышением устойчивости платежной инфраструктуры к технологическим сбоям и кибератакам. Распределенная архитектура CBDC или резервированные централизованные системы обеспечивают более высокую степень надежности по сравнению с традиционными платежными системами, зависящими от ограниченного числа критически важных узлов. Это особенно актуально в условиях возрастающих киберугроз и попыток использования контроля над платежной инфраструктурой в geopolитических целях.

Вопрос снижения зависимости от доминирующих резервных валют представляет особую значимость для развивающихся стран и государств, сталкивающихся

Таблица 1.

Сравнительная характеристика пилотных проектов CBDC в 2024–2025 гг.

Страна	Название проекта	Стадия реализации	Архитектура	Тип CBDC	Ключевые цели
Китай	e-CNY (цифровой юань)	Масштабное пилотирование	Двухуровневая	Розничная	Интернационализация юаня, финансовая инклюзия
ЕС	Цифровой евро	Фаза исследования	Гибридная	Розничная	Цифровой суверенитет, дополнение наличных
Россия	Цифровой рубль	Пилотное тестирование	Трехформенная модель	Универсальная	Снижение издержек, финансовая доступность
Сингапур	Project Ubin	Прототипирование	Распределенная	Оптовая	Модернизация межбанковских расчетов
Багамы	Sand Dollar	Полный запуск	Двухуровневая	Розничная	Финансовая инклюзия островных территорий

Источник: составлено автором на основе данных [11; 12; 14]

с санкционным давлением. Современная международная валютная система характеризуется асимметричным распределением выгод, при котором страны-эмитенты ключевых резервных валют получают значительные преимущества в виде возможности финансирования дефицитов за счет внешних источников и влияния на глобальные финансовые потоки. CBDC создают технологическую основу для формирования альтернативных систем международных расчетов, основанных на прямом обмене национальными цифровыми валютами без необходимости конвертации через доминирующие резервные валюты.

Банк международных расчетов координирует несколько многосторонних проектов по созданию инфраструктуры для трансграничных расчетов с использованием CBDC. Проект mBridge, объединяющий центральные банки Китая, Гонконга, Таиланда, ОАЭ и Саудовской Аравии, демонстрирует возможность создания многосторонней платформы для международных расчетов с использованием цифровых валют центральных банков на базе технологии распределенных реестров [11]. К концу 2024 года на платформе mBridge было проведено более 160 пилотных транзакций на общую сумму свыше 22 миллиардов долларов, что подтверждает техническую осуществимость и экономическую целесообразность подхода. Средняя скорость расчетов

составила менее 15 секунд при стоимости транзакции на 50 процентов ниже традиционных корреспондентских каналов.

Европейский центральный банк совместно с центральными банками Норвегии, Швеции и Израиля реализует проект Project Jura, направленный на тестирование трансграничных расчетов между оптовыми CBDC различных юрисдикций. Эти инициативы демонстрируют движение к формированию новой архитектуры международных расчетов, в которой CBDC различных стран могут напрямую взаимодействовать без посредничества традиционных корреспондентских сетей. Такая трансформация потенциально способна снизить транзакционные издержки, ускорить расчеты и уменьшить зависимость от доминирующих резервных валют и контролируемой ими платежной инфраструктуры.

Рисунок иллюстрирует механизмы влияния CBDC на устойчивость национальных валютных систем.

Представленная схема демонстрирует комплексный характер влияния CBDC на устойчивость валютных систем через множественные механизмы и эффекты, которые в совокупности создают более надежную и независимую финансовую инфраструктуру. Важно отметить, что реализация этого потенциала требует тщательной

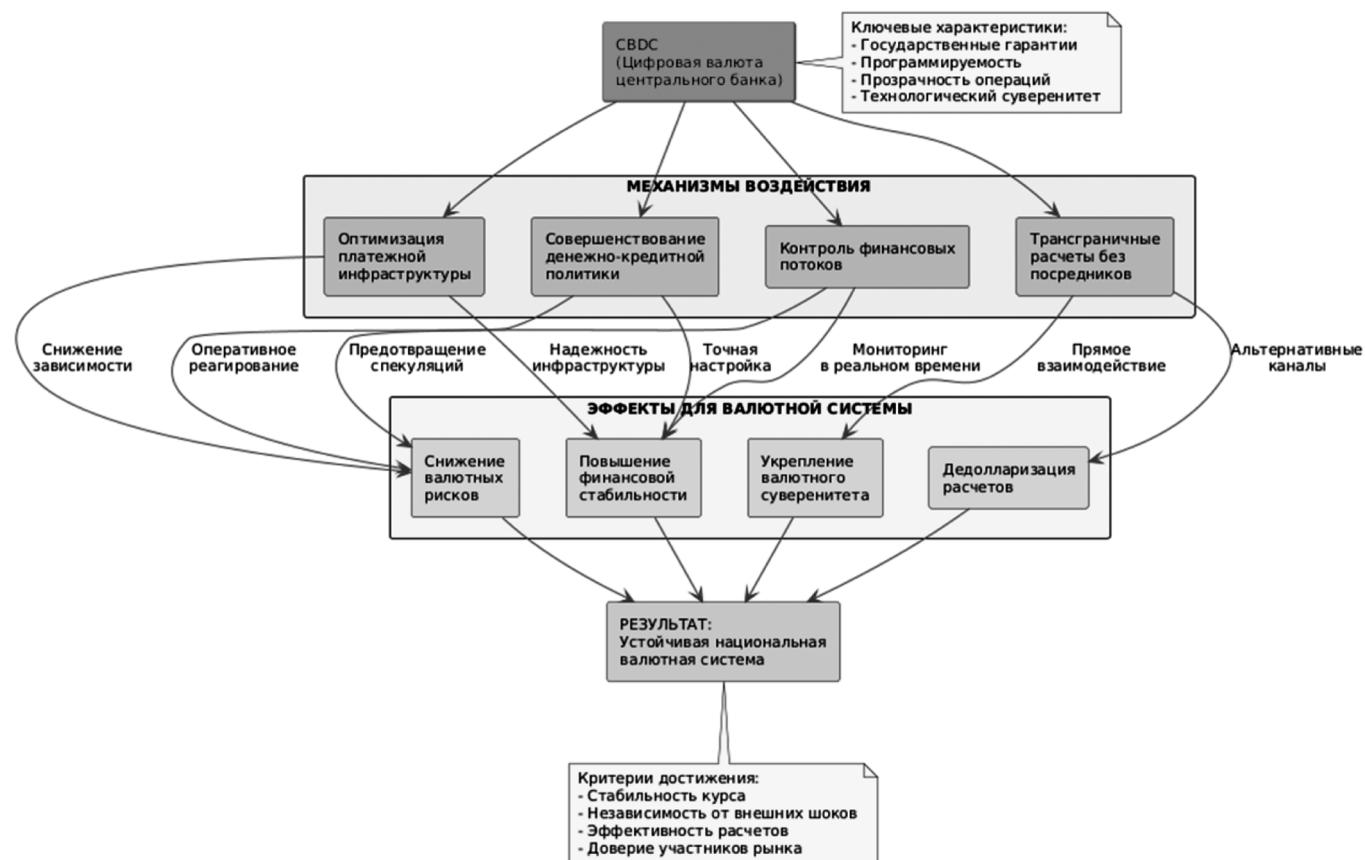

Рис. 1. Механизмы влияния CBDC на устойчивость национальных валютных систем

проработки технологических, правовых и институциональных аспектов внедрения цифровых валют центральных банков.

Вместе с тем, внедрение CBDC сопряжено с существенными вызовами и рисками, которые требуют внимательного анализа и управления. Первый комплекс рисков связан с потенциальным воздействием на банковскую систему и кредитное предложение. Массовый переток средств из банковских депозитов в CBDC может привести к сокращению ресурсной базы коммерческих банков и снижению их способности кредитовать реальный сектор экономики. Этот эффект дезинтермедиации требует разработки специальных механизмов ограничения, включая лимиты на хранение CBDC, дифференцированное вознаграждение и установление комиссий за конвертацию.

Второй комплекс вызовов касается технологических рисков и кибербезопасности. Централизованная или распределенная инфраструктура CBDC становится критически важным элементом национальной финансовой системы, что делает ее привлекательной целью для кибератак. Необходимость обеспечения бесперебойного функционирования системы при одновременной защите от несанкционированного доступа и сохранении определенного уровня приватности пользователей создает сложные технологические и управленческие задачи. Сбои в работе CBDC могут иметь системные последствия для экономики, что требует создания резервных механизмов и процедур восстановления.

Третий комплекс проблем связан с вопросами приватности и государственного контроля. Цифровая природа CBDC потенциально позволяет центральному банку и государственным органам отслеживать все транзакции граждан и бизнеса, что вызывает обоснованные опасения относительно финансовой приватности и возможности злоупотреблений. Необходимость балансирования между требованиями противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, с одной стороны, и защитой конституционных прав граждан на приватность, с другой стороны, представляет сложную задачу институционального дизайна CBDC. Данные страны предлагают различные решения этой проблемы, от полной анонимности небольших транзакций до градуированного подхода с различными уровнями идентификации в зависимости от суммы операции.

Четвертый комплекс вызовов касается международной координации и стандартизации. Для реализации потенциала CBDC в трансграничных расчетах необходимо обеспечить совместимость различных национальных систем, что требует согласования технических стандартов, правовых рамок и процедур взаимодействия. Отсутствие международного консенсуса по ключевым

параметрам CBDC может привести к фрагментации и созданию несовместимых национальных систем, что ограничит возможности использования цифровых валют центральных банков в международных расчетах. Банк международных расчетов активно работает над формированием общих принципов и стандартов для CBDC, однако процесс международной координации осложняется различиями в правовых системах, уровнях технологического развития и стратегических интересах различных стран [13].

Перспективы развития CBDC и их влияние на устойчивость национальных валютных систем будут определяться несколькими ключевыми факторами. Первый фактор связан с темпами технологического развития и появлением новых решений в области распределенных реестров, криптографии и цифровой идентификации. Совершенствование технологических платформ позволит создавать более эффективные, безопасные и масштабируемые системы CBDC, способные обрабатывать большие объемы транзакций при минимальных издержках.

Второй фактор касается эволюции регуляторных подходов и формирования международных стандартов. Успешный опыт пилотных проектов и первых полномасштабных внедрений CBDC будет способствовать выработке лучших практик и формированию консенсуса относительно оптимальных параметров дизайна цифровых валют центральных банков. Международные финансовые институты, включая МВФ, БМР и группу Всемирного банка, играют ключевую роль в координации усилий различных стран и распространении накопленного опыта.

Третий фактор связан с geopolитической динамикой и изменением баланса сил в глобальной экономике. Стремление крупных развивающихся экономик к снижению зависимости от доминирующих резервных валют создает стимулы для ускоренного развития альтернативных механизмов международных расчетов на базе CBDC. Формирование региональных блоков и союзов, разрабатывающих общие подходы к цифровым валютам и трансграничным расчетам, может ускорить трансформацию международной валютной системы в направлении большей многополярности и снижения асимметрий.

Четвертый фактор касается взаимодействия CBDC с частными цифровыми активами и стейблкоинами. Развитие экосистемы цифровых валют, включающей как государственные, так и частные инструменты, потребует выработки механизмов существования и взаимодействия различных форм цифровых денег. CBDC могут служить якорем стабильности в этой экосистеме, обеспечивая надежную основу для развития инновационных финансовых сервисов при сохранении контроля

центральных банков над ключевыми параметрами денежного обращения.

Таким образом, цифровые валюты центральных банков представляют собой инновационный инструмент повышения устойчивости национальных валютных систем через множественные механизмы воздействия на различные аспекты функционирования финансовой системы. Потенциал CBDC в снижении валютных рисков реализуется через расширение инструментария денежно-кредитной политики, снижение зависимости от внешних платежных инфраструктур и повышение прозрачности финансовых потоков. Вклад в обеспечение финансовой стабильности достигается через укрепление механизмов трансмиссии монетарной политики, снижение системных рисков и повышение надежности платежной инфраструктуры. Уменьшение зависимости от доминирующих резервных валют становится возможным благодаря созданию альтернативных каналов трансграничных расчетов и формированию многосторонних платформ прямого обмена национальными цифровыми валютами.

Анализ пилотных проектов CBDC в различных странах демонстрирует разнообразие подходов к реализации цифровых валют центральных банков и подтверждает техническую осуществимость и экономическую

целесообразность их внедрения. Опыт Китая, Европейского союза, России, Сингапура и других стран показывает, что успешная реализация проектов CBDC требует тщательной проработки технологических решений, правовых рамок и механизмов интеграции с существующей финансовой инфраструктурой. Различия в приоритетах и подходах отражают специфику национальных финансовых систем и стратегических целей различных государств.

Вместе с тем, внедрение CBDC сопряжено с существенными вызовами, включая риски для банковской системы, технологические уязвимости, вопросы приватности и необходимость международной координации. Успешная реализация потенциала цифровых валют центральных банков требует комплексного подхода, учитывающего как возможности, так и риски этой инновации. Перспективы развития CBDC и их влияние на устойчивость национальных валютных систем будут определяться взаимодействием технологических, регуляторных, геополитических и рыночных факторов. Формирование эффективной и устойчивой экосистемы цифровых валют центральных банков представляет собой долгосрочный процесс, требующий координации усилий центральных банков, регуляторных органов, финансовых институтов и технологических компаний на национальном и международном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова Н.Г. Финансово-правовые особенности цифрового рубля как вида цифровой валюты центрального банка // Банковское право. 2024. № 3. С. 24–32.
2. Варфоломеева В.А., Иванова Н.А. Денежно-кредитная политика в цифровую эпоху // Вестник Академии права и управления. 2021. № 4 (65). С. 91–96.
3. Джохадзе Е.Д., Синельникова-Мурылева Е.В. Уроки международного опыта реализации проектов различных цифровых валют центральных банков для цифрового рубля // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 7. С. 4–8.
4. Коршунов А.В. Анализ ключевых показателей девальвации и их влияние на финансовую систему России // Вестник Академии права и управления. 2024. № 4 (79). С. 154–161.
5. Санникова Л.В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 27–44.
6. Севостьянова С.А. Цифровая валюта центрального банка Сингапура: особенности внедрения и сравнение с цифровым рублем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3. № 12 (141). С. 124–131.
7. Сидоренко Э.Л. Правовое регулирование цифрового рубля: российская модель цифровой валюты центральных банков // В книге: Цифровое право. Абдрахманов Д.В., Архипов В.В., Богданов Д.Е., Богданова С.Г., Васюков В.Ф., Вепрев В.С., Волеводз А.Г., Егорова М.А., Зиновьева Е.С., Иноземцев М.И., Клевцов К.К., Кунев Д.А., Лыков А.А., Михайленко Н.В., Молчаков Н.Ю., Мурадян С.В., Плохов С.В., Пономарева Д.В., Понаморенко В.Е., Портянова П.Д. и др. Учебник. Москва, 2024. С. 248–261.
8. Тхалиджиков А.С. Цифровые валюты центрального банка: понятие, сущность и место среди цифровых валют (криптовалют) // Прикладные экономические исследования. 2024. № 4. С. 106–115.
9. Тхалиджиков А.С. Влияние цифровых валют центральных банков и цифровых финансовых активов на финансовые рынки и институты // Финансовая экономика. 2025. № 2. С. 167–174.
10. Шайдулин А.И., Воронюк А.А., Комаров М.М. Перспективы и проблемы внедрения цифровой валюты центрального банка (цифрового рубля) в России // Финансы и бизнес. 2024. Т. 20. № 3. С. 3–18.
11. BIS — Central Bank Digital Currencies (электронный ресурс) — режим доступа: www.bis.org/cbdc.htm (дата обращения 20.10.2025).
12. Atlantic Council — CBDC Tracker (электронный ресурс) — режим доступа: www.atlanticcouncil.org/cbdctracker (дата обращения 20.10.2025).
13. IMF — Central Bank Digital Currency (электронный ресурс) — режим доступа: www.imf.org/en/Topics/fintech/central-bank-digital-currency (дата обращения 20.10.2025).
14. Банк России — Цифровой рубль (электронный ресурс) — режим доступа: www.cbr.ru/fintech/dr (дата обращения 20.10.2025).

ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ПРИМЕРЕ ТЕХНОЛОГИИ «АПСАЙКЛИНГ»

APPROACHES TO SOLVING THE PROBLEM OF TEXTILE PRODUCT DISPOSAL USING THE EXAMPLE OF UPCYCLING TECHNOLOGY

N. Eremina

Summary. The modern economy is developing in the face of new challenges. A significant group of challenges is made up of environmental challenges, which have been formed, among other things, as a result of overproduction. In the fashion industry, the factor of overproduction initiates the search for new design technologies for the recycling and modernization of «extra» things. Upcycling has become a fairly effective technology. Upcycling technology makes the recycling process economically feasible. The article discusses an example of creating an author's collection of youth tunic dresses made from jeans with sufficient physical wear. The prospects of including the method in the educational program of professional training of specialists in the field of costume design are determined.

Keywords: surplus of things, ecological design, recycling, method, upcycling, flat cut, optimization of production of textile products.

Еремина Наталья Александровна

Старший преподаватель,
ИПТД — филиал ГБОУ ВО НГИЭУ (г. Княгинино)
ereminanatal@yandex.ru

Аннотация. Современная экономика развивается в условиях новых вызовов. Значительную группу составляют экологические вызовы, сформировавшиеся в том числе в следствие переизбытка производства. В индустрии моды фактор переизбытка инициирует поиск новых дизайн-технологий утилизации и модернизации «лишних» вещей. Достаточно эффективной технологией становится апсайкинг. Технология апсайкинга позволяет сделать процесс утилизации экономически целесообразным. Рассмотрен пример создания авторской коллекции молодежных платьев-туник из джинсов с достаточным физическим износом. Определены перспективы включения метода в образовательную программу профессиональной подготовки специалистов в области дизайна костюма.

Ключевые слова: переизбыток вещей, экологический дизайн, переработка, метод, апсайкинг, плоский крой, оптимизация производства текстильных изделий.

С 1990-х годов поведение потребителей сместилось в сторону частых покупок новой одежды. Феномен эволюции общества потребления сгенерировал модели поведения потребителей, способствующие фактическому переизбытку вещей [1].

Явление переизбытка одежды обусловлено так же и стремительным развитием технологий её производства. Современная фэшн-индустрия активно автоматизируется, использует цифровые технологии, применяет инновационные материалы и т.н. «умный пошив». Значительное сокращение сроков производства одежды и выведение на рынок коллекций «масс-маркет» с высоким уровнем ценовой доступности для всех клиентов способствует намеренному ограничению жизненного цикла изделий. И то, что предполагается как благо для экономики, оборачивается проблемой для экологии: приобретая новинки, потребитель оставляет невостребованными вещи предыдущих коммерческих коллекций, актуализируя задачу утилизации немалых остатков. Аналогичная необходимость в утилизации возникает и у самого потребителя: искусственно укороченный жиз-

ненный цикл одежды, спровоцированный избыточностью потребления, способствует накоплению лишних вещей.

Каждый год в современном мире производится и продается от 100 до 150 миллиардов предметов одежды. Мода меняется стремительно, и не распроданные сезонные коллекции или изделия из личного гардероба, «устаревшие» по причине морального износа, редко отдаются в благотворительные фонды. В основном эта одежда оказывается на свалках, в магазинах «second-hand», на рынках развивающихся стран. По данным природоохранной организации Global Fashion Agenda, с 2017 года проблема текстильных отходов становится глобальной. По данным исследования, проведенного в 2023 году благотворительным фондом «Второе дыхание» и группой «ЭкоЛайн», в России ежегодно выбрасывается 2 миллиона тонн одежды и изделий из ткани, основная масса которой сжигается, и только 20 % перерабатывается или утилизируется [2]. По подсчетам Российского экологического оператора (РЭО), в 2024 году объем образования отходов из текстиля, в т.ч. из вещей,

которые используются в повседневной жизни, в России составляет 16 кг в год в расчете на одного городского жителя [3].

Переизбыток вещей становится определенным вызовом технико-экономическому развитию предприятий индустрии моды и влияет на планирование:

- a) производства товаров с универсальными эстетическими качествами на основе т.н. долгоиграющих трендов, без увеличения времени на цикл производства;
- b) ресурсов переработки и утилизации вещей с укороченным жизненным циклом («старых»), от которых потребитель избавляется, чтобы приобрести новые.

Два, на первый взгляд, противоположных аспекта, совместимы по качественному признаку процесса: быстро изготовить и быстро утилизовать.

Решение задачи утилизации невостребованных или устаревших изделий возможно в процессе освоения аспекта поиска ресурсов переработки. Эффективным инновационным предложением дизайна становится модернизация невостребованной потребителем одежды или одежды с коротким жизненным циклом. Искомые технологии ориентируются на освоение комплексной задачи. С одной стороны, на возможность продления срока эксплуатации изделия, преобразуемого в новую форму, и, как следствие, снижения напряженности в вопросе регулирования переизбытка одежды. С другой стороны, на возможность достижения утилизируемым изделием по итогу переработки качеств дизайнерского продукта. Полученный в результате модернизации продукт должен транслировать внятные образные впечатления, удовлетворяющие ожидания потребителя в совпадении внешнего вида изделия с тенденциями и трендами моды. При этом в вводных данных проблемы фиксируется необходимость успешного применения искомых технологических приемов как в ремесленной деятельности, так и в производственном процессе, пусть даже и малосерийном.

Среди множества проектных подходов современного дизайна особенно актуальным в понимании поставленной задачи определяется метод эко-проектирования, который ориентируется на возможность создания вещей (продуктов) с минимальными энергозатратами и привлекает в качестве новых (исходных) материалов уже примененные в каком-либо предмете (продукте) [4].

Принципы эко-проектирования отображаются в современных подходах к разработке одежды. Дизайнеры включают в проектные кейсы поиск и предложение креативных социально-ответственных решений переработки или модернизации «избыточных» вещей. Все чаще

употребляемый термин медленной или устойчивой моды и даже «экологичный фэшн» предполагает использование новаторских методов переработки, к которым относится апсайкинг. Апсайкинг становится новым экологичным фэшн-трендом [5].

В дизайне одежды техника «апсайкинг» означает, буквально: получение нового из старого методом рационального (упрощенного) конструирования (проектирования). Экологическая ценность технологии раскрывается в возможности из старых вещей или их элементов создать новые, что помогает продлить срок службы материалов и уменьшает вредный экологический след. Креативные приемы апсайкинга позволяют достичь своеобразного «круговорота вещей» в предметной среде.

Апсайкинг в переводе с английского означает «более широкое применение». Предполагается, что отслужившее изделие или модель могут быть вторично использованы для разработки объекта с новой функциональностью или создания предмета с увеличенной потребительской ценностью [6]. Эстетика апсайкинга преимущественно основывается на эстетике современной городской среды, в границах которой, собственно, могут функционировать переработанные вещи, получившие новую потребительскую ценность и продлившие свой жизненный цикл после переработки. Характерной чертой современной городской среды является демократичность и универсальность экстерьерных и пространственных решений, переизбыток дизайнерских приёмов, нагромождение, изобилие предметов и декоративных элементов. Как и в апсайкинге: эстетическая форма вещи, сделанной из других, подвергающихся переработке, представлена свободными комбинациями разностильных деталей или элементов, скомбинированных в активных ритмах фактуры, пластики и цвета, иногда многослойных и избыточных.

Опыт переработки отслуживших изделий активно оформлялся и распространялся уже в XX веке. Идеология сбережения ресурсов продвигалась во многих странах через популярные печатные издания, раскрывавшие в рубриках, иногда названных буквально «Из старого — новое», идеи творческой переделки старых вещей, что в итоге сформировало среди широких слоев населения увлечение ремесленным творчеством и для многих определило круг досуговых занятий [7]. По настоящему «интересной» для индустрии одежды и моды методика апсайкинга стала в начале XXI века. Важность оригинальных и доступных для воспроизведения подходов к «новому прочтению» отслуживших или не востребованных изделий обуславливала «накрывшей» постиндустриальной деформацией в системе «производство-потребление», выразившейся в превышении предложения над спросом.

Переделка вещей по апсайклингу предполагает частичное сохранение первоначальной структуры модели. В отличие от кастомайзинга, ориентированного на переделку и декорирование одежды, или ресайклинга, направленного на полную переработку отходов с целью производства новой продукции, апсайклинг предполагает переделку вещи, используя проектный подход. Идея переделки формируется на базе приемов дизайна-проектирования — комбинаторики, трансформации, модульного проектирования. Ценно, что модернизация взятого в переработку предмета в апсайклинге реализуется на основе его проектной (инженерной) формы [8].

Продление жизненного цикла бывшего в употреблении изделия или текстиля начинается с буквального ответа на вопрос: «Что можно из этого сделать?». Переоценка начальной функции и гипотеза наделения предмета новыми потребительскими ценностями — процесс достаточно мысле- и трудоёмкий, т.к. предполагает со стороны дизайнера творческую свободу и владение многими проектными и ремесленными направлениями и техниками. В сравнении с типовым проектным процессом изготовления швейного изделия, в котором материальную основу составляют новые ткани, а инженерная подготовка выпуска обеспечивается эскизом и чертежами конструкции формы и поузловой обработки, получение качественного изделия из одного или нескольких старых — деятельность затратная. Однако, компенсируемая результатом, отличающимся эстетической эксклюзивностью предложения и позволяющим потребителю чувствовать себя в большей степени коллекционером авторской одежды.

В индустриальный процесс изготовления одежды апсайклинг начал активно продвигаться около десяти лет назад [9]. Сегодня метод апсайклинга взят в основу производственной политики некоторых брендов, которые позиционируют себя как «апсайклинг-бренды», активно заявляют о проблемах решения экологических задач и учат осознанному потреблению через красоту и дизайн.

Многие люксовые бренды ориентируются на апсайклинг, как на тренд, и декларируют необходимость применения технологий модернизации неиспользованных вещей взамен их уничтожению. Так, Стелла Маккартни, в рекламном манифесте коллекции одежды 2021-2022 года, иллюстрирующем ценность авторской марки, придала букве R значение «repurpose» — вторичное использование. Дизайнер заявила, что бренд планирует «дарить вторую жизнь старым материалам», когда-то использованным им самим, и отходам других производств.

Креативные дизайнеры Balenciaga, Marni, MiuMiu, Coach начинают изучать и оценивать технологии повторного использования материалов и предлагают в каче-

стве остромодных идей включение в фактурное решение деталей из новой ткани остатков тканей из прошлых коллекций; лоскутную верхнюю одежду, созданную из уже существующих вещей; переработку моделей разной степени винтажности, например, сумок 1970-х годов или специально приобретённого антиквариата и так далее.

Помимо крупных развиваются локальные бренды, которые переделывают не только одежду в одежду, но и в качестве исходного материала берут отходы, приближенные по пластическим свойствам к тканям, например, рекламные баннеры или растяжки.

Появляющиеся российские апсайклинг-бренды так же применяют оригинальные авторские ходы (фишку проекта), которые позволяют выделить именно их стиль в среде других коммерческих предложений. В достаточно большой группе российских апсайклинг-брендов с уже сформировавшейся и успешно зарекомендовавшей себя политикой эко-производства одежду обозначим следующие.

Так, один из первых российских эко-брендов RigRaiser применяет новаторские идеи по художественной переработке вещей. Бренд не имеет собственного производства, поэтому закупает исходный материал для изделий в российских и зарубежных секонд-хендах. Дизайнеры бренда придумывают решения арт-модернизации изделий, полностью переделывая вещи. Если сравнивать с палитрой, то «красками» для создания нового костюма или аксессуара служат детали, формы, структуры старых вещей [10].

Санкт-Петербургская марка Rishi покупает старые джинсы, из которых в техниках пэчворка и аппликации делает уникальные полотна и создает из них изделия или отделочные детали. Дизайнеры подбирают фрагменты ткани таким образом, чтобы на выходе получились гармоничные по цветовой гамме модели с эффектом деграде. Каждая вещь этого бренда неповторима, потому что физически невозможно воспроизвести изделие с одинаковым набором качественных колористических и фактурных характеристик джинсового полотна [11].

Анализ опыта применения метода «апсайклинг» для переработки текстильных изделий и отходов позволил обобщить виды проектных действий, которые могут успешно реализоваться в условиях производства:

- применение метода вставок-врезок для изменения формы;
- применение модульных элементов для изменения пропорций: укорачивания-удлинения или расширения-обуживания;
- объединение структур изделий разного ассортимента в единую композицию;
- составление нового силуэта через комбинирование деталей разных изделий;

- комбинирование материалов в едином композиционном модуле или единой детали;
- применение технологии притворивания или росписи на локальных участках или в целом на поверхности материала или изделия;
- составление новой фактуры через приемы ремесленных техник: пэчворк, аппликация, инкрустация, боро [12].

Прикладное исследование метода «апсайклинг» позволило спланировать и освоить экспериментальную работу по изготовлению молодежного платья-туники из модулей. Экспериментальная разработка предлагала создание нового изделия равного или более высокого качества, в сравнении с существующими предложениями рынка. Автор применил приём вторичного использования бывших в употреблении изделий из джинсовой ткани для их трансформации в модель оригинального дизайна.

Формированию проектного предложения предшествовал выбор изделия для переработки и анализ поверхностной деформации основного материала изделия для определения степени допустимости его применения в структуре новой вещи. В качестве исходных были выбраны модели классических джинсов. Наш опыт показал, что участками джинсов, наименее подверженными износу, а, значит, наиболее подходящими для переработки, являются участок от линии талии до линии бедер, участки на внешней стороне бедер по всей длине изделия, а также фрагменты брюк от линии видимой деформации на уровне колена до линии щиколотки. При этом участок от линии талии до линии бедер можно представить как макромодуль и использовать для получения моделей юбок практически без переделки пояса и застежки, расширяя фасонные признаки с помощью воланов или ярусных оборок.

Проектная идея авторской модели опиралась на возможность использования недеформированных участков перерабатываемого изделия и участков, не содержащих вытачки. Они определили базовый ресурс для разработки основной формы изделия. Для определения композиционного, конструктивного и технологического решения новой модели была выполнена оценка базового ресурса через ответы на вопросы:

- 1) К какой образной идеи и стилевой группе применим бывший в эксплуатации деним?
- 2) Какое конструктивное решение наилучше обеспечивает реализацию задачи по созданию модели платья-туники из плоских модулей?
- 3) Какая технология изготовления наилучше обеспечивает сборку изделия из плотной хлопчатобумажной ткани — денима?
- 4) Существует ли ремесленная технология, допускающая использование лоскута в разработке целостной композиционной формы?

- 5) Какие варианты технологии декоративной отделки применимы к материалу для повышения эстетических качеств будущего изделия?

Ответы послужили основой к формулировке проектного (технического) задания на изготовление авторской модели по методу «апсайклинг»: разработка молодежного платья-туники плоского края в стиле «бохо», в сборке из плоских модулей по типу композиции «пэчворк».

Техническое задание на разработку плечевого изделия плоского края (платья-туники) было освоено в ходе проектных действий:

- подготовка чертежа конструкции платья-туники,
- подготовка материала методом распаривания швов,
- подготовка модулей из сохранных участков джинсов, пригодных для повторного использования в разработке изделия высокого качества,
- выбор технологии сборки полотнища переда и спинки — стачивание швами «в разутюжку»,
- разбивка конструкции модели на композиционные плоскости по типу композиции «пэчворк» соразмерно подготовленным участкам джинсов и подготовка шаблонов деталей,
- оценка колорита исходного материала для расположения композиционных плоскостей с получением на выходе контрастных тоновых решений,
- выкраивание деталей по шаблонам,
- сборка полотнища переда и спинки в соответствии со схемой разбивки, по выбранной технологии,
- уточнение конфигурации края переда и спинки по форме шаблонов деталей,
- сборка изделия по типовой технологии обработки узлов женского платья из джинсовой ткани и заключительная подготовка модели.

Экспериментальное применение метода «апсайклинг» для утилизации джинсовых брюк через технологию лоскутного шитья позволило получить принципиально новую модель одежды — молодежное платье-тунику. Опрос по методу случайной выборки, проведенный в Google Forms, показал предпочтение в выборе авторского предложения в сравнении с промышленной моделью туники из джинсовой ткани. На вопрос «Какую из моделей вы видите в своем гардеробе этим летом?» 75 % респондентов (77 человек из 103-х) высказались за авторское решение в апсайклинг-дизайне. Так же полученная эстетическая форма позволила далее разработать авторскую коллекцию, которая была представлена на конкурсах прикладного творчества и предложена для тиражирования в малых сериях нижегородскому ателье, специализирующемуся на апсайклинг-дизайне. Указанный опыт переработки промышленного изделия методом «апсайклинг» позволяет

сделать вывод о перспективе технологии стать стандартной дизайн-практикой в разработке уникальных вещей и предметов из сохранных фрагментов бывших в употреблении текстильных изделий.

Методика «апсайклинга», ранее применяемая в декоративном творчестве или арт-хаусном дизайне, все чаще успешно раскрывается в бизнес-проектах малого бизнеса или индивидуальных предпринимателей. Этот метод характеризует иной взгляд на проблему потребления, становясь отчасти новой философией малозатратного производства, положительно отражающегося на улучшении общего экологического состояния постиндустриальной цивилизации и развивающей работу с ценностями моды.

Продолжающееся развитие «общества сознательного потребления» неизбежно привлекает интерес крупных предприятий сферы индустрии моды к проблеме «эстетической утилизации» одежды, в том числе с помощью метода «апсайклинга». Очевидно, что производственные линии изготовления типовой массовой одежды будут дополнены линиями, ориентированными на переработ-

ку стоковых коллекций или на разработку новых вариантов одежду из устаревших материалов.

Конечно, от специалистов дизайнеров, конструкто-ров, технологов будут требоваться новые компетенции концептуального проектирования, но в аспекте профес-сиональной подготовленности нужно говорить не о пере-учивании, а о расширении уже существующих навыков. Компетенции могут успешно формироваться как в про-цессе практического обучения студентов названных спе-циальностей по основным обучающим программам, так и по программам переподготовки и повышения квали-фикации. При определенном упрощении задание по пе-реработке изделий можно применять на уроках детского ремесленного творчества, адаптивных курсах и прочее.

Дизайн, ищущий и предлагающий инновационные решения инженерной модернизации композиционной и конструктивно-технологической структуры одежды, всегда ориентируется на потребности социума. А, знач-чит, технология «апсайклинг», способная оперативно и эффективно перерабатывать неиспользованные моде-ли, имеет будущее для решения глобальной проблемы утилизации товарных остатков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бнатов Д.А. Общество потребления и потребительское поведение: Эволюция концепций и современное понимание// Социодинамика. — 2023. — №8 (том 1). — С. 1–10
2. Rg.ru: сайт. Интернет-портал «Российской газеты»/ Более 78% отходов из текстиля в России можно переработать. URL: <https://rg.ru/2023/01/24/bolee-78-othodov-iz-tekstilia-v-rossii-mozhno-pererabotat.html?ysclid=m2rr0nhr6n971433842> (дата обращения 25.06.2025)
3. «Российский экологический оператор» — публично-правовая компания: сайт/ На каждого россиянина приходится 16 кг отходов одежды ежегодно. URL: <https://reo.ru/news/tpost/ydifikcas1-reo-na-kazhdogo-rossiyanina-prihoditsya?ysclid=m75zifqjby75941394> (дата обращения 15.08.2025)
4. Иванова, Е.А. Экодизайн как фактор развития современной эстетики / Е.А. Иванова // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. — 2020. — № 5 (21). — С. 28
5. Уроки кройки и шитья: что такое upcycling и кто строит бизнес на вторичном производстве одежды. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/428415-uroki-kroyki-i-shitya-chto-takoe-upcycling-i-kto-stroit-biznes-na-vtorichnom> (дата обращения 16.07.2025)
6. Чересчур умелые ручки: что такое апсайклинг. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/624a9ce19a7947caed7d6432> (дата обращения 10.06.2025)
7. Смеюха В.В. Отечественные женские журналы: история и типология // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-zhenskie-zhurnaly-istoriya-i-tipologiya> (дата обращения: 05.01.2025).
8. Швачка Н.А., Першукевич Г.В. Переработка готовых изделий методом апсайклинг // Международный студенческий научный вестник. — 2018. — № 5. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18902> (дата обращения: 27.04.2025)
9. Тощева С.Ю., Андрианова О.Р. «UPCYCLING» в индустрии моды // Сборник трудов II международной научно-практической конференции «Инновации и дизайн». 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upcycling-v-industrii-mody> (дата обращения: 05.01.2025).
10. Эко-бренд RigRaiser® (РигРэйзер®): сайт. URL: <https://rigraiser.com/aboutus> (дата обращения: 12.05.2025)
11. Бренд Rishi (Ри'ши): сайт. URL: <https://rishi-store.com> (дата обращения: 13.05.2025)
12. Денисова О.И., Пуртова Е.В. Разработка алгоритма апсайклинга швейных изделий из денима // Материалы и технологии. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-algoritma-apsayklinga-shveynyh-izdeliy-iz-denima> (дата обращения: 11.06.2025).

© Еремина Наталья Александровна (ereminanatal@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ELECTRIC POWER INDUSTRY

S. Zhiltsov

Summary. The article is devoted to the development of a methodological approach to assessing the effectiveness of the innovative development of the Russian electric power industry. In the context of technological sovereignty, depreciation of fixed assets and the need for digital transformation, it becomes critically important to form an objective and adapted assessment system. A multi-criteria model is proposed as a basis, covering economic, technological, social, environmental and managerial parameters. Particular attention is paid to the integration of ESG indicators and digital metrics into the assessment framework, which allows for the sustainability and digital maturity of energy companies. The methodology provides flexibility in choosing criteria and weights depending on the strategic goals of a particular enterprise and can also be applied at both the corporate and industry levels. The developed approach contributes to the systematization of the results of innovation activities and the formation of sound management decisions in the energy sector.

Keywords: innovative development, electric power industry, assessment methodology, efficiency, ESG indicators, digital transformation.

Жильцов Сергей Алексеевич
к.э.н., доцент «МИРЭА — Российский технологический университет» (г. Москва)
zhiltsovsa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке методического подхода к оценке эффективности инновационного развития электроэнергетической отрасли России. В условиях технологического суверенитета, износа основных фондов и необходимости цифровой трансформации, становится критически важным формирование объективной и адаптированной системы оценки. В качестве основы предложена многокритериальная модель, охватывающая экономические, технологические, социальные, экологические и управленические параметры. Особое внимание уделено интеграции ESG-индикаторов и цифровых метрик в структуру оценки, что позволяет учитывать устойчивость и цифровую зрелость энергокомпаний. Методика предусматривает гибкость в выборе критерии и весов в зависимости от стратегических целей конкретного предприятия, а также может быть применена как на корпоративном, так и на отраслевом уровне. Разработанный подход способствует систематизации результатов инновационной деятельности и формированию обоснованных управленических решений в энергетическом секторе.

Ключевые слова: инновационное развитие, электроэнергетика, методика оценки, эффективность, ESG-индикаторы, цифровая трансформация.

Электроэнергетика традиционно играет системообразующую роль в национальной экономике, обеспечивая устойчивость производства, технологическое развитие и энергобезопасность. В условиях глобальных изменений и приоритета внутренней ресурсной базы ее значимость возрастает. В качестве инфраструктурной опоры она влияет на издержки предприятий, инвестиционную привлекательность регионов и доступность энергоснабжения для потребителей.

Наличие изношенной материально-технической базы, необходимость сокращения выбросов и ограниченный доступ к зарубежным разработкам обуславливают необходимость пересмотра отраслевой стратегии. В этом контексте реализация технологических программ требует перехода к инновационно-ориентированной модели. Ее основу составляют проекты по внедрению энергоэффективных решений, цифровых платформ и возобновляемых источников энергии [1, с. 5].

Системы оценки инновационной активности в других секторах экономики нередко опираются на показатели объема внедренной продукции, уровень НИОКР или темпы модернизации производственных мощностей. Однако такие критерии оказываются недостаточными в случае электроэнергетики. Здесь важны не только количественные показатели, но и технологическая новизна решений, их интеграция в существующую инфраструктуру, влияние на надежность и безопасность энергоснабжения. Также следует учитывать продолжительность и масштабность проектов, значительную долю рисков и необходимость согласования с регулирующими органами. Эффективность инновационного развития в электроэнергетике можно рассматривать как совокупный результат воздействия внедренных решений на экономические, технологические, социальные и экологические параметры деятельности компаний [2, с. 33].

Вопрос инновационного развития электроэнергетики приобретает все большую значимость в рамках государственных и корпоративных стратегий.

Программа инновационного развития Группы РусГидро на 2020-2024 годы с продлением до 2029 года [3] ориентирована на развитие ВИЭ, цифровизацию генерации и повышение энергоэффективности гидроэлектростанций. Документ включает направления НИОКР и инвестиционные мероприятия, однако критерии оценки изложены в описательной форме, а количественные показатели ограничиваются затратами и сроками реализации.

Паспорт Программы инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации «Росатом» до 2030 года [4] охватывает приоритеты как в традиционной атомной, так и в водородной энергетике, а также цифровые решения. Структура документа включает ключевые показатели, планы достижения целевых значений и элементы импортозамещения. При этом оценка эффективности сохраняет проектно-сметный характер и не учитывает в полной мере социальные, экологические и управленческие параметры.

Программа инновационного развития ПАО «Россети» [5] акцентирует внимание на цифровой трансформации: внедрении интеллектуальных систем управления сетями, платформенных решений и повышении надежности электроснабжения. Однако система оценки ограничена внутренними KPI, не согласованными между филиалами. Отсутствует механизм агрегированной оценки вклада проектов в достижение целей компании.

На федеральном уровне ключевым документом выступает Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 года (Распоряжение Правительства РФ № 1523-р) [6]. Она устанавливает задачи по развитию инновационной экономики, импортонезависимости и цифровизации, включая использование ВИЭ. В то же время в стратегии отсутствует методика оценки эффективности, что создает разрыв между целями и реализацией.

Несмотря на масштабность указанных инициатив, в них отсутствует унифицированный подход к оценке результативности инновационных решений. Фрагментарность критериев и слабая увязка между целями и итогами снижают управляемость процессами инновационного развития.

Разработка обоснованной методики оценки эффективности инновационного развития электроэнергетической отрасли России требует соблюдения двух условий: во-первых, методика должна быть адаптирована к отраслевым условиям и учитывать стратегические цели развития, во-вторых, она должна быть пригодна для практического применения и использовать доступные показатели.

Предлагаемый подход базируется на принципе многокритериальной оценки. В рамках методики эффективность инновационного развития рассматривается как интегральный показатель. В свою очередь, каждая из сфер оценивается по совокупности частных критериев, сгруппированных по направлениям.

Предлагаем следующую систему критериев:

1. Финансово-экономический блок: включает изменение выручки, снижение удельной себестоимости, повышение рентабельности.
2. Технико-технологический блок: оценивает степень внедрения цифровых решений, инновационного оборудования, долю автоматизированных процессов.
3. Социальный блок: отражает влияние проекта на занятость, уровень квалификации персонала, условия труда.
4. Экологический блок: включает сокращение выбросов, снижение потерь, рост энергоэффективности.
5. Институциональный блок: оценивает уровень управляемости инновациями, наличие внутренних механизмов стимулирования и контроля.

Каждому критерию в пределах блока присваивается определенный вес. Весовые коэффициенты определяются экспертыным методом с учетом приоритетов стратегического плана развития компании. Интегральная оценка рассчитывается как сумма произведений значений критериев на соответствующие веса (1):

$$\text{Эинн} = \sum_{i=1}^n K_i \times W_i, \quad (1)$$

где Эинн — итоговая оценка инновационного развития; K_i — значение по i -му критерию; W_i — весовой коэффициент i -го критерия.

Пример распределения весов и критериев представлен в таблице 1.

Представленная система позволяет не только агрегировать данные по всем направлениям, но и гибко адаптировать модель под специфику компании, изменяя веса и критерии. Например, в структуре генерации ключевое значение могут иметь экологические и технологические блоки, в то время как в сетевых компаниях акцент может быть сделан на цифровизацию и управляемость.

Критерии formalизованы в числовые показатели, что позволяет осуществлять ранжирование проектов, проводить сравнение между подразделениями и отслеживать динамику по годам. Такой подход обеспечивает баланс между научной строгостью и практической применимостью, что особенно важно в условиях необходимости принятия управленческих решений.

Таблица 1.
Структура критериев оценки и весовых коэффициентов

Направление оценки	Критерий	Обозначение	Вес (W)
Финансово-экономический	Рост выручки, %	K ₁	0,15
	Снижение себестоимости, %	K ₂	0,10
Технотехнологический	Доля цифровых решений, %	K ₃	0,12
	Обновление оборудования, %	K ₄	0,10
Социальный	Улучшение условий труда, баллы	K ₅	0,08
	Повышение квалификации, %	K ₆	0,05
Экологический	Снижение выбросов, %	K ₇	0,10
	Повышение энергоэффективности, %	K ₈	0,10
Институциональный	Наличие системы инновационного управления	K ₉	0,10
	Наличие внутренней экспертизы	K ₁₀	0,10
Итого			1,00

Современная практика стратегического управления требует учета не только экономических результатов, но и более широкого спектра факторов, влияющих на устойчивое развитие энергетических компаний. В этой связи особую значимость приобретают ESG-индикаторы (экологические, социальные и управляемые), а также показатели цифровой зрелости [7].

Интеграция ESG и цифровых индикаторов осуществляется через расширение базовой системы критериев, представленной ранее. В частности, целесообразно выделение отдельного направления — устойчивость и цифровая зрелость, включающего блоки:

1. Экологическая устойчивость: снижение углеродного следа, энергоэффективность, экологические сертификации.
2. Социальная адаптивность: охват программами адаптации, уровень внутренней мобильности, индекс корпоративного доверия.
3. Цифровая трансформация: уровень автоматизации, цифровое проникновение, цифровая культура персонала.

Для количественного включения этих блоков в расчетную модель может быть использована отдельная шкала с весом 0,15–0,25 в зависимости от стратегических приоритетов компании.

В таблице 2 представлены дополнительные индикаторы устойчивости и цифровизации.

Таблица 2.
Дополнительные индикаторы устойчивости и цифровизации

Индикатор	Тип оценки	Единица измерения
Удельные выбросы CO ₂	Экологическая	кг/кВт×ч
Доля ВИЭ в общем объеме генерации	Экологическая	%
Текущесть персонала	Социальная	%
Уровень автоматизации процессов	Технологическая	%
Индекс цифровой зрелости (DMI)	Цифровая	Баллы (0–5)
Наличие ESG-отчетности	Управленческая	Да/Нет
Digital ROI	Экономическая/цифровая	%

Расширенная модель обеспечивает более точную и взвешенную оценку результатов инновационной деятельности. При этом она остается гибкой — возможно варьировать состав и вес показателей в зависимости от приоритетов конкретной организации. Такой подход способствует сбалансированному принятию управленческих решений, ориентированных не только на краткосрочную прибыль, но и на стратегическую устойчивость и репутационную надежность.

Подводя итог, нужно отметить, что развитие электроэнергетики в условиях перехода к экономике знаний, технологического суверенитета и цифровой трансформации требует не только активного внедрения инноваций, но и четкой системы оценки их результативности. Отсутствие единых подходов к оценке эффективности препятствует формированию прозрачных механизмов управления проектами, снижает сопоставимость результатов и затрудняет реализацию отраслевых приоритетов, зафиксированных в стратегических документах.

В ходе исследования была разработана комплексная методика оценки эффективности инновационного развития, учитывающая специфику электроэнергетической отрасли и современные вызовы. Она основана на многокритериальной системе с включением экономических, технологических, социальных, экологических и управляемых показателей. Дополнительно интегрированы ESG-параметры и цифровые индикаторы, что позволяет оценивать инновационное развитие в более широком контексте устойчивости.

Методика может применяться как на уровне отдельных предприятий для оценки эффективности портфеля проектов, так и на уровне отрасли в рамках формирования государственной инновационной политики.

Таким образом, предложенный подход способствует укреплению методологической базы управления инновациями в электроэнергетике и может стать инструментом повышения результативности стратегических

решений, направленных на технологическое обновление и устойчивое развитие отрасли в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чоршанбиев, С.Р. Формирование механизмов устойчивого развития предприятий электроэнергетического комплекса в условиях цифровой трансформации / С.Р. Чоршанбиев, М.М. Аламшоева // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 56. — С. 1–19.
2. Ершова, Н.В. Анализ особенностей оценки эффективности инновационно-инвестиционных проектов в сфере электроэнергетики / Е.В. Ершова // Теория и практика управления. — 2011. — № 5. — С. 33–35.
3. Программа инновационного развития Группы РусГидро на 2020–2024 гг. с перспективой до 2029 года // РусГидро. — URL: https://rushydro.ru/activity/program_innovation/about/ (дата обращения: 03.07.2025).
4. Паспорт Программы инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации «Росатом» на период до 2030 года (в гражданской части) в редакции 2020 года // Росатом. — URL: <https://www.rosatom.ru/upload/iblock/705/7057d872e3bcc6bd5ddcc636f32220c0.pdf> (дата обращения: 03.07.2025).
5. Программа инновационного развития и внедрение перспективных технологий // Россети. — URL: <https://ar21.rosseti.ru/?ru/67-programma-innovacionnogo-razvitiya-i-vnedrenie-perspektivnykh-tehnologii> (дата обращения: 03.07.2025).
6. Распоряжение от 9 июня 2020 года № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/565068231?marker=65801P> (дата обращения: 03.07.2025).
7. Камчатова, Е.Ю. Возможности реализации стратегии устойчивого развития энергетики РФ на основе ESG-факторов / Е.Ю. Камчатова, А.К. Перевозчикова // Russian Economic Bulletin. — 2023. — Т. 6. — № 2. — С. 172–180.

© Жильцов Сергей Алексеевич (zhiltsovsa@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОДНЫЙ КРУИЗНЫЙ ТУРИЗМ: РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА УСЛУГ

WATER CRUISE TOURISM: REGULATION OF THE QUALITY OF SERVICES

V. Zolotovskiy

Summary. The paper is devoted to identifying the legislative ensuring specifics for services quality in the field of water cruise tourism. The correlation of the criteria for assessing the cruise tourism services quality on the objective and subjective components of the interaction between suppliers and consumers was revealed. It was also determined that the assessment of tangible and intangible components of the service depends on the provider's status and the characteristics of the cruise ship. The existing conditions of promotion and sale do not provide consumers' protection of their right to make an informed choice of services and to, as well as to appropriate and reliable information about these services.

Keywords: water cruise, cruise tourism, tourist services, quality of tourist services, quality assurance.

Золотовский Владимир Алексеевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
zolotovskiy.azi@volsu.ru

Аннотация. Работа посвящена раскрытию специфики правового обеспечения уровня качества услуг в сфере водного круизного туризма. Была установлена прямая связь выбора критериев оценки качества круизной туристской услуги с объективной и субъективной составляющими взаимодействия поставщиков и потребителей; выявлена обусловленность оценки материального и нематериального компонентов услуги, в связи со статусом поставщика услуги и характеристиками круизного лайнера. Определено, что актуальные условия продвижения и реализации не обеспечивают потребителю защиту реализации права на квалифицированный выбор услуг, а также на надлежащее и достоверное информирование об этих услугах.

Ключевые слова: водный круиз, круизный туризм, туристские услуги, качество туристских услуг, контроль качества.

Введение

Ускоренный рост инвестиционной привлекательности внутреннего туризма, эффективность деятельности государственных и коммерческих субъектов, а также защита их прав и интересов туристов прямо зависит от выбора системы средств и области правового регулирования отношений в сфере туризма. Особое значение этот вопрос приобретает в связи с диверсификацией рынка российского туризма в форме институционального развития специальных видов туризма. Их значение связано с высокой маржинальной емкостью, обусловленной высокой стоимостью услуг, специального инвентаря и оборудования, а также необходимостью наличия профессиональной подготовки.

Приведенные характеристики предопределили появление множества инициатив к выделению и развитию специальных видов туризма. Они получают соответствующее нормативное закрепление как самостоятельные виды профессиональной деятельности субъектов, наделенных соответствующим правовым статусом, с одновременным совершенствованием и введением специальной правовой регламентации их взаимодействия между собой и иными субъектами туристской деятельности. В этой связи особого внимания заслуживает законодательная инициатива об уточнении перечня объектов, относящихся согласно отраслевому туристскому

законодательству к средствам размещения, в том числе за счет включения в этот перечень круизных судов [6]. Современные тенденции в правовом регулировании специальных видов туризма и растущий интерес к круизу, актуализируют вопрос о специфике правового обеспечения деятельности в этой сфере внутреннего туризма. В рамках статьи мы остановимся на раскрытии вопроса специфики правового обеспечения уровня качества услуг в сфере круизного туризма.

Анализ

В процессе формирования туризма как уникального социокультурного феномена, представители различных сфер гуманитарного знания обращались к фундаментальному вопросу понимания его сущности. При этом смещение акцентов на выбор экономической и культурной характеристик туристских отношений в раскрытии роли туризма в системе социокультурного обмена, порождает противоречивые суждения о его социальных функциях. В контексте глобализма в туризме видят канал межкультурного взаимодействия, разрушающий культурные границы и направленный на формирование новой этнической идентичности, или даже растворение «чужого» в «своем», а также приводящим к вырождению традиционных культур посредством мнимой идентичности [4; 12]. В консервативном и охранительном аспекте туризм представляется как инструмент сохранения тра-

диционных ценностей, сбережения и культивирования исторической памяти [3; 10; 8]. В рамках современной социальной антропологии туризм, с одной стороны, понимается как новая форма социальной идентификации и демонстративной самопрезентации «праздного класса» [19; 9]. С другой стороны, в туризме видят публичный инструмент социального обеспечения, создания условий доступного отдыха, духовной и физической реабилитации, а также повышения уровня качества жизни [11]. Безусловно, перечисленные подходы лишь отчасти могут быть соотнесены с массовым туризмом. И наоборот, их актуальность будет расширяться соразмерно росту формирования цивилизованной системы потребления туристских услуг, что очевидным образом связано с основными тенденциями в сфере регулирования отношений, приоритетная задача которого — создание защиты прав туристов на качественные услуги.

Учитывая такие характеристики круизной туристской услуги как пространственная мобильность, социальная ограниченность, определенная фактором мобильной доступности, престижностью и коммуникативной замкнутостью общих мест пребывания, а также набором рекреационных услуг, каждый из представленных выше теоретических подходов представляется оправданным [См.: 22]. При этом особое значение приобретает проблема обеспечения надлежащего качества круизной туристской услуги и ее компетентный выбор.

Вопрос выбора критериев оценки качества туристских услуг в целом и круизной услуги в частности, прямо связаны с объективной и субъективной составляющими взаимодействия поставщиков и потребителей. В частности, речь идет об оценке материального и нематериального компонентов услуги, определяемых объектом, связанным с услугой, а также предметом отношений между заказчиком и исполнителем. В ряде случаев субъективная сторона оценки качества туристской услуги либо находится под влиянием разнородных внешних факторов, либо формируется публичными участниками отношений, юридически задающими специальные ориентиры. Безусловно, здесь речь идет не об экспертной оценке и системе TQM, а об оценке качества потребителем.

Специфика круизных услуг обусловлена характеристиками круизного лайнера, представляющего собой «плавучий город» и являющегося своего рода туристическим центром или курортом, одновременно выступающим в качестве транспорта и средства отдыха. Подходы к пониманию судна как основного объекта круизного туризма отражают не только современное состояние науки [20, pp. 3–4], но и соответствуют актуальному нормативному определению. В частности, объективная материально-техническая характеристика круизных судов и обусловила действующее нормативное регулирование. Так, согласно абз. 9 раздела I «Стратегии

развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [18], а также п. 3.5 ГОСТ Р 56221-2022 «Туристские услуги. Речные круизы. Общие требования» [5] деятельность в сфере круизного туризма направлена на размещение туристов в каютах, перевозку по запланированному маршруту в культурно-познавательных, досугово-рекреационных, оздоровительных, профессионально-деловых и других целях, на питание, проведение культурно-массовых и других мероприятий на борту судна, экскурсионное обслуживание в пунктах стоянок по маршруту следования судна. Опираясь на данную техническую норму, охарактеризуем услуги и соответствующую организацию видов деятельности в круизе.

Результаты исследования

Значение круизного судна как основного места пребывания туриста, а также связанные с этим формы реализации туристского продукта в сфере круизного туризма определяют максимально широкий перечень услуг, его составляющих [2, с. 185–186; 21, р. 5].

Обобщая различные подходы к пониманию содержания и характеристики моделей организации круизного туризма можно выделить в круизном турпродукте две традиционные для туроперейтинга группы услуг. К основным составляющим круизного турпродукта, формирующими его ядро, без которых теряется сама суть круиза и представляется невозможной реализация туристских круизных маршрутов, следует отнести услуги перевозки, временного проживания, питания и экскурсионного обслуживания. В совокупности дополнительных, формирующими внешний контур системы круизного турпродукта, входят услуги, непременно сопутствующие круизу в связи с длительностью нахождения туриста-пассажира на судне и спецификой маршрута: экскурсионные услуги до, или после круиза; услуги оздоровления и отдыха; услуги развлечения и организации досуга, услуги по организации деловых мероприятий [1, с. 108; 14]. Следует отметить, что часть основных и дополнительных услуг круизного туризма, в определенных случаях, приобретает специфический характер.

В связи с базовой ролью круизного судна как транспортного средства и объекта размещения и питания классификация услуг, а также установление их значимости в составе круиза, связаны с выделением его материальных и нематериальных компонентов. По мнению Н. Логуновой, С. Калинкиной, Н. Лазитской и И. Трегуловой, выбор круизного продукта потребителем обуславливается его пониманием предпочтений, формируемым материальными и нематериальными условиями, в первую очередь влияющих на качество круизных туристских услуг [21, с. 5].

В связи с очевидной необходимостью критериальной оценки уровня качества услуги, материальный ком-

понент должен быть сопоставимым, реальным и объективным. Так, представленный подход к пониманию качества, используемый как базовый в формировании услуг, направлен на прогнозирование поведения потребителя, а также обеспечения его возможностью квалифицированного выбора услуги соответствующего качества. Поскольку временные характеристики, связанные со скоростью передвижения судна, являются вторичными, к основным объектам материальной составляющей круизной услуги, следует относить материальные средства и ресурсы судна, используемые для обеспечения временного проживания, питания, рекреации и досуга. Нематериальные компоненты круиза связаны с условиями оказания услуг размещения, сна, принятия пищи, организованного досуга и рекреации, спорта и экскурсионного обслуживания.

Условия сна, отдыха, питания и гигиены на борту круизного судна представлены в специальном САНПИНЕ, с акцентом на снижение санитарно-гигиенических рисков в рамках проектирования отдельных пространств и помещений пассажирского судна, а также проведения соответствующих работ [15, пп. 2.1.1, 2.1.6, 2.1.12, 2.1.13, 2.1.16]. Отметим, что требование к использованию в указанных целях материальных ресурсов круизного судна в настоящее время не получили нормативного закрепления. Неопределенность характеристики материальной и технической компоненты круизных услуг обуславливает неконкретность в вопросе качества организации на круизных судах зон отдыха, рекреации, занятий спорта и организованного досуга. Исключение составляет каютный фонд судов, получивший первичное техническое категорирование в специальном ГОСТе и характеризующийся индивидуальным восприятием круизным туристом процесса обслуживания. В частности, устанавливаются такие критерии соотнесения с конкретной категорией как: площадь, наличие санузла и т.д. [5, с. 3–4].

В настоящее время, с одной стороны, из-за состояния нормативной неопределенности для всех материальных ресурсов круиза, пассажир не имеет объективной возможности квалифицированного выбора качества предоставляемых услуг. Таким образом, фактически создаются условия к снижению конкурентного потенциала в сфере круизного туризма. Кроме того, турист как потребитель ограничивается в реализации права на надлежащее и достоверное информирование об услугах. В совокупном эффекте лишение возможности критериально охарактеризовать уровень комфорта пребывания в круизе, делает невозможным компетентный выбор и ограничивает возможность защиты права потребителя на получение услуг надлежащего качества.

С другой стороны, в связи с обязательным включением в состав круизного продукта временного пребывания в каюте, тождественного по сущности услугам средств

размещения, в вопросах оценки нематериальной компоненты представляется возможным ориентироваться на качественные характеристики уборки, организации питания, бытового обслуживания, профессиональной квалификации сотрудников, в соответствии с требованиями Приложения № 2–3 Положения о классификации средств размещения [16].

Помимо этого, система защиты прав потребителей круизных туристских услуг должна базироваться на том, что материальные и нематериальные компоненты услуг круиза являются основанием для выделения конкретных видов деятельности. В этой связи, раскрытое нами нормативное определение комплексной услуги в круизе [7, с. 107], позволяет выделить базовую проблему, связанную с вопросом статуса разработчика услуги и ее поставщика: установление правового режима предоставления услуг размещения, требований к организации этой деятельности на борту круизного судна.

Если учитывать, что нормативно и доктринально круизный туризм представляет собой деятельность, направленную на удовлетворение потребностей туристов посредством оказания комплекса специальных услуг в круизе, можно сделать вывод о том, что субъекты-исполнители в сфере круизного туризма формально реализуют турпродукт, включающий в себя услуги по перевозке, размещению, общественному питанию, организации досуга и экскурсионных услуг и иные услуги. При этом законодательно установленные основания для деятельности в сфере туроперейтинга не позволяют признать, что основным и единственным субъектом, формирующим и реализующим турпродукт, являются именно туроператоры. Формально, судовладельцы через перевозчиков, а также сами перевозчики в сфере круизных перевозок могут без регистрации в статусе туроператора осуществлять основные услуги по перевозке, питанию и обязательному временному размещению на судне. Оказание туристам / пассажирам сопутствующих и дополнительных услуг, в том числе экскурсионных, а также услуг в сфере развлечений и организации досуга, на договорной основе могут осуществлять соответствующие субъекты предпринимательской деятельности, заключившие договор возмездного оказания услуг с организатором круиза, и находящиеся в местах (регионах) остановки / стоянки круизного судна [13, с. 297].

Вместе с тем, кажется очевидным, что оказание услуг по размещению, питанию и экскурсионной деятельности должно влечь за собой обязательства по обеспечению качества услуг и товаров, соблюдения требований к организации технологического процесса их производства и реализации, а также надлежащее обеспечение как физической, так и финансовой безопасности потребителя. Как и любые субъекты деятельности в туроперейтинге исполнители в сфере круизного туризма, нормативно

допущенные к реализации турпродукта как комплексной туристской услуге в сфере круизного туризма, должны иметь финансовое обеспечение обязательств, возникающих в случае неоказания или ненадлежащего оказания услуг. В связи с особым значением этого требования оно должно иметь императивный характер для международного круизного туризма.

Выводы

Развитие экономики круизного туризма и его эффективность могут быть обеспечены созданием условий для реализации компетентного выбора туристских услуг, включающих помимо перевозки, питания, экскурсий, организацию досуга и размещения. При этом именно услуга размещения как наиболее важный фактор формирования товарной стоимости круизного туристского продукта, должна также получить надлежащее правовое обеспечение.

Однако в настоящее время сложилась совсем другая ситуация. В правилах предоставления услуг по перевозке внутренним водным транспортом мы встречаем лишь упоминание о предоставлении комплекта постельных принадлежностей пассажири, имеющему билет на спальное место [17, п. 10]. Схематичные обобщенные и добровольные к применению и использованию требования к условиям размещения на круизном судне, позволяющие сформировать и создающие основания к соблюдению туристских ожиданий, содержаться в ГОСТ Р 56221–2022 «Туризм и сопутствующие услуги. Речные круизы. Общие требования»: в связи с материально техническим обеспечением круизного судна и помещений для пассажиров и экипажа [5, раздел 5]; в связи с уровнем сервиса, оказанием услуг питания и торговли, спортивно-оздоровительными, физкультурными, развлекательными, бытовыми услугами, а также услугами в сфере делового

туризма. Подобная форма регулирования вопроса контроля качества размещения на судне не соответствует современным требованиям к информированию потребителя. Кроме того, определенные вопросы вызывает и механизм контроля над соответствием предоставляемых услуг по размещению и временному пребываю, установленным Правилам и требованиям.

Таким образом, выделяемые нами условия продвижения и реализации не обеспечивают потребителю защиту реализации права на квалифицированный выбор услуг, а также на надлежащее и достоверное информирование об этих услугах. Равным образом лишение возможности критериально охарактеризовать уровень комфорта кают круизного судна, делает невозможным компетентный выбор и ограничивает возможность защиты права потребителя, как на получение услуг надлежащего качества, так и на надлежащее страхование рисков и возмещения убытков. Полагаем, что разрешение указанных проблем возможно посредством введения обязательной классификации круизных судов на основе каютного фонда, количественных и качественных характеристик услуг, по аналогии с действующими требованиями к средствам размещения, с последующим их реестровым учетом, актуальной информацией о судовладельцах и перевозчиках, а также императивное требование постановки в «Едином федеральном реестре туроператоров» всех лиц, осуществляющих услуги в сфере круизного туризма без туристских посредников. Перечисленные средства учета и контроля, позволят повысить конкурентоспособность рынка услуг круизного туризма посредством установления критериев комфорта в разрезе обслуживания и условий материально-технического и санитарно-гигиенического обеспечения, а также обеспечение исполнения надлежащих обязанностей и защиты прав потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басюков Г.Т. Круизный туризм: особенности и тенденции в 2018 году // Эпоха науки. — 2018. — Вып. 14. — С. 107–112
2. Безрукова Н.Л. Системный подход к оценке качества речного круизного продукта // Сервис в России и за рубежом. — 2016. — Т. 10. — № 3 (64). — С. 184–198
3. Булыгина И.И. Патриотический туризм как эффективное средство воспитания // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2016. — № 4 (24). — С. 22–25
4. Воронкова Л.П. Глобализация туризма в антропологическом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 27: глобалистика и geopolитика. — 2015. — №1-2. — С. 16–20
5. ГОСТ Р 56221-2022 «Туристские услуги. Речные круизы. Общие требования». — М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023. — 12 стр.
6. Законопроект № 587614-8 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/587614-8> (дата обращения: 14.06.2025)
7. Золотовский В.А. Перевозка или туризм: правовое регулирование договорных отношений в сфере водного круиза // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ЭКОНОМИКА и ПРАВО. — 2025. — №07. — С. 105–109. DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.11
8. Королева О.В. «Туризм памяти» как приоритетное направление сотрудничества России с государствами — членами евразийской интеграции // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 3. — С. 297–301
9. Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса: пер. с англ. / Дин Макканелл. 2-е изд. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. — 256 с.

10. Молчанова Н.В. Туристская деятельность как фактор патриотического воспитания // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 27–32
11. Мошняга Е.В. Идентичность в системе концептов туризма (межкультурный коммуникативный аспект) // Власть. — 2009. — № 2. — С. 50–53
12. Мошняга Е.В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации. — Москва: Советский спорт, 2010. — 219 стр.
13. Никифорова Г.А., Гусева Д.А., Гомилевская Г.А. Методологические основы идентификации понятия наземного обслуживания морских круизных туристов // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2016. — Т. 5. — № 4 (17). — С. 294–298
14. Плотникова В.С., Глушанок Т.М. Экскурсионные и досуговые услуги туристам с элементами иммерсивности в местах стоянок круизных теплоходов в Карелии // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2021. Т.15. — №3. — С. 84–96
15. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 16.10.2020 N 30 «Об утверждении санитарных правил СП 2.5.3650-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к отдельным видам транспорта и объектам транспортной инфраструктуры» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 25.12.2020
16. Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 N 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.12.2024; Собрание законодательства РФ. 06.01.2025. N 1. ст. 18
17. Приказ Минтранса России от 29.07.2024 N 256 «Об утверждении Правил оказания услуг по перевозке пассажиров, багажа, грузов для личных (бытовых) нужд на внутреннем водном транспорте» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 27.11.2024
18. Распоряжение Правительства РФ 2129-р от 20 сентября 2019 г. «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (с изменениями на 29 мая 2025 года)» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 23.09.2019, N 0001201909230010; Собрание законодательства Российской Федерации. 30.09.2019. N 39. ст. 5460
19. Фальковская Т.Ю. Феномен «праздный класс» как фактор развития туристической сферы в постиндустриальную эпоху // Magister Dixit. — 2013. — № 3. — С. 19–22
20. Agaeva N., Shchetilina I., Kovaleva E. Cruise tourism as a factor of sustainable development of the territories of the Russian Federation // International Scientific Forum on Sustainable Development and Innovation (WFSDI 2021). E3S Web of Conferences 295, 01041. — 2021. — P. 1–7
21. Logunova N., Kalinkina S., Lazitskaya N., Tregulova I. Specifics of cruise tourism and features of creating a cruise tourism product // International Scientific and Practical Conference «Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering». E3S Web of Conferences 217, 05005. — 2020. — P. 1–7
22. Macbeth J. Offshore Sailing: Subcultures and Neotribes // Consumer tribes in tourism: contemporary perspectives on special-interest tourism / Ch. Pforr, R. Dowling, M. Volgger (eds.). — New York: Springer, 2021. — pp. 241–260

© Золотовский Владимир Алексеевич (zolotovskiy.azi@volsu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ РОССИЙСКОГО СЕМЕНОВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

OVERCOMING IMPORT DEPENDENCE OF RUSSIAN SEED PRODUCTION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

L. Ivanova

Summary. The article shows that modern seed production has become a global high-tech industry characterized by a high degree of consolidation and unification of agrochemical and seed business, which allows accumulating financial, information and human resources for the implementation of expensive research and projects. It is shown that in Russia, the transition to market conditions has destroyed the breeding and seed production system. By the end of the 2000s. The main market institutions regulating seed breeding activities on market conditions were formed, but the Russian seed market remained inefficient and was largely subordinated to foreign producers. The article concludes that overcoming import dependence in seed production involves the consolidation of the Russian agrochemical and seed business through government encouragement of mergers and acquisitions that ensure the accumulation of financial, human, scientific, technological and information resources to transfer Russian seed production to a new technological basis.

Keywords: import dependence, seed breeding system, seed market, resource accumulation, business consolidation, economic policy, technological sovereignty.

Иванова Людмила Николаевна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики РАН (Москва)

iva-lusa@yandex.ru

Аннотация. В статье показано, что современное семеноводство превратилось в глобальную высокотехнологичную индустрию, для которой характерна высокая степень консолидации и объединение агрохимического и семеноводческого бизнеса, что позволяет аккумулировать финансовые, информационные и кадровые ресурсы для реализации дорогостоящих исследований и проектов. Показано, что в России переход рыночным условиям разрушил селекционно-семеноводческую систему. К концу 2000-х гг. основные рыночные институты, регулирующие селекционно-семеноводческую деятельность на условиях рынка, были сформированы, но российский рынок семян оставался неэффективным и был во многом подчинен иностранным производителям. В статье делается вывод, согласно которому преодоление импортозависимости в семеноводстве предполагает консолидацию российского агрохимического и семеноводческого бизнеса через поощрение государством процессов слияния и поглощения, обеспечивающих аккумулирование финансовых, кадровых, научных, технологических и информационных ресурсов для перевода российского семеноводства на новую технологическую основу.

Ключевые слова: импортозависимость, селекционно-семеноводческая система, рынок семян, аккумулирование ресурсов, консолидация бизнеса, экономическая политика, технологический суверенитет.

В настоящее время российский аграрный сектор выведен из-под прямого действия санкций. Современная Россия является крупнейшим экспортером аграрной продукции: доля России в мировой торговле подсолнечным маслом по итогам 2024 года составила 38%, а по итогам 2025 года должна достигнуть 42%¹. Российские суммарные поставки подсолнечного, рапсового и соевого масел занимают 20% глобального рынка². Россия уже несколько лет является лидером по экспорту пшеницы: в сельскохозяйственном сезоне 2024/2025 ее доля на мировом рынке составила 22%³. Россия лидирует и по экспорту минеральных удобрений: в 2024 году

доля российских удобрений на мировом рынке составила 21%⁴. В подобной ситуации принятие мер, серьезно ограничивающих предложение России на рынке продовольствия и минеральных удобрений могло привести к глобальному ценовому кризису⁵. В краткосрочной перспективе недружественные страны стремились избежать подобного сценария. Однако это вовсе не означает, что в среднесрочной перспективе санкции не коснутся российского АПК напрямую. В 2024 году Нижняя палата Конгресса США приняла проект закона «No Russian Agriculture Act», который нацелен на создание механизма постепенного сокращения зависимости отдельных стран от товаров российского сельскохозяйственного

¹ <https://mzhsr.ru/news/novosti-otrasli/rf-uvelichit-dolyu-v-mirovoj-torgovle-podsolnechnym-maslom-do-42-%E2%80%94-%C2%ABagroeksport%C2%BB>

² <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/43622-dolya-rossii-na-mirovom-rynke-rastitelnykh-masel-vyrosla-do-8-5/>

³ <https://agroexpert.press/eksport-import/rossiya-v-sezone-2024-2025-ostanetsya-liderom-v-mirovom-eksporte-pscheniczy-s-dolej-v-22/>

⁴ <https://xn--e1alid.xn--p1ai/journal/publication/dolya-rossii-na-mirovom-rynke-udobreniyy-vyrosla-do-21-v-2024-godu-fao-oon>

⁵ <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/41721-agroeksport-otsenit-posledstviya-zakonoproekta-ssha-o-snizhenii-zavisimosti-ot-rossiyskogo-prodovols/>

сектора, в частности, удобрений и зерна⁶. Не исключено, что даже если данный закон не будет принят, против российского АПК со временем начнут вводить прямые ограничения, затрагивающие не столько российский экспорт продовольствия, сколько импорт ресурсов, необходимых для эффективного функционирования российского агропродовольственного сектора.

Российский АПК сохраняет импортозависимость по целому ряду производственных ресурсов: продуктам агрохимии, ветеринарной фармацевтике и ее компонентам, семенам и селекционным материалам, высокотехнологичным ингредиентам кормов для животноводства, птицеводства и аквакультуры, генетическим ресурсам. Зависимость от зарубежных поставок носит дифференцированный характер в разрезе отраслей АПК и в значительной мере связана со структурными дисбалансами российского химического комплекса: недостаточным уровнем развития малотоннажной и микротоннажной химии, недостаточным уровнем развития биохимических и микробиологических производств, а также недостаточно высоким уровнем использования биотехнологического инструментария. При этом острота импортозависимости определяется прежде всего тем, из каких стран — дружественных или недружественных — поступают в российский АПК недостающие ресурсы. И в этом смысле весьма напряженная ситуация сложилась в семеноводстве, от состояния которого во многом зависит не только положение России на мировых рынках продовольствия, но и внутрироссийская продовольственная безопасность.

Статья посвящена анализу проблем развития российского семеноводства на современной научно-технологической базе. Ее цель — очертить круг наиболее острых проблем, сдерживающих развитие семеноводства. Информационной базой исследования являются стратегические и нормативные документы по проблематике селекции и семеноводства, материалы профильных электронных ресурсов и бизнес ассоциаций, научные публикации.

1. Основные тенденции развития мирового рынка семян

Семеноводство — отрасль АПК, задача которой — быстрая реализация достижений селекции и обеспечение всех хозяйств высококачественными семенами сортов и гибридов [6]. Как самостоятельная сфера производства семеноводство стало складываться ближе к середине 20 века, хотя коммерческое семеноводство как специализированное направление аграрного бизнеса

⁶ <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4768/text>

<https://yakovpartners.ru/publications/a-sovereign-capability-in-genetics-for-russian-agriculture/>

возникло в первой половине 18 века⁷. Рынок семеноводческой продукции на протяжении длительного времени оставался слишком узким: основными производителями семян являлись сами аграрии, которые самостоятельно отбирали лучшие семена из своего урожая для следующего посева и прибегали к приобретению семян на рыночных условиях только от случая к случаю.

История перехода от некоммерческого локально-го семеноводства, ограниченного рамками отдельных хозяйств и территорий, к рыночному промышленному семеноводству, т. е. масштабному производству семян специализированными организациями на базе селекционных разработок и семенных заводов, требует самостоятельного исследования. Очевидно, что условия для подобного перехода складывались по мере накопления научных знаний в области селекции, расширения спроса на коммерческие семена, а также формирования надежных источников финансирования селекционных разработок. В свою очередь, механизм аккумулирования средств, направляемых на селекционные исследования, формировался в ходе развития нормативно-правового обеспечения защиты прав селекционеров на доход от соответствующей деятельности в форме роялти. Речь идет о лицензионном вознаграждении, которое получает селекционер от использования другими экономическими агентами его селекционных достижений⁸.

Качественные изменения на рынке семян, которые являлись толчком для быстрого перехода к промышленному семеноводству, сложились в результате успешного опыта применения семян гибридов кукурузы в 20–40-е гг. в США, после которого гибридизация стала рассматриваться как надежный инструмент повышения урожайности. Это существенно расширило спрос на продукцию коммерческого семеноводства со стороны аграриев. В итоге был запущен процесс масштабирования семеноводства и перевода его на индустриальную основу.

Очень важно, что использование гибридов позволяло наращивать урожайность ряда плантационных культур, имеющих экспортное значение, но оно также позволяло эффективно решать проблему роялти (гибриды нельзя воспроизвести без потери качества, и сельхозпроизводители вынуждены прибегать к покупке семян ежегодно), а следовательно, и проблему привлечения частных инвестиций в селекционные разработки и семеноводство. Включение гибридов в воспроизводственный процесс сформировало устойчивый спрос на семена и сортовых, и гибридных растений и обусловило формирование достаточно устойчивой модели современного научноемкого промышленного семеноводства. Механизм

⁷ <https://www.pr-semena.ru/partners/>

⁸ <https://xn--e1alid.xn--p1ai/journal/publication/3873>

изынания роялти является важной составной частью экономического механизма в рамках данной модели.

К настоящему времени семеноводство превратилось в мощную глобальную высокотехнологичную индустрию. Глобальные компании, которые действуют на мировом рынке семян, представляют собой конгломераты, объединяющие производство семян, средств защиты растений, специализированных удобрений и прочей агрохимии. Комплементарность научно-технических основ производства семян и агрохимических продуктов позволяет этим компаниям снижать издержки за счет объединения химических и биотехнологических НИОКР, а также предлагать аграриям «пакетные» решения для ведения бизнеса.

Все последние годы на мировом рынке семян происходила консолидация, за счет которой были сформированы финансовые, информационные и кадровые ресурсы, позволяющие осуществлять крупные инвестиционные проекты, привлекать необходимых специалистов и использовать передовые технологии: генную инженерию для получения эффективных сортов и гибридов; биотехнологические способы обработки семян, повышающие их всхожесть и устойчивость к болезням; цифровые технологии, позволяющие контролировать качество семян, прогнозировать урожайность, а также применять технологию блокчейн для отслеживания происхождения семян и, что очень важно, защиту прав селекционеров и обеспечение окупаемости селекционных исследований и разработок.

В результате серии процессов слияния, поглощения и разделения бизнеса, которые интенсивно шли в 2010–2020 гг., корпоративная структура семеноводческого сектора стала еще более монолитной: в настоящее время верхние позиции на мировом семеноводческом рынке занимают четыре компании:

1. Немецкий химический концерн Bayer (в 2018 году приобрел компанию Monsanto — производителя агрохимической и биоинженерной продукции).
2. Американская агрохимическая компания Corteva (является результатом объединения в 2017 химических концернов Dow Chemical и DuPont в компанию DowDuPont, а затем выделения из нее в 2019 году семеноводческой компании Corteva, которая, в свою очередь, в 2023 году завершила слияние с испанской микробиологической компанией Symborg и американской компанией Stoller, специализирующейся на производстве биопрепаратов для повышения урожайности).
3. Китайско-швейцарская агрохимическая компания Syngenta (в 2017 г. китайская госкорпорация ChemChina приобрела швейцарскую компанию Syngenta при условии сохранения менеджмента компании и штаб-квартиры в Швейцарии).

4. Немецкий химический концерн BASF (в 2018 году приобрел компанию Nunhems, занимающуюся производством семян овощных культур, ранее входившую в состав компании Bayer).

По оценкам российской семеноводческой компании Ruseed, перечисленные компании контролируют более 60 % мирового рынка семян⁹. До 2022 года все мировые производители семян вели в России бизнес в виде торговой и/или локализованной производственной деятельности. После начала санкционной войны компания Corteva ушла из нашей страны¹⁰, а компании Bayer и BASF свернули производственную деятельность и прекратили инвестировать в проекты на российской территории, продолжив торговую деятельность. В совокупности с динамикой курса валют это вызвало серьезное напряжение в части обеспечения посевной 2022 года семенами в необходимом объеме по приемлемым ценам¹¹, а также подняло вопрос о технологической независимости российского растениеводства на новый уровень.

2. Анализ особенностей развития российского семеноводства: от плана к рынку

Система семеноводства, охватывающая селекцию, первичное семеноводство и масштабное производство семян стала складываться в нашей стране с 20-х годов 20 века. Система несколько раз реформировалась, сохранив свои базовые нерыночные черты. Переход к промышленному семеноводству начался в 60–70-е годы и имел свою специфику: в стране велись серьезные селекционные исследования, результаты которых признавались за рубежом¹², однако, несмотря на масштабность производства, его промышленная составляющая, связанная с обработкой семян, повышающей их всхожесть и устойчивость к болезням, была недостаточно обеспеченней в материально-техническом и технологическом плане. Система была несвободна от недостатков, благодаря которым семеноводство так и не выделилось в специализированную отрасль, отвечающую задаче интенсивного ведения хозяйства [1]. В то же время в условиях плановой экономики и госсобственности на средства производства и результаты селекционных разработок система была вполне рабочей¹³. Переход к рыночным

⁹ Роль селекции в продовольственной безопасности. Доклад. 2024. <https://www.zol.ru/review/rol-seleksii-v-prodovolstvennoj-bezopasnosti-241557>

¹⁰ <https://www.corteva.com/resources/media-center/corteva-decides-to-withdraw-from-russia.html>

¹¹ <https://www.nsss-russia.ru/2022/03/18/kto-ne-uspel-tot-bez-semyan/>

¹² <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/43368-put-seleksionerov-vekhi-razvitiya-rossiyskoy-otrasli-seleksii-i-semenovodstva/>

¹³ https://www.german-seed-alliance.de/media_lib_files/981_25_top_breeding_companies.pdf

условиям разрушил данную систему, что привело к быстрой деградации ее материально-технической и кадровой базы. Ликвидация плановости, в свою очередь, привела к возврату принципов самообеспечения хозяйств семенами [1], образованию теневого рынка семян и появлению зависимости страны от импорта [5].

Опасность подобной ситуации была осознана достаточно быстро. С одной стороны, нельзя было допустить полной утраты компетенций, связанных с селекцией. С другой стороны, в условиях ограниченности финансовых ресурсов было необходимо перевести аграрную науку на самоокупаемость, внедрив рыночные механизмы в систему, которая изначально создавалась как плановая¹⁴. Было необходимо выстроить новый институциональный каркас российской селекционно-семеноводческой системы, который обеспечивал бы поддержку селекционеров в новых экономических условиях, а также упорядочивал торговлю семенами в целях обеспечения прав потребителей на получение семян требуемого качества.

В принципе попытки так или иначе решить некоторые из перечисленных задач нашли свое отражение в том обстоятельстве, что бюджетное финансирование аграрной науки было сохранено, хотя и в очень урезанном виде. Постепенно формировался и институциональный каркас в виде нормативно-правовых актов, регулирующих селекционную и семеноводческую деятельность, а также рынок семян. В 1993 году был принят Закон «О селекционных достижениях» (утратил свою силу с 1 января 2008 года в связи с вступлением в силу четвертой части Гражданского кодекса, содержащего специальную главу «Право на селекционное достижение»). В 1997 году был принят Закон «О семеноводстве», а также закон «О лицензировании отдельных видов деятельности». В 2002 году принят Закон «О техническом регулировании», который заложил основы новой системы стандартизации и сертификации, необходимой для устранения технических барьеров в торговле семенами, предполагающей подтверждение соответствия продукции заявленным параметрам. На основании данного закона был разработан и в 2006 году вступил в действие Национальный стандарт «Семена сельскохозяйственных растений. Сортовые и посевные качества. Общие технические условия». В 2007 г. начинает работать ФГБУ «Россельхозцентр» — структура, которая занимается мониторингом качества семян, реализуемых на российском рынке, осуществляет сертификацию семеноводческой продукции, а также оказывает другие услуги в области растениеводства и семеноводства.

¹⁴ <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/23418-bitva-za-seleksiyu/>

3. Российский семеноводческий бизнес: современное состояние и перспективы

В целом к концу 2000-х основные институты, регулирующие селекционно-семеноводческую деятельность и рынок семян, были сформированы. В России стал постепенно складываться семеноводческий бизнес, занимающий отдельные ниши российского семеноводческого рынка, который к этому времени был во многом подчинен иностранным производителям, особенно в части семян овощных культур. Меры, предпринимаемые Правительством РФ для развития национального семеноводства в рамках ФНТП развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг., ФНТП развития генетических технологий на 2019–2027 гг. и нового Федерального Закона «О семеноводстве», принятого в 2021 году, оказались недостаточными. В 2022 году при общем уровне самообеспеченности семенами 63 %¹⁵, обеспеченность по картофелю составляла около 9 %, а по важному экспортному товару — подсолнечнику — 23 %. Высокий уровень самообеспеченности семенами собственной селекции наблюдался только по зерновым культурам: пшенице, ржи и ячменю, где доля отечественных семян составлял более 90 %¹⁶.

По другим основным культурам уровень самообеспеченности был намного ниже, хотя постепенно он сдвинулся в сторону некоторого увеличения доли семян отечественного производства (Таблица 1). У подобной ситуации было множество причин. Помимо тяжелых последствий перехода от плановой системы семеноводства к рыночной, эксперты указывали на длительный кризис в подсистемах «селекция» и «первичное семеноводство» в связи с хроническим недофинансированием [3, 4]. В качестве других причин назывались: низкий уровень покупательной способности сельхозпроизводителей; недостаточность выделяемых субсидий на закупку семян высокой репродукции; медленное внедрение в производство новых сортов из-за плохой управляемо-

Таблица 1.
Уровень самообеспеченности семенами по отдельным основным сельскохозяйственным культурам, %

	Сахарная свекла	Подсолнечник	Картофель	Кукуруза	Рапс яровой	Соя
2020	1,2	23,2	8,8	43,8	35,7	46,9
2024	8,0	44,0	10,0	48,0	36,0	50,0

Источник: Поле.РФ. <https://xn--e1alid.xn--p1ai/journal/publication/itogi-goda-v-selekcii-i-semenovodstve-2024> (Дата обращения 09.11.2025)

¹⁵ <https://sber.pro/publication/samoobespechennost-semenami-otechestvennogo-proizvodstva-v-rossii-dostigla-63-dannye-minselkhoza/>

¹⁶ <https://xn--e1alid.xn--p1ai/journal/publication/3979>

сти процессами сортосмены и сортобновления; постоянные колебания цен и спроса на рынке; использование аграриями семян низких репродукций зачастую неизвестного происхождения, а также ряд других [7, стр. 286].

Не отрицая всех перечисленных факторов, все же можно предположить, что точками уязвимости отечественного семеноводства являются не столько проблемы организации и финансирования НИОКР, сколько отсутствие у крупного российского бизнеса интереса к проектам, связанным с промышленным семеноводством, составной частью которого является селекция. Подобное отношение было обусловлено и низкой патентной дисциплиной, при которой результаты селекционной деятельности сложно коммерциализировать, и конкуренцией со стороны иностранных производителей. Не менее важной причиной является недостаток свободного капитала, сопряженного с определенными компетенциями. Как уже отмечалось, глобальные компании, действующие на мировом рынке семян, представляют собой агрохимические конгломераты, объединяющие производство семян и производство различной агрохимической продукции, что позволяет снизить издержки на НИОКР и более эффективно работать с аграрным бизнесом, предлагая ему агросопровождение по широкому кругу вопросов.

В России пока не сложилось ничего аналогичного подобным конгломератам. В аграрном секторе действуют несколько десятков частных селекционно-семеноводческих компаний, обслуживающих потребности аграриев одного или нескольких соседних регионов. Селекционно-семеноводческой деятельностью (в основном для собственных потребностей) занимаются крупные российские агрохолдинги: ГК «ЭФКО», АФК «Система», агрохолдинги «Степь» и «Лазоревское», ООО «Компания «Био-Тон»¹⁷. Селекцией и семеноводством в последнее время стали заниматься агрохимические компании. В 2023 году фирма «Август» открыла семенной завод, оснащенный высокотехнологичным оборудованием, с помощью которого будет проводиться многоступенчатая очистка зерна, его калибровка и многослойное пропаривание различными компонентами для повышения посевных качеств¹⁸. АО «Щелково Агрохим» также построило собственный семенной завод, а несколько дочерних структур компании занимаются селекцией и семеноводством.

Если же говорить о более мелких структурах — семеноводческих хозяйствах, которые занимаются массовым размножением семян районированных сортов, то по со-

стоянию на 1 ноября 2025 года в Реестре семеноводческих хозяйств, сертифицированных в Системе добровольной сертификации Россельхозцентра, содержались данные о 815 семеноводческих хозяйствах, которые могут принадлежать частным лицам, входить в тот или иной агрохолдинг, принадлежать государственным научно-исследовательским организациям и т. д.

В целом можно заключить, что российский семеноводческий бизнес недостаточно развит и слабо консолидирован для того, чтобы надежно обеспечить российское растениеводство не только семенами необходимого качества, но и в необходимом объеме: одной из причин сохранения импортозависимости российского растениеводства является дефицит семян [2]. В то же время нельзя отрицать, что интерес российского бизнеса к селекционно-семеноводческой деятельности в последние годы существенно вырос. На это повлияло несколько факторов. Во-первых, с рынка ушли многие иностранные поставщики семян. Во-вторых, начала функционировать ФГИС «Семеноводство», призванная решить две важнейших задачи: обеспечить контроль за качеством семян, уверенность в котором необходима тому, кто их приобретает, и защитить авторские права тех, кто занимается селекцией сортов и гибридов. В-третьих, на ситуацию положительно повлияли: поддержка аграрного экспорта, поддержка семеноводства через льготные кредиты для предпринимателей и субсидии для аграриев, использующих отечественные семена, введение квот и заградительных пошлин на импорт семян из недружественных стран.

Однако для того, чтобы кардинально изменить ситуацию, перечисленных мер может не хватить. Достижение технологического суверенитета в области семеноводства может потребовать принятия мер, направленных на трансформацию корпоративной структуры российской семеноводческой отрасли с учетом мировых тенденций ее развития, т. е. потребовать консолидации активов, компетенций, информационных и инвестиционных ресурсов. Регулятор в лице Минсельхоза РФ после 2022 года признал, что такие риски, как зависимость от импорта семян, негативные последствия использования сортов, неадаптированных к российским условиям, а также невостребованность отечественных селекционных разработок, носят системный характер и требуют системного ответа¹⁹. В настоящее время идет поиск основных алгоритмов этого ответа. Уже предприняты достаточно серьезные меры для того, чтобы поддержать селекционно-семеноводческую деятельность в России. Не исключено, что перечень этих мер будет дополнен мерами стимулирования процессов слияния и поглощения в агрохимическом и семеноводческом секторах.

¹⁷ <https://glavportal.com/materials/selekcija-v-rossii-dostizheniya-problemy-i-perspektivy>

¹⁸ <https://avgust.com/press/news/industry/v-tatarstane-nachinaet-rabotu-sovremennoy-semennoy-kompleks-avgusta/>

¹⁹ <https://specagro.ru/news/202508/politika-podderzhki-rossijskoy-selekcii-i-semenovodstva-budet-prodolzhena-lut>

Некоторые шаги в направлении консолидации уже сделаны. В 2023 году при поддержке Минсельхоза РФ был создан Национальный селекционно-семеноводческий консорциум, в который вошли компании «БиоТон», «Русид», «ЭФКО» и ФНЦ «Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур имени В.С. Пустовойта». Цель создания консорциума — объединить усилия бизнеса и науки в сфере селекции и обеспечения российского АПК семенами подсолнечника²⁰. Не исключено, что именно данное решение внесло свой вклад в существенный рост уровня самообеспеченности семенами данной культуры в 2020–2024 гг.

²⁰ <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-rossii-sozdan-natsionalnyy-seleksionno-semenovodcheskiy-konsortsium-87965/>

Представляется, что трансформация экономической политики в отношении семеноводческого сектора должна исходить из того, что при существующих угрозах национальной продовольственной безопасности и динамике селекционных разработок глобальных компаний целесообразно обеспечить появление в России «национального чемпиона» — крупной компании, объединяющей финансовые, кадровые, технологические и информационные ресурсы агрохимического и семеноводческого производства. Появление подобной компании — это вполне реальный шанс не только удовлетворить потребности российских аграриев и обеспечить технологический суверенитет российского АПК, но и возможность выхода России на мировой рынок селекционно-семеноводческой продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березкин Н.А. Этапы развития семеноводства. — Москва, РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева. 2017. 23с.
2. Клименков Ф.И., Ворончихин В.В., Мишанова Е.В., Кузьмина Н.П., Клименкова И.Н. Обоснование потребности Российской Федерации в отечественных семенах и решение проблемы их дефицита // Московский экономический журнал. 2022. №11. С 305–318
3. Косолапов В. М., Чернявских В. И. Кормопроизводство: состояние, проблемы и роль ФНЦ «ВИК им. В.Р. Вильямса» в их решении // Достижения науки и техники АПК. 2022. Т. 36. № 4. С. 5–14
4. Криничная, Е. П. Современное состояние отрасли селекции и семеноводства в России: ключевые проблемы и направления их решения// Мелиорация и гидротехника. — 2021. — Т. 11, № 4. — С. 245–265.
5. Манукян И.Р., Абиева Т.С. История селекции и семеноводства в России: прошлое и настоящее // Вестник Владикавказского НЦ РАН. 2019. №1. С. 50–54
6. Семеноводство и сертификация семян: краткий курс лекций для аспирантов направления подготовки 35.06.01 — Сельское хозяйство, профиль подготовки «Селекция и семеноводство сельскохозяйственных растений» /Е.В. Морозов, А.Г. Субботин //ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ» — Саратов, 2014. — 76 с.
7. Система адаптивного земледелия Омской области». ФГБНУ «Омский АНЦ»—Омск, 2020. — 522 с.

© Иванова Людмила Николаевна (iva-lusa@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИКА И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАРКЕТИНГЕ

ETHICS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN INTERNATIONAL MARKETING

*O. Ivanchina
E. Bobkova
I. Grigoryants*

Summary. In the context of globalization and worsening environmental problems, ethics and sustainable development have transformed from additional elements into critical components of an international marketing strategy. This article explores the theoretical and practical aspects of integrating ethical principles and the concept of sustainable development into international marketing. The relevance of the topic is due to the growing consumer demand for socially responsible and environmentally friendly products, the tightening of international environmental standards and the need to build long-term relationships with stakeholders. The purpose of the article is to develop a holistic concept for integrating the principles of ethics and sustainable development into an international marketing strategy, as well as to propose a practical scheme for implementing this concept. Based on the analysis and synthesis of best practices, a strategic map is proposed, which is a visual coordinate system for decision-making. It helps companies assess the current situation and build a sequence of actions to integrate ethics and sustainable development into their international marketing strategy. Unlike traditional cyclical models, the proposed «Strategic Sustainable Marketing Map» is a diagnostic and navigational tool. It does not prescribe a rigid sequence of actions, but allows each company, based on its unique context, to determine its own trajectory of transition from reactive compliance to proactive leadership in international marketing, making the strategy flexible and adaptive. The proposed approach will allow companies not only to strengthen their reputation, but also to gain significant competitive advantages in the global market.

Keywords: marketing ethics, sustainable development, international marketing, corporate social responsibility, ESG.

Введение

Актуальность данного исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, это изменение потребительского поведения. Исследования показывают, что большинство

Иванчина Ольга Викторовна
кандидат экономических наук, доцент, Приволжский
государственный университет путей сообщения
ivanchina_o@mail.ru

Бобкова Елена Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент,
Самарский филиал МГПУ
Vica3@yandex.ru

Григорьянц Игорь Александрович
к.э.н., доцент,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева
market@ofernio.su

Аннотация. В условиях глобализации и обострения экологических проблем этика и устойчивое развитие превратились из дополнительных элементов в критически важные компоненты международной маркетинговой стратегии. Данная статья исследует теоретические и практические аспекты интеграции этических принципов и концепции устойчивого развития в международный маркетинг. Актуальность темы обусловлена растущим потребительским спросом на социально ответственную и экологически безопасную продукцию, ужесточением международных экологических стандартов и необходимостью построения долгосрочных отношений с заинтересованными сторонами. Цель статьи заключается в разработке целостной концепции интеграции принципов этики и устойчивого развития в стратегии международного маркетинга, а также в предложении практической схемы внедрения данной концепции. На основе проведенного анализа и синтеза лучших практик предложена стратегическая карта — визуальная система координат для принятия решений. Она помогает компаниям оценить текущее положение и выстроить последовательность действий по интеграции этики и устойчивого развития в свою международную маркетинговую стратегию. В отличие от традиционных циклических моделей, предлагаемая «Стратегическая карта устойчивого маркетинга» является диагностическим и навигационным инструментом. Она не предписывает жесткую последовательность действий, а позволяет каждой компании, исходя из ее уникального контекста, определить свою собственную траекторию перехода от реактивного соответствия к проактивному лидерству в международном маркетинге, делая стратегию гибкой и адаптивной. Предложенный подход позволит компаниям не только укрепить свою репутацию, но и получить существенные конкурентные преимущества на мировом рынке.

Ключевые слова: этика маркетинга, устойчивое развитие, международный маркетинг, корпоративная социальная ответственность, ESG.

потребителей готовы платить больше за продукцию устойчивых брендов [1]. Во-вторых, это ужесточение регулирования: правительства и международные организации вводят более строгие нормы в области защиты окружающей среды, прав трудящихся и корпоративного управления. В-третьих, инвестиционное сообщество все

чаще рассматривает ESG-факторы (экологические, социальные и управленческие) как критически важные для оценки долгосрочных рисков и потенциала компаний [2, 5]. При этом возникает риск «гринвашинга» — недобросовестного позиционирования себя как «зеленой» компании, который может привести к серьезным репутационным потерям и юридическим последствиям, особенно в странах с жестким экологическим регулированием [9]. Цель статьи заключается в разработке целостной концепции интеграции принципов этики и устойчивого развития в стратегии международного маркетинга, а также в предложении практической схемы внедрения данной концепции. Новизна исследования заключается в синтезе концепций этики, устойчивого развития и международного маркетинга в единой практико-ориентированной модели, направленной на создание долгосрочной ценности для бизнеса, общества и окружающей среды.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу данного исследования составляет комплексный анализ данных, включающий систематизацию и критическое осмысление информации, полученной из научных публикаций, кейсов международных компаний. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: сравнительный анализ существующих концепций и определений, контент-анализ источников, структурирование, описание, сопоставление и другие.

Результаты и обсуждения

Современная парадигма международного бизнеса переживает фундаментальный сдвиг, обусловленный растущей осведомленностью потребителей, ужесточением экологического регулирования и давлением со стороны инвесторов. Устойчивое развитие, понимаемое как удовлетворение потребностей настоящего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [6], перестало быть факультативной инициативой и стало стратегическим императивом. В свою очередь, этика в международном маркетинге, под которой подразумевается применение моральных принципов к маркетинговой практике, пересекающей государственные границы [8], вышла на первый план в условиях, когда неэтичные действия в одной стране мгновенно становятся достоянием мировой общественности через социальные медиа.

Теоретический анализ позволил выявить эволюцию подходов от относительно узкого понимания этики в маркетинге к более широкой концепции устойчивого развития и ESG. Изначально этика в международном маркетинге фокусировалась на соблюдении базовых принципов: правдивости и честности в коммуникациях, справедливости и непредвзятости по отношению к по-

требителям и партнерам, уважении культурных различий. Нарушениями считались, например, предвзятость исследований, манипулятивная реклама или несоблюдение конфиденциальности респондентов [10].

Концепция устойчивого развития расширила этот фокус, добавив экологическое измерение (снижение негативного воздействия на окружающую среду) и долгосрочную экономическую жизнеспособность.

В современном контексте эти два направления сливаются в рамках ESG-маркетинга, который представляет собой использование принципов экологичности, социальной ответственности и качественного корпоративного управления в маркетинговой деятельности для формирования ценности компании и ее устойчивого развития [4, 6].

На пути интеграции этики и устойчивости компании сталкиваются с рядом сложных дилемм, обусловленных мировым масштабом деятельности. Одна из главных сложностей заключается в необходимости баланса между адаптацией к локальным культурным нормам и соблюдением универсальных этических принципов компании. То, что считается приемлемой бизнес-практикой в одной стране, может расцениваться как неэтичное поведение в другой. Например, реклама, прославляющая индивидуализм, может быть эффективна в западных культурах, но оказаться неприемлемой в коллектиivistских обществах [7]. Этичные компании решают эту дилемму, устанавливая глобальные минимальные стандарты, которые не могут быть снижены под предлогом культурных особенностей.

Кроме того, растущий спрос на устойчивость породил явление гринвашинга — создания ложного впечатления об экологичности компании. В международном маркетинге риски гринвашинга многократно возрастают, так как контролировать все звенья глобальной цепочки создания стоимости крайне сложно. Современные потребители и НКО стали особенно бдительны, и разоблачения в одной стране могут мгновенно нанести ущерб репутации бренда во всем мире. Это делает подлинную прозрачность не просто добродетелью, а бизнес-необходимостью [9].

Также следует отметить, что многонациональные компании несут моральную ответственность за условия труда не только на своих предприятиях, но и у всех поставщиков. Проблемы, такие как использование детского или принудительного труда, нарушения техники безопасности, часто встречаются в развивающихся странах с менее строгим законодательством. Таким образом, этичный международный маркетинг требует внедрения строгих систем аудита и мониторинга всей цепи поставок. Еще одной этической дилеммой является установ-

ление справедливых цен в странах с разным уровнем доходов. Компании должны избегать стратегий, которые могут рассматриваться как эксплуатация уязвимых потребительских групп в развивающихся странах [11].

Анализ опыта ведущих международных компаний позволяет выделить ряд успешных практик и инструментов. Компании все чаще переходят от линейной модели «произвел-использовал-выбросил» к циклической, что становится мощным маркетинговым активом. Яркий пример — производитель одежды Patagonia, который не только использует экологичные материалы, но и поощряет клиентов ремонтировать свою одежду, сдавать ее на переработку и покупать подержанные вещи. Такие инициативы не только снижают экологические последствия, но и создают глубокую эмоциональную связь с потребителями, укрепляя лояльность к бренду. H&M — это глобальный розничный бренд одежды и аксессуаров, который совершил прорыв в технологии переработки тканей, представив Green Machine. Эта технология позволяет перерабатывать смеси хлопка и полиэстера, что выгодно для достижения цели по использованию 30 % переработанных материалов в своей продукции к 2025 году, при этом компания обязалась увеличить этот показатель до 100 % к 2030 году [6].

Социальные медиа и цифровые платформы стали основным инструментом для демонстрации приверженности устойчивому развитию. Компании используют сторителлинг, чтобы правдиво рассказывать истории о своих практиках и их положительном влиянии. Интерактивный контент, такой как опросы и живые трансляции, позволяет вовлекать аудиторию в диалог и получать обратную связь. Технологии, такие как блокчейн, начинают использоваться для обеспечения полной прослеживаемости цепочек поставок [3].

ESG-принципы интегрируются в саму суть бренда. Например, технологическая компания Siemens поставила цель стать климатически нейтральной к 2030 году и уже сократила выбросы CO₂ более чем вдвое, используя собственные технологические инновации [6].

Важно также отметить, что устойчивое развитие начинается внутри организации. Создание здоровой атмосферы, ориентированность на человека, поддержание баланса между работой и личной жизнью — это ожидания современных сотрудников. Компании, которые демонстрируют заботу о своих работниках (например, через программы переобучения, как в Delivery Club), не только повышают лояльность персонала, но и укрепляют свой имидж социально ответственного работодателя, что становится конкурентным преимуществом на глобальном рынке труда [4].

На основе проведенного анализа и синтеза лучших практик предлагается стратегическая карта — визу-

Таблица 1.
Сравнительная характеристика традиционного и устойчивого этического международного маркетинга

Аспект	Традиционный международный маркетинг	Устойчивый и этический международный маркетинг
Основной фокус	Максимизация прибыли, краткосрочные финансовые цели	Баланс между прибылью, планетой и людьми (тройная итоговая линия), долгосрочная ценность
Коммуникация	Односторонняя, демонстрация только положительных сторон, возможна манипуляция	Прозрачная, диалоговая, признание вызовов и недостатков, правдивость
Подход к культуре	Максимальная стандартизация или поверхностная адаптация	Глубокая адаптация с уважением к культурным особенностям при соблюдении глобальных этических стандартов
Управление цепочкой поставок	Критерий выбора поставщика — в основном стоимость и эффективность	Критерии включают экологические и социальные практики поставщика, справедливую торговлю
Восприятие потребителя	Пассивный покупатель	Активный участник, стейкholder, партнер в достижении целей устойчивого развития

Источник: составлено автором

альная система координат для принятия решений. Она помогает компаниям оценить текущее положение и выстроить последовательность действий по интеграции этики и устойчивого развития в свою международную маркетинговую стратегию. Основная идея — переход от тактических «точечных» улучшений к целостному стратегическому позиционированию.

Рис. 1. Предлагаемая матрица «Стратегическая карта устойчивого маркетинга»

Источник: составлено автором

Ось вертикальная — «глубина интеграции». Нижняя часть оси — реактивный подход. Действия предпринимаются как вынужденная реакция на давление регуля-

торов, конкурентов или скандалы. Верхняя часть оси — проактивный подход. Принципы этики и устойчивости интегрированы в ДНК компании, ее миссию и долгосрочную стратегию.

Ось горизонтальная — «масштаб воздействия». Левая часть оси — внутренний/локальный фокус. Усилия сконцентрированы на внутренних процессах и отдельных, часто домашних, рынках. Правая часть оси — глобальный/экосистемный фокус. Деятельность направлена на трансформацию всей цепочки создания стоимости и оказание положительного влияния на глобальную экосистему.

В результате пересечения этих осей получаются четыре стратегических квадранта:

- квадрант «Соответствие и адаптация». Компании здесь фокусируются на соблюдении локальных законов и минимальных стандартов. Их маркетинг упоминает устойчивость фрагментарно, часто в целях PR;
- квадрант «Стратегический брэндинг». Компании строят сильный, этичный бренд вокруг устойчивости, но их усилия в основном сфокусированы на их прямых операциях и ключевых рынках. Пример: Patagonia с ее фокусом на качество и ремонт;
- квадрант «Управление цепочкой поставок». Компании вынуждены под давлением глобализации наводить порядок в своих международных цепочках поставок (борьба с гривошингом, аудит поставщиков). Это реактивный, но широкомасштабный подход;
- квадрант 4 «Экосистемное лидерство». Идеальный целевой квадрант. Компании не только сами придерживаются высочайших стандартов, но и используют свое влияние для изменения индустрии. Они создают инновационные бизнес-модели (шеринг и т.п.), сотрудничают с конкурентами для установления новых стандартов, а их маркетинг правдиво рассказывает о сложностях и победах на этом пути.

Далее представлена «Дорожная карта перехода к экосистемному лидерству», которая описывает, как компания может использовать эту стратегическую карту для собственной трансформации.

Шаг 1 «Диагностика текущего положения». Компания проводит аудит своей международной маркетинговой деятельности и наносит себя на карту.

Шаг 2 «Определение целевого квадранта». Исходя из своей миссии, амбиций и ресурсов, компания определяет, к какому квадранту она будет стремиться. Для большинства глобальных лидеров целью должен стать Квадрант 4 — «Экосистемное лидерство».

Шаг 3 «Построение вектора движения». На карте рисуется вектор из текущего положения в целевой квадрант. Этот вектор определяет последовательность стратегических приоритетов. Пример вектора из Квадранта 1 в Квадрант 4. Сначала осуществляется внутренняя трансформация (движение вверх по оси вертикальной). Прежде чем заявлять о себе глобально, необходимо проактивно интегрировать этику и устойчивость в ядро бизнеса, что включает в себя пересмотр корпоративной культуры, систем мотивации менеджеров и внутренних операционных процессов. Затем осуществляется экспансия влияния (движение вправо по оси горизонтальной). После укрепления внутренних основ компания начинает проецировать свои ценности вовне. Она выстраивает прозрачные и этичные отношения со всеми международными поставщиками, инвестирует в экологические и социальные проекты в странах своего присутствия, начинает открыто делиться данными и технологиями для продвижения стандартов всей отрасли.

Шаг 4 «Разработка тактических инициатив». Для каждого отрезка вектора движения разрабатывается набор конкретных маркетинговых и управленических инициатив. Например, при движении «вверх» по оси — это пересмотр позиционирования бренда; при движении «вправо» по оси — это запуск глобальной платформы прослеживаемости продукции для потребителей.

Шаг 5 «Мониторинг и корректировка позиции». Компания должна регулярно (например, раз в год) переоценивать свое положение на Стратегической карте, отслеживая прогресс и корректируя свой вектор движения в ответ на изменения внешней среды и собственный рост.

В отличие от традиционных циклических моделей, предлагаемая «Стратегическая карта устойчивого маркетинга» является диагностическим и навигационным инструментом. Она не предписывает жесткую последовательность действий, а позволяет каждой компании, исходя из ее уникального контекста, определить свою собственную траекторию перехода от реактивного соответствия к проактивному лидерству в международном маркетинге, делая стратегию гибкой и адаптивной.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что интеграция этики и устойчивого развития в международный маркетинг является не просто ответом на внешнее давление, а стратегической необходимостью для долгосрочного успеха и конкурентоспособности на глобальной арене. Этика и устойчивость перестали быть периферийными функциями и превратились в центральный элемент стратегии, бренда и операционной деятельности международных компаний. Основными вызовами

при внедрении являются дилеммы культурного релятивизма, риски гринвашинга, сложности обеспечения этичности глобальных цепочек поставок и установления справедливого ценообразования. Успешными практиками, позволяющими преодолеть эти вызовы, являются внедрение моделей циклической экономики, использование цифровых технологий для обеспечения прозрачности, построение ESG-бренда и развитие кор-

поративной культуры, основанной на ценностях. На основе проведенного анализа и синтеза лучших практик предложена стратегическая карта — визуальная система координат для принятия решений. Она помогает компаниям оценить текущее положение и выстроить последовательность действий по интеграции этики и устойчивого развития в свою международную маркетинговую стратегию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулаева, Ш.Х. Психология потребителей и клиентов в современном маркетинге / Ш.Х. Абдулаева // Моя профессиональная карьера. — 2022. — Т. 2, № 36. — С. 15–22.
2. Аникиенко, Т.И. Стандарты ESG-трансформации / Т.И. Аникиенко, Н.И. Дунченко, В.С. Елисеев // Компетентность. — 2023. — № 2. — С. 22–26. — DOI 10.24412/1993-8780-2023-2-22-26.
3. Бергер, Ф. Устойчивое развитие в маркетинге: тенденции // Berger+Team. — URL: <https://www.berger.team/ru/marketing/nachhaltigkeit-im-marketing-trends/> (дата обращения: 25.10.2025).
4. Границы ESG: как устойчивое развитие проникло во все сферы жизни // EcoStandard.journal. — URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitiye/grani-esg-kak-ustoychivoe-razvitiye-proniklo-vo-vse-sfery-zhizni/> (дата обращения: 25.10.2025).
5. Джумаева, Я.М.Х. ESG-индексы и рейтинги: возможности и ограничения для объективной оценки вклада в устойчивое развитие / Я.М.Х. Джумаева // ФГУ Science. — 2023. — № 3(31). — С. 46–51. — DOI 10.36684/37-2023-31-3-46-52.
6. Устойчивое развитие: маркетинг в новой эре осознанного потребления // Publishing house Idew Media Belarus. — URL: <https://thebtw.com/pro-obzor/54419-ustoychivoe-razvitiye-marketing-v-novoj-ere-osoznannogo-potrebleniya.html> (дата обращения: 25.10.2025).
7. Чжан, Сяомин Культурные различия в международном маркетинге // Экономика и социум. — 2024. — № 2(117)-1. — С. 1512–1515.
8. Шарапов, Р.О. Роль этики в маркетинге // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2023. — № 5 (71). — С. 115–120.
9. Шахназаров, Б.А. Гринвашинг, гринвишинг и гринхашинг в контексте недобросовестной конкуренции, охраны интеллектуальной собственности и прав потребителей // Lexrussica. — 2024. — Т. 77. — № 11. — С. 63–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.063-073.
10. Этические принципы в маркетинговых исследованиях // открытые медиа. — URL: <https://www.ovtr.ru/stati/eticheskiye-principi-v-marketingovykh-issledovaniyakh> (дата обращения: 25.10.2025).
11. Ethics in international marketing: complexities and implications // Abroadlink. — URL: <https://abroadlink.com/blog/ethics-in-international-marketing> (date of application: 25.10.2025).

© Иванчина Ольга Викторовна (ivanchina_o@mail.ru); Бобкова Елена Юрьевна (Vica3@yandex.ru);
Григорьянц Игорь Александрович (market@ofernio.su)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗЛИЧИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ЕАЭС – ПОДХОДЫ К СБЛИЖЕНИЮ И ГАРМОНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ¹

THE DIFFERENCE IN SOCIAL AND ECONOMIC STATUS OF LABOR MIGRANTS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION — APPROACHES FOR CONVERGENCE AND HARMONIZATION OF MEDICAL SERVICE²

N. Ishchenko
A. Krupina
K. Puren
N. Pyzhikov
E. Chimiris
V. Zhivalov

Summary. This article is an analysis of the specifics of the legal regulation of the social security of migrant workers and members of their families in the member States of the Eurasian Economic Union. The study revealed that, despite the compliance of national legal systems with the provisions of the EAEU Treaty, significant gaps remain in ensuring equal access to medical services. The paper considers in detail the specific aspects of regulating the medical care of migrant workers and their families in the EAEU countries, as well as a comparative assessment of existing differences. Based on the results of the study, recommendations were developed for the unification of regulation in this area and their potential economic effects were assessed. The main proposal is an initiative to create a supranational voluntary health insurance product covering the entire territory of the EAEU and providing workers of the member States and their families with a standardized volume of medical services.

Keywords: EAEU, labor market, labor migration, medicine, labor market, migrants, labor resources.

Ищенко Наталья Геннадиевна
 кандидат юридических наук, доцент, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва
 nischenko@vavt.ru

Крупина Анна Александровна
 Аналитик, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ; аспирант Института Африки РАН, Москва
 anna.krupina.a@yandex.ru

Пурен Кристина Александровна
 младший научный сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ; Научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН; Аспирант, МГИМО МИД России, Москва
 puren2011@mail.ru

Пыжиков Никита Сергеевич
 руководитель Центра экономической интеграции Института развития интеграционных процессов, научный сотрудник Института международной экономики и финансов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва
 ns.pyzhikov@vavt.ru

Чимирис Екатерина Сергеевна
 кандидат политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва
 chimiris@gmail.com

Живалов Владимир Николаевич
 доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва
 zhivalovvn@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ особенностей правового регулирования социального обеспечения трудовых мигрантов и членов их семей в государствах — участниках Евразийского экономического союза. Проведенное исследование выявило, что, несмотря на соответствие национальных правовых систем положениям Договора о ЕАЭС,

¹ Работа выполнена Институтом развития интеграционных процессов в рамках государственного задания Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ

² The work was carried out by the Institute for the Development of Integration Processes within the framework of the state assignment of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения равного доступа к социальным гарантиям для трудовых мигрантов в условиях углубляющейся интеграции государств — членов ЕАЭС. Проблематика заключается в несогласованности национальных систем здравоохранения, что ограничивает доступ мигрантов и их семей к медицинским услугам. Общий рынок труда — один из основополагающих факторов развития евразийской экономической интеграции. Возможность беспрепятственно устроится на работу в другом государстве — члене ЕАЭС — одно из явных преимуществ, которое предоставляет членство в ЕАЭС. Наличие общего рынка труда ЕАЭС способствует увеличению мобильности рабочей силы, а также обеспечивает свободное передвижение работников внутри государств-членов, содействуя удовлетворению потребностей в трудовых ресурсах. Также общий рынок труда помогает снижению дефицита кадров, так как страны могут перенаправлять работников в регионы с нехваткой специалистов [1, р. 98-99]. В то же время свободное перемещение рабочей силы поддерживает устойчивое экономическое развитие ЕАЭС, так как обмен трудовыми ресурсами содействует экономическому росту и повышает конкурентоспособность государств-членов. В результате создания общего рынка труда происходит гармонизация трудового законодательства, создание единых стандартов и упрощение процедур трудоустройства. Наконец, общий рынок труда способствует глобальной интеграции, укрепляет экономические связи между государствами — членами ЕАЭС и повышает их вес на международной арене.

Однако несмотря на то, что общий рынок труда ЕАЭС функционирует достаточно долго, все еще остаются сложности, связанные с недостаточным уровнем гармонизации трудового законодательства, в первую очередь, в области социально-экономического положения трудовых мигрантов [2, с. 62-63]. Различия в уровне развития

сохраняются существенные пробелы в обеспечении равного доступа к медицинским услугам. В работе детально рассмотрены специфические аспекты регулирования медицинского обеспечения трудовых мигрантов и их семей в странах ЕАЭС, а также проведена сравнительная оценка существующих различий. По итогам исследования разработаны рекомендации по унификации регулирования в данной области и оценены их потенциальные экономические эффекты. В качестве основного предложения выдвинута инициатива по созданию наднационального добровольного медицинского страхового продукта, охватывающего всю территорию ЕАЭС и предоставляющего трудящимся государств-членов и их семьям стандартизованный объем медицинских услуг.

Ключевые слова: ЕАЭС, рынок труда, трудовая миграция, медицина, рынок труда, мигранты, трудовые ресурсы.

и в социальных правах, обеспечиваемых на территории государства — члена Союза, создают неравные условия для трудовых мигрантов. В статье ставится цель изучить и сравнить механизмы предоставления медицинских услуг трудовым мигрантам и членам их семей в государствах ЕАЭС, а также выявить существующие различия в законодательстве и предложить конкретные рекомендации. В качестве методологической основы в работе используются сравнительный и статистический анализ.

Правовые основы единого рынка труда ЕАЭС в области медицины

В ЕАЭС вопросы трудовой миграции урегулированы в разделе XXVI Договора, где особое внимание уделяется правам мигрантов и членов их семей на доступ к медицинской помощи. Так, пункт 3 статьи 98 предусматривает равенство условий: социальное обеспечение и страхование (кроме пенсионного) распространяются на граждан государств-членов и их семьи наравне с гражданами принимающего государства.

Согласно пункта 4 Протокола об оказании медицинской помощи трудящимся-мигрантам и членам их семей (Приложение № 30 к Договору о ЕАЭС [3]) установлено, что государства-члены обязаны предоставлять на своей территории трудящимся из стран ЕАЭС и их семьям право на бесплатное получение скорой медицинской помощи в экстренной и неотложной формах на условиях, равных для собственных граждан. Оказание такой помощи осуществляется независимо от наличия у пациента медицинского страхового полиса. В случае необходимости продолжения лечения после устранения непосредственной угрозы жизни пациента или здоровью окружающих оплата фактической стоимости услуг производится самим пациентом или из других источников, разрешенных законодательством государства трудоустройства, в соответствии с тарифами или договорными ценами.

О различиях в социально-экономическом положении трудящихся мигрантов в государствах-членах ЕАЭС

Россия остается основным местом притяжения трудовых мигрантов из государств-членов ЕАЭС. В том числе мигрантов привлекает возможность получить качественное медицинское обслуживание. При этом правила и процедуры предоставления медицинской помощи трудовым мигрантам и их семьям из ЕАЭС различаются в зависимости от законодательства страны пребывания (см. Таблицу 1)

Анализ нормативно-правовой базы в сфере медицинского обеспечения трудящихся из государств-членов ЕАЭС показывает, что правовое регулирование на национальном уровне соответствует положениям Договора о ЕАЭС. Оно гарантирует трудящимся и членам их семей право на получение бесплатной скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) на тех же условиях и в том же порядке, что и гражданам государства трудоустройства.

Однако были выявлены существенные различия в правовом регулировании, касающиеся объема доступных медицинских услуг в различных государствах-членах ЕАЭС. Эти различия напрямую влияют на уровень социального обеспечения трудящихся в каждом

из государств их трудоустройства. Одним из ключевых факторов, определяющих объем предоставляемых медицинских услуг, является наличие или отсутствие в конкретной стране системы обязательного медицинского страхования.

В Республике Армения система обязательного медицинского страхования (ОМС) находится на стадии формирования. К 2027 году планируется распространить страховое покрытие на все категории населения. Первоначально размер страховых отчислений предполагалось установить на уровне 6% от дохода застрахованных лиц, однако в настоящее время рассматривается введение фиксированной суммы взносов. В настоящее время трудящиеся из государств-членов ЕАЭС и их семьи имеют право только на получение скорой медицинской помощи; доступ к другим видам медицинских услуг возможен при заключении договора добровольного медицинского страхования или при их оплате за счет личных средств. Согласно статье 25 Закона Республики Армения «О медицинской помощи, обслуживании населения» от 4 марта 1996 г. [4], финансирование системы здравоохранения осуществляется за счет средств государственного бюджета, страховых выплат, личных платежей получателей медицинских услуг, а также иных предусмотренных законом источников.

В Республике Беларусь отсутствует система обязательного медицинского страхования, в стране применя-

Таблица 1.

Доступ к получению медицинской помощи трудящихся из государств-членов ЕАЭС и членов их семей (на платной и бесплатной основе)

	Категория мигрантов	Наличие ОМС	Условия доступа к плановой медицинской помощи
Армения	Труд. мигрант ЕАЭС и члены семьи	Отсутствует	Платно для всех
Белоруссия	Труд. мигрант ЕАЭС	Отсутствует	Только на основе ДМС. Граждане Российской Федерации при наличии трудового договора имеют право на получение бесплатной помощи.
	Члены его семьи		Только на основе ДМС. Граждане Российской Федерации при наличии трудового договора имеют право на получение бесплатной помощи.
Казахстан	Труд. мигрант ЕАЭС	Есть	Включается в систему ОМС на основе внесения взносов работодателем
	Члены его семьи		Оформление полиса ОМС возможно за счет собственных средств (самостоятельное внесение страховых взносов). Исключение — инвалиды, дети или пенсионеры, помощь которым оказывается за счет бюджета
Киргизия	Труд. мигрант ЕАЭС	Есть	Включается в систему ОМС на основе внесения взносов работодателем
	Члены его семьи		Оформление полиса ОМС возможно за счет собственных средств (самостоятельное внесение страховых взносов).
Россия	Труд. мигрант ЕАЭС	Есть	Включается в систему ОМС на основе внесения взносов работодателем
	Члены его семьи		Постоянно и временно проживающим — предоставляется полис ОМС. Временно пребывающим — только на основе ДМС.

Источник: составлено авторами.

ется модель государственного финансирования здравоохранения [5]. В соответствии с действующим порядком, граждане ЕАЭС имеют право на бесплатное получение услуг скорой медицинской помощи, тогда как плановая помощь предоставляется на платной основе. Иностранные граждане, обладающие статусом постоянного проживания в Республике Беларусь (вид на жительство), пользуются медицинскими услугами на тех же условиях, что и граждане страны, то есть как экстренная, так и плановая помощь оказываются им бесплатно. Дополнительно граждане Российской Федерации, временно проживающие в Беларуси, при наличии трудового договора могут рассчитывать на бесплатное получение скорой и плановой медицинской помощи. В соответствии со статьей 13 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г., финансирование системы здравоохранения осуществляется за счет средств государственного бюджета, а также спонсорской поддержки и иных законных источников.

С 1 января 2020 года в Республике Казахстан введена система обязательного социального медицинского страхования (ОСМС). Пакет ОСМС охватывает широкий спектр услуг, включая амбулаторно-клиническое лечение, диагностику и лабораторные исследования, стационарную помощь, реабилитацию и высокотехнологичные медицинские услуги. В его рамках обеспечивается и основная часть медицинских услуг по ведению беременности и родов. Для граждан, не застрахованных в системе ОСМС, медицинская помощь предоставляется в пределах «гарантированного объема бесплатной медицинской помощи» (ГОБМП), включающего скорую и первичную помощь, специализированное лечение в амбулаторных и стационарных условиях, а также лекарственное обеспечение. Иностранные граждане могут воспользоваться данным объемом услуг только при наличии статуса постоянного проживания.

Для иностранных граждан, временно пребывающих на территории Казахстана, бесплатная медицинская помощь ограничена случаями заболеваний, представляющими угрозу для окружающих (перечень включает более 20 заболеваний), включая обеспечение необходимыми лекарственными средствами. Граждане государств — членов ЕАЭС имеют право на бесплатное оказание скорой и неотложной помощи, а также на лечение в случае опасных для общества заболеваний. При наличии действующего трудового или гражданско-правового договора они получают доступ ко всему объему услуг ОСМС. Финансирование системы основано на солидарных отчислениях: работодатели уплачивают 3 % от заработной платы, работники и лица, занятые по договорам ГПХ, — 2 %. Для 15 социально уязвимых категорий (дети, студенты, безработные, беременные женщины, пенсионеры, инвалиды и др.) страховые взносы оплачиваются за счет государственного бюджета. Неработающие члены семьи

имеют возможность уплачивать взносы самостоятельно в размере 5 % от минимальной заработной платы.

В Киргизской Республике действует система базового государственного медицинского страхования и обязательного медицинского страхования (ОМС). Базовое страхование финансируется из государственного бюджета и гарантирует предоставление минимального объема медицинских услуг. Обязательное медицинское страхование охватывает более широкий перечень услуг и реализуется в двух формах: базовой и дополнительной. Финансирование базовой программы осуществляется за счет страховых взносов, в то время как в дополнительной программе участвуют и сами застрахованные лица. Трудовые мигранты из стран ЕАЭС и члены их семей включаются в систему как базового государственного, так и обязательного медицинского страхования.

К застрахованным относятся также граждане ЕАЭС, находящиеся на территории Киргизии не по трудовым основаниям. Для получения этого статуса необходимо уплатить взносы в систему ОМС или приобрести соответствующий полис. Государство берет на себя уплату взносов за отдельные социальные категории, включая детей до 16 лет (а также учащихся до 18 или 21 года, в зависимости от формы обучения), беременных женщин, пенсионеров, официально зарегистрированных безработных и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Страховые взносы работодателей в Фонд обязательного медицинского страхования составляют 1 % от начислений в пользу работников.

В Российской Федерации граждане государств — членов ЕАЭС включаются в систему обязательного социального страхования, включая обязательное медицинское страхование (ОМС), с первого дня официального трудоустройства на основании заключенного трудового договора. Работодатель обязан перечислять страховые взносы в Фонд обязательного медицинского страхования в размере 5,1 % от дохода работника.

Для получения полиса ОМС гражданам ЕАЭС, работающим по трудовому договору, не требуется оформлять разрешение на временное проживание или вид на жительство. Вместе с тем члены их семей должны иметь соответствующее разрешение для оформления полиса. Следует подчеркнуть, что лица, занятые на основании договоров гражданско-правового характера (ГПХ), в систему ОМС не включаются.

Особый режим предусмотрен для граждан Республики Беларусь, которые вправе получать полный объем бесплатной медицинской помощи даже при временном пребывании в России и вне связи с трудовой деятельностью.

Программа ОМС состоит из двух уровней: базовой, действующей на всей территории страны, и территориальной, применяемой в пределах субъекта Российской Федерации, где оформлен полис. Базовая программа охватывает первичную и специализированную медицинскую помощь. Скорая помощь в экстренной и неотложной формах предоставляется всем гражданам государств ЕАЭС бесплатно, независимо от наличия полиса.

Показатели уровня развития медицины в странах ЕАЭС

Согласно данным Всемирного банка, по состоянию на начало 2020-х гг. общее число больничных коек в расчете на 1000 человек в Армении составило 4,6, в Белоруссии — 9,7; в Казахстане — 6,7; в Киргизии — 4,2; в России — 7,1 (см. Рисунок 1).

Наиболее высокий уровень обеспеченности населения врачами наблюдается в Армении и Белоруссии — соответственно, 4,55 и 4,43 на 1000 человек, самый низкий — в Киргизии (2,17). В Казахстане он равнялся 4,03, в России — 3,83 (см. Рисунок 2).

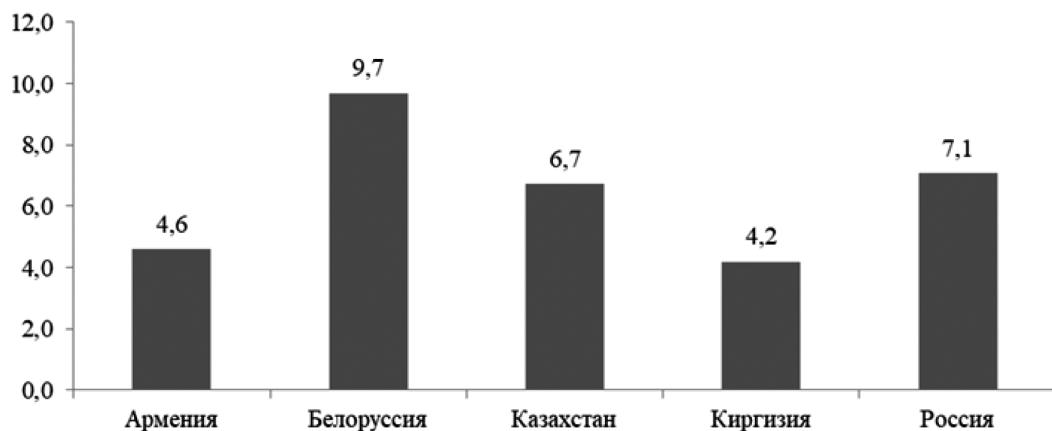

Рис. 1. Общее число больничных коек в государствах — членах ЕАЭС (на 1000 чел.) *

Примечание: * — данные по состоянию на начало 2020-х гг.

Источник: составлено и рассчитано на основе данных Всемирного банка [6]

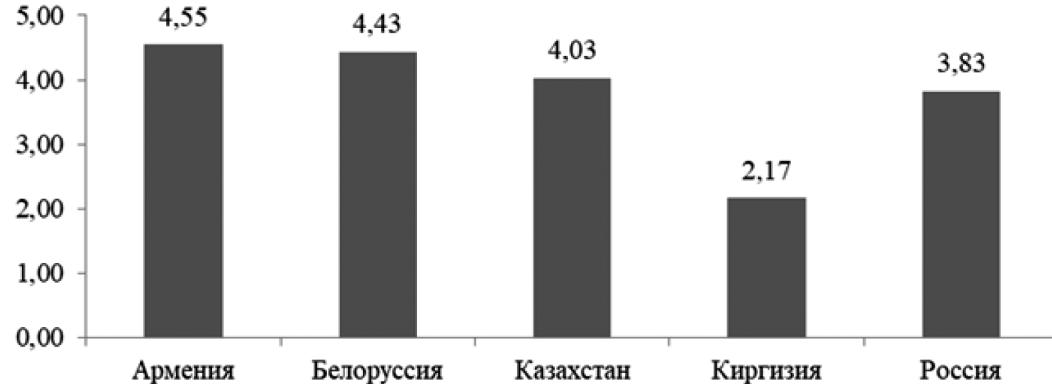

Рис. 2. Общее количество врачей в государствах — членах ЕАЭС (на 1000 чел.) *

Примечание: * — данные за разные годы.

Источник: составлено и рассчитано на основе данных Всемирного банка [6]

В 2023 г. значение широко используемого статистического показателя для обобщения текущего состояния здоровья населения — ожидаемой продолжительности жизни — в Армении составило 77,7 лет, в Белоруссии — 74,5 (2019 г.), в Казахстане — 75,1 лет, в Киргизии — 71,9 лет, в России — 73,4 лет (см. Рисунок 3).

Анализ состояния систем здравоохранения стран ЕАЭС выявляет существенные различия в их ресурсной обеспеченности, доступности медицинских услуг и уровнях финансирования, что формирует разный потенциал для обеспечения здоровья населения. Эти различия отражают как экономические, так и структурные особенности каждой страны, определяя ключевые вызовы и перспективы их интеграции в рамках единого медицинского пространства.

Различия в обеспеченности больничными койками на душу населения демонстрируют сильную поляризацию между странами. Казахстан, с показателем 6,7 коек на 10000 человек, имеет развитую стационарную инфраструктуру, что способствует обеспечению доступа к стационарному лечению. Россия (7,1 койки) и Белоруссия

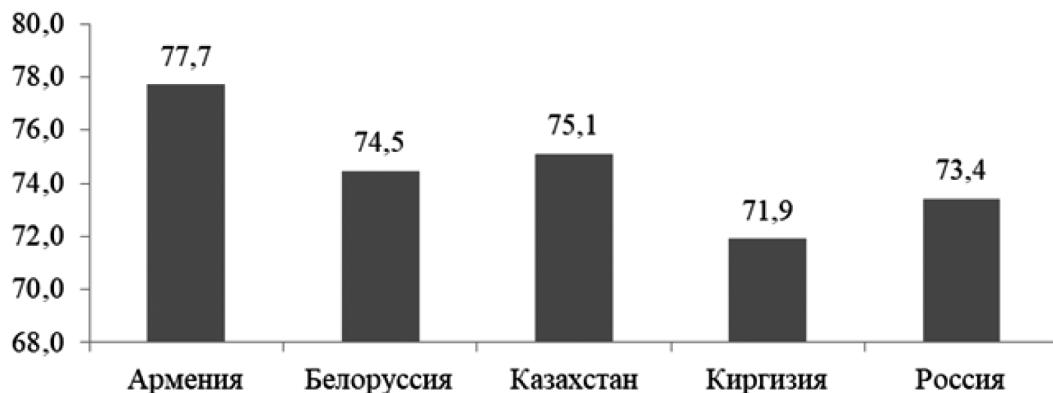

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни в странах ЕАЭС в 2023 г.

Примечание: данные по Белоруссии — за 2019 г.

Источник: составлено и рассчитано на основе данных ЕЭК (Официальный сайт ЕЭК, раздел «Население и миграция», б.д.) [7]

(9,7 коек) также демонстрируют высокий уровень обеспеченности, что соответствует их системам, сбалансированным между стационарной и амбулаторной медициной. В то же время Киргизия (4,2 койки) и Армения (4,6 койки) характеризуются низким уровнем доступности стационарной помощи, что особенно ощущимо в сельских регионах. Это указывает на необходимость перераспределения ресурсов и модернизации инфраструктуры в этих странах.

Обеспеченность медицинскими кадрами также варьируется. Наиболее высокие показатели демонстрируют Белоруссия (4,43 врача на 1000 человек) и Армения (4,55), что свидетельствует о развитой системе подготовки и распределения кадров. В Казахстане и России эти показатели ниже (4,03 и 3,83 соответственно), но всё ещё находятся в пределах средних значений для развитых стран. Киргизия, с обеспеченностью 2,17 врача на 1000 человек, сталкивается с критическим дефицитом кадров, что требует комплексных реформ в сфере медицинского образования и привлечения специалистов. Такая ситуация подчёркивает необходимость интеграции образовательных систем государств-членов ЕАЭС для обеспечения кадрового потенциала.

Продолжительность жизни населения также служит индикатором качества систем здравоохранения. Наивысшие показатели зафиксированы в Армении (77,7 года), что может быть связано с оптимальным балансом базовых медицинских услуг и благоприятной экологической обстановкой. Белоруссия (74,5 года), Казахстан (75,1 года) и Россия (73,4 года) находятся в среднем диапазоне, что указывает на сопоставимый уровень развития систем здравоохранения. Киргизия, с показателем 71,9 года, демонстрирует самый низкий уровень, что отражает как ограничения в доступе к медицинским услугам, так и социально-экономические факторы.

Таким образом, в государствах-членах ЕАЭС существуют разные подходы к финансированию медицины, и соответственно, различаются правила доступа к плановой медицине трудовых мигрантов из стран Союза и членов их семей. Также на основе данных международной статистики в статье отображены различия в обеспеченности граждан государств — членов ЕАЭС медицинскими услугами.

Предложения по гармонизации подходов к предоставлению медицинской помощи трудовым мигрантам из государств — членов ЕАЭС в рамках Союза

На наднациональном уровне представляется целесообразным инициировать рассмотрение вопроса о формировании в рамках ЕАЭС единого добровольного страхового медицинского продукта. Данный инструмент должен обеспечивать унифицированный подход к оказанию медицинской помощи на всей территории государств-членов ЕАЭС, предоставляя трудовым мигрантам и членам их семей доступ к стандартизированному перечню медицинских услуг. В указанный перечень целесообразно включить амбулаторно-поликлиническое обслуживание, вызов врача на дом, а также диагностические мероприятия. Реализация данной инициативы будет способствовать повышению уровня социальной защищённости трудящихся, укреплению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, а также обеспечению единых стандартов медицинского обслуживания на пространстве союза.

Выводы

Проведённый анализ показал, что несмотря на наличие правовой базы, гарантирующей трудовым мигрантам государств — членов ЕАЭС равный доступ к экстренной и неотложной медицинской помощи, существуют значительные различия в объёме доступных медицин-

ских услуг, правилах медицинского страхования и уровне финансирования здравоохранения в странах Союза. Эти различия обуславливают неравенство условий, в которых находятся трудящиеся-мигранты и их семьи, и затрудняют полноценную реализацию целей общего рынка труда ЕАЭС.

Для устранения выявленных дисбалансов предложены три варианта гармонизации медицинского обеспечения мигрантов, каждый из которых имеет различную экономическую эффективность в зависимости от уровня развития здравоохранения в стране и текущей модели его финансирования. Наиболее эффективным для Арме-

нии и Киргизии оказалось внедрение единого евразийского медицинского сертификата и системы обязательного медицинского страхования.

Таким образом, дальнейшее развитие социального блока ЕАЭС требует не только политической воли, но и комплексного подхода к унификации стандартов в сфере здравоохранения, включая внедрение единых инструментов медицинского обеспечения трудовых мигрантов. Это позволит повысить качество жизни мигрантов, стимулировать их экономическую активность и, как следствие, укрепить интеграционные процессы в рамках Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахимов К.К., Азизова А.Б. Сравнительный анализ единого рынка труда ЕС и ЕАЭС // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2022. — Т. 22. — №1. — С. 94–110. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-94-110> (дата обращения 13.07.2025).
2. Сауренко Т.Н., Чупина Ж.С., Быкова К.С., Чупин А.Л. Трудовая миграция и ее роль в развитии трудового потенциала единого рынка труда ЕАЭС // Финансовая экономика. 2024. № 12. С. 58–63. EDN OUFOTJ (дата обращения 15.07.2025).
3. Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся-мигрантам и членам их семей (Приложение № 30 к Договору о ЕАЭС // ЕЭК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/91d/Prilozhenie-30.pdf?ysclid=m8wwbrbpdw565262788> (дата обращения: 31.07.2025)).
4. Закон Республики Армения «О медицинской помощи, обслуживании населения» от 4.03.1996 г. // Med-Practic. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.med-practic.com/rus/613/2003/article.more.html?ysclid=m8wwhl53l573248068> (дата обращения: 29.07.2025).
5. Некрашевич А.В. Направления совершенствования финансирования системы здравоохранения в республике Беларусь // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2012. №18-2. С. 332–335. (дата обращения 13.08.2025).
6. DataBank | The World Bank. <https://databank.worldbank.org/>
7. Официальный сайт ЕЭК. Население и миграция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/population/ (дата обращения 20.08.2025).

© Ищенко Наталья Геннадиевна (nischenko@vavt.ru); Крупина Анна Александровна (anna.krupina.a@yandex.ru);
Пурен Кристина Александровна (puren2011@mail.ru); Пыжиков Никита Сергеевич (ns.pyzhikov@vavt.ru);
Чимирис Екатерина Сергеевна (chimiris@gmail.com); Живалов Владимир Николаевич (zhivalovvn@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАРКЕТИНГ В УСЛОВИЯХ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

INTERNATIONAL MARKETING IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

*I. Koryagina
T. Tarasova
A. Fursov*

Summary. The article examines modern challenges and strategies of international marketing in the context of cross-cultural communication. The relevance of the work is due to the processes of globalization, which require companies to have a deep understanding of the cultural characteristics of their target markets in order to achieve competitive advantages. The purpose of the article is to analyze the impact of cultural barriers on the effectiveness of marketing communications and develop practical tools to overcome them. The research uses methods of system analysis, synthesis of theoretical concepts and empirical data, as well as a comparative analysis of cases of international companies. The scientific novelty lies in the development of the author's model of the «Cycle of cross-cultural adaptation of Marketing», which is an integrated approach to marketing management in the international arena. It includes the following stages: in-depth research, strategic adaptation, implementation and localization, monitoring and feedback, continuous learning. The results demonstrate that consideration of cultural parameters, linguistic nuances, visual symbols and ethical norms is a critical success factor. The study showed that an effective cross-cultural strategy allows not only to avoid reputational and financial losses, but also to build strong loyalty relationships with consumers in different countries.

Keywords: international marketing, cross-cultural communication, cultural differences, localization, global marketing strategies, cultural barriers.

Введение

Актуальность темы исследования международного маркетинга в условиях кросс-культурной коммуникации в современной научной и деловой среде весьма высока. Транснациональные корпорации активно расширяют свое присутствие на зарубежных рынках, а международная торговля стала значимой частью мирового ВВП. Однако этот процесс сопровождается фундаментальным вызовом: необходимостью эффектив-

Корягина Инга Анатольевна

к.и.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова
2001inga@mail.ru

Тарасова Татьяна Михайловна

к.э.н., доцент, Приволжский государственный
университет путей сообщения

Tarasova2004@inbox.ru

Фурсов Андрей Львович

к.э.н., доцент,

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
andrew@fursov.ru

Аннотация. В статье исследуются современные вызовы и стратегии международного маркетинга в контексте кросс-культурной коммуникации. Актуальность работы обусловлена процессами глобализации, которые требуют от компаний глубокого понимания культурных особенностей целевых рынков для достижения конкурентных преимуществ. Цель статьи — проанализировать влияние культурных барьеров на эффективность маркетинговых коммуникаций и разработать практические инструменты для их преодоления. В ходе исследования использованы методы системного анализа, синтеза теоретических концепций и эмпирических данных, а также сравнительный анализ кейсов международных компаний. Научная новизна заключается в разработке авторской модели «Цикл кросс-культурной адаптации маркетинга», представляющей собой интегрированный подход к управлению маркетингом на международной арене. Она включает следующие этапы: глубокое исследование, стратегическая адаптация, реализация и локализация, мониторинг и обратная связь, непрерывное обучение. Полученные результаты демонстрируют, что учет культурных параметров, языковых нюансов, визуальных символов и этических норм является критическим фактором успеха. Исследование показало, что эффективная кросс-культурная стратегия позволяет не только избежать репутационных и финансовых потерь, но и выстроить прочные отношения лояльности с потребителями в разных странах.

Ключевые слова: международный маркетинг, кросс-культурная коммуникация, культурные различия, локализация, глобальные маркетинговые стратегии, культурные барьеры.

ного взаимодействия с потребителями и партнерами, принадлежащими к различным культурным средам. Согласно исследованию Harvard Business Review, ошеломляющие 70 % международных проектов терпят неудачу из-за культурных различий [11]. Это свидетельствует о том, что игнорирование кросс-культурного фактора ведет не только к неэффективности маркетинговых кампаний, но и к прямым финансовым и репутационным потерям. В условиях, когда 76 % потребителей предпочитают покупать товары на своем родном языке, даже владея

английским, а культурные нормы определяют восприятие бренда, традиционные стандартизованные подходы к маркетингу уступают место гибким, адаптивным стратегиям [6].

Целью данной статьи является комплексный анализ роли кросс-культурной коммуникации в международном маркетинге и разработка на его основе практической модели, позволяющей систематизировать процесс адаптации маркетинговой стратегии к различным культурным контекстам. Научная новизна исследования заключается авторской разработке модели «Цикл кросс-культурной адаптации маркетинга», описывающей последовательный и непрерывный процесс интеграции культурного компонента на всех этапах маркетинговой деятельности.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, позволившие систематизировать данные из разнородных источников. Сравнительный анализ был применен для выявления лучших и неудачных практик международных компаний в области кросс-культурного маркетинга. Для визуализации и структурирования предложенной модели использовался метод моделирования бизнес-процессов.

Материалами для исследования послужили аналитические статьи и отчеты, посвященные международному маркетингу и кросс-культурному менеджменту, практические кейсы и данные о стратегиях компаний, статистические данные, отражающие потребительское поведение в разных культурах

Результаты и обсуждения

Прежде всего, необходимо рассмотреть основные вызовы кросс-культурной коммуникации в международном маркетинге. Эффективность маркетинговых коммуникаций на международной арене сталкивается с рядом системных барьеров, преодоление которых требует от компаний развития культурной компетенции [5].

Языковые и семантические барьеры. Проблема выходит за рамки простого перевода. Речь идет о корректной передаче смысла, коннотаций и культурных кодов. Классическим примером является неудачный перевод слогана KFC «Finger-lickin' good» на китайский язык как «Eat your fingers off» [7].

Даже при использовании общего языка, как в случае с испанским для рынков Испании и Мексики, существующие идиомы и культурные контексты требуют глубокой локализации контента [6].

Культурные нормы и ценности. Культура определяет восприятие времени, отношение к иерархии, коммуникативные стили (прямые vs. непрямые) и многое другое. Например, в западных странах ценится индивидуализм, тогда как в Азии большую роль играет коллективизм, что отражается на выборе товаров. В США покупатели часто ориентируются на удобство и скорость, а в Европе — на качество и устойчивость. Характерен пример Rolls Royce, чья модель Phantom провалилась в Индии: черный цвет автомобиля ассоциировался там исключительно с катафалками [9, 13].

Известный исследователь Г. Хофтеде выделил изменения культурных различий: дистанцию власти, индивидуализм–коллективизм, маскулинность–фемининность, избегание неопределенности, долгосрочную ориентацию. Его исследования показали, что менеджеры и сотрудники в международных компаниях в первую очередь руководствуются ценностями своей национальной культуры. Модель Хофтеде помогает маркетологам адаптировать стратегии под разные культурные контексты, хотя она и не является окончательной, так как культуры подвержены изменениям под влиянием экономики и политики [12].

Восприятие бренда также зависит от культурных особенностей. В США ценится символика успеха и роскоши, в Скандинавии — экологичность и устойчивость. В Китае важен феномен «mianzi» («лицо»), когда покупка подчеркивает социальный статус, тогда как в Индии акцент делается на практичности. Существенное значение имеет и восприятие цвета: если на Западе белый ассоциируется с чистотой, то в ряде азиатских стран он связан с трауром. Учет подобных различий позволяет брендам избегать ошибок в позиционировании и дизайне [5, 9].

В культурах с высоким уровнем дистанции власти (по Хофтеду), таких как Китай или Япония, демонстрация уважения к старшим и вышестоящим партнерам является обязательной нормой. В то время как в странах Скандинавии, с их низкой дистанцией власти, более эффективным оказывается подчеркнуто равноправный и коллегиальный стиль общения [7].

Цвета, изображения, жесты и символы несут различную, а зачастую и противоположную смысловую нагрузку в разных культурах. Использование неподходящих визуальных элементов может не только снизить эффективность рекламы, но и оскорбить чувства целевой аудитории. Так, сотрудничество с локальными дизайнерами и культурными экспертами признается одной из лучших практик для обеспечения аутентичности визуального контента [13].

Далее необходимо рассмотреть стратегии успешной кросс-культурной адаптации в маркетинге. Анализ

Таблица 1.

Сравнительный анализ стратегий кросс-культурной адаптации в международном маркетинге

Стратегия	Сущность	Пример успешной реализации
Глубокая локализация продукта и предложения	Адаптация продукта, упаковки, названия и состава к локальным вкусам, предпочтениям и религиозным нормам	McDonald's в Индии, где из-за религиозных убеждений не употребляется говядина, предлагает широкий ассортимент вегетарианских бургеров, таких как «Алу Тикки»
Культурная калибровка коммуникаций	Адаптация рекламных сообщений, каналов продвижения и тональности с учетом культурных ценностей и стилей коммуникации	Coca-Cola в арабских странах делает акцент на семейных ценностях и единстве в своих кампаниях, что соответствует коллективистской ориентации этих культур
Установление локальных партнерств	Сотрудничество с местными influencers, блогерами, экспертами и компаниями для получения инсайтов и усиления доверия к бренду	IKEA при расширении на новые рынки (например, в Японии) адаптирует не только ассортимент мебели под меньшие размеры жилья, но и планировку магазинов, учитывая локальные привычки покупателей
Инвестиции в культурные исследования и обучение	Проведение тщательных маркетинговых исследований (фокус-группы, этнографические исследования, опросы) и обязательное культурное обучение сотрудников	Unilever строит свой успех на международных рынках на стратегии найма и наделения полномочиями локальных управленческих команд, которые глубоко понимают специфику своего рынка

Источник: составлено автором по данным [1–3, 6, 8–11]

успешных кейсов международных компаний позволил выделить основные стратегии, обеспечивающие резонанс с локальной аудиторией (табл. 1).

Наиболее эффективными стратегиями являются глубокая локализация продукта и коммуникаций, установление партнерств с локальными акторами (экспертами, инфлюенсерами) и инвестиции в постоянные культурные исследования и обучение сотрудников. Например, Burger King в России успешно адаптировал меню, добавив бургеры с традиционными ингредиентами, а OBI делает акцент на товарах для дачи, что соответствует привычкам российских потребителей [4, 8].

При стратегии «Установление локальных партнерств» важно использовать те каналы коммуникации, которые наиболее популярны в конкретном регионе. В одних странах это могут быть социальные сети, в других — телевидение или локальные медиа-платформы. Сотрудничество с местными блогерами и знаменитостями, как это делает Great Wall Motor в России, помогает увеличить узнаваемость бренда и вызвать больше доверия у потребителей [4].

На основе проведенного анализа была разработана авторская модель, представляющая собой непрерывный цикл управления кросс-культурным маркетингом. Модель включает пять взаимосвязанных этапов (рис. 1).

Глубокое исследование — это начальный и фундаментальный этап, который предполагает не только анализ рыночной статистики, но и погружение в культурный контекст: изучение ценностей, норм, истории, религиозных особенностей, невербальной коммуникации через академические статьи, сотрудничество с локальными экспертами, этнографические наблюдения

Рис. 1. Модель «Цикл кросс-культурной адаптации маркетинга»

Источник: составлено автором

Стратегическая адаптация — на основе полученных инсайтов происходит корректировка маркетингового комплекса, принимаются решения о необходимости изменения продукта, ценовой политики, каналов дистрибуции и разработке коммуникационной стратегии, релевантной для данной культуры.

Реализация и локализация — этап практического воплощения адаптированной стратегии, который включает в себя не только лингвистический перевод, но и полную культурную адаптацию контента: визуалов, слоганов, ритуалов бренда. На этом этапе критически важна роль локальных команд и партнеров.

Мониторинг и обратная связь — постимплементационный контроль за эффективностью кам-

пании с использованием как количественных KPI (узнаваемость, конверсия, продажи), так и качественных методов (сбор обратной связи, анализ тональности обсуждений в соцсетях, проведение фокус-групп).

Непрерывное обучение — это этап, когда полученная на предыдущем этапе обратная связь используется для обновления знаний о культуре и корректировки стратегии. Этот этап превращает модель в замкнутый цикл, обеспечивающий постоянную эволюцию и адаптацию бренда к изменяющимся условиям.

Новизна модели заключается в ее цикличности и акценте на непрерывном обучении, что отличает ее от линейных подходов. Она подчеркивает, что кросс-культурный маркетинг — это не разовый проект, а динамический процесс, требующий постоянного инвестирования ресурсов и внимания.

Выводы

В настоящее время компании сталкиваются в такими вызовами, как языковые, глубокие семантические,

культурно-ценностные и визуальные. Для их преодоления необходимы системные усилия, выходящие за рамки простого перевода рекламных материалов. Наиболее эффективными стратегиями являются глубокая локализация продукта и коммуникаций, установление партнерств с локальными акторами (экспертами, инфлюенсерами) и инвестиции в постоянные культурные исследования и обучение сотрудников. На основе проведенного анализа была разработана авторская модель, представляющая собой непрерывный цикл управления кросс-культурным маркетингом. Предложенная авторская модель «Цикл кросс-культурной адаптации маркетинга» предоставляет компаниям структурированный и непрерывную структуру для интеграции культурного компонента во все этапы маркетинговой деятельности, обеспечивая тем самым большую гибкость, релевантность и устойчивость на международной арене. Она подчеркивает, что кросс-культурный маркетинг — это не разовый проект, а динамический процесс, требующий постоянного инвестирования ресурсов и внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина, Л.А. Особенности кросс-культурного маркетинга в международном предпринимательстве / Л.А. Баландина, Н.М. Малюгина, Р.И. Полякова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2025. — № 4-1. — С. 25–29. — DOI 10.17513/vaael.4070.
2. Газиева, Л.Р. Международный маркетинг: современные тенденции и факторы внешней среды, связанные с кросс-культурными различиями / Л.Р. Газиева // ФГУ Science. — 2024. — № 4(36). — С. 33–38. — DOI 10.36684/37-2024-36-4-33-38.
3. Кросс-культурный маркетинг: стратегии для успешных ... // SEO Компания. — URL: <https://seo-kompaniya.ru/blog/kross-kulturnyi-marketing/> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Секреты успешного кросс-культурного маркетинга в России и странах СНГ // FBD Fast-Forward. — URL: <https://fdb-agency.ru/agency/blog/marketing/research/Sekrety%20uspeshnogo%20kross-kul%27turnogo%20marketinga%20v%20Rossii%20i%20stranah%20SNG/> (дата обращения: 01.10.2025).
5. Чжан, Сяомин Культурные различия в международном маркетинге // Экономика и социум. — 2024. — № 2(117)-1. — С. 1512–1515.
6. Cross-Cultural Marketing Considerations, Tips, and Examples // Tomedes. — 2023. — URL: <https://www.tomedes.com/translator-hub/cross-cultural-marketing-strategies> (date of application: 01.10.2025).
7. Cultural Considerations in International Marketing // Fiveable. — 2025. — URL: <https://fiveable.me/marketing-strategy/unit-14/cultural-considerations-international-marketing/study-guide/Vdb77M0g4fOXI7uf> (date of application: 01.10.2025).
8. Ghyst, D., Keys S. Marketing successfully across different cultures // OWDT. — URL: <https://owdt.com/news/marketing-successfully-across-different-cultures/> (date of application: 01.10.2025).
9. Marketing Across Borders: Navigating the Differences in International Marketing // HYPERVSN. — URL: <https://hypervsn.com/blog/marketing-across-borders-navigating-the-differences-in-international-marketing.html> (date of application: 10.04.2025).
10. Mastering Cross Cultural Marketing: Strategies for Global Success // Camphouse. — URL: <https://camphouse.io/blog/cross-cultural-marketing> (date of application: 01.10.2025).
11. Mastering Cross-Cultural Communication in International Business // Join The Collective. — URL: <https://www.jointhecollective.com/article/mastering-cross-cultural-communication-in-international-business/> (date of application: 01.10.2025).
12. Namakobe, J. Geert Hofstede's five dimensions of national culture // Relivingmba days. — URL: <https://relivingmbadays.wordpress.com/2012/12/30/geert-hofstede-s-five-dimensions-of-national-culture/> (date of application: 01.10.2025).
13. Usunier, J-C., Lee J.A. Marketing Across Cultures. — Gosport: Ashford Colour Press Ltd, 2013. — 50 p.

© Корягина Инга Анатольевна (2001inga@mail.ru); Тарасова Татьяна Михайловна (Tarasova2004@inbox.ru);

Фурсов Андрей Львович (andrew@fursov.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ КОМПЕТЕНЦИЙ И СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА К 2030 ГОДУ

A PROMISING MODEL OF HIGHER EDUCATION BASED ON DYNAMIC COMPETENCY PROFILES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS BY 2030

V. Lyashenko

Summary. The dynamically changing socioeconomic environment, coupled with widespread digitalization and the development of artificial intelligence systems, poses a challenge to traditional higher education systems. The need to develop higher education models that provide graduates with a broad range of unique competencies, dynamically evolving skills, and the ability to self-develop makes this research topic relevant. The purpose of this study is to analyze existing approaches to building a promising higher education model and to develop a conceptual framework for integrating dynamic competency profiles and artificial intelligence technologies into this model with a planning horizon of 2030. This article presents the concept of University 4.0, which is used to propose a conceptual framework for higher education based on dynamic competency profiles and artificial intelligence systems. The proposed features for constructing a promising model of higher education, based on the use of stakeholder theory methodology and an ecosystem approach, a three-tiered learning process, a mechanism for the self-development of artificial intelligence technologies and the potential of unique specialists in the educational process, and the use of the characteristics of the life cycle of artificial intelligence technologies, create the preconditions for the successful implementation of pilot models of this system by 2030.

Keywords: University 4.0, higher education ecosystem, artificial intelligence, competency profiles, digital transformation, stakeholder network.

Ляшенко Валерий Евгеньевич
Аспирант, Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики
vallys2012@yandex.ru

Аннотация. Динамично меняющаяся социально-экономическая среда в условиях тотальной цифровизации и развития систем искусственного интеллекта бросает вызов традиционным системам высшего образования. Потребность в разработке моделей высшего образования, позволяющих обеспечить выпускника широким набором уникальных компетенций, динамически меняющимися навыками и способностью к саморазвитию, обуславливают актуальность выбранной темы исследования. Целью настоящего исследования является анализ существующих подходов к построению перспективной модели высшего образования и формирование авторской концепции, позволяющей интегрировать в модель высшего образования механизмы динамических профилей компетенций и технологии искусственного интеллекта на горизонте планирования 2030 года. В статье излагается концепция Университет 4.0, на основе которой предлагается авторская модель высшего образования на основе динамических профилей компетенций и систем искусственного интеллекта. Предлагаемые особенности построения перспективной модели высшего образования, базирующиеся на использовании методологии теории заинтересованных сторон и экосистемного подхода, трехуровневого процесса обучения, механизма саморазвития технологий искусственного интеллекта и потенциала уникальных специалистов в образовательном процессе, использование особенностей жизненного цикла технологий искусственного интеллекта, создают предпосылки для успешного внедрения pilotных образцов данной системы к 2030 году.

Ключевые слова: университет 4.0, экосистема высшего образования, искусственный интеллект, профили компетенций, цифровая трансформация, стейкхолдерская сеть.

Введение

Цифровая трансформация всех сфер социально-экономической оболочки общества кардинально меняет бизнес-процессы коммерческих организаций, поведение потребителей, взаимодействие государства и общества, требования к качеству и контенту образовательных процессов. Тотальная цифровизация, сопровождающаяся ускоряющейся диффузией сквозных технологий, образующих шестой технологический уклад, выводит на первое место потребность в ключевых специалистах, являющихся носителями уникальных компетенций. Меняется восприятие работника, облада-

ющего уникальными знаниями — фактически он является носителем знаний, уникальным активом, от взаимодействия с которым зависит степень его эффективности и мотивации работать с максимальной отдачей. Развитие технологий искусственного интеллекта позволяет автоматизировать многие рутинные операции, позволяя уникальным специалистам сосредоточиться на работе, требующей творческого подхода, принятия управлеченческих и инженерных решений, созданий новых технологий, продуктов, способов коммуникаций.

С началом активной фазы цифровизации происходит бурный рост как количество информации, доступный

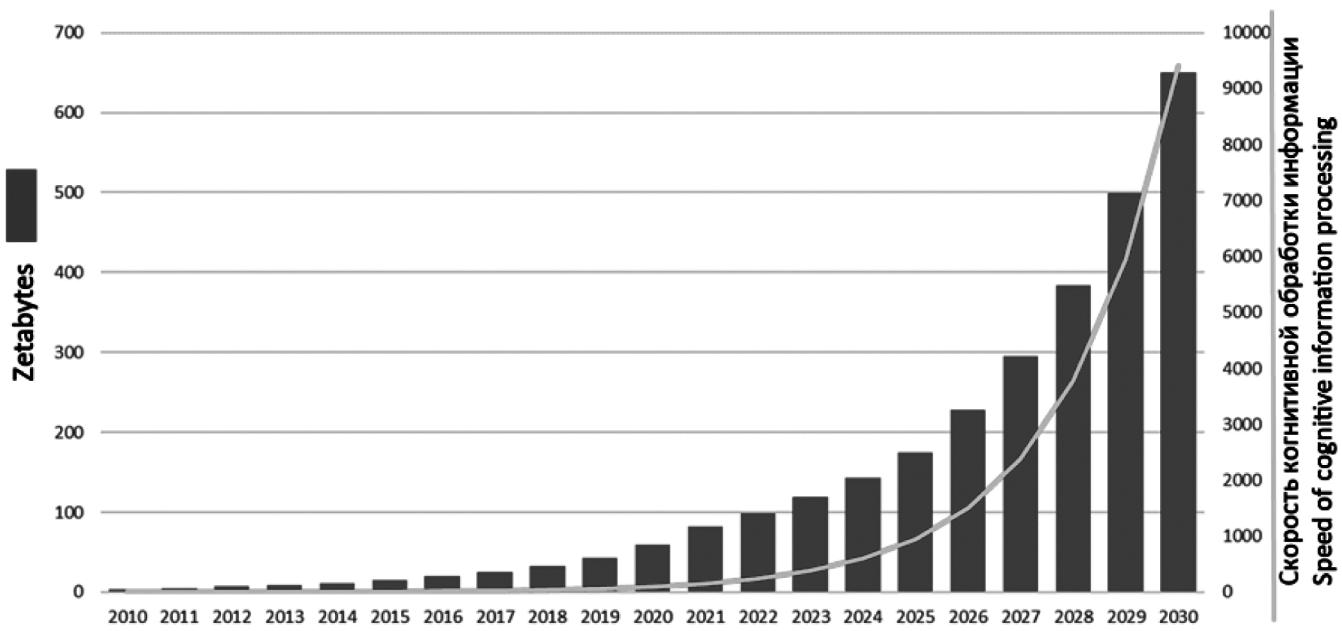

Рис. 1. Динамика роста информации и скорости ее обработки

Источник: составлено автором на основе IAB proprietary research¹

человеческому обществу, так и скорости обработки этой информации (см. рисунок 1).

К 2030 году годовой рост генерируемой информации составит 650 зетабайт (ZB), а скорость когнитивной обработки информации увеличится в 9400 раз в сравнении с уровнем 2010 года. Дж. Шенг и М.Мейстер отмечают, что мыслительный процесс человека осуществляется со скоростью 10 бит/сек, что соответствует адекватной реакции и восприятию современной окружающей среды², а скорость обработки получаемой информации растет в среднем на 58 % в год. Следствием роста скорости обработки информации при константе скорости мыслительного процесса является уменьшение глубины получаемой информации в целях избегания информационной перегрузки. В этих условиях перед системой высшего образования стоит задача каким образом построить учебный и познавательный процессе, который позволил бы эффективно получать знания в условиях периодических информационных взрывов и информационной перегрузки? Каким образом достичь эффективного баланса между объемом и скоростью получаемой информации с одной стороны, и степенью усвоения и аналитической обработки данной информации, с другой стороны?

Высшее образование призвано решить две разноконтрастные, но взаимосвязанные задачи экономики —

¹ IAB proprietary research <https://www.forbes.com/sites/tomcoughlin/2018/11/27/175-zetabytes-by-2025/#3314b7575459>

² Zheng J, Meister M. The unbearable slowness of being: Why do we live at 10 bits/s? // Neuron. A cell press journal. 2025. Volume 113, Issue 2. Pp 192-204.

обеспечить национальную экономику за счет формирования рынка высококвалифицированных специалистов в отраслевом и региональном разрезах и реализовать потребности в профессиональном и творческом развитии конкретной личности [7]. Быстрота изменений потребностей предприятий в конкретных специалистах, обусловленная прежде всего цифровой трансформацией социально-экономической среды, приводит к ситуации, когда профиль компетенции специалиста, по которому он прошел обучение в университете, устаревает на момент его завершения и уже не соответствует потребностям предприятий отрасли. Этот комплекс задач обуславливает актуальность поиска моделей высшего образования, способных обеспечить развитие творческих и уникальных компетенций, запуск непрерывного аппетита к самообразованию и самообучению, направленных на удовлетворение динамично меняющихся потребностей предприятий и организаций в высококвалифицированных кадрах. Целью настоящего исследования является анализ существующих подходов к построению перспективной модели высшего образования и формирование авторской концепции, позволяющей интегрировать в модель высшего образования механизмы динамических профилей компетенций и технологии искусственного интеллекта на горизонте планирования 2030 года.

Методология

В качестве базовой концепции построения перспективной системы высшего образования мы предлагаем выбрать Университет 4.0, впервые предложенной в 2016 году С. Стейнберг [9]. Это четвертое поколение высшего образования, сложившееся в условиях цивилизаци-

онного развития общества. Первое поколение моделей высшего образования, Университет 1.0, возникло в до-индустриальный период развития общества, и являлось центром трансляции культуры суждения и диалога, местом концентрации интеллектуальной части общества. Личность профессора являлась центральной, образовательный же процесс сводился к персональной передачи знаний от учителя к ученику. После промышленной революции XIX века, с подачи В. фон Гумбольда, добавившего к традиционному образовательному процессу исследовательскую работу, сформировалась концепция Университета 2.0. Классические науки были дополнены инженерными и управленческими знаниями, имевшими в большей степени прикладное значение. В стенах университетов появляются лабораторные помещения, направленные на формирование исследовательских компетенций всем участникам образовательного процесса, впервые наблюдает стандартизация процесса обучения [10]. В середине XX века, с наступлением постиндустриального периода развития экономики, происходит переход к третьей модели высшего образования — Университету 3.0, характеризующемуся усилением функции проектирования архитектуры процесса, позиционировании образовательного процесса как услуги. Процесс обучения становится еще более стандартизованным, появляются стандарты обучения по разным направлениям знаний, возросла бюрократизация процесса обучения. Именно в этой модели появляются профили компетенций — эталонные модели компетенций, необходимые для достижения успеха в конкретной профессии или должности [4]. В истории отечественной высшей школы генезис стандартов высшего профессионального образования выглядит следующим образом. Первоначально были введены государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования ГОС ВПО, установившие требования к знаниям и умениям выпускника; далее их сменили федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВО и ФГОС ВПО), которые добавили требования к уровню общекультурных и профессиональных компетенций (ФГОС ВПО), затем общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций (ФГОС ВО 3+), и далее — универсальных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций (ФГОС ВО 3++).

Систематизация и стандартизация профилей компетенций позволила обеспечить стабильно высокий уровень соответствия уже существующим рабочим местам. Однако, для экономики нового поколения, построенной на инновационных знаниях этого недостаточно. Статичные профили компетенций не позволяют развивать soft skills, инновационное и lean-мышление, необходимое для быстро меняющейся экономической среды. О.К. Минева и Э.В. Полянская в своем исследовании [5] называют сформировавшуюся модель высшего образования в рам-

ках парадигмы Университет 3.0 аутсайдерской, отмечая ее «низкую добавленную стоимость в формировании высококвалифицированного специалиста будущего».

Переход к концепции Университет 4.0 позволяет возродить творческую компоненту в образовательный процесс, повысить содержательность образовательного процесса за счет большей ориентации на проблемы общества, меняющейся окружающей среды, развитие индивидуальных способностей студентов. О.К. Минева и Э.В. Полянская отмечают, что концепция Университет 4.0 направлена на позиционирование университета в качестве центра развития человека на протяжении всей его жизни. Достичь этой цели предполагается за счет передовых технологий дополненной и виртуальной реальности, искусственного интеллекта, передовых средств коммуникации [5]. Е.В. Неборский называет университет будущего биоцифровым университетом [6]. По мнению В.С. Ефимова и А.В. Лаптевой, любой участник образовательного процесса в Университете 4.0 — «это субъект поисковой, пробной деятельности, «игры с границами», замысливания — реализации «созданных миров»... Университет 4.0 должен стать местом массового производства ученых, инженеров — носителей научного мировоззрения, акторов промышленных революций» [3]. Таким образом происходит сдвиг парадигмы подготовки высококвалифицированного персонала — если в Университет 3.0 задачей была массовая подготовка специалиста, досконально знающего существующие процессы и технологии, и умеющего их сопровождать на самом высоком уровне, то Университет 4.0 ставит амбициозную задачу именно массовой подготовки творческих специалистов с уникальными компетенциями разной направленности, готовых менять вектор их развития, создавать новые в течении всего своего творческого профессионального пути. О. Шармер и К. Кауфер предполагают, что обучение в Университете 4.0 будет формироваться в глобальных (распределенных) аудиториях, инновационных хабах и цель новой парадигмы университета создать всеобщую грамотность вертикального развития, т. е. способность понимать окружающие системы и осуществлять их модернизацию [11].

На рисунке 2 приведены ключевые характеристики Университета 4.0 в сравнении с характеристиками Университета 3.0. Среди ключевых особенностей отметим ориентацию Университета 4.0 на построение экосистемы на основе принципов многосторонней платформы для целей создания общественной ценности с учетом индивидуальных целей всех акторов системы высшего образования. Происходит переход структуры университета от системы институтов к единому инновационному пространству.

Технологическая платформа поддержки процессов Университет 4.0 трансформируется в более сложные

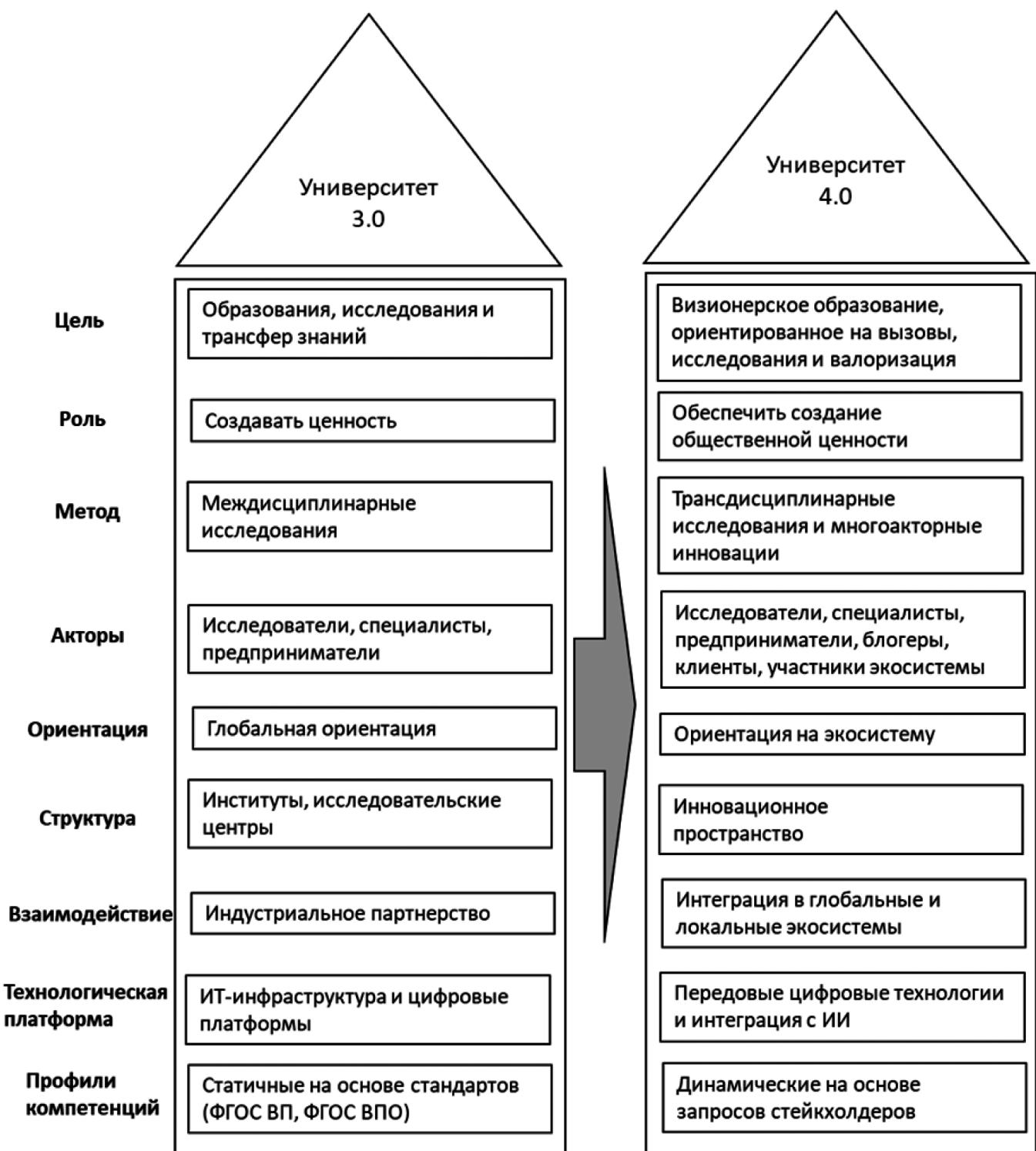

Рис. 2. Сравнительные характеристики парадигмы Университет 4.0 в сравнении с парадигмой Университет 3.0
Источник: составлено автором на основе [9]

формы на основе передовых цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта (ИИ). Наконец, меняется подход к построению профилей компетенций со стандартизованных к гибким динамическим решениям.

Значительное количество публикаций посвящено процессам трансформации существующей модели бизнес-образования в модель, соответствующую концепции Университет 4.0 [1,2,8]. Ключевым этапом является цифровая трансформация университетских процессов, прежде всего образовательного. Э.В. Гарифулина пред-

лагает сетевую модель трансформации, базирующуюся на создании единой цифровой среды в университете [2]. Реализацией задачей цифровой трансформации должен заниматься специально организационная структурная единица с соответствующими полномочиями, координирующая привлечение как подрядчиков, так и инвесторов проекта цифровой трансформации. В. Авалос-Браво, Х. Торо-Гонсалес, А.Д. Торрес-Ривера предложили шестистрековый план цифровой трансформации [8] по следующим стратегическим направлениям:

1. Образование 4.0 (ключевое направление), предполагающее развитие цифровых компетенций акторов образовательного процесса, пересмотр учебных программ, переход на практико-ориентированное обучение, включение виртуальных пространств в образовательный процесс, внедрение новых педагогических практик на основе передовых цифровых технологий.
2. Трансформация потребностей социума в образовании на основе развития предпринимательской культуры университетского сообщества.
3. Развитие человеческого капитала в условиях цифровой среды на основе пересмотра системы стимулирования и привлечения профессорско-преподавательского состава.
4. Равенство и инклюзивность в образовательном процессе на основе обеспечения гарантированного доступа к образовательным процессам.
5. Управление Университетом 4.0 посредством трансформации системы управления и обеспечения коммуникаций образовательного процесса.
6. Инфраструктура и оборудование на основе включения в информационный ландшафт инфраструктуры Университета 4.0 передовых цифровых технологий и систем искусственного интеллекта.

Таким образом, цифровая трансформация является первым и важнейшим этапом построения модели высшего образования на основе архитектуры Университет 4.0, позволяющая перейти к реализации заявленной задачи создания общественной ценности на основе цифровой экосистемы.

Результаты и дискуссия

Мы предлагаем авторскую концепцию модели высшего образования на основе динамических профилей компетенций и систем искусственного интеллекта в рамках парадигмы Университет 4.0 (рисунок 3). Модель представляет собой экосистему, построенную в рамках концепции стейкхолдерской сети, образованной акторами Университета 4.0, НКО Координационный центр развития передовых технологий и искусственного интеллекта, бизнес-партнерами (разнообразными производственными предприятиями, интеграторами, поставщиками и провайдерами сферы услуг и т.п.), государственными

структурными, сообществами выпускников и студентов. С точки зрения теории заинтересованных сторон, вышеперечисленные акторы, вступая во взаимодействие в рамках экосистемы Университета 4.0, преследуют свои индивидуальные стратегические цели, а стейкхолдерская сеть имеет собственную стратегическую цель — обеспечение устойчивого развития экосистемы Университета 4.0 в интересах создания общественной ценности высшего образования. Стратегические цели основных акторов экосистемы следующие:

- университет преследует цель разработать и обеспечить функционирование образовательных и исследовательских процессы, позволяющих выпускать уникальных специалистов, с компетенциями, соответствующими динамично меняющейся социально-экономической среде;
- бизнес-партнеры преследуют цели получения выпускников университета, обладающих уникальным набором hard skills и soft skills, способных к саморазвитию и улучшению своих производственных показателей;
- государство, представленное социальными организациями и регуляторами, преследует цели по сбалансированному развитию специалистов разного профиля, необходимых для реализации государственной политики в области социально-государственного обеспечения населения благами;
- координационный центр развития передовых технологий и искусственного интеллекта имеет стратегическую цель развития технологий на базе ИИ, обеспечение их отраслевого и регионального трансфера, координации применения ИИ в рамках процессов Университета 4.0.;
- сообщество студентов, обучающихся в рамках учебного процесса в Университете 4.0, имеют стратегическую цель получения наилучшего образования в целях формирования у себя уникального набора компетенций, который будет позволять добиваться успехов в профессиональной и творческой деятельности;
- сообщество выпускников имеет целью обеспечение непрерывного образовательного и исследовательского процесса за границами формального обучения в рамках получения высшего образования, принимать участие и оказывать влияние на процессы, позволяющие совершенствовать модель высшего образования.

В экосистеме высшего образования предполагается возможность смены фокальной организации стейкхолдерской сети в зависимости от этапа жизненного цикла развития ключевых технологий ИИ. В условиях применения хорошо освоенных технологий ИИ, в роли фокальной организации выступает университет, являясь ключевым актором, способным координировать процессы взаимодействия между другими стейкхолдерами

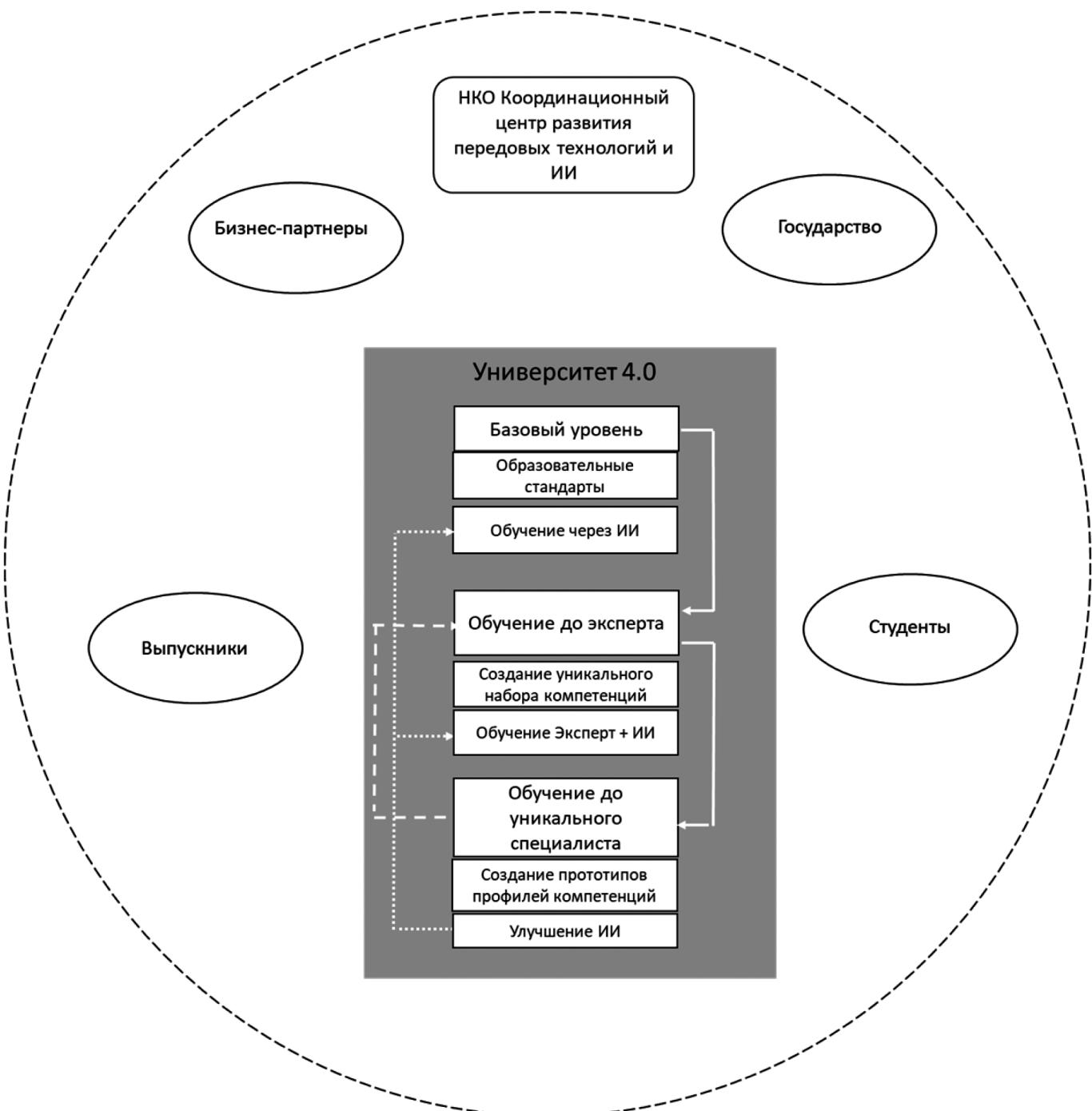

Рис. 3. Концептуальная модель высшего образования на основе динамических профилей компетенций и систем искусственного интеллекта в рамках парадигмы Университет 4.0

Источник: разработано автором.

для достижения цели экосистемы в целом. В условиях перехода к новому поколению технологий ИИ, роль фокальной организации переходит к независимому НКО Координационный центр развития передовых технологий и искусственного интеллекта, т.к. для данного этапа ключевыми становятся процессы цифровой трансформации акторов экосистемы, а именно координационный центр является экспертной организацией по применению технологий ИИ и проведению цифровой трансфор-

мации, направленной на интеграцию новых поколений ИИ в процессы акторов.

Процесс Обучения 4.0 в рамках университета как актора экосистемы происходит следующим образом. На первой стадии процесса происходит обучение базового уровня, основанное на лучших практиках образовательных стандартов с использованием технологий ИИ. Участие профессионалов научно-исследовательского

и экспертного профилей минимально, само обучение максимально стандартизировано. Студент, успешно прошедший курс базового обучения, получает необходимый и достаточный набор для перехода на следующий, экспертный уровень обучения.

Обучение до уровня эксперта направлена на создание индивидуального набора компетенций, учитывающего интеллектуальные, творческие, волевые и прочие личностные особенности студента. ИИ на данной стадии применяется в качестве рабочего инструмента поддержки для экспертов и профессионалом в области науки и исследований. В ходе обучения студент второго уровня решает реальные практические задачи, позволяющие ему выбрать необходимы трек обучения и набор компетенций, которые необходимо развивать и улучшать для успешной профессиональной деятельности на этом треке.

Финальный этап обучение — это окончательное формирование уникального специалиста, направленное прежде всего на развитие выявленных ключевых и уникальных компетенций, обучение техникам саморазвития и самообразования. На этом этапе происходит создание прототипов будущих профилей компетенций, отработка перехода и адаптации профилей. Уникальные специалисты с определенного момента начинают участвовать в проектах по улучшению ИИ в рамках его применения в образовательных процессах Университета 4.0.

Улучшенные технологии и алгоритмы ИИ начинают применяться на первых двух этапах образовательного процесса, а студенты третьего этапах обучения участвовать в образовательных процессах на втором этапе обучения до экспертного уровня. Применение концепции открытого университета в рамках экосистемы позволяет вносить в процесс как технологические корректизы, так и корректировки в профили компетенций. Кроме того,

потребность в самореализации групп студентов и выпускников университета может так же инициировать пересмотр стратегии развития акторов сети. На стратегическом уровне согласование мероприятий по реализации единой стратегии экосистемы с учетом индивидуальных стратегий ее акторов осуществляется в рамках модели справедливого компромисса с поиском оптимума решения.

Заключение

В настоящей работе, на основе анализа передовых концепций развития высшего образования, с учетом уровня цифровизации общества и развития систем искусственного интеллекта была предложена авторская модель высшего образования на основе динамических профилей компетенций и систем искусственного интеллекта в рамках парадигмы Университет 4.0. Ключевыми особенностями данной модели, реализация которой возможна на горизонте 2030 года, являются:

- применение экосистемного подхода, позволяющего представить университет как часть стейкхолдерской сети, что позволяет сбалансировать интересы всего общества в обеспечении высококлассным специалистами высшим образованием;
- применение концепции «плавающей» фокальной организации экосистемы высшего образования позволяет максимально эффективно достигать стратегические цели в зависимости от этапов жизненного цикла экосистемы, прежде всего, в условиях смены поколений технологий ИИ;
- трехуровневый процесс организации обучения позволяет реализовать процессы поэтапного развития как личности, так и систем ИИ, адаптировать, совершенствовать и создавать новые профили компетенции, позволяющие удовлетворить потребности бизнес-сообщество и населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е.Н., Андрюшкина Е.Ю. Этапы цифровой трансформации Университета 4.0 в работах зарубежных учёных // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2023. Т. 20. № 4. С. 25–36. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2023.4.3. EDN: KHLSGM
2. Гарифуллина Э.В. Этапы цифровой трансформации университета // Управление устойчивым развитием. 2022. № 1 (38). С. 67–72. DOI: 10.5542/2499992X_2022_1_67. EDN: QELTUK
3. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 1. С. 16–29. EDN: YGTEPL
4. Колобова И.Н. Компетентностный подход в управлении персоналом // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. №7 (16). С. 66–69. EDN: WWMFVR
5. Минева О.К., Полянская Э.В. Модель «Университет 4.0» версия 2 пролога цифровой эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 5 (223). С. 67–75. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-5-67-75. EDN: FCMEIQ
6. Неборский Е.В. Асинхронизация идентичности в контексте глобализации образования // Проблемы современного образования. 2015. № 3. С. 5–9. EDN: UDXIXR
7. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349. EDN: GGKNRO
8. Avalos-Bravo V., Toro-Gonzalez J., Torres-Rivera A.D. Digital Transformation of Higher Education: Mexico City-IPN as a Practical Case. Telematics and Computing. Ed. by M.F. Mata-Rivera, C. Barra-Huidobro, R. Zagal-Flores. Cham: Springer Nature Switzerland, 2022. Pp. 352–363

9. Dumoulin M., Malkov D. Towards the 4th generation university: The transformative role of TU/e in delivering innovation and impact in the Eindhoven region. 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://assets.ctfassets.net/zlnfaxb2lcqx/6nZbAiUzdNHtxEE9wKaKXI/60bf3ec78fb1e9d458e19e0fe2d688fe/Elsevier-TUe-report.pdf> (дата обращения 22.10.2025)
10. Giesenbauer B., Tegeler M. The Transformation of Higher Education Institutions Towards Sustainability from a Systemic Perspective // Universities as Living Labs for Sustainable Development / Leal Filho, W., Salvia, A.L., Pretorius, R.W., Brandli, L.L., Manolas, E., Alves, F., Azeiteiro, U., Rogers, J., Shiel, C., Do Paco, A., Eds. Cham, Germany: Springer International Publishing, 2020. P. 637–650
11. Scharmer C.O., Kaufer K. Leading from the emerging future. From ego-system to eco-system economies. 1st ed. San Francisco, CA, USA: Berrett-Koehler, 2013. 304p

© Ляшенко Валерий Евгеньевич (vallys2012@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАСТОМИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК: ВЛИЯНИЕ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

CUSTOMIZATION OF MANAGEMENT PRACTICES: IMPACT ON PERFORMANCE

N. Medvedeva

Summary. This article examines the transfer of customized solutions from the manufacturing sector to management. It explores the prerequisites for the demand for customization in the context of the narrowing of universal management practices in response to the demand for more flexible and personalized management solutions. It focuses on the adaptability of customization practices and the impact of customization on the performance of application areas. The relationship between the digital transformation of public administration and the development of proactive customization is demonstrated, taking into account the risks and trends of complex regulation.

Keywords: customization, mass customization, manufacturing, management, performance.

Медведева Надежда Васильевна
кандидат экономических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург
medvedeva-nv@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы трансфера кастомизированных решений из сферы производства в сферу управления. Отражены предпосылки востребованности кастомизации в контексте сужения универсальных управлеченческих практик в ответ на запросы применения более гибких и персонализированных управлеченческих решений. Акцентировано внимание на свойствах адаптивности практик кастомизации и условиях влияния кастомизации на результативность сфер приложения. Показана взаимосвязь между цифровой трансформацией государственного управления и развитием проактивной кастомизации с учетом рисков и тенденций комплексного регулирования.

Ключевые слова: кастомизация, массовая кастомизация, сфера производства, сфера управления, результативность.

Введение

Новая экономическая реальность формируется в условиях взрывного технологического роста, короткого цикла жизни технологий и продуктов, ужесточения конкуренции, быстрых и непредсказуемых перемен во всех отраслях и сферах жизни. Ранее сложившиеся модели и алгоритмы социально-экономического развития утрачивают свою востребованность и релевантность в новых условиях, возникает потребность в новых подходах и механизмах адаптационного свойства. Наряду с разработкой новых механизмов ускоряются процессы актуализации и реактуализации применяемых практик, к числу которых можно отнести и кастомизацию.

Современное развитие экономики и управлеченческих практик демонстрирует устойчивую тенденцию на индивидуализацию. Если ранее основу эффективности составляло массовое производство и стандартизация процессов, то в настоящее время ключевым фактором конкурентных преимуществ становится гибкость и способность учитывать индивидуальные запросы потребителей.

Кастомизация как феномен изначально возникала в сфере производства, она стала ответом на рост и усложнение структуры потребностей и постепенный от-

каз потребителей от усредненного продукта. С течением времени данная логика распространилась на сферу менеджмента и государственного управления и кастомизация стала пониматься как отказ от универсальных практик в пользу их адаптации к особенностям конкретной организации или территории.

Развитие научного знания о кастомизации управлеченческих практик определяется необходимостью поиска новых инструментов повышения результативности. Стандартные модели управления зачастую не способны адекватно реагировать на изменяющиеся условия внешней среды. В то же время чрезмерная кастомизация способна привести к фрагментации процессов и росту издержек. Таким образом, возникает исследовательская проблема определения условий, при которых кастомизация повышает результативность и напротив, не влияет или становится источником рисков.

Методологию статьи составляет междисциплинарный подход, основанный на взаимосвязи теории развивающихся систем и концепции экономического естественного отбора, концептуально-методологический и системный методы. Целью статьи является исследование эволюции кастомизации от производственной сферы к управлеченческим практикам и условий влияния кастомизации на результативность сфер приложения.

Результаты и обсуждение

Кастомизация по своей сущности не только отвечает требованиям адаптационного свойства, но и означает собственно процесс адаптации, настройку того или иного явления под требования потребителя, организации, ожидания граждан, достижения целей развития. Данному тезису соответствует определение кастомизации, под которой ряд авторов понимают «адаптирование преобразований товара под запросы потребителей с сохранением производительности близкой к производительности массового производства» [5; 6]

Эволюционное развитие кастомизации показывает закономерность на «расширение пройденного» как в части заимствования другими сферами приложения (исходя из концепции экономического естественного отбора), так и внутри себя в каждой сфере, переходя в более сложные и интегративные формы.

Кастомизация в производственной сфере: генезис явления

Возникновение кастомизации как феномена связано с изменением парадигмы массового производства. В качестве исходного пункта генезиса кастомизации признается период, когда основой промышленного развития стала модель стандартизированного выпуска продукции (Ф. Тейлор, Г. Форд), обеспечивавшая снижение издержек и доступность товаров для широких слоёв населения.

Постепенно массовое производство стало сталкиваться с ограничениями. Рост конкуренции, расширение и усложнение потребностей, развитие информационных технологий и глобализация рынков обусловили переход к более гибким моделям, допускающим вариативность продукта, но при сохранении контроля за издержками.

Получение результатов в расширении целевой аудитории, повышении лояльности клиентов к бренду, сокращении затрат, конкурентоспособности и увеличении доли рынка дало переход к следующему этапу — появлению практик массовой кастомизации, сочетающих массовое производство с существенной индивидуализацией продукции и основывающихся на модульном подходе с подборкой взаимозаменяемых компонентов для конструирования разных модификаций товара. Отличительной характеристикой кастомизации выступает взаимовыгодность для потребителя (удовлетворенность) и производителя (лояльность к бренду, спрос на товары), поскольку индивидуальный товар становится все более востребованным.

При этом прослеживается генезис кастомизации «внутри» производственной сферы от персонализации товаров производителем на основании данных о своих

клиентах (без прямого участия потребителей) или выбора опций, предлагаемых производителем, на этапе доработки товара или в процессе его использования, до коллaborации с потребителями с разной степенью вовлечения в процесс всего жизненного цикла и всей цепочки создания потребительской ценности. Значение взаимодействия сторон проявилось в понимании кастомизации как «процесса согласования организации с потребностями клиента». Технологическая составляющая «нового производства» способствует переходу к кастомизированному гибкому производству на основе сетей, платформ и форматов «облачного производства» и «производства, как сервис». При этом массовое производство и кастомизированное производство не являются взаимоисключающими, если массовое производство имеет гибкую специализацию (новые цифровые технологии позволяют программировать работу универсального оборудования для производства изменяющегося ассортимента продуктов вплоть до единичных товаров).

На развитие кастомизации повлияла и интеллектуализация бизнеса, которая проявляется в повышении значения не отдельных продуктов, а конкретных решений для определенного заказчика. Согласно данному подходу, кастомизация связана с сервисацией производства через интеграцию процессов выпуска и сервиса продукции и направлена на удовлетворение потребностей клиентов. Таким образом, кастомизация производства становится одной из перспективных траекторий развития новых производственных технологий и методов организации производства [7; 9]. Становится заметной взаимосвязь между увеличением заинтересованности покупателей в товарах, удовлетворяющих их индивидуальные потребности, и тенденцией развития предприятий, заинтересованных в перестраивании процессов управления под кастомизированную продукцию, что приводит к увеличению инвестиций в процессы кастомизации [4].

Масштабирование кастомизации производства сдерживается рядом ограничений, свойственных данному явлению. Кастомизация производства может оказаться экономически невыгодной, если влечет дополнительные затраты для бизнеса, невозможной (в силу требований технических регламентов) или нецелесообразной, если влечет организационные изменения, усложняет управление цепями поставок и др. В меньшей степени подобные ограничения связаны с изменением цифровых продуктов, когда достаточно доработать интерфейс или изменить кодировку. Снижение рисков кастомизации заключается в обеспечении уникальности производства и продукта, что является достаточно серьезным вызовом для организации современного кастомизированного гибкого производства. Тем не менее, кастомизация выходит за пределы производства, внедряется в различные сферы деятельности организации и трансформируется в стратегию бизнеса.

Кастомизация в менеджменте

Понимание кастомизации как стратегии деятельности организации сопровождается переходом кастомизации из производственной сферы в сферу управления, что стало естественным этапом эволюции управленческих практик.

Традиционно под управленческими практиками понимается совокупность методов, технологий и инструментов, которые применяются для планирования, организации, контроля и развития деятельности в сфере бизнеса, а также государственного и муниципального управления (с оговоркой об особенностях применения кастомизации в указанных сферах). Применяются и другие определения управленческих практик, как «набор устойчивых решений и алгоритмов, проверенных опытом и признанные эффективными», как «механизмы трансформации теории управления в практические действия» и др. Управленческие практики не являются статичными как во временном, так и ситуационном аспектах, все приведенные понятия отличает вариативность и возможность выбора (изменения) подходов, релевантных сложившимся условиям. Таким образом, адаптивная кастомизация имманентна управленческим практикам, с оговоркой об отсутствии абсолютности в этом, так как не все управленческие практики в силу разных причин могут быть адаптированы.

Внедрение кастомизации в управленческие практики происходит по аналогичной логике — «подобно производству, в менеджменте универсальные практики стали уступать место кастомизированным подходам». Отправной точкой развития управленческих моделей была их универсальность, активно велся поиск, выявление и масштабирование лучших практик. Современный период неопределенности внешней среды и сопутствующих этому факторов показывает снижение способности универсальных моделей быть гарантом результативности. Организации столкнулись с необходимостью адаптировать процессы управления под свои стратегические цели, показатели экономической безопасности деятельности, цели и задачи конкретного проекта, корпоративную культуру, отраслевые или региональные особенности. Важным аспектом методологии кастомизации управленческих практик является тезис о том, что выбор одного подхода из их множества или их сочетание и пересборка для целей управления не является кастомизацией, в большей степени это соответствует интуитивному подходу теории принятия решений. Кастомизация представляет собой, как было отмечено, индивидуальную настройку универсальных управленческих подходов, технологий или инструментов, а учет собственных целей развития обеспечивает их уникальность. Одним из проявлений этого процесса стало развитие гибких управленческих подходов, которые

ориентированы на вариативность развития, быструю адаптацию и постоянное взаимодействие с заинтересованными сторонами. Такие подходы характеризуются как кастомизированные, они допускают гибкую интерпретацию и адаптацию инструментов в зависимости от контекста в режиме реального времени. Не противоречит логике кастомизации применение гибридных моделей управления при условии настройки даже одной из технологий.

Вместе с тем, в кастомизации в производственной сфере и сфере управления есть как пересекающиеся процессы, так и отличительные особенности (аналогично и в части ограничений).

Например, практика индивидуализации отношений с клиентами относится к числу пересекающихся процессов производства и управления: в сфере производства — это выражение предпочтений клиентов для изготовления и доработки продукта, в сфере управления — это организация бизнес-процессов с новым технологическим обеспечением и новыми компетенциями исполнителей. Наряду с технологиями бережливого производства активно используются CRM-системы, которые позволяют собирать информацию, хранить и систематизировать ее, автоматизировать взаимодействие с клиентами, повышать их лояльность и информированность, разрабатывать и продвигать индивидуальные клиентские стратегии [10].

Важным направлением кастомизации в менеджменте стало персонализированное управление человеческими ресурсами. Уникальность кастомизации обеспечивается такими инструментами, как индивидуальные планы развития для сотрудников с учетом их компетенций и качеств, дифференцированные пакеты льгот, индивидуализированные формы и время занятости, оценки вклада, стимулирования и др., что позволяет выработать проактивную позицию и повысить вовлеченность персонала и результативность работы команд [3].

Для кастомизации в менеджменте характерно конструктирование гибких систем KPI, восприимчивых к быстрой адаптации к изменяющимся условиям бизнеса (как за счет регулярности мониторинга и обновления, так и самообучающихся в разных аспектах, в том числе предиктивной аналитике). Изменяется сам подход к набору метрик таких систем, план-фактные индикаторы дополняются динамическими разноплановыми и разнофакторными (традиционные системы KPI уступают место настраиваемым системам в зависимости от требований внешних и внутренних заинтересованных сторон, которые являются не только разными, но и подвержены изменениям, что влечет изменение метрик и перенастройку систем) [2]. Таким образом, гибкие системы основаны на моделях сквозных устойчивых метрик, открытых постоянно

янным изменениям и поддерживающих взаимодействие всех заинтересованных сторон в рамках экосистемы организации (интерактивные модели/модели с откликом).

Процессы кастомизации управленческих практик становятся результативнее в условиях цифровой трансформации всех отраслей и сфер, поскольку появляется возможность использования саморазвивающихся технологий для анализа массива данных и прогнозирования потребностей заинтересованных сторон, а также будущих тенденций. Одновременно период цифровой трансформации становится сам по себе вызовом для адаптации бизнес-процессов и бизнес-моделей, корпоративных взаимоотношений и партнерских взаимодействий, требуя проявления гибкости, быстроты реакции на изменения и постоянного улучшения.

Возможности и ограничения в применении кастомизации в менеджменте определяются рядом обстоятельств. В самом общем виде — это гибкость и вариативность, поскольку корпоративные организации свободны в выборе и конструировании управленческих подходов. Внедрение гибких бизнес-моделей и бизнес-процессов, моделей проектного управления, lean-технологий осуществляется без получения внешних разрешений, отсутствует необходимость следовать стандартам. Кастомизация в менеджменте отличается итеративностью и инновационностью с точки зрения ускоренного формата даже в отношении экспериментальных управленческих практик, что соответствует сущности предпринимательской деятельности, предопределенной гражданским законодательством, а также условиям жесткой конкуренции. Главной детерминантой ограничений выступает рынок как регулятор, где эффективность практик проверяется конкурентной средой. Вской причиной ограничений выступает правовой режим, который в ряде случаев не допускает выхода за рамки нормативного регулирования или влечет необходимость обязательных сопутствующих действий (регламентация в большей степени задается локальными актами).

Влияние кастомизации на результативность управления, подобно кастомизации производственной сферы, может иметь как позитивные эффекты (например, рост гибкости организации и адаптивность к изменениям внешней среды, что положительно сказывается на конкурентоспособности), так и негативные эффекты (фрагментация управленческих функций, сложности с координацией, рассогласованность действий, рост затрат). Становится очевидным, кастомизация менеджмента способствует достижению результативности не за счет готовых моделей, а за счет их адаптации под уникальные условия конкретной организации, что постепенно находит свое отражение в практике государственного и муниципального управления.

Кастомизация в государственном управлении

Общеизвестно, система, структура и практики государственного управления подлежат строгой регламентации. Строгая регламентация практик государственного управления подразумевает четкое нормативное регулирование организации и функционирования органов публичной власти, определяющее их компетенцию, полномочия, процедуры принятия и исполнения решения, меры ответственности. Доминирование императивности в регламентации управленческих практик в сфере государственного управления необходимо для предотвращения коррупции и иных злоупотреблений, но для повышения эффективности и результативности, необходим баланс с адаптивностью. Соответственно, переход идеи кастомизации в сферу государственного управления не противоречит логике регламентации. Традиционная модель государственного управления предполагала единобразие правил и универсальность процедур для всех направлений и функций, однако современная реальность предъявляет запрос на более гибкие, адресные и персонализированные управленческие решения. Глобальные тенденции трансформации публичного сектора соотносятся с умным регулированием (как оптимальным вариантом регулирования), когда сужается универсальность управленческих практик, не затрагивая базовых начал государственного управления, но остается пространство для настройки и оперативного регулирования.

Масштаб кастомизации зависит от гибкости и вариативности управленческих подходов, что подразумевает их разнообразие. Регулятивные нормы, будучи правилами, создают основу (инварианты) взаимодействия, обеспечивая, с одной стороны, предсказуемость и порядок. Вместе с тем, У. Росс Эшби указывал, что «существование любого инварианта в некотором множестве явлений подразумевает ограничение разнообразия». Таким образом, внедрение кастомизации в сфере государственного управления ограничивается множеством инвариантов и сужением разнообразия. Данное обстоятельство не отрицает кастомизацию управленческих практик в сфере государственного управления, а лишь указывает на собственные форматы и модели, отличающиеся от кастомизированных подходов в менеджменте.

Ключевой детерминантой кастомизации выступает рост разнообразия запросов: в сфере производства — рост разнообразия запросов потребителей, в сфере государственного управления — рост разнообразия социальных запросов. Рост разнообразия социальных запросов способствует выделению целевых групп, нуждающихся в уникальных мерах поддержки, стимулирования, активизации деятельности и иных точечных воздействиях.

Цифровая трансформация государственного управления выступает одновременно и причиной, и средством обеспечения внедрения кастомизации, поскольку развитие цифровых экосистем и разнообразных электронных сервисов позволяет учитывать индивидуальные потребности и формировать персонализированные услуги. Так, экосистема мер поддержки в структуре государственной информационной системы промышленности (ГИСП) обеспечивает характеристику ГИСП как единого окна поиска и получения мер государственной поддержки для предприятий промышленности. Ключевыми сервисами экосистемы мер поддержки выступают навигатор мер поддержки и сервисы получения мер поддержки. Навигатор мер поддержки содержит все сведения о мерах поддержки федерального и регионального уровней (реестр мер поддержки) различных администраторов мер поддержки (органов государственной власти и институтов развития), что обеспечивает возможность подбора мер поддержки пользователям по соответствующим параметрам поиска (с учетом уровня и типа меры поддержки, региона, отраслевого вида деятельности, размера предприятия и соответствующего запроса (проблемы) и др.) или через функцию подбора рекомендованных мер поддержки и последующего проактивного уведомления предприятия о появлении мер согласно профилю пользователя в ГИСП.

Концептуальную связку в сфере государственного управления получают кастомизация и проактивность как синтез персонализации услуг и упреждающих решений (предиктивная персонализация или проактивная кастомизация). Алгоритмы предиктивной персонализации позволяют прогнозировать индивидуальные запросы до их явного выражения. К числу суперсервисов проактивной кастомизации можно отнести анализ жизненных событий через агрегацию данных, автоматическую активацию персонализированных пакетов услуг, уведомления до наступления права. Разрабатываются цифровые двойники для мониторинга комплексного состояния территории, создания персонализированных сценариев и прогнозирования кризисов в отраслевом и территориальном масштабе, оценки текущей и прогнозирования потенциальной доступности услуг, объектов инфраструктуры и др. Отнесение таких адаптивных систем к кастомизированным практикам в управлении возможно по их способности автоматически изменять данные алгоритма своего функционирования (параметры системы) для поиска оптимальных состояний в ответ на изменяющиеся условия и новые данные. При этом следует учитывать этичность использования искусственного интеллекта, например инструментов нейросетевой кластеризации для сегментации целевых групп (территорий), граничащую с возможными репутационными, финансовыми и иными потерями для включенных/исключенных объектов анализа. Проблемы и риски алгоритмической предвзятости искусственного интеллекта

в решении социально-экономических задач актуализируют научный интерес и предложения по применению рекомендательных систем и мер, направленных на создание справедливых и этичных систем искусственного интеллекта [1; 8].

Сложность внешней среды, обусловленная технологическими прорывами, санкционным давлением, нарушением взаимосвязей и их новым конструированием, требует быстроты реагирования на адаптацию систем и практик к новым условиям. Императив срочности становится необходимым условием для обеспечения соответствия управлеченческих механизмов приоритетам политики, запросам, вызовам, угрозам и новым возможностям. Данное обстоятельство, как и вышеперечисленные причины, требуют отказа от универсальных подходов и перехода к гибким методам управления и регулирования, персонализированным и адресным управлеченческим механизмам (кастомизированным подходам). При этом, ключевая особенность результативности кастомизации в сфере государственного управления зависит от баланса между индивидуализацией и сохранением единства правовых и институциональных рамок.

Заключение

Феномен кастомизации демонстрирует эволюцию управлеченческих практик от производственной сферы к сфере государственного управления. Общим признаком кастомизации в сфере производства, менеджменте и государственном управлении выступает отказ от универсальных практик в пользу их адаптации к запросам потребителей, особенностям конкретной организации, территории, социально-экономическим процессам. Сфера государственного управления по сравнению со сферами производства и менеджмента имеет больше ограничений для применения кастомизированных подходов, вской причиной которых выступает непрерывный поиск баланса между персонализацией и сохранением единства правовых рамок. Доказательность результативности кастомизации в сфере производства стала фактором масштабирования как практик, так и сфер приложения. Результативность кастомизации не является абсолютной, кастомизированные подходы не статичны, они имеют свойство изменяться под соответствующие условия. Именно определение условий, которые задают входные параметры, определяют настройки и самоорганизацию систем, может стать источником рисков неполучения достоверных данных и результатов или потери контроля.

Цифровая трансформация процессов, отраслей и сфер способствует применению адаптивных систем искусственного интеллекта, которые могут изменять свои алгоритмы в ответ на изменяющиеся условия и новые данные. Вместе с тем остаются вопросы алгоритмиче-

ской предвзятости таких систем, которые направлены на формирование справедливого и инклюзивного подхода к разработке и применению искусственного интеллекта. Для обеспечения результативности кастомизации, в том числе проактивной кастомизации в управляемческих практиках, приоритетными выступают федеральные стандарты проактивности, а также расширение комплексного регулирования искусственного интеллекта (нормативные-правовые акты, технические стандарты,

этические нормы). При этом ключевыми метриками нормативного регулирования должны быть обязательная оценка влияния искусственного интеллекта, классификация систем и технологий искусственного интеллекта по уровню риска, право на объяснимость, право на алгоритмическую прозрачность, аудит систем и алгоритмов искусственного интеллекта, запрет на использование искусственного интеллекта без контроля человека (или обязательная сертификация) в критических сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блануца В.И. Дискриминация отдельных российских регионов в социально-экономической кластеризации на основе нейросети Кохонена // Экономика. Информатика. — 2025. — № 52(1). — С. 5–18. DOI 10.52575/2687-0932-2025-52-1-5-18.
2. Глухова Е.В., Набок О.А. Глобус SAPI. Гибкие индикаторы состояния организации для заинтересованных сторон // Вопросы инновационной экономики. — 2021. — Том 11. — № 3. — С. 1077–1092. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46618222>
3. Калинин А.Ф., Кавинская Н.К., Демина Ю.А., Кукшинов Р.Ф., Линецкий Ю.Л., Савина Д.И. Повышение качества программ бизнес-образования руководителей уровня «топ» промышленных компаний через кастомизацию лучших практик // Лидерство и менеджмент. — 2021. — Том 8. — № 3. — С. 341–356. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46540776>
4. Нетиевский А.В., Прилуцкая М.А. Управление заказом в эпоху кастомизации // Управленческие науки. — 2024. — Т. 14. — № 3. — С. 21–35. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=71308643>
5. Романовский Р.С., Петровская Р.С., Андреева Е.Г. Массовая кастомизация как перспективное направление в развитии промышленного производства // Костюмология. — 2021. — Т. 6. — № 4. — п.н. 5. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48043277>
6. Татаринов К.А., Музыка С.М., Аникиенко Н.Н., Савченко И.А. Феномен массовой персонализации и кастомизации // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2023. — № 7-1. — С. 99–104. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54232694>
7. Титов С.А., Титова Н.В. Оценка экономических эффектов от кастомизации продукции российских промышленных предприятий // Стратегические решения и риск-менеджмент. — 2022. — Т. 13. — № 1. — С. 26–36. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49332922> Сергеевич
8. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: во просы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — Вып. 53. — С. 488–515. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-488-515.
9. Хоменко Е.Б., Ватутина Л.А., Здобина Е.Ю. Современные тенденции цифровой трансформации промышленных предприятий // Вестник Удмуртского университета. — 2022. — Т. 32. — Вып. 4. — С. 676–682. <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/7064>
10. Ураев Н.Н., Сафаргалиев М.Ф. Кастомизация цифрового менеджмента в сфере реализации продукции // Экономика Центральной Азии. — 2018. — Том 2. — № 1. — С. 29–42. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44644788>

© Медведева Надежда Васильевна (medvedeva-nv@ranepa.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В АВТОМОБИЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

GLOBAL VALUE CHAINS AS INSTRUMENTS OF DIGITAL CONTROL AND STRATEGIC SOVEREIGNTY IN THE AUTOMOTIVE INDUSTRY

Ya. Polozov

Summary. The article attempts to understand global value chains as a tool of digital control and strategic sovereignty that affect the parameters of independence, dependence and geo-economic maneuverability of states using the example of the automotive industry. The types of companies identified as a result of the study demonstrated that the automaker's digital sovereignty index is able to capture non-obvious structural differences between formally comparable industry participants. Visualization of the index distribution made it possible to identify four main groups: architectural companies with high autonomy; integrant companies embedded in someone else's architecture; observer companies with a low degree of digitalization; risk companies that are borderline dependent on external code, contracts and jurisdictions. An analysis of the positions of Russian automobile companies showed their predominance in groups 3 and 4. The factors limiting the possibility of transition to technological and digital sovereignty are revealed: dependence on foreign communication protocols; lack of certified standards for digital architecture within the country; insufficient inclusion in the design of global chains. The conclusion is that at the current stage, the Russian automotive industry remains in the zone of adaptive digital response, with some rudiments of platform subjectivity. Its sustainable development in the context of geo-economic challenges and pressure from competing powers is possible only if its own ecosystem of design, rationing and institutional reproduction is created. The strategic guideline should be the movement from the periphery to the core, with the formation of an industrial block capable of reproducing components and defining the architecture of interaction in digital chains on a global level.

Keywords: value chains, global value chains, digital control, strategic sovereignty, automotive industry, automobile industry.

Полозов Ярослав Сергеевич
Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва
yarcool@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осмыслиения глобальных цепочек добавленной стоимости как инструмента цифрового контроля и стратегического суверенитета, влияющих на параметры самостоятельности, зависимости и геоэкономической маневренности государств на примере автомобильной отрасли. Выявленные в результате исследования типы компаний продемонстрировали, что индекс цифрового суверенитета автопроизводителя способен зафиксировать неочевидные структурные различия между формально сопоставимыми участниками отрасли. Визуализация распределения индекса позволила выделить четыре основные группы: компании-архитекторы с высокой автономией; компании-интегранты, встроенные в чужую архитектуру; компании-наблюдатели с низкой степенью цифровизации; компании-риски, находящиеся в пограничной зависимости от внешнего кода, контрактов и юрисдикций. Анализ позиций российских автомобильных компаний показал их преобладание в 2 и 3 группах. Выявлены факторы, ограничивающие возможность перехода к технологическому и цифровому суверенитету: зависимость от иностранных протоколов связи; отсутствие сертифицированных стандартов на цифровую архитектуру внутри страны; недостаточное включение в проектирование глобальных цепочек. Получен вывод, что на текущем этапе автомобильная отрасль России остается в зоне адаптивного цифрового реагирования, с отдельными зачатками платформенной субъектности. Ее устойчивое развитие в контексте геоэкономических вызовов и давления со стороны конкурирующих держав возможно лишь при условии создания собственной экосистемы проектирования, нормирования и институционального воспроизведения. Стратегическим ориентиром должно стать движение от периферии к ядру — с формированием индустриального блока, способного воспроизводить компоненты и задавать архитектуру взаимодействия в цифровых цепочках на глобальном уровне.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости, глобальные цепочки добавленной стоимости, цифровой контроль, стратегический суверенитет, автомобильная отрасль, автомобилестроение.

Введение

В современных условиях глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС) становятся центральным объектом теоретического и прикладного анализа. Особое значение они приобретают в автомобильной

промышленности, где от архитектуры цепочек зависит не только производственная эффективность, но и стратегический суверенитет национальных индустрий. ГЦДС, сформированные как логистические маршруты для повышения эффективности, становятся механизмом формирования цифрового суверенитета, нормативной

власти и геоэкономического контроля. Согласно исследованиям, за последние три года главными драйверами промышленной политики стали стратегическая конкурентоспособность (37 % всех введенных мер в разных странах), geopolитические интересы и национальная безопасность (19,7 %), устойчивость цепочек поставок (15,2 %) [2]. Все чаще технологическая зависимость, формирующаяся через ГЦДС, заставляет страны пересматривать свою стратегию. В частности, рост Китая как технологической державы привел к сдвигу от либерального подхода к «техно-национализму» и политике протекционизма [5]. Тогда как ЕС использует свой регуляторный вес не только для защиты внутреннего рынка, но и для установления глобальных стандартов, тем самым осуществляя нормативную власть и геоэкономический контроль [4].

Цифровая трансформация производственно-логистических цепочек привела к глубинному сдвигу в природе координации и контроля, в связи с чем в ГЦДС на первый план выходят цифровые стандарты, API-протоколы, телеметрические шлюзы и платформенные архитектуры, задающие правила входа и взаимодействия внутри цепи. Контроль смещается из сферы юридических соглашений в область машинно-читаемых норм, исполняемых автоматически и неподконтрольно локальному суперену. Кроме того, цифровизация ГЦДС ведет и к переопределению субъектности, когда решающую роль начинают играть не те, кто производит или поставляет, а те, кто обладает инфраструктурой сбора и обработки данных.

В этом контексте особенно уязвимыми оказываются страны, находящиеся на периферии архитектуры ГЦДС. Так, российская автоиндустрия, несмотря на наличие стратегически важного сырья, инженерной школы и промышленного потенциала, часто интегрирована в цепочки в роли ресурсного и сборочного сегмента, лишенного контроля над стандартами, API и цифровыми сервисами, что ставит под вопрос не только технологический, но и цифровой суверенитет. При этом внутренняя цифровизация формирует возможности для создания частично автономных сегментов ГЦДС. Целью исследования является определение места российской автомобильной промышленности в ГЦДС как инструменте цифрового контроля и стратегического суверенитета, выявление узких мест и разработка соответствующих рекомендаций по развитию.

Материалы и методы исследования

Проведенное исследование основано на научных трудах отечественных и зарубежных авторов, статистической информации в области ГЦДС в автомобильной промышленности России и зарубежных стран, патентных баз и официальных сайтов производителей.

Методологически исследование опирается на применение Индекса цифрового суверенитета автопроизводителей (ИЦСА), служащего аналитическим инструментом для оценки глубины включенности компаний в ГЦДС с акцентом на цифровые и архитектурные параметры. Методология индекса базируется на работах UNCTAD, OECD, BCG, McKinsey. Индексный подход позволяет агрегировать разнородные параметры, создает единую сравнительную шкалу для межкорпоративного и межстранового анализа, обеспечивает прозрачность и воспроизводимость для разных отраслей. Метод ранжирования компаний по ИЦСА основывался на агрегированном балле. Веса критериев были установлены экспертыным методом на основе открытых исследований. Визуальное представление результатов анализа осуществлялось при помощи диаграммы распределения значений по типам и обобщающей таблицы кластерных характеристик, что позволило зафиксировать институциональные и технологические закономерности, лежащие в основе стратегического позиционирования компаний в ГЦДС.

Результаты и обсуждения

На первом этапе исследования был проанализирован Индекс цифрового суверенитета автопроизводителя (ИЦСА) различных компаний, отражающий степень управляемости ключевыми звенями цифровой цепочки: от архитектуры программного обеспечения до облачной телеметрии, встроенных интерфейсов и OTA-модулей. ИЦСА строится на основе комплексного показателя, сочетающего количественные метрики (объем программных патентов, наличие собственных API, степень зависимости от сторонних платформ) и качественные параметры (уровень внутренней интеграции цифровых систем, стратегия кибербезопасности, способность к автономной навигации решений). Каждому параметру присваивается вес, формула (1) агрегирует их в финальное значение от 0 до 1, где 1 — полный цифровой суверенитет, а 0 — критическая зависимость:

$$\text{ИЦСА} = \frac{\sum_{i=1}^n W_i \cdot P_i}{T}, \quad (1)$$

где W_i — весовая значимость параметра i в цифровой цепочке, P_i — фактический показатель компании по этому параметру, T — нормирующая сумма весов.

Выбор компаний для оценки был ограничен производителями, обладающими существенной долей в мировом выпуске автомобилей и вовлечеными в разработку или внедрение цифровых платформ. Базовая выборка составлена из 15 структур: Tesla, BYD, Toyota, Stellantis, Hyundai-Kia, Geely, General Motors, BMW Group, Mercedes-Benz Group, Renault-Nissan-Mitsubishi Alliance, SAIC Motor, FAW Group, Volkswagen Group, Honda и Ford.

Критериями выбора компаний были определены следующие:

- 1) объем продаж и глобальное присутствие, отражающие степень включенности в мировые ГЦДС;
- 2) наличие собственных или партнёрских цифровых архитектур (например, MBUX, Android Automotive, HarmonyOS, CarPlay);
- 3) участие в разработке или интеграции ключевых ИТ-компонентов: автопилот, блокчейн-решения, edge computing и др.;
- 4) доступность открытых или частично публичных источников по программным патентам, цифровой политике и платформенной инфраструктуре.

Критерии были валидированы по открытym данным 15 автопроизводителей, входящих в список глобальных лидеров (по данным OICA [14] и Statista [6]). Каждая из отобранных структур представляет разные конфигурации управления цифровыми звенями: от вертикально интегрированных моделей, где контроль распространяется от датчиков до облака, до децентрализованных платформ, находящихся на промежуточной стадии цифровой консолидации. Выбор был также соотнесён с ре-

гиональной диверсификацией: в анализе представлены компании из США, Китая, ЕС, Японии и Южной Кореи, что позволяет зафиксировать институциональные различия в подходах к цифровому управлению и политике встраивания в ГЦДС. Индекс цифрового супернитета автопроизводителя отобранных компаний систематизирован в таблице 1.

На основе исследованного Индекса цифрового супернитета, отражающего степень контроля компаний над ключевыми звеньями цифровой цепочки добавленной стоимости (архитектура программного обеспечения, операционные платформы, кибербезопасность, ИИ-решения, OTA-обновления, протоколы телеметрии и цифровые двойники), была построена типология компаний, демонстрирующая различия, как в уровне цифровой зрелости, так и в стратегических ориентирах управления данными. Метод ранжирования основывается на агрегированном балле, рассчитанном по формуле (2):

$$D_i = \sum_{j=1}^n w_j \cdot x_{ij}, \quad (2)$$

Таблица 1.

Индекс Цифрового Супернитета Автопроизводителя (ИЦСА)

Место в рейтинге	Компания	Показатели						ИЦСА
		Обратная зависимость от платформы	Объем патентов на ПО	Собственные API	Интеграция систем	Стратегия кибербезопасности	Автономия принятия решений	
1	Tesla	8	10	10	10	9	10	0,95
2	BYD	7	9	8	8	7	8	0,78
3	Mercedes-Benz	6	7	6	7	7	6	0,65
4	Geely	6	7	6	7	6	5	0,62
5	BMW	5	6	6	7	7	6	0,62
6	Toyota	5	6	5	6	6	6	0,57
7	Stellantis	5	5	4	5	5	5	0,48
8	Hyundai-Kia	5	6	5	6	6	5	0,55
9	GM	5	6	5	6	5	6	0,55
10	Ford	5	5	4	5	5	4	0,47
11	Honda	4	4	3	5	5	5	0,43
12	Volkswagen Group	5	7	6	6	5	5	0,57
13	Renault-Nissan-Mitsubishi	4	5	4	5	5	5	0,47
14	FAW Group	3	4	3	4	4	4	0,37
15	SAIC Motor	3	5	3	4	4	4	0,38

Источник: составлено автором по данным [3, 7–13]

где D_i — итоговый индекс цифрового суверенитета компании i , w_j — вес критерия j , x_{ij} — нормализованное значение показателя j для компании i .

Веса критериев были установлены экспертыным методом на основе открытых исследований (OECD, WIPO, BCG), а нормализация проведена методом линейного преобразования по шкале [0; 1].

В результате кластеризации по методу К-средних были выделены четыре устойчивых типа автопромышленных компаний.

Тип I — полнодоменные интеграторы. Компании данного типа обеспечивают почти полный суверенитет над цифровым контуром автомобиля, выстраивая вертикально интегрированные экосистемы — от чипов и собственных ОС до облачных платформ и закрытых OTA-петлей. В этих моделях цифровая автономия не вторична — она становится фундаментом бизнес-стратегии и прямым элементом конкурентного преимущества.

Тип II — стратегические интеграторы. Компании этого типа находятся на переходном этапе: они стремятся к усилению цифровой автономии, но сохраняют значительную зависимость от сторонних компонентов. Значения ИЦСА в пределах 0,55–0,65 фиксируют промежуточное положение: эти производители выстраивают цифровое ядро, но ещё не достигли полной интеграции и суверенитета.

Тип III — платформенные зависимые. Компании этого кластера демонстрируют устойчивую зависимость

от внешних цифровых платформ — как в облачной инфраструктуре, так и в системах управления автомобилем. Индексы цифрового суверенитета остаются ниже среднего (0,43–0,48), отражая ограниченный контроль над критической инфраструктурой и высокую зависимость от экосистем третьих сторон.

Тип IV — государственно-аффилированные контурные игроки. Компании данного типа развиваются цифровые платформы при активной государственной поддержке и встраиваются в стратегические инициативы. Суверенитет здесь обеспечивается не столько за счёт технологий, сколько за счёт институционального давления и нормативного контроля. Таким образом, контроль реализуется в рамках «цифрового суверенитета с китайской спецификой», где важна не только технологическая независимость, но и централизованное управление цифровыми потоками.

На гистограмме распределения значений Индекса цифрового суверенитета (рис. 1) отчётливо проявляется четырёхмодальная структура, отражающая типологию стратегий управления цифровым контуром.

Верхний модальный кластер (0,78–0,95) представлен полнодоменными интеграторами — Tesla и BYD, обладающими максимальной цифровой автономией. Основная масса компаний сосредоточена в диапазоне 0,55–0,65, где находятся стратегические интеграторы с частичной независимостью (например, Mercedes-Benz, Geely, BMW, Toyota, Volkswagen Group). Группа платформенно зависимых брендов занимает интервал 0,43–0,48, демонстрируя

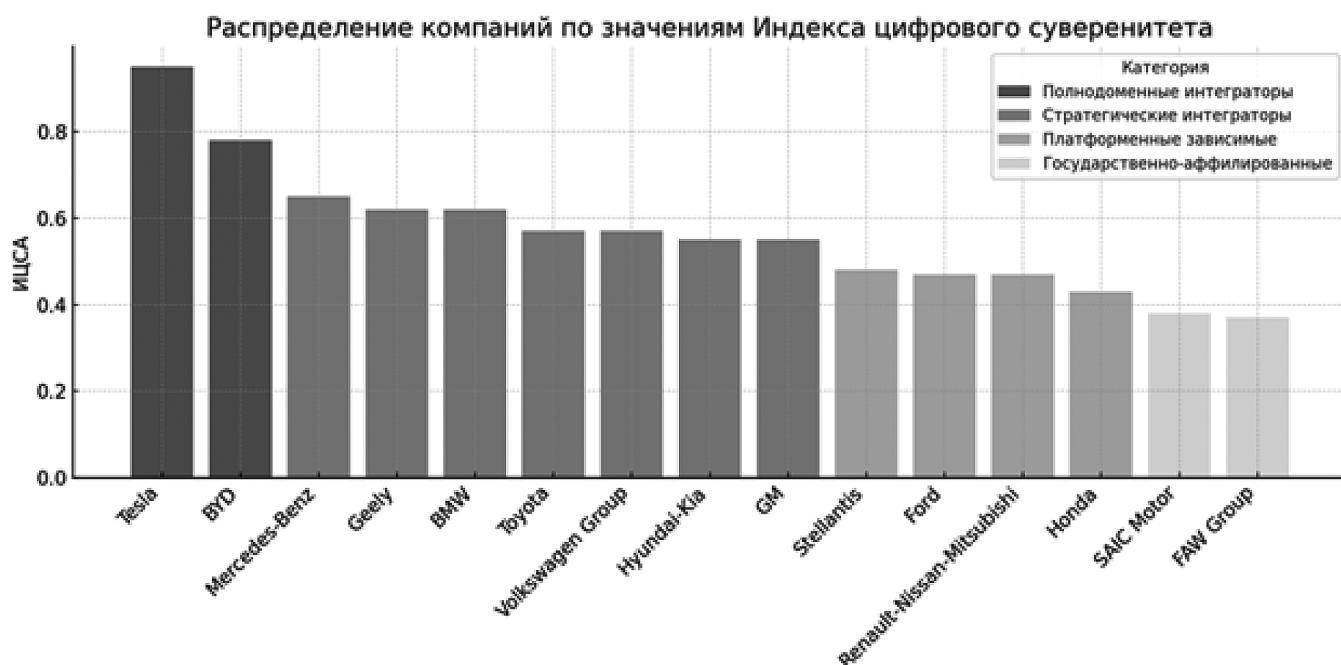

Рис. 1. Распределение отобранных компаний по значениям Индекса цифрового суверенитета автопроизводителя
Источник: составлено автором по данным [3, 7–13]

Таблица 2.

Кластерные характеристики автопромышленных структур

Тип цифрового суверенитета	Компании	Средний ИЦСА	Контроль над ИИ / ОТА	Платформенная независимость	Геополитическая встроенность
Полнодоменные интеграторы	Tesla, BYD	0.865	Высокий	Полная	Высокая (внутренние платформы / госэкосистемы)
Стратегические интеграторы	Mercedes-Benz, BMW, Toyota, Geely, Volkswagen Group, Hyundai-Kia, GM	0.59	Средний	Частичная	Средняя (смешанные альянсы и внутренние решения)
Платформенно-зависимые	Stellantis, Ford, Renault-Nissan-Mitsubishi, Honda	0.45	Низкий	Отсутствует	Высокая (Google, AWS, Android и т.п.)
Аффилированные контурные игроки	SAIC Motor, FAW Group	0.375	Средний	Частичная	Зависит от юрисдикции (китайская госинфраструктура)

Источник: составлено автором по данным [3, 7–13]

стрируя ограниченный контроль и высокую внешнюю зависимость. Минимальные значения (0,37–0,38) зафиксированы у SAIC и FAW — государственно-аффилированных игроков, чья цифровая архитектура практически полностью опирается на национальные технологические стеки.

Для комплексного анализа представлена таблица 2, содержащая сводные характеристики по каждому типу, где отражены средние значения Индекса, степень технологической автономии, участие в национальных цифровых стратегиях и уровень встроенности в глобальные нормативные протоколы.

Проведенный эмпирический анализ подтверждает, что высокий уровень цифровой автономии напрямую связан с институциональной способностью компаний формировать собственные архитектурные и протокольные стандарты. Главным фактором здесь выступает не абсолютная изоляция от внешних платформ, а наличие внутреннего управляемого слоя, обеспечивающего обратимую зависимость и гибкость при изменении внешних условий. Даже в рамках технологических альянсов, таких как Geely-Volvo, Stellantis-Foxconn, GM-SAIC, критическим условием устойчивости становится контроль над ядром цифровой архитектуры: будь то проприетарная ОС, ADAS-стек или телематический интерфейс. Особое значение в этом контексте приобретает архитектурная асимметрия внутри формально паритетных альянсов. Так, Mercedes-Benz и Renault оказываются в режиме технологической инкапсуляции, будучи интегрированы в экосистемы BYD и Geely соответственно, где доступ к обновлениям, данным и интерфейсам ограничен стороной-владельцем платформы. Аналогично, в связке GM-SAIC архитектура принадлежит китайской стороне, при этом американский партнёр сохраняет лишь надстройку UX и брендовый слой. В таких условиях именно наличие собственного, масштабируемого, протокольно

контролируемого слоя — от чипа до API — становится не просто технологическим ресурсом, а стратегической гарантией суверенитета в условиях геоэкономических рисков и конкурентной цифровой конфигурации.

Оценка позиций исследуемых российских компаний в рамках предложенной типологии цифрового суверенитета выявила, что ни одна из них не вошла в группу полного суверенитета (тип I), что указывает на институциональную и технологическую незавершённость архитектурных решений, способных обеспечить устойчивый контроль над ключевыми элементами цифрового цикла. Большинство российских участников цифрового автомобильного рынка, по данным Минпромторга РФ, распределяются между типами II и III в рамках предложенной типологии цифрового контроля. Ближе всего к категории стратегических интеграторов (тип II) находится компания КАМАЗ, демонстрирующая элементы протокольной самостоятельности в области телематических систем и цифровых интерфейсов, в частности, за счёт кооперации с Ростехом и Яндексом. Однако даже при наличии этих разработок сохраняется критическая зависимость от внешних поставщиков сенсоров, полупроводников и ADAS-модулей, что ограничивает масштабируемость собственной архитектуры. АвтоВАЗ, несмотря на формальную вертикальную интеграцию производственного цикла, остаётся в зоне частичной зависимости: после разрыва с альянсом Renault-Nissan он реинтегрирован в китайские цепочки поставок, не обладая собственным цифровым стеком. К типу платформенно зависимых (тип III) относятся такие структуры, как Соллерс, Москвич, Эволют, Е-Neva и Атом. Первые четыре опираются на китайские архитектуры вплоть до уровня телеметрии, ОТА и интерфейсов, не обладая контролем над ядром цифровой инфраструктуры. Это подчёркивает системный парадокс: даже при высокой государственной аффилированности компании могут оставаться цифровозависимыми, если отсутствует внутренняя архитектура

управления данными, соединениями и интерфейсами. Такая зависимость снижает устойчивость этих решений к внешним санкциям и делает невозможным контроль жизненного цикла продукта в пределах национальной юрисдикции.

Анализ показал, что главным ограничением для формирования суверенной цифровой платформы в России остаётся дефицит полной цепочки компетенций — от микроэлектроники до интеграции на уровне UX, OTA-архитектуры и ESG-контуров. Отсутствие собственных стандартов, а также включённости в международные нормативные сообщества ведёт к парадигме адаптации, а не проектирования. В долгосрочной перспективе такая позиция не только ограничивает экспортный потенциал, но и снижает устойчивость внутреннего рынка к шокам, связанным с санкционными и технологическими сдвигами. В отдельных сегментах наблюдается зарождающаяся инициатива к созданию платформенного слоя, например, в рамках проекта «Автономика» (интеграция ИИ-модулей в логистику и транспорт), однако такие решения пока фрагментарны, не включены в полноценную экосистему и редко выходят из стадии пилотирования. Дополнительным ограничением для цифрового суверенитета выступает структура собственности и корпоративного управления. Преобладание моделей с сильной вертикалью, при отсутствии распределённых систем оценки рисков и интеграции с научными институтами, приводит к слабой обратной связи между цифровыми инициативами и реальными потребностями пользователей и операторов. Российские компании нередко копируют лишь внешнюю оболочку цифровых решений без внедрения внутреннего слоя.

В контексте геоэкономических вызовов и давления со стороны конкурирующих держав, обладающих развитыми альянсами (например, Stellantis с Amazon и Foxconn, Volkswagen с Bosch и Mobileye), устойчивое развитие автомобильной отрасли России возможно лишь при условии создания собственной экосистемы проектирования, нормирования и институционального воспроизведения.

Такой переход предполагает не только технологические инвестиции, но и переосмысление моделей взаимодействия между государством, производственными структурами и научными институтами. Проведенное исследование подтверждает, что на текущем этапе Россия остаётся преимущественно в зоне адаптивного цифрового реагирования, с отдельными зачатками платформенной субъектности. Стратегическим ориентиром должно стать движение от периферии к ядру — с формированием индустриального блока, способного не просто воспроизводить компоненты, но задавать архитектуру взаимодействия в цифровых цепочках на глобальном уровне. Также необходимо сформировать российский стандарт оценки цифрового суверенитета и закрепить его в политике индустриальных регуляторов.

Выводы

ГЦДС становятся центральным объектом теоретического и прикладного анализа. Особое значение они приобретают в автомобильной промышленности, где от архитектуры цепочек зависит не только производственная эффективность, но и стратегический суверенитет национальных индустрий. В данной статье предпринята попытка интегративного осмысливания ГЦДС как инструмента цифрового контроля и распределённой власти, влияющей на параметры самостоятельности, зависимости и геоэкономической манёвренности компаний и государств. Автор приходит к выводу, что ГЦДС в автомобиле сегодня становится не только фактором экономической эффективности, но и полем борьбы за цифровой контроль и суверенитет. Именно в архитектуре цепочек, их патентной и протокольной упаковке, сегодня решается вопрос о распределении власти в глобальной индустрии. Страны, неспособные встроиться в разработку стандартов и принятие нормативов, автоматически оказываются в роли периферии — вне зависимости от локализации сборки и формальной автономии брендов. Следовательно, политico-экономическая стратегия XXI века требует включения архитектуры ГЦДС в ядро национального планирования и экспортных инициатив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор цифровой трансформации автомобильной промышленности России // Министерство промышленности и торговли РФ. — URL: <https://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Симачев, Ю., Федюнина А. Индустриальный ренессанс. Промышленная политика в эпоху технологической гонки: как страны выбирают приоритеты и инструменты // Газета «За рубежом». — 2025. — №9. — URL: <https://zarubejom.ru/articles/industrialnyy-renessans/> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Automotive Grade Linux (AGL). Official Website. — URL: <https://www.automotivelinux.org/> (date of application: 28.11.2025).
4. Broeders, D., Cristiano F., Kaminska M. In Search of Digital Sovereignty and Strategic Autonomy: Normative Power Europe to the Test of Its Geopolitical Ambitions // Journal of Common Market Studies. — 2023. — №61(5). — pp. 1261–1280.
5. Dachs, B., Stehrer R., Wolfmayr A. Global value chains, technology sovereignty and the role of China in international knowledge diffusion // Journal of Industrial and Business Economics. — 2025. — № 52. — pp. 753–773.
6. Global Automotive Industry Market Data // Statista. — URL: <https://www.statista.com/markets/424/topic/482/automotive-industry/> (date of application: 28.11.2025).

7. GM R&D Annual Report // General Motors Company. — URL: <https://investor.gm.com/static-files/12adf215-2927-498e-a958-66345e607b98> (date of application: 28.11.2025).
8. IFI 2024 Patent Rankings // IFI CLAIMS Patent Services. — URL: <https://www.ificleaims.com/news/view/2024-rankings-campaign.htm> (date of application: 28.11.2025).
9. MBUX (Mercedes-Benz User Experience) // Mercedes-Benz AG. — URL: <https://www.mercedes-benz.com/en/vehicles/technology/mbux/> (date of application: 28.11.2025).
10. Patent Database // China National Intellectual Property Administration (CNIPA). — URL: <http://english.cnipa.gov.cn/> (date of application: 28.11.2025).
11. PatentScope Database // World Intellectual Property Organization (WIPO). — URL: <https://patentscope.wipo.int/> (date of application: 28.11.2025).
12. Research Publications and Reports // Toyota Research Institute. — URL: <https://www.tri.global/> (date of application: 28.11.2025).
13. Tesla AI Day Technical Report. MunroLive // Munro & Associates. — URL: <https://munroltd.com/tesla-ai-day-report> (date of application: 28.11.2025).
14. World Motor Vehicle Production Statistics // OICA. — URL: <https://www.oica.net/> (date of application: 28.11.2025).

© Полозов Ярослав Сергеевич (yarcool@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

PROSPECTS FOR THE USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN THE FOREIGN TRADE LOGISTICS SYSTEM OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

L. Ryabokon

Summary. The modern world system of economic interactions and international cooperation, operating within the conditions of sanctions pressure and fast-moving digital transformation, makes its own allowances to the architecture of international trade and the structure of regional economic systems, which aimed to respond quickly to sensitive changes and adapting to new technological and innovative solutions for effective development of foreign trade logistics business processes as well as to future growth of business activity of the regions and their businesses. One of these innovative solutions is considered to be blockchain technology, which can be successfully implemented in various areas of foreign economic relations of regional economic systems. This paper examines key concepts, describes the basic principles of operation, advantages and disadvantages of implementing blockchain technologies in the foreign trade logistics system as one of the tools for foreign economic cooperation and achieving technological sovereignty. The problems and prospects for the development and application of blockchain technologies in the logistics system of foreign trade at the regional level have been identified.

Keywords: blockchain technology, regional economic systems, digital transformation, sanction restrictions, foreign trade logistic system.

Рябоконь Лариса Александровна

Аспирант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

lararyabokon@yandex.ru

Аннотация. Современная мировая система экономических взаимоотношений и международного сотрудничества, функционирующая в условиях санкционного давления и динамичной цифровой трансформации, вносит свои корректизы в архитектуру международной торговли и структуру региональных экономических систем, направленные на быстрое реагирование на чувствительные изменения и адаптацию к новым технологическим и инновационным решениям для эффективного развития ВЭД-логистических бизнес-процессов и роста деловой активности региона и его структур. Одним из таких инновационных решений считается блокчейн-технология, которая может быть успешно внедрена в разные сферы внешнеэкономических связей региональных экономических систем. В данной работе рассмотрены ключевые понятия, дана характеристика основных принципов работы, преимуществ и недостатков при внедрении блокчейн-технологий во внешнеторговую логистическую систему как одного из инструментов внешнеэкономического сотрудничества и достижению технологического суверенитета. Выявлены проблемы и определены перспективы разработки и применения блокчейн-технологий в логистической системе внешнеторговой деятельности на региональном уровне.

Ключевые слова: блокчейн-технология, региональные экономические системы, цифровая трансформация, санкционные ограничения, внешнеторговая логистическая система.

Введение

Текущая ситуация глобального развития международного торгово-экономического сотрудничества характеризуется неустойчивым политическим и экономическим курсом вовлеченных стран и регионов, резкими изменениями в мировой географической структуре и регионализацией, непрерывной разработкой мер санкционного характера и созданием новых форм экономического, политического и институционального давления, а также ускоренной динамикой цифровой трансформации в контексте четвертой промышленной революции, что безусловно самым прямым образом влияет на межрегиональную внешнеторговую

деятельность и заставляет ее быстро адаптироваться к подобного рода условиям.

Целью данного исследования является определение перспективных направлений в рамках инновационных блокчейн-технологий во внешнеторговой логистической системе региона.

Для поддержания эффективного функционирования внешнеэкономической деятельности регионов требуется непрерывное развитие и поддержка уже существующих экономических моделей взаимодействия. Как было отмечено в докладе генерального секретаря ООН в рамках Комиссии по науке и технике в целях развития, технологию блокчейн можно считать в опреде-

ленной степени революционной, способной провести полный пересмотр процессов внешнеэкономического взаимодействия в большом спектре сфер деятельности, начиная от финансов, сферы государственных услуг, заключения контрактных и договорных отношений, криптовалют, а также различных финансовых и банковских транзакций, системы Интернет вещей, производственно-сбытовых отношений, цепи поставок и логистических схем [9].

Эксперты Всемирной торговой организации (ВТО) отмечает особую актуальность применения данной технологии при осуществлении регионами и их структурными объединениями внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности, что нашло отражение в докладе «Может ли блокчейн кардинально изменить мировую торговлю?» [2], [3]. По их мнению, технология распределенного реестра (DLT) носит революционный характер, в результате которой ежегодный объём транзакций на базе блокчейн к 2030 году составит около 3 трлн долларов. Был сделан вывод о том, что применение такой технологии позволит снизить торговые издержки за счет автоматизации и увеличения прозрачности процессов при финансовом посредничестве, регулировке валютных курсов и эффективной координации сотрудничества [8].

Свою заинтересованность в развитии блокчейн-технологии выражает и Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), формируя для регионов «окна возможностей» и перестраивая архитектуру ВЭД под цифровые стандарты. По словам Антонио Фаллико, Председателя Ассоциации «Познаем Евразию», «блокчейн как явление, которое быстро распространилось в мире, обладает большим интеграционным потенциалом, что может быть ценно на пространстве Евразии. Эти технологии способны совершить революцию во многих сферах жизни человека...» [16], [17].

В своем исследовании Савина Н.П., Крупин Д.В. [4], отмечают, что инновационная технология блокчейн оптимизирует и повышает качество всех перечисленных составляющих бизнес-процессов наряду с безопасностью организаций. В сфере внешнеэкономического взаимодействия технология блокчейн способна найти решение сложных задач, связанных с обеспечением безопасности ведения операций, установления подлинности товаров и услуг, снижения затрат на промежуточные операции, и повышения прозрачности и эффективности внешнеэкономических операций. Неоспоримым преимуществом внедрения данной технологии в таможенном администрировании для внешнеэкономической деятельности региона служит тот факт, что регионы-участники внешнеэкономических бизнес-проектов имеют возможность более совершенного обмена информационными данными и функциональной совместимостью как на наци-

ональном уровне, так и международном, посредством разработки совместных механизмов «единого окна», обеспечении эффективной проверки таможенной документации и ее обмена, доступа к логистическим сведениям с целью отслеживания за перемещением товаров в глобальных цепочках поставок. Все это ведет к усовершенствованию работы таможенных органов, ускорению обмена и улучшению качества обработки данных, достаточной прозрачности и упрощению доступа к информационным базам данных о поставщиках, экспортёрах, импортёрах и т.д., и в конечном итоге, к упрощению процедур торговли.

Таким образом, актуальность предмета исследования заключается в том, что всестороннее изучение блокчейн-технологий для их дальнейшей интеграции в ВЭД-логистику регионов обеспечивает поиск оптимальных решений целого ряда проблем на разных стадиях ВЭД-процесса и дальнейшей автоматизации внешнеэкономической деятельности.

Обзор литературы

В своей монографии под названием «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр [1] представил свой взгляд на развитие искусственного интеллекта, разработав философские концепции, связанные с симуляцией и гиперреальностью. Эти концепции можно смело применять к блокчейн-технологии, а именно преобладание так называемых симулякров — идей над реальными объектами. Кроме того, они создают основу для нового мышления, открывая новые направления от реальности к цифровому бытию [14]. Однако, применительно к блокчейн-технологий, эта проблема требует дополнительных исследований.

В научной статье Самойлова А.В и Молчанова С.М. рассматриваются вопросы применения технологий распределенного реестра в информационных, финансово-материальных потоках компаний; ими определены факторы, оказывающие влияние на устойчивость цепочки поставок и выявлены преимущества и недостатки внедрения систем, основанных на блокчейн-технологии, для логистических систем. Авторами изучена взаимосвязь между покупателями и поставщиками в трансграничной электронной коммерции, установлены выгоды и преимущества от внедрения логистических процессов на базе блокчейн-технологии в цепочках поставок [5].

В статье Сергеева В.И. и Кокурина Д.И. рассмотрена практика применения блокчейн-технологии в систему логистики и управления международными цепочками поставок. В публикации авторами раскрыта сущность блокчейн-технологии, рассмотрена практика ее применения и возможные перспективы использования такой инновации в самых разных отраслях. При этом авто-

ры показали, что внедрение бизнес-процессов в цепях ВЭД-поставок требует полной и адекватной информационной поддержки, прозрачности и возможности отслеживания всего процесса, что может быть осуществлено посредством блокчейн [6].

В статье Трифонова И.В. и Акиндиновой Д.А. «Применение инновационной технологии блокчейн в процессе управления цепями поставок» раскрыто содержание понятия «блокчейн», рассмотрены системы управления цепочками поставок с точки зрения практического использования данной технологии. Следует отметить, что авторы раскрывают базовые характеристики блокчейн-технологии, выделяют особенности управления цепью поставок, технологические преимущества и риски внедрения технологии [7].

Таким образом, критический анализ работ ряда исследователей позволяет сделать вывод о том, что при всем многообразии существующих концепций применения цифровых технологий во ВЖД-логистических системах остаются недоработанными ряд аспектов, касающихся информационной доступности, разработки новых логистических коридоров в контексте меняющейся геополитической карты мира и цифровой технологической составляющей для обеспечения эффективности блокчейн-процессов в рамках ВЭД-логистических операций.

Материалы и методы исследования

В основу методологии исследования был положен системный подход на основе комплексного анализа современных зарубежных и отечественных научных публикаций по изучаемой проблематике, аналитической отчетности и экспертных оценок, отраслевых кейсов и нормативных источников в открытом доступе. Для достижения поставленной исследовательской цели были использованы методы системного анализа с выявлением ключевых элементов и механизмов взаимодействия, сравнительно-аналитический метод используемых практических подходов и моделей.

Учитывая инновационный характер предмета исследования в качестве материалов, использовались современные библиографические источники по теме исследования, что позволило оценить перспективы использования блокчейн-технологии в логистической системе внешнеторговых региональных систем.

Основные результаты

Согласно аналитическим прогнозам исследовательской компании «Precedence Research», объём глобального рынка логистики к 2034 году достигнет 23,14 трлн долларов США, а среднегодовой темп роста рынка за период с 2025 по 2034 год составит 8,36 %. [10], [13].

Динамичное развитие блокчейн-технологий уже дает возможность многим странам, регионам, юридическим и физическим лицам внедрять и применять цифровое новшество в сфере формирования внешнеэкономических логистических систем, разработки и планирования цепочек поставок, базирующихся на принципах «just-in-time» и «end-to-end». Ожидается, что сочетание новых технологий, глобальных экономических трендов и новых экологических требований станет причиной глубокой трансформации ВЭД-логистики, главными трендами которой следует считать гибкость процессов, локализацию, региональную диверсификацию, цифровую трансформацию и блокчейн-технологии.

Внешнеэкономическая логистика для региональной экономической системы представляет собой комплексный набор механизмов и процессов, обеспечивающих планирование, перевозку и контроль товаров на международном уровне, основными ключевыми компонентами которой выступают международные перевозки, таможенные операции, платежные операции, складское хранение и управление рисками. Грамотно выстроенная логистическая система для ВЭД-операций обеспечивает снижение издержек и укрепляет логистический потенциал региональных экономических ВЭД-систем.

Современная ВЭД-логистическая цепочка имеет сложную многоэтапную структуру с большим количеством стран-участниц ВЭД, разнообразием транспортных средств и иными составляющими. Блокчейн в ВЭД-логистической системе обеспечивает возможность создания сквозной цифровой трассировки всех этапов международной цепи поставок, максимально эффективно оптимизируя прозрачность совершаемых операций, и, что немаловажно, предотвращая или сводя к минимуму всевозможные риски в цепочке поставок. Использование блокчейн-технологий позволяет отслеживать перемещение товаров в транспортно-логистических системах, обеспечивая для всех участников доступ ко всей обрабатываемой информации без возможности внесения каких-либо изменений в уже сформированную базу данных. В связи с чем в международной экономической среде блокчейн-технологию называют «машиной доверия» или «машиной правды» [11], [12], [13].

В рамках формирования так называемой асимметричной многополярности и смещения центров мировой торговли следует отметить устойчивую динамику формирования новых международных логистических маршрутов с целью расширения международного внешнеэкономического сотрудничества, где одно из центральных направлений занимают логистические маршруты, формируемые странами БРИКС. В частности, следует упомянуть три основных проекта с обширной географией транспортно-логистических перевозок, таких как Международный транспортный коридор «Север-Юг» с рас-

ширенiem в направлении стран Африки и аравийского полуострова (8 стран-участниц); Трансконтинентальный коридор, связывающий Северный морской путь и Африку, и трансконтинентальный железнодорожно-морской коридор «Бразилия-Перу-Тихий океан — Китай) с перспективой развития в 2025-2028 гг. в рамках международных партнерских взаимоотношений стран-членов БРИКС, позволяющих достичь расширения и упрочнения внешнеэкономических связей между странами БРИКС, получить высокий экономический эффект, в том числе на базе использования новых цифровых технологий [18]. Здесь блокчейн-технологии займут одно из ключевых направлений и создадут дополнительный бонусный внешнеэкономический эффект.

Что касается применения блокчейн-технологии в Российской Федерации, то начиная с 2017 года блокчейн-технологии применяют в логистических операциях на промышленных предприятиях. В принятой на Международном Форуме «Цифровая логистика и блокчейн-системы на сети международных транспортных коридоров» в рамках правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» резолюции указано на необходимость предусмотреть возможность применения современных методов, цифровых технологий в области улучшения транспортно-логистических систем, включающих использование блокчейн-технологий [17].

Несмотря на действие санкционных ограничений сегодня работают ряд международных и отечественных блокчейн-платформ, реализующих логистические и иные функции по обмену данными. Примеры таких платформ представлены в таблице 1.

Обсуждение

Внешнеэкономическая логистическая структура, построенная на базе блокчейн-технологий, обладает большими преимуществами при реализации внешнеэкономических сделок по сравнению с существующими общепринятыми технологиями ведения внешней торговли. Однако интеграция блокчейн-технологий в ВЭД-логистическую систему считается процессом достаточно проблематичным. Это связано с его технической и технологической сложностью внедрения, которое требует на-

личие специальных знаний. К тому же отсутствуют единообразные стандарты и нормативно-законодательные акты, регулирующие управление блокчейн-платформами. Большая сложность таких блокчейн-платформ заключается в принятии их всеми участниками цепи поставок, что приводит к проблемам при обмене информацией, а также уровнем масштабируемости. Сюда же следует отнести невозможность прикрепления цифрового реестра к физическому продукту, сложность связей сети блокчейн с другими сетями внешнего рынка, проблемы усовершенствования блокчейна в сложных цепочках поставок, и недостаток места для хранения объёмных данных.

Однако наличие выявленных преимуществ и недостатков применения блокчейн-технологий в ВЭД-логистических системах создает определенный баланс, способствующий практическому применению цифровых ИТ-систем в ВЭД-логистике. Учитывая геополитическую нестабильность, санкции, региональные конфликты, а также агрессивные киберугрозы в отношении ВЭД-логистики, наиболее перспективным направлением применения блокчейна в ВЭД-логистике следует рассматривать сферу управления рисками, которая призвана гарантировать безопасность данных на протяжении всего ВЭД-цикла перемещения товаров. При этом ожидаются непрерывная оптимизация бизнес-процессов, связанных с отслеживанием ВЭД-грузов, упрощение документооборота, разработка новых стандартов, интеграция с искусственным интеллектом и Интернетом вещей и появление актуализированных международных регуляторных инициатив.

Заключение

Рассматривая блокчейн-технологию как инновационный этап цифровой трансформации в рамках ВЭД, следует отметить, что интеграция такой ИТ-технологии в систему региональных ВЭД-логистических систем создаст новые возможности для управления региональными и международными цепочками поставок в условиях действующих, а, возможно, новых санкционных ограничений, что при особой чувствительности ВЭД-логистики обеспечит полноценный доступ региональных структур на международные рынки и формирование эффективной геостратегии внешнеэкономической логистической деятельности.

Таблица 1.

Практическое применение блокчейн-технологий во внешнеэкономических логистических проектах

Компания	Функциональное назначение логистических систем	Преимущества использования
Нью-Йоркская судоходная биржа (NYSE) в сотрудничестве с корпорациями «General Electric», «Maersk Line», «CMA CGM», «Hapag-Lloyd»	<ul style="list-style-type: none"> — Обеспечение морских перевозок и поиск решения проблем, связанных с неиспользуемыми мощностями и отсутствием прозрачности контейнерных перевозок. — Заключение смарт-контракта с условием выдачи грузоотправителем и перевозчиком залога в размере 40 % от суммы контракта для обеспечения безопасности и прозрачности 	<ul style="list-style-type: none"> — Возможность доступа грузоотправителя к списку перевозчиков. — Отслеживание всех блоков цепочки перевозки товаров
Платформа «Tradelens» совместно с ФГУП «Морсвязьспутник»	<ul style="list-style-type: none"> — Использование цифровой торговой платформы IBM в рамках pilotного проекта на базе Большого порта г. Санкт-Петербурга для международных морских перевозок. — Создание цепочек поставок при наличии базы данных о перевозимых грузах 	<ul style="list-style-type: none"> — Мониторинг цепочек поставок и проводимых операций. — Конфиденциальность информации и сторон-участников
ОАО «Российские железные дороги»	<ul style="list-style-type: none"> — Внедрение и использование блокчейна для распределения базы данных, обеспечивающей хранение информации о запасных частях для локомотивов и вагонов 	<ul style="list-style-type: none"> — Улучшение взаимодействия между участниками рынка, совершенствование механизмов контроля за корректностью документационной работы организации
Платформа TradeLens (совместный проект IBM и судоходной компании «Maersk»)	<ul style="list-style-type: none"> Цифровизация и оптимизация морских перевозок. — Отслеживание передвижения контейнеров и управление документацией в режиме реального времени. 	<ul style="list-style-type: none"> Обмен информацией о нахождении и перемещении груза, статусе документов и других данных в реальном времени
Платформа IBM Food Trust	Обеспечение на основе блокчейна сквозного отслеживания и прозрачности продуктов питания	<ul style="list-style-type: none"> — Отслеживание продуктов — Прозрачность цепи поставок — Мгновенный ввод данных и обмен данными — Быстрая реакция на запрет продажи некачественной продукции — Минимизация издержек
ТНК розничной торговли «Walmart»	<ul style="list-style-type: none"> Повышение прозрачности цепочки поставок и отслеживания происхождения продуктов питания от производителя до конечного потребителя. Выявление источников загрязнения (заражения) и отзыв проблемных партий. Сканирование продуктов при покупке в магазинах для получения данных о продуктах, источнике их происхождения, логистике. 	<ul style="list-style-type: none"> — Оптимальный уровень отслеживания за движением продуктов. — Быстрое выявление источника заражения, предотвращение продажи испорченных продуктов. — Получение полных данных о продуктах, их источниках, логистике их передвижения от места происхождения до точки потребления
Логистическая компания DHL	— Внедрение блокчейн для контроля условий хранения и транспортировки медикаментов в реальном времени	Возможность избежать порчи грузов с товарами с особыми условиями хранения
Консорциум Aura Blockchain Consortium (в составе — LVMH, Prada, Cartier, Mercedes Benz, OTB Group)	<ul style="list-style-type: none"> — Обеспечение прозрачности и отслеживаемости процессов в индустрии моды и предметов роскоши. 	<ul style="list-style-type: none"> Технология обеспечивает потребителю прямой доступ к истории изделий и гарантии их подлинности; дает возможность получения цифрового сертификата при покупке
Международная транспортно-логистическая компания Global Transport & Trade	<ul style="list-style-type: none"> — Осуществление международных морских контейнерных перевозок. — Централизованное хранение информации о каждом контейнере (местоположение, состояние, история перемещений и таможенные декларации) в единой системе 	Отслеживание передвижения контейнеров в режиме реального времени

Источник: составлено автором на основе исследования

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015 — 240 с.
2. Мальцева В.А., Мальцев А.А. (2019) Блокчейн и будущее международной торговли (Обзор доклада «Может ли блокчейн революционизировать мировую торговлю?») // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т.14. №4. DOI:10.17323/1996-7845-2019-04-11. URL: <https://iorj.hse.ru/2019-14-4/319965724.html> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Ganne, E. Can Blockchain revolutionize international trade? /E. Ganne//World Trade Organization, 2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/blockchainrev18_e.pdf (дата обращения: 25.10.2025).
4. Савина Н.П., Крупин Д.В. Современное состояние и возможности реализации блокчейн-технологии в мировой торговле. //Валютное регулирование. Валютный контроль. 2023. — № 4.— 35с.
5. Самойлов А.В., Молчанова С.М. Применение технологий блокчейн в управлении цепочкой поставок продукции//Экономика и управление: проблемы, решения. 2021.— Т.3, №9(117).— С.44–49.— DOI 10.36871/ek.up.pr.2021.09.03.008.
6. Сергеев В.И., Кокурин Д.И. Применение инновационной технологии «Блокчейн» в логистике и управлении цепями поставок//Креативная экономика. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 125–140. — DOI 10.18334/ce.12.2.38833.
7. Трифонов И.В., Акиндинова Д.А. Применение инновационной технологии блокчейн в процессе управления цепями поставок//Инновационное развитие экономики. — 2022. — № 5(71).— С. 52–57. — DOI 10.51832/222379842022552.
8. Как блокчейн повлияет на мировую торговлю, по мнению ВТО [Электронный ресурс]. — URL: <https://ffc.media/ru/real-blockchain/how-will-a-blockchain-revolution-end-according-to-wto/> (дата обращения: 21.02.2025).
9. Официальный сайт ООН. Экономический и Социальный Совет ООН. Комиссия по науке и технике в целях развития. Двадцать четвертая сессия, Женева, 17–21 мая 2021 года. Использование технологии блокчейн в целях устойчивого развития: перспективы и проблемы. Доклад Генерального секретаря. Официальный отчёт, 2021 год. Дополнение №11. E/2021/31-E/CN.16/2021/4. — Режим доступа: www.un.org (дата обращения 24.10.2025).
10. Logistic Market Size, Share, and trends 2025 to 2034 [Электронный ресурс] URL: <https://www.precedenceresearch.com/logistics-market> (дата обращения: 24.11.2025).
11. «Машина доверия»: ключевые особенности технологии блокчейн и этапы ее развития [Электронный ресурс] URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-pinions/mashina-doveriya-klyuchevye-osobennosti-tehnologii-blokchein-i-etapy-ee-razvitiya/> (дата обращения: 24.11.2025).
12. Michael J. Casey, Paul Vigna. The truth machine. The blockchain and the future of everything. 2018. — 401с.
13. PwC (PricewaterhouseCoopers). Официальный сайт. Время доверять. Причины на триллионы долларов, чтобы посмотреть на блокчейн по-новому. Ноябрь 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/materials/blockchain-time-for-trust.pdf> (дата обращения: 24.11.2025).
14. Официальный сайт Катехон. Научный журнал Института Царьград. Фантин Эммануэль, Николь Брэн. Как французский философ Жан Бодрийяр предсказал современный искусственный интеллект за 30 лет до CHATGPT. — 19.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/kak-francuzskiy-filosof-zhan-bodriyyar-predskazal-sovremennyy-iskusstvennyy-intellekt-za-30>. (дата обращения: 24.11.2025).
15. Решение Евразийского межправительственного совета от 01.10.2024 № 2 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года» [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/420301148> (дата обращения: 24.10.2025).
16. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии (ЕАЭК). Новые технологии: возможности и риски. Что дадут ЕАЭС инновационные финансовые инструменты — блокчейн, криптовалюты и т.п.? — 13.02.2018. Режим доступа: URL: <https://eec.eaeunion.org/news/13-02-2018-1/> (дата обращения: 12.12.2025).
17. Международный форум «Цифровая логистика и блокчейн-системы на сети международных транспортных коридоров» [Электронный ресурс] URL: <https://log-biz.com/meropriyatiya/mezhdunarodnyy-forum-cifrovaya-logistika-i-blokchein-sistemy-na-seti-mezhdunarodnyh-transportnyh-koridorov/> (дата обращения: 24.11.2025).
18. Официальный сайт Logistics. Специализированный научно-практический журнал. 12/2024. Логистические маршруты БРИКС: поиск узких мест и расширение горизонтов сотрудничества. Режим доступа: URL: <http://www.logistika-prim.ru/articles/logisticheskie-marshruty-briks-poisk-uzkih-mest-i-rasshirenie-gorizontov-sotrudnichestva> (дата обращения: 12.12.2025).

© Рябоконь Лариса Александровна (lararyabokon@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ И ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

MANAGING ECONOMIC POTENTIAL AND INCREASING THE COMPETITIVENESS OF AGRO-INDUSTRIAL ENTERPRISES

V. Silakova

Summary. The article explores the economic mechanisms for managing the potential of agro-industrial enterprises operating in the field of processing and catering. The role of digitalization of management and marketing processes, as well as technological renewal of the production base as factors of increasing competitiveness and financial stability is justified. Based on the economic analysis, the impact of the comprehensive implementation of management, organizational and technological solutions on the cost structure, parameters of the production program and the results of economic activity is shown. It was concluded that a systematic approach to the development of food enterprises in the context of the transformation of the agri-food market is advisable.

Keywords: agro-industrial complex, economic potential, enterprise competitiveness, food industry, Cost management digitalization, production program, financial sustainability.

Силакова Вера Владимировна

главный редактор Журнала
«Вопросы природопользования»;
зам. глав. ред. Журнала «Актуальные проблемы
и перспективы развития экономики:
российский и зарубежный опыт»;
член-корр. МАМ, д.э.н., профессор,
Государственный университет управления;
Московского университета имени С.Ю. Витте
vvsilakova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются экономические механизмы управления потенциалом предприятий агропромышленного комплекса, функционирующих в сфере переработки и общественного питания. Обоснована роль цифровизации управленческих и маркетинговых процессов, а также технологического обновления производственной базы как факторов повышения конкурентоспособности и финансовой устойчивости. На основе экономического анализа показано влияние комплексного внедрения управленческих, организационных и технологических решений на структуру затрат, параметры производственной программы и результаты хозяйственной деятельности. Сделан вывод о целесообразности системного подхода к развитию предприятий пищевого профиля в условиях трансформации агропродовольственного рынка.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, экономический потенциал, конкурентоспособность предприятий, пищевая промышленность, управление затратами, цифровизация, производственная программа, финансовая устойчивость.

Экономический потенциал предприятий агропромышленного комплекса формируется под воздействием совокупности производственных, финансовых, организационных и рыночных факторов, определяющих способность хозяйствующего субъекта устойчиво функционировать и развиваться в условиях изменяющейся внешней среды. В структуре АПК особое место занимают предприятия пищевой промышленности и общественного питания, обеспечивающие завершающую стадию агропродовольственной цепочки и формирующие добавленную стоимость за счет переработки сельскохозяйственного сырья, логистики, сервиса и маркетинга [5].

Современные предприятия пищевого профиля функционируют в условиях высокой ценовой волатильности на сырьевые ресурсы, роста издержек обращения, усиления конкурентного давления и трансформации потребительского спроса. В этих условиях управление экономическим потенциалом приобретает приклад-

ной характер и должно быть ориентировано не только на поддержание текущей рентабельности, но и на формирование долгосрочных конкурентных преимуществ, основанных на повышении эффективности использования ресурсов, цифровизации управленческих процессов и снижении совокупных затрат.

Конкурентоспособность предприятий АПК в сфере переработки и общественного питания определяется, прежде всего, способностью адаптировать производственно-экономическую модель к изменяющимся параметрам рынка продовольствия [3]. Существенное значение приобретает управление затратами на всех стадиях создания продукта — от закупки сельскохозяйственного сырья до реализации готовой продукции конечному потребителю. При этом важнейшим элементом является не столько экспансивное наращивание объемов производства, сколько оптимизация внутренних бизнес-процессов и повышение отдачи от уже имеющихся активов [1].

Экономический анализ деятельности пищевых предприятий показывает, что значительная доля упущенной выгоды связана с недостаточной управляемостью клиентского потока, низким уровнем повторных продаж и ограниченными возможностями прогнозирования спроса. В условиях сервиса и общественного питания данные факторы напрямую отражаются на загрузке производственных мощностей, уровне списаний и величине переменных издержек. Следовательно, мероприятия по повышению конкурентоспособности должны быть ориентированы на формирование устойчивого спроса и снижение неопределенности в планировании производства.

Важным резервом роста конкурентоспособности является оптимизация издержек, связанных с информационным обеспечением потребителей. Традиционные формы представления ассортимента продукции характеризуются высокой затратностью и низкой гибкостью обновления. Переход к цифровым форматам представления информации о продукции и услугах позволяет существенно сократить постоянные расходы, повысить оперативность изменения цен и ассортимента, а также улучшить качество управленческого контроля за маржинальностью отдельных позиций.

Экономическая целесообразность отказа от материоемких носителей информации подтверждается расчетами совокупных затрат, включающих разработку, производство, обновление и логистику печатной продукции. Снижение данных расходов оказывает прямое влияние на себестоимость реализуемой продукции и повышает устойчивость финансовых результатов предприятия. Дополнительным эффектом является высвобождение управленческих ресурсов, ранее задействованных в сопровождении данных процессов.

Анализ практики функционирования предприятий общественного питания показывает, что наличие структурированного цифрового представительства позволяет повысить прозрачность предложения, сократить информационные барьеры и ускорить процесс принятия решения о покупке. В условиях высокой конкуренции это формирует дополнительное преимущество, выражющееся в росте оборота и увеличении доли постоянных клиентов.

Следующим системообразующим фактором управления экономическим потенциалом предприятий АПК является технологическое обновление производственной базы. Для предприятий пищевой промышленности и общественного питания особое значение имеет внедрение технологий, направленных на снижение потерь сырья, продление сроков хранения и выравнивание производственной загрузки. Экономический эффект данных мероприятий проявляется в сокращении списаний, сни-

жении себестоимости и повышении оборачиваемости запасов.

Современные технологии глубокой заморозки продукции следует рассматривать как инструмент стратегического управления издержками, особенно в условиях сезонности поставок сельскохозяйственного сырья. Возможность формирования запасов в периоды благоприятной ценовой конъюнктуры позволяет сгладить влияние рыночных колебаний и повысить устойчивость финансовых результатов предприятия. Это особенно актуально для предприятий, ориентированных на обслуживание массовых мероприятий, выездное обслуживание и кейтеринг.

Использование прогрессивных методов хранения и подготовки продукции обеспечивает предприятиям АПК дополнительную гибкость в планировании производства и расширяет возможности диверсификации деятельности без пропорционального роста затрат [6;8]. Экономический эффект выражается в увеличении объемов реализации при сохранении существующей производственной и кадровой структуры, что является ключевым фактором повышения рентабельности.

С точки зрения экономики предприятия, наибольший эффект достигается за счет трансформации системы стимулирования спроса. Отказ от универсальных ценных скидок в пользу дифференцированных механизмов удержания клиентов обеспечивает рост повторных продаж без пропорционального снижения маржинальности. Экономический смысл подобных инструментов заключается в перераспределении маркетинговых расходов в пользу наиболее доходных сегментов потребителей, что соответствует принципам рационального использования ресурсов.

Сравнительная оценка затрат на традиционные и цифровые формы сопровождения продаж позволяет выявить устойчивую тенденцию к снижению постоянных расходов при переходе на электронные форматы взаимодействия с потребителями. Это особенно важно для предприятий АПК, функционирующих в условиях ограниченной возможности повышения отпускных цен вследствие высокой ценовой чувствительности спроса на продовольственные услуги (рисунок 1).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что последовательный переход к цифровым форматам сопровождения продаж обеспечивает устойчивое снижение темпов роста затрат даже в условиях общего увеличения цен на материалы и услуги. Экономический эффект усиливается по мере накопления базы потребительских данных и оптимизации процессов обновления информации [2; 7].

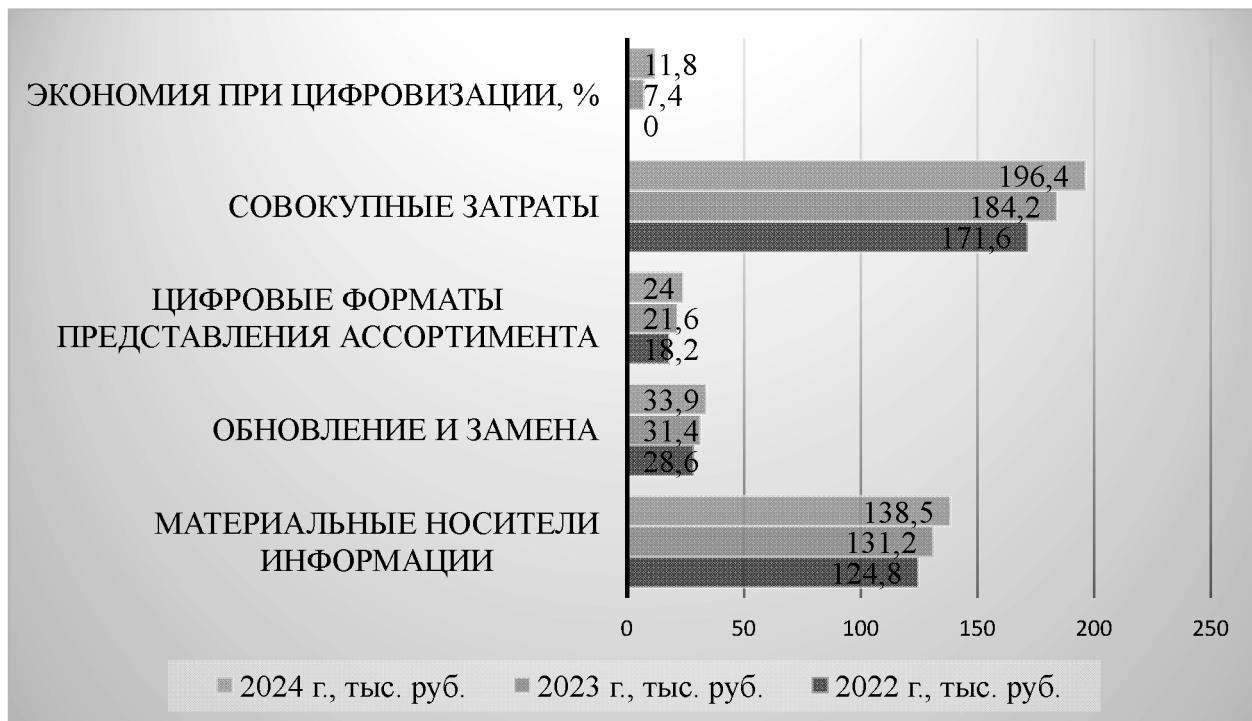

Рис. 1. Структура и динамика затрат на информационное сопровождение продаж на предприятии пищевого профиля, 2022–2024 гг.

Следующим этапом повышения экономического потенциала является развитие каналов привлечения и удержания клиентов за счет целенаправленного использования локальных и цифровых инструментов продвижения. В отличие от массовых рекламных кампаний, ориентированных на широкий рынок, для предприятий пищевого профиля в составе агропромышленного комплекса более результативными являются адресные формы продвижения, обеспечивающие прогнозируемый и измеримый финансовый эффект. Экономическая оценка данных мероприятий базируется на сопоставлении затрат на продвижение и прироста выручки, а также на анализе их влияния на загрузку производственных мощностей и оборачиваемость ресурсов.

Рекламные и маркетинговые мероприятия в данном исследовании рассматриваются как элемент инвестиционной деятельности предприятия, направленной на расширение клиентской базы и повышение доходного потенциала. Такой подход позволяет оценивать их эффективность в краткосрочном периоде, с позиции формирования устойчивых конкурентных преимуществ, выраженных в росте повторного спроса и снижении зависимости от ценовой конкуренции.

Результаты экономического моделирования показывают, что при увеличении затрат на мероприятия по стимулированию спроса с 160 тыс. руб. в базовом периоде до 185 тыс. руб. в отчетном году прирост выручки предприятия составил 620 тыс. руб., что соответствует

коэффициенту окупаемости маркетинговых вложений на уровне 3,35. Одновременно объем реализации продукции увеличился на 11,8 %, а среднегодовая загрузка производственных мощностей возросла с 64 до 72 %, что свидетельствует о более эффективном использовании экономического потенциала предприятия.

Технологическое развитие производственной базы предприятия выступает следующим системным фактором роста конкурентоспособности. Для предприятий пищевой промышленности и общественного питания ключевое значение имеют технологии, обеспечивающие сохранение качества продукции при одновременном снижении издержек хранения и потерь сырья. Экономический потенциал данных решений проявляется в возможности оптимизации закупочной политики и стабилизации себестоимости готовой продукции.

Внедрение современных методов глубокой заморозки продукции позволяет формировать запасы сырья и полуфабрикатов в периоды сезонного снижения цен, что приводит к уменьшению средней закупочной стоимости на 18–22 %. За счет сокращения объемов списаний и более рационального использования складских площадей удельная себестоимость продукции снизилась с 102,4 до 87,9 руб. за порцию, что эквивалентно снижению на 14,2 % [4].

С позиции управления затратами данные технологии обеспечивают сокращение переменных расходов

при одновременном росте объемов реализации. Возможность предварительной подготовки продукции снижает нагрузку на персонал в периоды пикового спроса и позволяет увеличить выпуск без расширения штата. В результате фонд оплаты труда в расчете на единицу продукции сократился на 9,6 %, что положительно отразилось на финансовой устойчивости предприятия.

Инвестиции в технологическое обновление производственной базы в размере 0,85 млн руб. компенсируются за счет прироста выручки и экономии на закупках в течение 1,3–1,5 года. В отчетном периоде объем реализации продукции увеличился с 48,5 до 61,0 тыс. порций, а среднегодовая загрузка производственных мощностей возросла с 62 до 78 %, что свидетельствует о существенном росте эффективности использования имеющихся ресурсов.

Управление экономическим потенциалом предприятий агропромышленного комплекса, функционирующих в сфере переработки и общественного питания, должно базироваться на системном подходе, объединяющем оптимизацию затрат, развитие адресных каналов взаимодействия с рынком и технологическое обновление производства. Реализация данных направлений обеспечивает повышение конкурентоспособности, финансовой устойчивости и адаптивности предприятий АПК в условиях структурных изменений агропродовольственного рынка.

Рост экономического потенциала предприятий пищевого профиля в составе агропромышленного комплекса непосредственно отражается на параметрах производственной программы. Оптимизация управленческих и технологических процессов позволяет не только увеличить объем выпуска и реализации продукции, но и повысить устойчивость планирования за счет более равномерной загрузки производственных мощностей и сокращения непроизводственных потерь. В условиях интеграции цифровых инструментов управления спросом и современных технологий хранения и подготовки продукции формируется возможность перехода от реактивного к прогнозно-ориентированному планированию.

Производственная программа предприятия в данном контексте выступает экономическим индикатором результативности внедряемых мероприятий. Ее изменение отражает не механическое наращивание объемов, а качественную трансформацию структуры выпуска, ориентированную на наиболее доходные и стабильные направления деятельности. Это особенно актуально для предприятий, совмещающих функции переработки, приготовления и сервисного обслуживания, характерные для завершающего звена АПК.

Планирование производства на среднесрочный период осуществляется с учетом ожидаемого роста

клиентского потока, расширения каналов сбыта и повышения оборачиваемости ресурсов. В результате формируется более сбалансированная структура выпуска, обеспечивающая рост выручки без пропорционального увеличения затрат (таблица 1).

Таблица 1.
Плановые параметры производственной программы
предприятия пищевого профиля в составе АПК,
2023–2024 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.
Среднегодовая загрузка производственных мощностей, %	62	78
Объем реализованной продукции собственного производства, тыс. порций	48,5	61,0
Выручка от основного вида деятельности, млн руб.	4,96	6,35
Доля мероприятий с предварительным планированием, %	41	63
Удельные производственные издержки, руб./порция	102,4	87,9
Валовая прибыль, млн руб.	1,42	2,11

Приведенные плановые параметры отражают системный эффект от реализуемых мероприятий, выражющийся в росте объемов реализации и одновременном снижении удельных издержек. Существенное увеличение загрузки мощностей достигается без расширения производственной базы, что свидетельствует о повышении эффективности использования экономического потенциала предприятия. Снижение себестоимости единицы продукции формирует дополнительный резерв роста прибыли и усиливает конкурентные позиции предприятия на локальном рынке продовольственных услуг.

Проведенное исследование подтверждает, что управление экономическим потенциалом предприятий агропромышленного комплекса, функционирующих в сфере переработки и общественного питания, является ключевым фактором повышения их конкурентоспособности в условиях трансформации агропродовольственного рынка. Экономическая устойчивость данных предприятий в значительной степени определяется способностью интегрировать управленческие, маркетинговые и технологические решения в единую систему, ориентированную на рост эффективности и снижение издержек.

Сформированная производственная программа демонстрирует, что комплексная реализация управленческих, цифровых и технологических мероприятий приводит к росту экономического потенциала предприятия, выраженному в увеличении объемов реализации, повышении рентабельности и укреплении конкурентных

позиций. Полученные результаты подтверждают целесообразность применения системного подхода к управлению предприятиями агропромышленного комплекса и могут быть использованы при разработке программ

повышения эффективности и конкурентоспособности организаций пищевой промышленности и общественного питания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боронтова, М.С. Приоритеты развития российского АПК / М.С. Боронтова, О.И. Ванюшина, Н.В. Барсукова // Молодежь и XXI век — 2025: Сборник научных статей 14-й Международной молодежной научной конференции. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 68–72.
2. Зеленая экономика в контексте устойчивого развития агропромышленного комплекса: Коллективная монография В 2 томах / В.И. Трухачев, Л.И. Хоружий, Д.С. Алексанов [и др.]. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2023. — 564 с. — ISBN 978-5-4497-2012-2.
3. Развитие отраслей АПК на основе формирования эффективного механизма хозяйствования: Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции, Киров, 22 ноября 2023 года. — Киров: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Вятский государственный агротехнологический университет (Киров), 2023. — 574 с.
4. Сафиуллин, Р.А. Сравнительный анализ методов управления запасами готовой продукции / Р.А. Сафиуллин, В.А. Кузнецова, Ю.В. Ерыгин // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 12–16 апреля 2021 года. Том 3. — Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2021. — С. 339–341.
5. Свистула, И.А. Идентификация инновационных направлений развития экспортного потенциала аграрного сектора экономики / И.А. Свистула, Д.В. Запорожец, Н.Б. Чернобай. — DOI 10.33305/257-124. — Текст: непосредственный // АПК: Экономика, управление. — 2025. — № 6. — (Агропромышленный рынок). — С. 124–131.
6. Ушачев, И.Г. Актуальные направления совершенствования экономического механизма в АПК / И.Г. Ушачев, В.В. Маслова. — DOI 10.33305/255-3. — Текст: непосредственный // АПК: Экономика, управление. — 2025. — № 5. — (Аграрная политика: проблемы и решения). — С. 3-12.
7. Shiryaeva, V.V., Mamontov, V.A., Elokhin, A.N. Design Measures for Industrial Safety in Chemical Engineering Processes. Chemical and Petroleum Engineering. 2003. T. 39. № 9-10. С. 563–568.
8. Shiryaeva, V.V., Mamontov, V.A., Elokhin, A.N. Defining the Maximal Undesirable Event in Ammonia Producing Plant Risk Analysis. Chemical and Petroleum Engineering. 2003. T. 39. № 3-4. С. 179–185

© Силакова Вера Владимировна (vvsilakova@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В ЭКОСИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ КИТАЯ

HUMAN CAPITAL MANAGEMENT IN THE UNIVERSITY ECOSYSTEM OF CENTRAL AND WESTERN CHINA

Ta Na

Summary. The article shows the role and importance of scientifically based human capital management in the development of university ecosystems in the People's Republic of China. The main problems of human capital management, typical for modern Chinese universities, are systematized. The author clarified the content of the economic concept «human capital management model in the university ecosystem», which is a set of interrelated long-term goals, objectives for the development and improvement of human resources, knowledge, skills and competencies of students and postgraduates, aimed at ensuring long-term sustainable growth of innovation activity, competitiveness and efficiency of the university complex, including achieved through intensification of cooperation and relations within the university ecosystem. The author has developed a comprehensive human capital management model in the ecosystem of universities in the Central and Western regions of China. Its main features are the formation of a comprehensive, multi-level employee motivation system, the introduction of mentoring mechanisms focused primarily on the transfer of knowledge and teaching skills between experienced employees and young professionals, an active and diverse partnership on improving human capital with external university counterparts (both part of the university ecosystem and located outside beyond it), the intensive influence of students and postgraduates on the modernization of the university's management strategy and tactics, the integrated digitalization of the personnel management system of university complexes in China.

Keywords: China, education of China, university, university ecosystem, human capital, model, university cooperation and integration, innovative development.

Ta Na
Аспирант, Российской государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена
995015488@qq.com

Аннотация. В статье показаны роль и значение научно обоснованного управления человеческим капиталом в развитии университетских экосистем Китайской Народной Республики. Систематизированы основные проблемы менеджмента человеческого капитала, типичные для современных китайских университетов. Автором уточнено содержание экономического понятия «модель управления человеческим капиталом в экосистеме университета», которая представляет собой комплекс взаимосвязанных долгосрочных целей, задач развития и совершенствования кадрового потенциала, знаний, навыков и компетенций студентов и аспирантов, ориентированный на обеспечение долгосрочного устойчивого роста инновационной активности, конкурентоспособности и эффективности университетского комплекса, в т.ч. достигаемый за счет интенсификации кооперационных связей и отношений в рамках университетской экосистемы. Автором сформирована комплексная модель управления человеческим капиталом в экосистеме университетов Центральных и Западных регионов Китая. Ее основными особенностями являются формирование комплексной, многоуровневой системы мотивации сотрудников, внедрение механизмов наставничества, ориентированных, в первую очередь, на трансфер знаний и педагогических навыков между опытными сотрудниками и молодыми специалистами, активное и разноплановое партнерство по вопросам совершенствования человеческого капитала с внешними контрагентами университета (как входящими в состав вузовской экосистемы, так и находящимися за ее пределами), интенсивное влияние студентов и аспирантов на процессы модернизации стратегии и тактики менеджмента университета, комплексная цифровизация системы управления персоналом университетских комплексов КНР.

Ключевые слова: КНР, образование КНР, университет, университетская экосистема, человеческий капитал, модель, университетские кооперация и интеграция, инновационное развитие.

Введение

Обеспечение доступности высшего образования для максимально широкого круга граждан КНР непосредственно закреплено в Конституции государства [1]. При этом, центральную роль в развитии и совершенствовании национальной системы высшего образования играют крупные университеты; согласно данным статистического департамента Правительства КНР, последние в наибольшей степени концентрируют-

ся в Центральных и Западных районах страны [8, р.73]. В обеспечении же конкурентоспособности и эффективности университетских комплексов Китая, в свою очередь, принципиальное значение играет человеческий капитал (сотрудников вузов, студентов, аспирантов, специалистов организаций, являющихся стратегическими партнерами китайских университетов и др.).

Цель статьи состоит в формировании модели управления человеческим капиталом в экосистеме универси-

тетов Центральных и Западных регионов Китая. Основными задачами статьи являются:

- систематизация проблем управления человеческим капиталом в современных университетах экономики КНР;
- уточнение содержания экономического понятия «модель управления человеческим капиталом в экосистеме университета»;
- разработка комплексной модели управления человеческим капиталом в экосистеме университетов Центральных и Западных регионов Китая.

Основная часть

Обеспечение прогрессивного развития университетских комплексов неоднократно выделялось в качестве одного из ключевых приоритетов совершенствования социально-экономической системы Китайской Народной Республики в целом. В частности, данная проблема актуализирована в рамках Пятилетнего плана развития Китая на 2021–2025 гг. [2, р.39].

Следует отметить, что китайские университеты играют значимую роль в обеспечении роста социальной и финансово-экономической эффективности национальной экономики в целом, в т.ч. в максимизации уровня инновационной активности. Так, в 2024 г. за счет средств университетских экосистем было профинансировано 8,4 % суммарного объема успешно коммерциализированных прикладных инновационных разработок, что в 1,31 раза превышает значение аналогичного индикатора в 2019 г. [9, р.62].

Человеческий капитал, представляющий собой комплекс взаимосвязанных знаний, навыков, компетенций сотрудников и обучающихся университетских комплексов, а также возможностей развития и совершенствования их интеллектуальных и творческих способностей, является ключевым элементом практически любого современного университета.

В специальной литературе выделены различные проблемы управления человеческим капиталом в рамках университетских экосистем экономики КНР. Так, например, Ц. Го указывает на то, что в рамках даже крупных национальных университетских комплексов Китая недостаточно активно и результативно используются механизмы KPI, достаточно широко распространенные в западных, преимущественно американских вузах, для обеспечения мотивации профессорско-преподавательского состава [5, с.74]. Д. Янг указывает на неразвитость в системах мотивации сотрудников китайских университетов инструментария косвенного материального стимулирования производительной трудовой деятельности персонала, в частности, корпоративных пенсий (имеющих место в отношении сотрудников ряда крупных университетов

ЕС, Японии, Австралии), санаторно-курортного лечения кадрового состава вузов за счет средств работодателя и др. [10, р.139].

Дж. Стадвелл считает, что одной из основных проблем управления персоналом организаций экономики Китая в целом, в т.ч. китайских университетов, является достаточно высокая степень бюрократизма, препятствующая эффективному расширенному воспроизведству человеческого капитала [7, с.129]. По мнению Д. Ифу, для экосистем современных китайских университетов характерно недостаточно внимание вопросам развития и совершенствования организационной культуры — значимого стратегического фактора, непосредственно влияющего на результативность как формирования, так и использования человеческого капитала сотрудников вузов [6, с.27]. В.Г. Гельбрас указывает на наличие цензуры в большинстве китайских вузов: при прочих равных условиях данный фактор препятствует эффективной реализации человеческого капитала части сотрудников, в особенности задействованных в рамках проектов и программ, связанных с НИОКР, креативными вузовскими разработками и т.п. [4, с.242].

По нашему мнению, модель управления человеческим капиталом в экосистеме университета представляет собой комплекс взаимосвязанных долгосрочных целей, задач развития и совершенствования кадрового потенциала, знаний, навыков и компетенций студентов и аспирантов, ориентированный на обеспечение долгосрочного устойчивого роста инновационной активности, конкурентоспособности и эффективности университетского комплекса, в т.ч. достигаемый за счет интенсификации кооперационных связей и отношений в рамках университетской экосистемы. Последняя же, помимо собственно университета, включает в себя дочерние коммерческие и некоммерческие организации, профильные НИИ, кооперированные с университетом, компании-поставщики сервисов, в т.ч. цифровых, для университетского хозяйства, ряд других интегрированных с вузом экономических субъектов.

Нами сформирована комплексная модель управления человеческим капиталом в экосистеме университетов Центральных и Западных регионов Китая. Ее основные компоненты приведены в таблице 1.

В целом, как показано в таблице 1, основными особенностями предлагаемой автором модели управления человеческим капиталом в экосистеме университетов Центральных и Западных регионов Китая являются формирование комплексной, многоуровневой системы мотивации сотрудников, внедрение механизмов наставничества, ориентированных, в первую очередь, на трансфер знаний и педагогических навыков между опытными сотрудниками и молодыми специалистами,

Таблица 1.

Основные компоненты предлагаемой комплексной модели управления человеческим капиталом в экосистеме университетов Центральных и Западных регионов Китая

Компонент модели	Содержание/Функции	Ключевые механизмы реализации	Ожидаемые эффекты и показатели эффективности
Стратегические цели	Подготовка кадров для региональной экономики, развитие науки и инноваций, снижение неравенства, интернационализация, интеграция с госстратегиями	— Формулировка целей вуза — Актуализация стратегии ежегодно — Вовлечение региональных и индустриальных партнёров	— Рост трудоустройства выпускников — Повышение рейтингов вуза — Соответствие госпрограммам
Система набора и привлечения	Комплексный поиск и вербовка талантов: молодёжь, опытные учёные, иностранные специалисты	— Цифровые платформы рекрутинга — Программы «открытого конкурса» — Привлечение выпускников к наставничеству	— Снижение вакантности — Увеличение притока новых специалистов — Доля международных преподавателей
Система адаптации и наставничества	Индивидуальные треки развития для новых сотрудников, поддержка в интеграции в академическую среду	— Менторские программы — Вводные обучающие курсы — Персональный план развития	— Быстрая адаптация новых кадров — Уровень удовлетворенности — Удержание в первые 3 года
Непрерывное обучение и развитие	Повышение квалификации, переподготовка, академическая мобильность	— Обязательные модули повышения квалификации — Стажировки — Обмен преподавателями — Онлайн-обучение	— Количество курсов/стажировок на 1 сотрудника — Рост компетенций (тесты, аттестации)
Мотивация и удержание	Многоуровневая система стимулов: материальные и нематериальные вознаграждения, статус, карьерный рост	— Прозрачная система премий и бонусов — Программа tenure-track — Предоставление жилья, социальной поддержки	— Уровень текучести кадров — Количество присвоенных званий — Доля сотрудников с длительным стажем
Оценка и продвижение	Чёткие критерии оценки результатов деятельности, прозрачная система карьерного роста	— Регулярная аттестация — Система KPI (публикации, внедрение инноваций) — Электронные портфолио сотрудников	— Количество продвижений — Удовлетворённость карьерой — Баланс по возрасту и должности
Партнёрство с индустрией и со-обществом	Вовлечение компаний и внешних организаций в образовательный процесс, совместные проекты, практики для студентов	— Совместные лаборатории — Программы стажировок и практик — Экспертные советы с представителями бизнеса	— Количество совместных проектов — Трудоустройство выпускников в регионе — Рост внешнего финансирования
Внедрение цифровых технологий	Использование People Analytics, ИИ-платформ для подбора, анализа и управления талантами, цифровое обучение	— Информационные HR-системы — Дашиборды результатов — Платформы дистанционного и смешанного обучения	— Сокращение времени на поиск/отбор — Доля сотрудников, использующих EdTech — Автоматизация отчётности
Развитие кампусной культуры	Создание среды сотрудничества, поддержки, академической свободы и вовлечённости	— Корпоративные мероприятия — Сообщество выпускников — Конкурсы и инициативы (хакатоны, дни науки)	— Уровень вовлечённости (опросы) — Рост внутренних проектов — Имидж вуза в регионе
Механизмы обратной связи и совершенствования	Постоянный мониторинг результатов, обратная связь от сотрудников и студентов, корректировка процессов	— Регулярные опросы — Обсуждения в коллегиальных органах — Независимые аудиты и бенчмаркинг	— Частота улучшений и изменений — Рост удовлетворённости — Улучшение позиций в сравнительных рейтингах

активное и разноплановое партнерство по вопросам совершенствования человеческого капитала с внешними контрагентами университета (как входящими в состав вузовской экосистемы, так и находящимися за ее пределами), интенсивное влияние студентов и аспирантов на процессы модернизации стратегии и тактики менеджмента университета.

При этом, предлагаемая модель наиболее предпочтительна именно для университетов Центральных и Западных регионов Китайской Народной Республики, как правило, имеющих существенные финансовые ресурсы для осуществления качественной модернизации системы оплаты труда профессорско-преподавательского состава, характеризующихся обширными кооперационными и интеграционными связями с китайскими корпорациями различных отраслей экономики, НИИ, консалтинговыми структурами, иными контрагентами. Вместе с тем, основные компоненты предлагаемой модели могут быть использованы и в рамках управления развитием и совершенствованием человеческого капитала университетов, расположенных в Северных, Восточных и иных провинциях Китайской Народной Республики.

Заключение

В обеспечении прогрессивного развития сформированной автором модели управления человеческим капиталом университетских экосистем Китайской Народной Республики определенную роль играет международное сотрудничество, в т.ч. с университетскими комплексами Российской Федерации. Потенциальная эффективность дифференциации форм такого рода сотрудничества, в частности, аргументируется О.В. Васюхиным и Я. Цао [3, р.82].

На наш взгляд, наиболее потенциально перспективными формами такого рода сотрудничества, обеспечивающими рост эффективности реализации моделей управления человеческим капиталом как китайских, так и российских университетских экосистем, являются программы стажировок, в т.ч. долгосрочных, представителей ППС вузов, программы обмена студентами старших курсов и аспирантами, совместные НИОКР, преимущественно прикладного характера, соуправление китайскими и российскими университетскими комплексами совместных предприятий, в т.ч. относящихся к виртуальному сегменту современной цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Китайской Народной Республики (в ред. 2018 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения 13.10.2025).
2. Пятилетний План развития экономики КНР на 2021–2025 г.г. China, Pekin, 2020. 178 р. (кит.яз.).
3. Васюхин, О.В. Перспективы развития российско-китайских экономических отношений / О.В. Васюхин, Ян Цао. — Текст: непосредственный // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). — Санкт-Петербург: Заневская площадь, 2014. — С. 81–82.
4. Гельбрас В.Г. Зарубежные инвестиции Китая: масштабы, тенденции //Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III-й международной научно-практической конференции. — Благовещенск-Хэйхэ-Харбин. — 2021. — С.240–245.
5. Го Ц. Анализ конкурентоспособности и факторов, влияющих на торговлю культурными продуктами Китая. Столичный университет экономики и бизнеса, 2018 г. — 128 с.
6. Ифу Л. Демистификация китайской экономики. М.: Издательская группа «Шанс», 2021. — 324 с.
7. Стадвилл Дж. Азиатская модель управления. М.: Альпина Pro, 2026. — 288 с.
8. China's foreign affairs. — Beijing : Department of Policy Planning Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China, 2025. — 80 р.
9. World Annual Report: 2024 // World Bank Resources, 2025. — 784p.
10. Yang D. The global recession and China'S political economy. — Palgrave Macmillan; 4st ed. 2022. — 280 p.

© Та На (995015488@qq.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ МЕГАТРЕНДОВ (УРБАНИЗАЦИЯ, ЭКОЛОГИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ) НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАРКЕТИНГ

THE IMPACT OF GLOBAL MEGATRENDS (URBANIZATION, ECOLOGY, DIGITALIZATION) ON INTERNATIONAL MARKETING

*O. Tarasova
E. Bobkova
I. Koryagina*

Summary. The purpose of this study is to analyze the mechanisms and degree of influence of key global megatrends — urbanization, greening and digitalization — on the theory and practice of international marketing and to develop on this basis a practical scheme for adapting marketing strategies. The research methodology includes a comparative analysis of scientific literature and statistical data, generalization of empirical experience of international companies, as well as synthesis of a theoretical model. As a result, it has been established that urbanization is transforming international marketing through the phenomenon of «smart cities» and the concentration of consumer markets, requiring new distribution channels and hyperlocal personalization. Greening creates a new class of «green» consumers and a system of regulatory requirements, making sustainable development not just a trend, but a central element of global brand positioning and a factor of long-term competitiveness. Digitalization, acting as a catalyst and infrastructural foundation, is fundamentally changing the operational environment of marketing, providing data for analytics, automating processes and creating new platforms for interacting with the audience. The scientific novelty of the study consists in a comprehensive consideration of megatrends as an interconnected system of factors that have a non-linear impact on international marketing. Unlike existing works, which often focus on individual aspects of the problem, the present study offers a holistic approach to analyzing the transformation of international marketing. The main result of the novelty is the development of an ESGT adaptation scheme, which is a sequential algorithm for integrating megatrend factors into the strategic planning process of international marketing activities.

Keywords: international marketing, global megatrends, urbanization, ecology, digitalization, sustainable development, strategy, ESGT adaptation.

Тарасова Ольга Валерьевна

Старший преподаватель, Приволжский
государственный университет путей сообщения
Tarasova-olga62@inbox.ru

Бобкова Елена Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент,
Самарский филиал МГПУ
Vica3@yandex.ru

Корягина Инга Анатольевна
к.и.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова
2001inga@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является анализ механизмов и степени влияния ключевых глобальных мегатрендов — урбанизации, экологизации и цифровизации — на теорию и практику международного маркетинга и разработка на этой основе практической схемы для адаптации маркетинговых стратегий. Методология исследования включает сравнительный анализ научной литературы и статистических данных, обобщение эмпирического опыта международных компаний, а также синтез теоретической модели. В результате установлено, что урбанизация трансформирует международный маркетинг через феномен «умных городов» и концентрацию потребительских рынков, требуя новых каналов дистрибуции и гиперлокальной персонализации. Экологизация формирует новый класс «зеленых» потребителей и систему нормативных требований, делая устойчивое развитие не просто тенденцией, а центральным элементом глобального позиционирования бренда и фактором долгосрочной конкурентоспособности. Цифровизация, выступая катализатором и инфраструктурной основой, коренным образом меняет операционную среду маркетинга, обеспечивая данные для аналитики, автоматизируя процессы и создавая новые платформы для взаимодействия с аудиторией. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении мегатрендов как взаимосвязанной системы факторов, оказывающих нелинейное воздействие на международный маркетинг. В отличие от существующих работ, часто фокусирующихся на отдельных аспектах проблемы, настоящее исследование предлагает холистический подход к анализу трансформации международного маркетинга. Основным результатом, составляющим новизну, является разработка схемы ESGT-адаптации, представляющей собой последовательный алгоритм интеграции факторов мегатрендов в процесс стратегического планирования международной маркетинговой деятельности.

Ключевые слова: международный маркетинг, глобальные мегатренды, урбанизация, экология, цифровизация, устойчивое развитие, стратегия, ESGT-адаптация.

Введение

Актуальность современной глобальной экономической среды характеризуется ее исключительной динамичностью и масштабностью трансформаций, движимых мощными мегатрендами. Среди них наиболее значимыми, оказывающими комплексное воздействие на все сферы бизнеса, являются ускоряющаяся урбанизация, превращающая города в центры экономического роста, инноваций и потребления; нарастающая экологизация, отражающая глобальный сдвиг в общественном сознании, регуляторной политике и бизнес-моделях в сторону устойчивого развития и ответственного потребления; и всепроникающая цифровизация, радикально меняющая бизнес-процессы, каналы коммуникации, цепочки создания стоимости и само потребительское поведение [9]. Указанные тренды носят не изолированный, а синергетический и взаимно усиливающий характер, создавая сложную, турбулентную и в высшей степени взаимосвязанную среду для функционирования компаний. В этих условиях международный маркетинг, понимаемый как стратегический подход к выходу, закреплению и развитию на зарубежных рынках, сталкивается с необходимостью фундаментальной переоценки своих классических принципов, инструментов и моделей. Традиционные подходы, основанные преимущественно на дихотомии стандартизации и адаптации, демонстрируют свою недостаточность для адекватного и своевременного реагирования на новые вызовы и возможности, порождаемые мегатрендами. Как следствие, актуальным является системный, комплексный анализ их влияния на все компоненты международного маркетинга — от продукта и цены до коммуникаций и сбыта — и разработка на его основе практических рекомендаций для бизнеса, позволяющих трансформировать угрозы в конкурентные преимущества. Целью данного исследования является комплексный анализ влияния мегатрендов урбанизации, экологизации и цифровизации на стратегии, инструменты и среду международного маркетинга, а также разработка на его основе авторской схемы для адаптации маркетинговой деятельности компаний.

Научная новизна исследования заключается в синтетическом подходе к рассмотрению трех ключевых мегатрендов как единой системы, оказывающей комплексное и нелинейное воздействие на международный маркетинг. В отличие от ряда существующих работ, фокусирующихся на отдельных аспектах (например, только на цифровых инструментах или «зеленом» маркетинге), данное исследование предлагает холистический взгляд на проблему, выявляя системные взаимосвязи между трендами. Основным результатом, составляющим новизну, является разработка авторской схемы ESGT-адаптации, которая предоставляет менеджерам и маркетологам-международникам структурированный

и последовательный алгоритм действий по интеграции факторов урбанизации, экологизации и цифровизации в процесс стратегического планирования и тактического исполнения в международном маркетинге.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу данного исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов. Ведущую роль сыграл сравнительный анализ научных публикаций. Системный подход был применен для рассмотрения международного маркетинга как сложной, открытой системы, находящейся под постоянным воздействием внешней макросреды. Материалами для исследования послужили научные статьи, посвященные проблемам международного маркетинга, устойчивого развития и цифровой трансформации.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим влияние урбанизации на международный маркетинг. Урбанизация как мегатренд проявляется не просто в росте доли городского населения, а в качественном преобразовании городов в «умные» агломерации, становящиеся основными точками экономического роста и концентрации потребительского спроса. Для международного маркетинга это влечет несколько последствий. Во-первых, происходит гиперлокализация маркетинговых стратегий. Если ранее компании адаптировали стратегии на уровне страны или крупного региона, то сегодня фокус смещается на уровень мегаполиса или даже его отдельных районов. Потребительские привычки, каналы коммуникации и логистические возможности могут радикально различаться в рамках одной городской агломерации. Такое положение требует от международных компаний разработки более детализированных и сегментированных подходов. Во-вторых, урбанизация стимулирует развитие новых моделей устойчивой мобильности и компактного потребления. Растущие транспортные проблемы и ограниченность личного пространства в городах создают спрос на сервисы совместного пользования (car-sharing, toy-sharing), продукты с длительным сроком хранения и компактной упаковкой, а также услуги, экономящие время (доставка, онлайн-шопинг с последующим самовывозом) [2, 3]. Международный маркетинг должен учитывать эту «урбанистическую эргономику» при позиционировании продуктов и проектировании каналов дистрибуции. В-третьих, сама инфраструктура «умного города», пронизанная датчиками и системами сбора данных, становится новым каналом коммуникации с потребителем, открывая возможности для контекстного и ситуативного маркетинга.

Далее рассмотрим влияние экологизации на международный маркетинг. Тренд экологизации вышел за рам-

ки узкой ниши и превратился в мейнстрим, определяющий конкурентоспособность компаний на глобальных рынках. Его влияние на международный маркетинг носит комплексный и глубокий характер. Прежде всего, сформировался новый, влиятельный сегмент «зеленых» потребителей, чьи покупки мотивированы не только функциональными характеристиками продукта, но и его экологическим следом, этичностью производства и репутацией бренда в области устойчивого развития. Для международных компаний это означает необходимость интеграции принципов экодизайна на всех этапах жизненного цикла продукта — от использования перерабатываемых материалов до организации возврата и утилизации товара после эксплуатации [10]. При этом возникает риск «гринвашинга» — недобросовестного позиционирования себя как «зеленой» компании, который может привести к серьезным репутационным потерям и юридическим последствиям, особенно в странах с жестким экологическим регулированием [8]. Следовательно, экологизация требует от международного маркетинга не просто тактических коммуникационных ходов, а стратегической перестройки всей цепочки создания ценности. Маркетинг становится инструментом трансляции подлинной приверженности компании принципам ESG (Environmental, Social, Governance), что усиливает доверие к бренду и создает долгосрочные конкурентные преимущества [7]. Ценообразование также претерпевает изменения, поскольку потребители все чаще демонстрируют готовность платить премию за экологически и социально ответственные товары [6], что должно находить отражение в международной ценовой стратегии.

Далее рассмотрим влияние цифровизации на международный маркетинг. Цифровизация выступает катализатором и инфраструктурной основой, умножающей эффекты от двух ранее рассмотренных трендов. Она трансформирует операционную среду международного маркетинга по нескольким направлениям. Наиболее значимым изменением является переход к маркетингу на основе данных. Цифровые платформы, аналитика веб-сайтов и инструменты отслеживания потребительского поведения предоставляют международным компаниям беспрецедентный объем информации о предпочтениях, потребностях и паттернах поведения клиентов в разных странах [1]. Такая ситуация позволяет перейти от массовых маркетинговых кампаний к гиперперсонализированному взаимодействию, прогнозному моделированию спроса и оптимизации маркетингового бюджета в режиме реального времени. Во-вторых, цифровизация кардинально меняет коммуникационную модель, делая ее интерактивной, двусторонней и платформенноцентричной. Маркетинговая деятельность все больше смещается в социальные сети, мессенджеры и другие цифровые экосистемы, где доминирует вовлечение пользователя и создание сообщества вокруг бренда [4, 5]. Для между-

народного маркетолога это означает необходимость управления множеством цифровых каналов с учетом их культурной и региональной специфики. В-третьих, цифровые технологии, такие как искусственный интеллект и машинное обучение, автоматизируют рутинные процессы — от настройки рекламных кампаний до чат-ботов службы поддержки, повышая эффективность и снижая операционные издержки при выходе на новые рынки. Наконец, цифровизация порождает новые бизнес-модели, такие как платформенная экономика и сервисы по подписке, которые международные компании могут масштабировать по всему миру с относительно низкими предельными издержками.

Важно подчеркнуть, что рассмотренные мегатренды не действуют изолированно, а находятся в состоянии постоянной синергии. Цифровизация предоставляет инструменты для решения экологических проблем «умного города» (например, умные сети для управления отходами и энергопотреблением), а урбанизация концентрирует спрос на «зеленые» цифровые решения. Эта взаимосвязь требует от компаний комплексного, а не фрагментарного подхода к адаптации.

В качестве ответа на данный вызов в рамках данного исследования предлагается схема ESGT-адаптации (Environmental, Social, Governance, Technological), которая представляет собой последовательный алгоритм интеграции факторов мегатрендов в международную маркетинговую стратегию (рис. 1).

Рис. 1. Предлагаемая схема ESGT-адаптации
Источник: составлено автором

Предлагаемая схема состоит из четырех этапов.

Этап 1. Аудит и диагностика. На этом этапе компания проводит комплексный анализ своей текущей международной маркетинговой стратегии и операционной деятельности через призму четырех компонентов ESGT:

- E (Environmental): оценивается экологический след продуктов, упаковки, логистики и производственных процессов на каждом целевом международном рынке, выявляются соответствия и несоответствия локальным экологическим стандартам и ожиданиям потребителей;

- S (Social): анализируется соответствие бренда и продуктов социальным трендам и ценностям в конкретных урбанизированных сообществах (например, ценности инклюзивности, здоровья);
- G (Governance): проверяется прозрачность и этичность бизнес-процессов, цепочек поставок и маркетинговых коммуникаций с точки зрения регуляторных требований и ожиданий стейкхолдеров на каждом рынке;
- T (Technological): диагностируется уровень цифровой зрелости компании и ее способность использовать цифровые инструменты для маркетинга, анализа данных и взаимодействия с потребителями в контексте «умных городов».

Этап 2. Стратегическое позиционирование. На основе результатов аудита пересматривается или формулируется заново глобальное позиционирование бренда. Определяется, как именно синергия мегатрендов будет интегрирована в уникальное ценностное предложение. Например, бренд может позиционировать себя как цифровой лидер в области устойчивых решений для жителей мегаполисов. На этом этапе формулируются стратегические цели, которые являются измеримыми, достижимыми и релевантными в контексте ESGT.

Этап 3. Тактическая имплементация. Происходит пересмотр и адаптация комплекса маркетинга (4Р) для каждого целевого рынка с учетом выбранного позиционирования.

- Product: происходит модификация продукта, упаковки, разработка новых «зеленых» или цифровых продуктовых линеек;
- Price: осуществляется разработка гибкой ценовой стратегии, учитывающей премию за экологичность или внедрение моделей подписки;
- Place: осуществляется оптимизация цепочек поставок и дистрибуции с акцентом на устойчивость и эффективность для городской среды (микрологистика, пункты выдачи);
- Promotion: происходит переориентация коммуникаций на цифровые каналы, фокус на трансляции ценностей устойчивого развития и урбанистического образа жизни, персонализация сообщений.

Этап 4. Мониторинг и обратная связь. Внедряется система постоянного мониторинга ключевых показателей эффективности (KPI), связанных с ESGT-факторами (например, углеродный след, вовлеченность в цифровых каналах, лояльность в конкретных городских кластерах). Данные с рынков используются для быстрой коррекции стратегии и тактики, замыкая цикл непрерывной адаптации.

Данная схема предоставляет менеджерам структурированный подход, позволяющий не просто реагировать на изменения, а проактивно формировать свою стратегию международного маркетинга, основанную на глубоком понимании глобальных мегатрендов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд основополагающих выводов. Во-первых, глобальные мегатренды урбанизации, экологизации и цифровизации оказывают не частичное, а тотальное воздействие на все элементы международного маркетинга, трансформируя его цели, методы, инструменты и среду функционирования. Во-вторых, особенностью современного этапа является синергетический характер этих трендов, когда их взаимное усиление создает как новые риски, так и беспрецедентные возможности для компаний, действующих на глобальной арене. В-третьих, успешность международной маркетинговой деятельности все в большей степени определяется способностью компаний к комплексной и последовательной адаптации, которая должна быть встроена в ядро стратегии, а не оставаться на периферии в виде разрозненных инициатив. В качестве практического инструмента для решения этой задачи была предложена авторская схема ESGT-адаптации, представляющая собой четырехэтапный алгоритм действий: от первоначальной диагностики до непрерывного мониторинга. Эта схема позволяет систематизировать процесс учета мегатрендов и трансформировать их из внешних вызовов во внутренние конкурентные преимущества. Таким образом, дальнейшее развитие теорий и практик международного маркетинга будет неразрывно связано с углублением интеграции факторов урбанизации, экологизации и цифровизации в стратегическое планирование и операционную деятельность компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева, Ш.Х. Психология потребителей и клиентов в современном маркетинге / Ш.Х. Абдуллаева // Моя профессиональная карьера. — 2022. — Т. 2, № 36. — С. 15–22.
2. Грачев, С.А. Урбанизация как фактор стимулирования инновационных региональных систем / С.А. Грачев // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 8. — С. 4633–4648. — DOI 10.18334/epp.14.8.121148.
3. Завьялов, Д.В. Концепция устойчивой мобильности в современных мегаполисах // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2021. — Т. 12. — № 3. — С. 288–305 <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.3.288-305>.
4. Магометова, Д.М. Психология потребителей. Влияние эмоционального маркетинга на выбор покупателя / Д.М. Магометова // Студенческий вестник. — 2025. — № 1-9(334). — С. 33–35.

5. Мандаров, Р.С. Социальные сети в международном бизнесе // Скиф. — 2023. — №8 (84). — С. 203–207.
6. Неучева, М.Ю. Экологически ответственное поведение потребителей и методы его обеспечения в целях перехода к экономике замкнутого цикла / М.Ю. Неучева, О.И. Шалина // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2023. — № 6(174). — С. 127–132. — DOI 10.34773/EU.2023.6.22.
7. Тренды управления экономическими системами: монография / Под ред. Никишкин В.В. — Москва: 000 «Русайн», 2024. — 358 с. — ISBN 978-5-466-08467-2.
8. Шахназаров, Б.А. Гринвотинг, гринвишинг и гринхашинг в контексте недобросовестной конкуренции, охраны интеллектуальной собственности и прав потребителей. Lexrussica. — 2024. — Т. 77. — № 11. — С. 63–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.063-073.
9. Iduoze, O., Tijjani R., Ibraimi Ch. Globalization And Marketing — A Positive Impact Upon Society And Businesses? // International Journal of Innovative Research in Education. — 2023. — № 10(3). — pp. 23–35.
10. Sheth, J.N., Parvatiyar, A. Sustainable Marketing: Market-Driving, Not Market-Driven // Journal of Macromarketing. — 2020. — № 41(4). — pp. 276–284. DOI:10.1177/0276146720961836.

© Тарасова Ольга Валерьевна (Tarasova-olga62@inbox.ru); Бобкова Елена Юрьевна (Vica3@yandex.ru);

Корягина Инга Анатольевна (2001inga@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПТИМИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК МЕДИЦИНСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

OPTIMIZATION OF PUBLIC PROCUREMENT FOR MEDICAL GOODS AND SERVICES THROUGH PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

A. Tsisar

Summary. The article examines the potential and benefits of optimizing public procurement of medical goods and services through public-private partnership. The advantages of this approach are highlighted, including increased efficiency, cost reduction, enhanced competition, and risk distribution. Positive outcomes resulting from the implementation of innovative management solutions are described.

Recommendations for successful PPP implementation are provided, such as establishing control structures, training qualified personnel, ensuring transparency in procurements, and fostering long-term cooperation between government and business entities. The goal is to achieve high-quality healthcare services and rational allocation of budgetary funds. The author concludes that activating PPPs is crucial for improving the procurement system in healthcare, leading to greater accessibility and quality of medical services for citizens.

Keywords: public-private partnership, healthcare, public procurement, innovations, development strategy, efficient allocation of budgetary funds.

Цисар Анастасия Владимировна
Аспирант, НЧОУ ВО «Московский институт
экономики, политики и права»
av.tsisar@gmail.com

Аннотация. Статья изучает потенциал и выгоды оптимизации государственных закупок медицинских товаров и услуг через государственно-частное партнерство. Выделяются преимущества подхода: повышение эффективности, сокращение расходов, увеличение конкуренции и распределение рисков. Описываются позитивные последствия применения инновационных управленческих решений.

Приводятся рекомендации по успешному внедрению ГЧП, включая создание контрольных структур, подготовку квалифицированных кадров, обеспечение прозрачности закупок и установление долгосрочного сотрудничества между государством и бизнесом. Цель рекомендаций — качественное медицинское обслуживание и рациональный расход бюджетных средств. Автор делает вывод о значимости активизации ГЧП для совершенствования системы закупок в здравоохранении, что приведет к росту доступности и качества медицинских услуг для граждан.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, здравоохранение, государственные закупки, инновации, стратегия развития, эффективное распределение бюджетных средств.

Одним из наиболее значимых элементов реформирования системы здравоохранения в современной России является проблема оптимизации государственных закупок медицинских товаров и услуг [1]. Постоянно растущие объемы бюджетных ассигнований требуют рационального расходования средств и разработки эффективных механизмов взаимодействия государства и частного сектора [2]. Реализация концепции государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) открывает широкие возможности для повышения эффективности закупочных процессов, что положительно скаживается на качестве и доступности медицинских услуг для населения.

Российская экономика сталкивается с рядом трудностей, влияющих на организацию государственных закупок. Среди основных факторов можно выделить [3]:

- Ограниченный объем бюджета здравоохранения.

- Недостаточная развитость внутреннего производства медикаментов и медицинского оборудования.
- Низкий уровень автоматизации процессов планирования и осуществления закупок.
- Несовершенство механизмов контроля и оценки результатов закупок.

В результате указанные факторы приводят к значительным потерям денежных средств и снижению общей эффективности функционирования системы здравоохранения. Именно поэтому актуальной задачей выступает переход к новым методам и инструментам организации государственных закупок, основанным на принципах государственно-частного партнерства.

Наиболее важными элементами такого перехода становятся следующие мероприятия:

- Формирование долгосрочного прогноза потребностей системы здравоохранения в товарах и услугах.
- Использование электронных торговых площадок для размещения заказов и выбора поставщиков.
- Разработка специальных схем поддержки отечественных производителей лекарств и медицинского оборудования.
- Совершенствование процедуры заключения контрактов путем введения конкурсных процедур инезависимой экспертизы представленных заявок.

Применение указанных мер позволит создать эффективную модель организации закупок, позволяющую сократить издержки и повысить надежность поставок необходимых товаров и услуг.

При построении системы взаимодействия государства и частного сектора важно учитывать специфику предмета закупки и особенности рыночных условий. Основными критериями, используемыми при формировании модели ГЧП, выступают [4]:

- Целесообразность передачи конкретных видов продукции и услуг на аутсорсинг.
- Возможность согласования сроков поставки и объемов закупок,
- Уровень риска и неопределенности в поставках определенных групп товаров и услуг.
- Степень готовности экономики региона к участию в партнерских проектах.

Для достижения оптимального результата необходимо соблюдение ряда принципов:

- Прозрачность и гласность всей цепочки принятия решений относительно закупаемых товаров и услуг.
- Равенство и конкуренция среди потенциальных исполнителей заказа.
- Контроль исполнения контракта и санкций за нарушение договоренностей.
- Активное участие общественных институтов и гражданского общества в контроле за процессом закупок.

Таким образом, правильный выбор модели государственно-частного партнерства способствует формированию стабильных взаимоотношений между всеми участниками рынка, сокращению потерь бюджетных средств и улучшению общего состояния отечественного здравоохранения.

Переход к государственно-частному партнерству подразумевает применение специализированных инструментов и методов, позволяющих эффективно организовать закупки медицинских товаров и услуг. Рассмотрим подробнее некоторые из них:

1. Концессионные соглашения

Концессия представляет собой соглашение, согласно которому частный сектор получает право на эксплуатацию определенного объекта инфраструктуры или оказание конкретной услуги на определенный срок в обмен на обязательство производить инвестиции и поддерживать объект в надлежащем состоянии [5]. Этот инструмент широко используется в строительстве дорог, мостов, электростанций и других инфраструктурных объектах, однако его адаптация возможна и применительно к медицинским организациям. Преимущества концессионных соглашений заключаются в следующем:

- Привлечение внебюджетных инвестиций.
- Передача рисков от государства к инвестору.
- Повышение ответственности исполнителя за конечный результат проекта.

Однако существуют и потенциальные недостатки, такие как риск завышения цен и длительные сроки окупаемости проектов.

2. Аутсорсинг

Аутсорсинг означает передачу части бизнес-процессов или функций специализированным компаниям. Применимительно к сфере здравоохранения этот подход позволяет государству привлекать частные компании для выполнения работ по ремонту помещений, обслуживанию техники, обеспечению лекарствами и медицинским инвентарем [6]. Такой подход позволяет освободить внутренние ресурсы и сосредоточить усилия на стратегических направлениях деятельности. Основные преимущества аутсорсинга включают:

- Сокращение административных расходов.
- Улучшение качества обслуживания.
- Увеличение гибкости системы здравоохранения.

Недостатком же является зависимость от внешнего подрядчика и риск потери контроля над ключевыми функциями.

3. Венчурное финансирование

Этот вид финансирования предусматривает вложение капитала в проекты, обладающие высоким уровнем риска и потенциала роста. В частности, венчурные фонды могут вкладываться в разработку новых лекарственных препаратов, производство высокотехнологичного медицинского оборудования или научные исследования в области биотехнологий [7]. Такие вложения способны стать катализатором прогресса в отечественном здравоохранении, ускорив появление инноваций и улучшений в сфере профилактики заболеваний и борьбы с ними. Среди преимуществ венчурного финансирования выделяются:

- Высокий потенциал роста.
- Поддержка научных разработок и технологических инноваций.
- Дополнительный источник доходов для медицинских учреждений.

Тем не менее, высокая степень риска и длительный период ожидания прибыли делают этот инструмент привлекательным лишь для избранных инвесторов.

Далее рассмотрим преимущества и выгоды государственно-частного партнерства в сфере закупок медицинских товаров и услуг. Использование инструментов государственно-частного партнерства имеет целый ряд положительных эффектов, как для государства, так и для частного сектора. Рассмотрим ключевые преимущества подробнее [8].

1. Эффект экономии бюджетных средств

За счет перераспределения расходов и повышения эффективности контрактных процедур достигается существенная экономия бюджетных средств. Например, сокращение административного аппарата, уменьшение объема коррупционных практик и минимизация теневых операций помогают высвобождать дополнительные средства для расширения перечня оказываемых услуг и улучшения качества медицинской помощи.

2. Повышение качества и доступности медицинских услуг

Благодаря привлечению частных компаний, работающих в сегменте высоких технологий и владеющих современными методами диагностики и лечения, население получает доступ к качественным медицинским услугам даже в отдаленных регионах страны. Расширяется перечень доступных диагностических процедур, повышается точность постановки диагнозов и улучшается общий показатель выздоровления пациентов.

3. Рост производительности труда и эффективности работы персонала

Использование современных методик управления персоналом, мотивация работников и введение новых технологий ведет к росту производительности труда в больницах и поликлиниках. Автоматизированные процессы обработки документов и отчетности освобождают медиков от рутинных обязанностей, давая возможность сосредоточиться непосредственно на работе с пациентами [9].

4. Укрепление доверия граждан к системе здравоохранения

Интеграция лучших мировых практик и технологичных решений повышает уровень удовлетворенности граждан работой системы здравоохранения. Высокая

скорость реагирования на запросы пациентов, короткие очереди и качественное обслуживание формируют позитивный имидж медицинских учреждений и повышают лояльность граждан к проводимым реформам [10].

Однако существуют серьезные угрозы, возникающие при применении государственно-частного партнерства в закупках лекарственных препаратов и медицинских услуг. Самые важные из них:

- Возможность появления коррупции и тайных сговоров между участниками торгов.
- Завышение стоимости товаров и услуг поставщиками.
- Нерациональное использование государственных денег.
- Потеря контроля над процессом и опасность снижения качества медицинского обслуживания для пациентов.

Для снижения этих рисков предлагается реализовать комплекс мероприятий. Рекомендуется ввести строгую систему аудита и контроля над использованием выделенных средств, проводить систематический надзор за деятельностью лечебных заведений и поставщиков медицинских товаров и услуг. Следует организовать открытые конкурсы и аукционы для выбора исполнителей закупок, а также привлечь общественное мнение и независимых экспертов к обсуждению обоснованности осуществляемых приобретений.

Здравоохранение в России сталкивается с рядом уникальных факторов, серьезно влияющих на использование государственно-частного партнёрства. Прежде всего, страна обладает сложной географической структурой с множеством труднодоступных регионов, что значительно усложняет доставку лекарств и медицинских услуг жителям этих мест. Другая особенность связана с необходимостью учитывать национальные традиции и культурные особенности россиян, что отражается на подходе к проектированию схем ГЧП и должно быть обязательно учтено при разработке соответствующих инициатив. Еще одной особенностью российского рынка является преобладание множества мелких поставщиков и отсутствие крупных объединяющих игроков. Такая ситуация осложняет проведение крупномасштабных проектов ГЧП, так как мелкие поставщики часто сталкиваются с трудностями при выполнении объемных контрактов и нуждаются в поддержке при налаживании взаимодействия друг с другом и с государственными структурами.

Принимая во внимание указанные условия, эффективная стратегия ГЧП должна предусматривать ряд мероприятий [11].

Во-первых, важно создать единую централизованную информационную систему учета медицинских то-

варов и услуг, позволяющую оперативно отслеживать движение лекарственных препаратов и медицинского оборудования. Следующим важным шагом станет введение единого электронного ресурса для проведения торгов и конкурсных процедур, что повысит прозрачность и снизит коррупционные риски [12]. Также целесообразно выделить приоритеты для отдельных территорий и направлений, нуждающихся в наибольшей поддержке ГЧП-проектов.

Особое внимание стоит уделить поддержке малого и среднего предпринимательства, занятого производством медикаментов и медицинского оборудования. Предоставляя необходимые льготы и стимулы, государство сможет способствовать развитию локальных производителей и увеличению доли отечественных изделий на внутреннем рынке.

Такой комплексный подход позволит успешно адаптировать инструменты ГЧП к российским реалиям и добиться значимых положительных изменений в системе здравоохранения в короткие сроки.

Проведённое исследование наглядно демонстрирует, что привлечение частного капитала для совершенствования государственных закупок в сфере медицины оказывается весьма полезным способом повысить эффективность всей системы здравоохранения. Благодаря этому удаётся применять наиболее прогрессивные технологические и организационные решения, улучшая качество медицинского обслуживания и одновременно экономя бюджетные деньги.

Этот подход имеет целый ряд очевидных плюсов: сокращаются общие расходы, усиливается здоровая конкуренция среди тех, кто поставляет товары и услуги, риски распределяются между государством и предпринимателями, растёт доверие общественности к работе больниц и поликлиник. Когда власть и частный сектор

начинают конструктивно сотрудничать, процедура закупок становится прозрачной и предсказуемой, что заметно улучшает итоговые результаты для пациентов.

Чтобы наладить эффективные взаимоотношения между властью и бизнесом в сфере медицины, органам власти и государственным клиникам предстоит выработать продуманную стратегию развития государственно-частного партнёрства. Эта стратегия должна ясно формулировать задачи и содержать понятные критерии измерения достигнутых успехов. Нужно сформировать специальную службу, ответственную за мониторинг соблюдения договорённостей и проверку хода выполнения обязательств обеими сторонами. Не обойтись и без постоянного повышения уровня подготовки сотрудников, которым придётся вести работу по новым правилам. Процесс заключения контрактов должен стать проще и прозрачнее, исключив излишнюю бюрократию и сохранив открытость всех стадий закупок.

Участие в данном процессе даёт компаниям отличную возможность усилить свои позиции на рынке. Регулярное общение с властями и создание прочных альянсов с большими партнёрами позволяют расширить бизнес-возможности. Инвестируя в профессиональное развитие сотрудников и внедряя самые современные диагностические методики и способы лечения, фирмы демонстрируют серьёзный подход к делу. Понимание важности долгосрочных доверительных отношений с государственными заказчиками обеспечивает успех в деле укрепления собственной деловой репутации и подтверждает высокий уровень профессионализма компаний.

Реализация указанных мер обеспечит существенное улучшение системы государственных закупок медицинских товаров и услуг, сделает медицинскую помощь доступной и качественной для каждого гражданина и повысит эффективность использования бюджетных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 06.06.2019 № 254 // ГАРАНТ: информационно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164534/>
2. Тумусов Ф.С., Косенков Д.А. Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. — М.: Издание Государственной Думы, 2019. — 80 с. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/otTeY7Kh7jQrYiz92JbKmBumxb6971xF.pdf>
3. Смирнова И.В., Бизенкова А.А. Проблемы управления в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. DOI 10.17586/2310-1172-2023-16-2-122-128 // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и Экологический менеджмент». 2023. № 2. С. 122–128. URL: <https://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/22021.pdf>
4. Министерство экономического развития Российской Федерации. Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства. Практики реализации проектов. 2023. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1758193850&tld=ru&lang=ru&name=metodic_2023.pdf&text
5. Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ. ГАРАНТ: информационно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12141176/>
6. Алексеева Н.В., Воропинова О.А. Роль и перспективные направления аутсорсинга в здравоохранении // Современные технологии управления. 2017. № 4 (87/1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-perspektivnye-napravleniya-autsorsinga-v-zdravooхranenii/viewer>

-
7. Казакова А.М. Венчурное инвестирование инновационных проектов: современные тенденции его развития на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Вестник Евразийской науки. 2018. № 5. Том 10. URL: <https://esj.today/02ECVN518.html>
 8. Гладков К.В., Гацура О.А., Дерюшкин В.Г. Методика оценки проекта государственно-частного партнерства в здравоохранении: Методические рекомендации. — М.: МГМСУ им. А.И. Евдокимова. 2018. 81 С. URL: https://kafedroziz.ru/library/methodical_material_2018/2.pdf
 9. Академия социальных технологий. Сайт. URL: https://ast-academy.ru/blog/instrumenty_i_tehnologii_dla_povysenia_effektivnosti_upravlenia_personalom/
 10. Шаманаев И.Б., Русакова И.В. Повышение уровня удовлетворенности качеством оказания медицинской помощи и ожиданиями пациентов при стратегическом планировании в управлении медицинской организацией и ожиданиями пациентов: [материалы VI Международной 976 Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения», Екатеринбург, 08-09 апреля 2021 г.]. Том 3. С. 865–871. URL: https://elib.usma.ru/bitstream/usma/5163/1/USMU_Sbornik_statei_2021_3_203.pdf
 11. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения: распоряжение правительства РФ от 17.04.2024 № 959-р. // ГАРАНТ: информационно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408813257/>
 12. Национальный Центр ГЧП: сайт. URL: <https://pppcenter.ru/press-tsentr/novosti/yuristy-tsentr-gchp-razysnili-trebovaniya-k-elektronnomu-konkursu-na-zaklyuchenie-kontsessiy-i-sog/>
-

© Цисар Анастасия Владимировна (av.tsisar@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИКА ВНИМАНИЯ КАК НОВЫЙ АКТИВ НА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

THE ATTENTION ECONOMY AS A NEW ASSET ON DIGITAL FINANCIAL PLATFORMS

Yu. Shkolny

Summary. The relevance of this study is determined by the scale of digitalization in modern society, in which traditional tangible assets are giving way to new, intangible resources where information and attention play a key role. User attention in the digital environment shapes the paradigm of the so-called «attention economy.» The object of this study is digital financial platforms. The subject of this research is the attention economy as a new intangible asset in the digital environment. The aim of this study is to conduct a heuristic analysis of the mechanisms by which user attention is transformed into an economic asset and to identify the specifics of its monetization and management on various types of digital platforms. The study established that attention is not simply a byproduct of user activity, but a strategic resource—an asset requiring precise approaches to its measurement, valuation, and capitalization. A typology of digital platforms is presented based on the dominant model for converting attention into value. Associated risks are identified, including the problem of digital exhaustion and attention manipulation. A general framework for a sustainable attention economy model based on the principles of user sovereignty and fair distribution of generated value is outlined.

Keywords: attention economy, digital economy, manipulation design, choice architecture, ethical design.

Школьный Юрий Игоревич
Аспирант, Университет «Синергия», г. Москва
yuryshkolniy@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется масштабом цифровизации современного общества, в котором традиционные овеществлённые активы уступают место новым, нематериальным ресурсам, где ключевую роль играют информация и внимание. Внимание пользователей в цифровой среде формирует парадигму так называемой «экономики внимания». Объектом исследования выступают цифровые финансовые платформы. Предмет исследования — экономика внимания как новый нематериальный актив цифровой среды. Цель работы заключается в эвристическом анализе механизмов трансформации внимания пользователей в экономический актив и выявлении специфики его монетизации и управления на различных типах цифровых платформ. В результате проведенного исследования было установлено, что внимание выступает не просто побочным продуктом пользовательской активности, а стратегическим ресурсом, то есть активом, требующим точных подходов к своему измерению, оценке и капитализации. Представлена типологизация цифровых платформ по критерию доминирующей модели конвертации внимания в стоимость. Выявлены сопутствующие риски, включая проблему цифрового истощения и манипуляции вниманием. Намечены общие рамки устойчивой модели экономики внимания, основанной на принципах суворенитета пользователя и справедливого распределения создаваемой стоимости.

Ключевые слова: экономика внимания, цифровая экономика, манипулятивный дизайн, архитектура выбора, этичный дизайн.

Введение

Глобальная экономика, как и национальные экономики трансформируются в цифровую среду хозяйствования, когда сама реальность из чувственно-конкретной становится мысленно-конкретной и в таком контексте теоретическая и практическая значимость исследования экономики внимания как нового актива становится очевидной. Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понятийного аппарата и развитии экономического знания сообразно цифровой среде, в которой классические законы спроса и предложения существенно меняются. Практическая значимость исследования состоит в выработке конкретных управленческих решений для хозяйствующих субъектов, работающих в цифровом секторе, а также в формировании основ для регуляторной политики, направленной на защиту прав потребителей и обеспечение добросовестной конкуренции. Связь цифровой экономики и экономики

внимания является диалектической и неразрывной — цифровая экономика, построенная на сетевых эффектах и платформенных решениях, создала объективные условия для масштабирования и коммерциализации человеческого внимания, а экономика внимания стала тем триггером, который «питает» цифровые экосистемы, определяя их рыночную стоимость и ценность. Внимание пользователя превратилось фактически в новую валюту, стоимость которой определяет взаимодействие между потребителями, рекламодателями и владельцами платформ. Понимание механизмов функционирования экономики внимания становится ключевым для анализа движущих сил современного цифрового рынка, его потенциала и системных рисков. Данное исследование призвано систематизировать существующие подходы к концептуализации внимания как актива и предложить комплексный взгляд на его роль в рамках разнородного ландшафта цифровых финансовых платформ.

Основные результаты

Понятие «экономика внимания» (англ. *Attention economy*) было введено в научный оборот в конце XX века, но эволюционно истоки понятия можно проследить в более ранних работах, посвященных информационному обществу. Нобелевский лауреат Герберт Саймон одним из первых отметил, что изобилие информации порождает дефицит того, за счёт чего эта информация потребляется — это и есть внимание. В своей работе «Проектирование организаций для богатого информацией мира» [1] 1971 года Г. Саймон доказывает тезис о том, что именно информация потребляет внимание пользователей. Изобилие информации создает дефицит внимания (именно из-за избытка, который не может обработать индивид), отсюда возникает необходимость эффективно распределять внимание среди избытка источников информации, у индивидов, которые её могут потребить». Эта мысль Г. Саймона стала краеугольным камнем всей последующей теории экономики внимания. Сам термин «экономика внимания» популяризирован в конце 1990-х годов в работах Майкла Голдхабера, в частности в работе 1997 года «Экономика внимания: естественная экономика» [2] М. Голдхабер обосновал, что внимание становится дефицитным ресурсом в цифровую эпоху, формируя новую экономическую систему, отличную от индустриальной или информационной экономик. Но не М. Голдхабер был тем, кто создал сам термин, так как в 1993 году Георг Франк опубликовал свою работу «Экономика внимания» [3], в которой указал, что внимание как актив — это форма капитала в науке, искусстве и медиа: «*Вот почему в богатых обществах становится популярным ценить внимание больше, чем деньги. Когда всё больше людей могут позволить себе атрибуты материального богатства, стремление к самобытности должно искать более избирательные атрибуты, чем высокий денежный доход*» [3, с. 748]. Фундаментальный тезис самой концепции, выдвинутой ещё Г. Саймоном заключается в том, что в условиях информационной перегруженности дефицитным ресурсом становится не информация как таковая, а способность человека её воспринимать и перерабатывать, то есть его внимание и следовательно сама структура экономики неизбежно должна перестраиваться вокруг этого нового дефицитного ресурса. В цифровую эпоху этот тезис приобрел буквальное прикладное и эмпирическое воплощение — интернет-платформы, социальные сети, медиа-холдинги и иные цифровые посредники ведут ожесточенную борьбу за ограниченный ресурс времени и когнитивные возможности пользователя.

В данном исследования под экономикой внимания мы понимаем специфическую систему отношений, в которой человеческое внимание систематически выделяется, измеряется, оценивается и продается в качестве специфического товара (мнимого) или актива, выступая ключевым фактором создания экономической

стоимости. Важно отличать внимание от времени пребывания на цифровой платформе, так как время является экстенсивным параметром, тогда как внимание — параметром интенсивным, включающим в себя фокус, вовлеченность, эмоциональный отклик и готовность к взаимодействию. Отечественные исследователи отмечают: «*В вопросе о том, что именно представляет собой внимание в трансакциях, возникают разногласия: внимание рассматривается и как фиктивный товар, и как деньги или ресурс. С товарами внимание объединяет то, что платформы внимания обменивают полученное у пользователей внимание на деньги. Тем не менее, утверждать, что внимание в полной мере является товаром, нельзя... Немаловажно, что внимание не может быть произведено, а может лишь быть привлечено, что также указывает на то, что внимание не является товаром. Поэтому именно качество внимания, а не его длительность, становится критически важным для эффективности рекламных кампаний, конверсии продаж и формирования лояльности*» [4, с. 10]. Почему внимание правомерно рассматривать именно как актив, а не как товар? В экономико-управленческом смысле актив — это ресурс, контролируемый организацией как результат ретроспективных событий, от которого ожидается поступление экономических выгод в будущем и внимание пользователя в полной мере соответствует этому определению. Цифровые платформы устанавливают контроль над этим ресурсом посредством пользовательских соглашений и технологических интерфейсов (дизайна, алгоритмов рекомендаций, уведомлений), а привлечение внимания является результатом целенаправленных действий компании (маркетинг, развитие продукта) — это наиболее важно, монетизированное внимание генерирует для платформы будущие экономические выгоды. Данные выгоды могут быть прямыми, как в случае продажи рекламных поверхностей, или опосредованными, как в случае увеличения стоимости компании за счет роста базы активных пользователей. Внимание обладает всеми ключевыми характеристиками актива, так как оно идентифицируемо, приносит экономические выгоды и находится под контролем организации.

Способы конвертации внимания в стоимость варьируются в зависимости от типа цифровой платформы, ее бизнес-модели и целевой аудитории и для систематизации данного многообразия представляется целесообразным ввести типологизацию, которая отражает доминирующий механизм извлечения ценности из пользовательского внимания — таблица 1.

Представленная типология в таблице 1 наглядно отражает тот факт, что, несмотря на общую природу актива «внимание», механизмы его капитализации глубоко специфичны и адаптированы под конкретные задачи конкретной цифровой платформы. Для социальных се-

Таблица 1.

Типология экономики внимания как актива на различных видах цифровых платформ

Тип цифровой платформы	Доминирующая модель конвертации внимания	Ключевые метрики измерения актива	Примеры платформ
Социальные сети и медиа-платформы	Продажа таргетированной рекламы, основанной на данных о пользовательском поведении и интересах.	Вовлеченность (лайки, комментарии, репосты), время сессии, глубина просмотра, показатель кликабельности (англ. CTR).	Facebook, Instagram, TikTok, Twitter, YouTube.
Торговые и маркетплейс-платформы	Стимулирование импульсных и целевых покупок, монетизация — комиссия с продаж, размещение платного контента и рекламы от брендов.	Конверсия посетителя в покупателя, средний чек, частота возврата, отслеживание кликов по рекламным баннерам и товарным рекомендациям.	Amazon, AliExpress, Wildberries, Ozon.
Финтех-платформы (банкинг, инвестиции)	Кросс-продажа финансовых продуктов (кредиты, страховки, инвестиционные продукты), монетизация данных для скоринга и риск-менеджмента, комиссии за транзакции.	Активность использования приложения, отклик на персональные предложения, доля кошелька (share of wallet), выполнение целевых действий (открытие вклада, оформление карты).	Тинькофф Банк, мобильные приложения традиционных банков.
Игровые и развлекательные платформы	Продажа внутриигровых предметов (микротранзакции), подписки, реклама, интегрированная в геймплей.	Ежедневная активная аудитория (англ. DAU), среднее время игровой сессии, частота и размер микротранзакций, удержание игроков.	Steam, App Store/Google Play (игры), Netflix, Twitch.
Информационно-аналитические и образовательные платформы	Монетизация через премиум-подписки, продажа экспертного контента и аналитических отчетов, проведение платных вебинаров.	Глубина изучения контента, процент завершения курсов/вебинаров, конверсия в подписчика, удержание подписчиков.	Coursera, SmartLab, Bloomberg Terminal, специализированные отраслевые издания.

Источник: разработано автором

тей актив — это способность удерживать пользователя в состоянии непрерывного скроллинга и генерировать данные для рекламного таргетинга, а для финтех-платформы — это доверие и вовлеченность, достаточные для того, чтобы пользователь делегировал ей управление своими финансами и откликался на сложные финансовые предложения.

Феноменализация внимания («мысль и смысл» [5, с. 212]) как актива порождает ряд сложных этических, экономических и социальных проблем, которые требуют отдельного рассмотрения. Одной из ключевых проблем является так называемый «манипулятивный дизайн» [6] (англ. «deceptive design» [7]) или «архитектура выбора» [8]. Цифровые платформы, стремясь максимизировать время и интенсивность пользовательского внимания, активно используют методы, основанные на знаниях когнитивной психологии и бихевиористики. Бесконечная лента новостей, система уведомлений, провоцирующая внутренний страх пропустить что-либо важное, алгоритмы, разжигающие поляризацию и негативные эмоции (поскольку они сильнее вовлекают) — все это инструменты «захвата» внимания, которые могут нанести ущерб психическому благополучию пользователей, способствовать формированию интернет-зависимости и цифровому выгоранию.

Другой фундаментальной проблемой является вопрос суверенитета пользователя над своим вниманием и данными так как пользователь чаще всего выступает пассивным поставщиком ресурса внимания, которое затем перерабатывается и продается без его прямого и осознанного согласия на получение пропорциональной доли создаваемой стоимости. Пользователь обменивает свое внимание на «бесплатные» услуги, но реальная стоимость этого обмена для него непрозрачна, что порождает асимметрию власти и информации, когда платформа знает о пользователе значительно больше, чем пользователь о механизмах работы платформы.

Перспективным направлением развития экономики внимания представляется переход от экстрактивной модели внимания к модели, основанной на принципах справедливости и суверенитета пользователя [9]. Речь идет о концепции «человеко-ориентированной» [10] или экономики внимания социального человека, как «анти-подиа экономическому человеку» [11, с. 6], в такой модели пользователь должен признаваться не пассивным объектом, а активным субъектом, владеющим своим вниманием как собственным нерыночным, а социальным активом. Это предполагает развитие новых технологических и социальных решений, например системы, основанные на технологии блокчейн, могли бы создавать прозрачные реестры, где пользователь явно дает согласие на ис-

пользование своего внимания и данных, получая за это микроплатежи или иные бонусы. Платформы могли бы внедрять «этичный дизайн» [12], который уважает время и фокус пользователя, предлагая ему инструменты для осознанного управления своим цифровым временем (например, таймеры, режимы фокусировки, отказ от наязвичных уведомлений). Необходима разработка более совершенных систем измерения и оценки внимания как актива, так как современные метрики внимания, такие как «время на сайте» или «кликальность», являются грубыми и не отражают качественной составляющей. Перспективные исследования должны быть направлены на создание комплексных индексов, учитывающих когнитивную нагрузку, эмоциональную валентность, глубину обработки информации и долгосрочную лояльность, что позволит компаниям перейти от тактики простого удержания к стратегии построения качественных и устойчивых отношений с пользователем, что в долгосрочной перспективе окажется более выгодным. Признание внимания стратегическим активом открывает новые горизонты для монетизации и роста, но одновременно накладывает на платформы повышенную ответственность. Устойчивое и этически выверенное развитие цифрового сектора в будущем будет зависеть от способности его ключевых игроков найти баланс между коммерческой эффективностью и уважением к правам и благополучию конечного владельца этого ценного ресурса — человека. В качестве перспективы уже было предложено рассмотреть возможность перехода к человеко-ориентированной модели экономики внимания, основанной на принципах прозрачности, справедливости и суверенитета пользователя. Реализация такой модели потребует совместных усилий со стороны технологических компаний, регуляторов и академического сообщества для разработки новых стандартов дизайна, систем измерения качества внимания и, возможно, принципиально новых бизнес-моделей, основанных на технологиях рас-

пределенного реестра и прямых микроплатежах. Дальнейшее изучение экономики внимания должно быть сфокусировано не только на поиске более эффективных способов её монетизации, но и на построении такой цифровой среды, где ценнейший ресурс человеческого внимания будет использоваться уважительно и взаимовыгодно, способствуя не только экономическому росту, но и когнитивному и социальному благополучию общества.

Заключение

Настоящее исследование позволяет сделать ряд объективных выводов относительно природы и роли экономики внимания в контексте цифровых финансовых платформ. Так было установлено, что внимание пользователя эволюционировало из побочного продукта онлайн-активности в полноценный стратегический актив, обладающий всеми признаками экономического ресурса: он является дефицитным, подконтрольным платформе и способным генерировать будущие экономические выгоды. Детальный анализ показал, что механизмы монетизации данного актива варьируются в зависимости от типа платформы, что нашло отражение в разработанной типологии, охватывающей социальные сети, маркетплейсы, финтех-сервисы, игровые и образовательные платформы. Ключевым результатом данной работы стало также выявление системных проблем, порождаемых доминирующей экстрактивной моделью экономики внимания, к которым относятся манипулятивный дизайн, нарушающий цифровой суверенитет пользователя, и фундаментальная асимметрия в распределении создаваемой стоимости. Данные проблемы не только несут в себе социальные и этические риски, но и в долгосрочной перспективе могут подорвать устойчивость самих цифровых экосистем, основанных на доверии и вовлеченности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Simon H. Designing organizations for an information rich world, 1971. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knowen-production.s3.amazonaws.com/uploads/attachment/file/2005/DESIGNING%2BORGANIZATIONS%2Bfor%2BInformation-Rich%2Bworld%2B-%2BSimon.pdf>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 15.10.2025).
2. The Attention Economy: The Natural Economy of the Net by Michael H. Goldhaber. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.site.uottawa.ca/~stan/csi5389/readings/natecn~1.htm>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 15.10.2025).
3. Franck G. Ökonomie der Aufmerksamkeit. — na, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iemar.tuwien.ac.at/publications/Franck_1993a.pdf, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 15.10.2025).
4. Шастицко А.Е. Экономика внимания: вопросы применения / А.Е. Шастицко, А.А. Моросанова, О.А. Маркова // Вопросы теоретической экономики. — 2022. — № 1(14). — С. 7–23. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_7_23. — EDN GSOCPP.
5. Нарциссова С.Ю. Мышление: феноменология процесса / С.Ю. Нарциссова, В.П. Сиротин. — 4-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Академия МНЭПУ, 2020. — 245 с. — EDN KTRRYF.
6. Тхориков Б.А. Манипулятивный контент: методика создания и направления применения / Б.А. Тхориков, Ц. Чжан // Практический маркетинг. — 2025. — № 1(331). — С. 40–43. — DOI 10.24412/2071-3762-2025-1331-40-43. — EDN ACFCCY.
7. Hadan H. et al. Deceived by immersion: A systematic analysis of deceptive design in extended reality // ACM Computing Surveys. — 2024. — Т. 56. — №. 10. — С. 1–25. — DOI: 10.1145/3659945

8. Гончарук А.С. Современные принципы интеграции экономики и дизайна / А.С. Гончарук // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия: сборник статей XXII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 марта 2023 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. — С. 110–113. — EDN TGNPHO.
9. Балаева Д.Р. Экономическая и национальная безопасность: взаимосвязь в условиях цифровизации / Д.Р. Балаева, А.Х. Дикинов // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 11(198). — С. 455–456. — EDN AVUAZU.
10. Насырова С.И. Тезаурус предметной области человеко-ориентированной экономики / С.И. Насырова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2022. — Т. 12, № 6. — С. 95–111. — DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-6-95-111. — EDN ZDQVZY.
11. Хайруллин В.А. Человек К.Д. Ушинского как антипод западной системе ценностей *homo economicus* / С.В. Макар, А.В. Бондаренко, А.В. Ярашева // Дискуссия. — 2023. — № 6(121). — С. 6–26. — DOI 10.46320/2077-7639-2023-6-121-6-26. — EDN GFEHYP.
12. Алексеев А.И. Связь внутреннего маркетинга и успеха нового продукта / А.И. Алексеев // Human Progress. — 2024. — Т. 10, № 12. — DOI 10.46320/2073-4506-2024-12a-16. — EDN HNBOAC.

© Школьный Юрий Игоревич (yuryshkolniy@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СПОРТЕ

THE SPECIFICS OF CONSIDERING INDIVIDUAL LABOR DISPUTES BETWEEN ATHLETES AND COACHES IN PROFESSIONAL SPORTS

M. Darbishukhumaev

Summary. The purpose of the article is to identify the specifics of the consideration of individual labor disputes between athletes and coaches and to determine the ratio of competence between state and sports jurisdictional bodies. The results obtained demonstrate that the specifics of the work of athletes and coaches and the autonomy of sports regulation make efficiency, confidentiality and the availability of specialized expertise critical. The formation of a model of «hybrid jurisdiction» is shown, in which, along with labor dispute commissions and courts of general jurisdiction, there are jurisdictional bodies of sports organizations and permanent arbitration institutions (arbitration courts). The uncertainty of the status of the internal bodies of the federations has been revealed, which generates competition between jurisdictions and questions of their legitimacy.

Keywords: individual labor disputes, athletes and coaches, sports arbitration, hybrid jurisdiction, sports federations.

Дарбижухумаев Махач Зайнудинович

Аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
public-science@rambler.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров и определить соотношение компетенции государственных и спортивных юрисдикционных органов. Полученные результаты демонстрируют, что специфика труда спортсменов и тренеров и автономии спортивного регулирования делает критичными оперативность, конфиденциальность и наличие специализированной экспертизы. Показано формирование модели «гибридной подведомственности», в рамках которой наряду с комиссиями по трудовым спорам и судами общей юрисдикции функционируют юрисдикционные органы спортивных организаций и постоянно действующие арбитражные учреждения (третейские суды). Выявлена неопределенность статуса внутренних органов федераций, что порождает конкуренцию юрисдикций и вопросы их легитимности.

Ключевые слова: индивидуальные трудовые споры, спортсмены и тренеры, спортивный арбитраж, гибридная подведомственность, спортивные федерации.

Профессиональные спортсмены и их тренеры занимают особое положение среди работников, что обусловлено спецификой их труда. Во-первых, характер труда носит экстремальный и нестандартный характер, обусловленный повышенными физическими и психологическими нагрузками, ненормированным графиком (тренировки и соревнования часто проходят в выходные и праздники), постоянными разъездами и сборами, отсутствием фиксированного рабочего места [12]. Кроме того, Е.А. Руднева отмечает, что профессиональная деятельность спортсменов зависит от календарного плана соревнований и других спортивных мероприятий, поэтому они не могут выбрать любое время отпуска [11]. Такие особенности требуют специальных условий трудового договора, например, особых режимов рабочего времени, дополнительных гарантий в случае травм, условий об обязательном участии в сборах и соревнованиях и т.д., и уже сами по себе становятся почвой для конфликтов.

Во-вторых, срок профессиональной карьеры спортсмена ограничен несколькими годами активных вы-

ступлений. Поэтому любое нарушение прав спортсмена (задержка выплаты вознаграждения, незаконная дисквалификация, отстранение от соревнований) способно привести к негативным профессиональным последствиям, так как промедление с восстановлением справедливости может стоить атлету спортивной формы, контрактов и шансов на высокие достижения. Все это обязывает рассматривать трудовые споры в спорте максимально оперативно и квалифицированно.

В-третьих, юридический статус спортсменов и тренеров отличается сочетанием частно-правовых и публично-правовых элементов. С одной стороны, они являются наемными работниками, на них распространяются нормы трудового законодательства и гарантии (право на заработную плату, отпуск, охрану труда и др.). С другой — их деятельность регламентируется внутренними нормами спортивных федераций такими как правила соревнований, трансферные регламенты, дисциплинарные кодексы. Долгое время спорт вообще рассматривался как любительская сфера и не имел особого правового режима (в СССР статус «профессиональный спортсмен»

официально не признавался, так как «на официальном уровне вплоть до «перестроечных» лет главным в физкультурно-спортивной работе оставалось направление развития массового физкультурного движения и любительского спорта» [9]. Лишь с развитием спортивной индустрии возникло специальное правовое регулирование, так, в России оно начало формироваться с 2008 года с введением главы 54.1 ТК РФ, определившей особые условия трудовых договоров спортсменов и тренеров [1]. Современное законодательство выделяет спортсменов как особую категорию работников, для которых могут устанавливаться дополнительные основания увольнения, специальные требования (например, по заключению трудового договора согласно ст. 348.2 ТК РФ) и возможность арбитражного порядка рассмотрения споров. Такие нормы призваны учесть уникальность спортивного труда и сбалансировать интересы спортсменов и спортивных организаций.

Также нужно отметить то, что трудовые споры в профессиональном спорте имеют ряд специфических черт, отличающих их от типичных конфликтов работников и работодателей. Прежде всего, это смешанный характер споров, предполагающий, что причины конфликтов лежат одновременно в плоскости трудовых отношений и спортивных правил. Распространенные поводы для споров включают невыплату или задержку заработной платы, премий и вознаграждений за результаты; споры о продлении или расторжении контрактов (например, односторонний разрыв клубом или увольнение спортсмена без законных оснований); дисциплинарные санкции, связанные как с трудовой дисциплиной, так и с нарушением спортивных регламентов; невыполнение гарантий при получении травмы или профзаболевания; несогласие с переводом в другую команду или отказ клуба отпустить спортсмена при переходе. Такого рода споры нередко переплетают юридические и чисто спортивные аспекты. Например, отстранение игрока от участия в матчах по спортивным причинам (допинговая дисквалификация или нарушение регламента соревнований) автоматически влечет трудовые последствия — лишение зарплаты, приостановку действия или расторжение контракта — что порождает комплексный конфликт. Если предмет разногласия затрагивает именно трудовые права (оплата труда, законность увольнения и т.п.), спор квалифицируется как трудовой и подлежит рассмотрению по трудовому законодательству. Если же конфликт касается исключительно применения спортивных норм (например, справедливость спортивной санкции без прямого влияния на условия труда), он может рассматриваться внутренними органами спорта. Тем не менее на практике граница часто размыта, и один инцидент имеет двойную природу.

Другая отличительная черта — вовлечение третьих лиц и широта последствий спора. В спорте трудовой кон-

фликт редко остается делом только работника и работодателя. Например, при споре футболиста с клубом о выплате зарплаты страдают и интересы третьих сторон: болельщиков (когда игрок бойкотирует игры), других игроков команды, спонсоров и даже лиги, имидж которых ухудшается из-за публичного скандала. Спортивные организации порой применяют коллективные санкции, чтобы вынудить клуб исполнить решение по спору, например, снимают очки с команды за невыплату долгов игрокам. Такая мера с одной стороны давит на работодателя, с другой — затрагивает непричастных лиц (болельщиков, партнеров по команде), что ставит под вопрос ее справедливость, хотя и демонстрирует эффективность. Еще один пример — это споры при переходах и трансферах спортсменов. Конфликт между игроком и клубом по поводу досрочного расторжения контракта может затрагивать интересы нового клуба, агента спортсмена, лиги, нарушая установленный порядок переходов. Спор приобретает многосторонний характер, и для его разрешения зачастую требуется привлечение не только работодателя, но и представителей спортивных органов (лига, федерация) или третьих организаций (например, прежнего и нового клубов, трансферных комитетов).

Кроме того, в профессиональном спорте остро стоят репутационные риски. Споры спортсменов привлекают повышенное внимание общественности и СМИ; карьера атлета во многом строится на публичном имидже, который может быть подорван затяжным конфликтом или обвинениями (например, обвинение в нарушении контракта или допинге способно перечеркнуть репутацию до решения дела по существу). Поэтому стороны заинтересованы в конфиденциальности и быстром разрешении спора. В то же время сам факт публичности побуждает спортивные организации тщательно подходить к доказательствам и обоснованию своих решений, чтобы избежать обвинений в субъективности. Например, в одном из отраслевых исследований рассматривается как Национальная баскетбольная ассоциация (НБА) восстанавливала свою репутацию в ответ на участившиеся скандалы с участием игроков [13]. Таким образом, трудовые споры спортсменов и тренеров отличаются повышенной «ценой ошибки», так как помимо материальных потерь они затрагивают деловую репутацию спортсмена или клуба и могут иметь долгосрочные последствия для профессиональной судьбы. Все это определяет потребность в особых процедурах рассмотрения таких дел, учитывающих смешанную природу споров, множественность заинтересованных субъектов и репутационную значимость исхода.

Система органов, уполномоченных рассматривать трудовые споры спортсменов, носит многоуровневый характер. В отличие от обычных трудовых конфликтов, где юрисдикция четко закреплена (комиссии по трудовым спорам или государственные суды), в спорте спор-

ные ситуации могут проходить через несколько инстанций — как государственных, так и спортивных. Согласно российскому законодательству, базовый порядок остается традиционным, то есть индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров подсудны комиссиям по трудовым спорам организации и судам общей юрисдикции. Однако ст. 348.13 ТК РФ прямо допускает возможность передачи спора в арбитраж (третейский суд) при наличии арбитражного соглашения между спортсменом и работодателем [10]. Таким образом, с 2020 года (с момента появления ст. 348.13) трудовые споры указанной категории исключены из перечня неарбитрабельных и могут рассматриваться в постоянно действующем арбитражном учреждении, специально созданном для споров в сфере спорта. В 2019 году Минюстом РФ был аккредитован такой институт — Национальный центр спортивного арбитража [3], а затем и другие арбитражные центры получили право администрировать трудовые споры спортсменов. Рассматриваемый дополнительный уровень — независимый третейский суд — вводится с целью обеспечить специализированное и ускоренное разбирательство споров с участием экспертов в области спорта, а также с целью разгрузить государственные суды. Важно понимать, что решения подобных органов основаны не непосредственно на законе, а на сочетании трудового законодательства и внутренних регламентов, а принудительная сила решений обеспечивается в основном не государственным принуждением, а спортивными санкциями (например, отстранением клуба от соревнований за неисполнение решения) [4].

Параллельно с государственными и арбитражными органами, свое значение сохраняют юрисдикционные органы спортивных организаций. Законодательство РФ о физической культуре и спорте (ст. 36.2-36.5 Закона № 329-ФЗ [2]) предусматривает возможность создания при общероссийских спортивных федерациях и профессиональных лигах органов по урегулированию споров в сфере спорта. Речь идет о дисциплинарных комитетах, палатах по разрешению споров, иных постоянно действующих комиссиях внутри спортивных структур. Такие органы вправе рассматривать споры, вытекающие из отношений в сфере спорта, и по замыслу законодателя должны обеспечивать досудебное урегулирование. На практике многие федерации создали подобные инстанции, например, Палата по разрешению споров РФС решает конфликты между футболистами и клубами; Контрольно-дисциплинарный комитет лиги (КХЛ, РПЛ и др.) может рассматривать трудовые споры, сопряженные с дисциплиной или статусом спортсмена. Однако возникает коллизия, так как Трудовой кодекс РФ не упоминает эти органы среди уполномоченных рассматривать индивидуальные трудовые споры (перечень ст. 348.13 ТК РФ закрытый и включает только КТС, суды и третейские суды) [10]. Статус решений внутренних органов

спорта с точки зрения трудового права не определен. По сути, существует параллельная система спортивного правосудия, действующая по собственным правилам одновременно с государственными судами. Например, дисциплинарный регламент КХЛ наделяет комитет лиги правом рассматривать трудовые споры, хотя закон требует для этого арбитражного соглашения и обращения в третейский суд. В результате формируется риск конкуренции решений, то есть спортсмен, не удовлетворенный решением федерации, может обратиться в государственный суд, и возникнет вопрос о юридической силе предыдущего разбирательства. В литературе уже отмечены проблемы определения юрисдикции подобных органов и соотношения их компетенции с трудовым законодательством [10].

Кроме национального уровня, существует также и международная спортивная юстиция. Споры элитных спортсменов, особенно в игровых видах и олимпийских дисциплинах, часто выходят за рамки одной страны. Для их решения функционируют органы международных федераций (например, Палата по разрешению споров FIFA, деятельность которой разбирается в трудах отечественных исследователей [5,6]) и верховный орган — Спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport, CAS) в Лозанне. CAS рассматривает по апелляции решения международных федераций (дисциплинарные санкции, допинговые дела) либо выступает как арбитражная первая инстанция по контрактным спорам, если это предусмотрено соглашением сторон [7,8]. Его юрисдикция признана мировым спортивным сообществом как окончательная для большинства международных споров.

В результате выстраивается многоуровневая архитектура: от внутреннего рассмотрения спора в федерации — к национальному арбитражу или суду — и далее, возможно, к CAS на международном уровне. Такая система призвана обеспечить единобразие стандартов и предсказуемость решений во всем спортивном мире. Однако для самих спортсменов она выглядит сложной, так как им зачастую приходится проходить последовательную цепочку инстанций, тратя время. Кроме того, различия в процедурах и требованиях на каждом уровне осложняют защиту прав. Например, внутренняя палата федерации может отказать спортсмену, тогда как суд впоследствии встанет на его сторону, опираясь на нормы закона. Тем не менее наличие альтернативных инструментов позволяет спорящим сторонам воспользоваться юрисдикцией, которую они считают наиболее благоприятной для себя. Так, спортсмен может попытаться обойти «спортивное правосудие» и сразу обратиться в независимый суд, а клуб, напротив, будет настаивать на спортивном арбитраже согласно контрактной оговорке. В итоге важнейшим вопросом становится принудительность выбранной юрисдикции и допустимость отступления от права на судебную защиту.

Одним из наиболее острых вопросов является принудительный характер спортивного арбитража для спортсменов и тренеров. В классическом трудовом праве действуют гарантии, не позволяющие заранее лишать работника права обратиться в государственный суд. Однако в профессиональном спорте исторически сложилась система, при которой допуск спортсмена к соревнованиям ставится в зависимость от его согласия подчиняться юрисдикции спортивных органов, прежде всего арбитража. Стандартным условием контрактов и регламентов стало положение, что все споры решаются в спортивной инстанции (например, в CAS или арбитражной палате федерации), и обращение в национальный суд не допускается под угрозой санкций. По сути, в сфере спорта сформировался режим обязательного арбитража, а атлет, желающий выступать, вынужден согласиться на отказ от государственной юстиции в пользу третейского разбирательства по правилам спортивной организации. Европейский суд по правам человека в решении по делу К. Пехштейн прямо назвал такую ситуацию «обязательным арбитражем» [16]. Хотя в том деле ЕСПЧ не усмотрел нарушений в связи с арбитражной оговоркой, он признал отсутствие у спортсменки реальной свободы выбора инстанции — согласие на арбитраж было продиктовано необходимостью продолжать карьеру.

Юридическая оценка принудительного арбитража неоднозначна. С одной стороны, международные спортивные федерации оправдывают его необходимостью единых правил. Если бы спортсмены могли обращаться в разные национальные суды, возникли бы разнородные решения, затягивание процессов и отсутствие последовательности в применении спортивных норм. Действительно, альтернативой глобальному спортивному арбитражу — единому для всех — является разбирательство в судах разных стран, что привело бы к противоречивости, затягиванию споров и риску пристрастности в пользу местных клубов или спортсменов [14]. Система арбитража (например, CAS) гарантирует нейтральность и относительно быструю процедуру, что критически важно для спорта. Поэтому, несмотря на проблемы с добровольностью согласия, арбитражные оговорки остаются наиболее подходящим механизмом для международных споров в спорте — при условии, что сами арбитражные институты соответствуют требованиям независимости и справедливости. Так, в докладе Дж. Раджи для FIFA было рекомендовано сохранить практику обязательного арбитража, но обеспечить соответствие арбитражных органов стандартам прав человека (процедурные и материальные гарантии для спортсменов) [17].

С другой стороны, критики указывают на неравенство переговорной позиции спортсменов и организаций. Арбитражные соглашения навязываются атлетам в типовых контрактах и правилах «сверху вниз», и согласие спортсмена является формальностью — без

него его просто не допустят к работе (соревнованиям). Такая ситуация противоречит базовым трудовым принципам защиты слабой стороны. Кроме того, высказываются сомнения в полной независимости спортивного арбитража, например, CAS долгое время критиковался за институциональную связь с МОК и международными федерациями, что породило обвинения в возможной предвзятости в пользу организаций [15]. Таким образом, вопрос доверия к спортивному арбитражу и его легитимности остается актуальным. Тем не менее в последние годы CAS и другие органы приняли меры к укреплению независимости и повышению прозрачности. В исследовании Ч.Л. Го и Дж. Андерсона показано, что распространенные упреки в адрес CAS — в недостаточной независимости, недостатке реального согласия сторон и т.д. — во многом преувеличены и не учитывают эволюцию практики [15]. Тем самым формируется понимание, что принудительный арбитраж может быть приемлемым компромиссом, если спортсменам обеспечены основные процессуальные гарантии и последующий судебный контроль ограничивает возможный произвол.

В целом проблема «принудительного» арбитража заключается в поиске оптимальной модели, которая позволила бы сохранить преимущества специализированного спортивного института разрешения споров, не нарушив при этом фундаментальные права спортсменов как работников. При этом консенсус складывается вокруг идеи условной принудительности, в рамках которой спортсмены де-факто связаны арбитражем, но спортивная система должна предоставить им достаточные гарантии справедливости внутри процесса и не исключать полностью доступ к системе государственного правосудия.

Проведенный анализ позволил выявить ряд особенностей и проблем, присущих рассмотрению индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в профессиональном спорте.

Во-первых, подтверждена уникальная природа таких споров, обусловленная специальным правовым статусом спортсменов как работников. Их трудовая деятельность носит специфический характер (высокие нагрузки, короткая карьера, публичность), что приводит к возникновению нестандартных конфликтов на стыке трудовых и сугубо спортивных отношений. Подобные споры затрагивают не только экономические интересы, но и репутацию, спортивные достижения, права третьих лиц, а потому требуют более оперативного и конфиденциального отношения, чем обычные дела.

Во-вторых, сформировалась многоуровневая система юрисдикций, которую можно охарактеризовать как «гибридную». Споры спортсменов могут рассматриваться как органами трудовой юстиции (КТС, национальные суды), так и специализированными спортивными ор-

ганами (арбитражами, палатами федераций), а порой и последовательно в нескольких инстанциях, что создает конкуренцию юрисдикций и ставит задачу разграничения их компетенции. Анализ показал, что в российском праве после реформ 2020 года закреплено право сторон передавать спор в арбитраж при соблюдении определенных условий. Однако статус внутренних органов федераций четко не определен — их решения *de facto* значимы, но *de jure* не перечислены среди органов по трудовым спорам. Международный опыт подтверждает, что без специального договора или закона такие внутренние механизмы не признаются полноценной альтернативой суду. Следовательно, необходимы шаги по интеграции спортивной юстиции в правовое поле, например, через аккредитацию спортивных арбитра-

жей государством (что сделано в РФ), нормативное признание решений федераций или развитие механизмов взаимодействия (апелляционный контроль судов над спортивными органами по ограниченным основаниям).

В-третьих, выявлена и рассмотрена проблема «принудительного» арбитража. Спортсмены зачастую не имеют возможности свободно выбирать орган разрешения спора, будучи связаны арбитражными оговорками в пользу спортивных органов. С одной стороны, это обеспечивает единство и скорость решений на международном уровне. С другой — ограничивает конституционное право на судебную защиту и может приводить к ущемлению интересов спортсменов при недостаточных гарантиях независимости арбитража.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 50. — Ст. 6242.
3. Распоряжение Министра России от 25.04.2019 № 520-р «О предоставлении некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения». — URL: <https://sportarbitrage.ru/wp-content/uploads/2019/12/520-r.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).
4. Буянова М.О. Особенности порядка рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 127–129.
5. Васильев И.А. Решения Палаты ФИФА по разрешению споров об определении статуса футболиста в практике Спортивного арбитражного суда (CAS) // Образование и право. — 2020. — № 1. — С. 219–228.
6. Васильев И.А., Дорский А.А., Кашаева А.А., Синицына Н.И., Шабалина Е.А. Обзор практики Палаты ФИФА по разрешению споров за 2006–2019 гг. по вопросам определения статуса футболиста (часть 1) // Образование и право. — 2020. — № 1. — С. 205–214.
7. Михайлова Ю.О. Практика рассмотрения споров Международным спортивным арбитражным судом (в сфере антидопингового законодательства) // НПЖ «Диалог». — 2025. — № 1 (31). — С. 14–15.
8. Пешин Н.Л. О статусе и юрисдикции спортивного арбитражного суда в Лозанне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 5. — С. 125–139.
9. Попов Г.А. Законодательное регулирование трудовых отношений профессиональных спортсменов и тренеров в России: история и современное состояние // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2023. — № 2 (16). — С. 93–105.
10. Ржепик Я.Н. Проблемы рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в юрисдикционных органах спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2023. — № 2 (16). — С. 106–112.
11. Руднева Е.А. Проблемы регулирования труда спортсменов // Вестник права. — 2023. — № 3. — С. 21–28.
12. Рузаева Е.М. Психологические особенности труда спортсменов // Актуальные проблемы психологии и педагогики: материалы Международной научно-практической конференции, Оренбург, 25–27 ноября 2016 г. / Оренбургский государственный университет. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. — С. 528–539.
13. Agyemang K.J.A., Williams A.S., Kim D.Y. “Scandalous!”: Reputation, impression management, and employee assistance programs (EAPs) in the NBA // Sport Management Review. — 2015. — Vol. 18, No. 4. — P. 609–617.
14. De Marco N. Compelled Consent—Pechstein & The Dichotomy and Future of Sports Arbitration // Blackstone Chambers. — 2016. — URL: https://www.blackstonechambers.com/documents/Pechstein_article_040716_2.pdf (дата обращения: 12.08.2025).
15. Goh C.L., Anderson J. Unveiling the Criticisms of the Court of Arbitration for Sport. — 2021. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3951894> (дата обращения: 12.08.2025).
16. Mutu and Pechstein v. Switzerland — ECHR Judgment (Application no. 40575/10 and 67474/10) — 02.10.2018.
17. Ruggie J.G. “FOR THE GAME. FOR THE WORLD.” FIFA and Human Rights. Corporate Responsibility Initiative Report No. 68. — Cambridge, MA: Harvard Kennedy School, 2016. — URL: https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/mrcbg/programs/cri/files/Ruggie_humanrightsFIFA_reportApril2016.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE ISSUE OF CRIMES COMMITTED DURING THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. Zemlyakova

Summary. The article examines issues related to such a negative phenomenon as the theft of budget funds during the implementation of national projects, which undermines the stability of the economic system and causes significant damage to the state and the financial market. The author presents the concept, goals and types of national projects, their legal basis, as well as the types of crimes committed in this area, detailing the use of operational investigative skills to document crimes committed in the budgetary sphere. The issues of competence and powers of the subjects of the system of state bodies whose activities are aimed at counteracting the negative phenomenon under consideration are raised.

Keywords: operational investigative activities, national projects, crime, detection, budget funds, budget, criminal liability, economic security.

Землякова Екатерина Владимировна

Преподаватель, Владивостокский филиал ФГКОУ ВО
«ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова».
flower_27@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с таким негативным явлением, как хищение бюджетных средств при реализации национальных проектов, которое подрывает стабильность экономической системы, наносит значительный ущерб государству и финансовому рынку. Автором приведены понятие, цели и виды национальных проектов, их правовая основа, а также виды преступлений, совершаемых в данной сфере, детализация применения навыков оперативно-розыскной деятельности, для документирования преступлений, совершаемых в бюджетной сфере. Ставятся вопросы компетенции и полномочий субъектов системы государственных органов, деятельность которых направлена на противодействие рассматриваемому негативному явлению.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, нацпроекты, преступление, выявление, бюджетные средства, бюджет, уголовная ответственность, экономическая безопасность.

Читая крайне ограниченный массив научных трудов, в полной мере посвященных комплексному исследованию вопросов теории, методологии и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОРД ОВД), осуществляющей в целях предупреждения, выявления и пресечения преступлений, сопряженных с реализацией национальных проектов (далее — нацпроекты), представляется целесообразным констатировать наличие существенного пробела в отечественной криминалистической и правоприменительной науке.

Особую актуальность данная проблематика приобретает в свете масштабных изменений, произошедших в последние десятилетия в социально-экономической и политико-правовой жизни Российской Федерации, включая трансформацию бюджетной политики, изменение системы финансового контроля и внедрение приоритетных направлений стратегического развития, закрепленных, в частности, Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4], а также федеральными

законами, регламентирующими бюджетные и антикоррупционные отношения.

В то же время вопросы организационного, тактического и методического обеспечения деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел, реализующих функции в сфере предупреждения и раскрытия хищений и злоупотреблений при реализации нацпроектов, остаются в значительной степени недостаточно исследованными. Отдельные аспекты данной деятельности затрагивались в трудах таких авторов, как Ю.П. Аверьянов, В.Н. Курляндский, Н.А. Лопашенко, однако их разработки не обладают системностью и не учитывают совокупность современных вызовов, включая цифровизацию преступных деяний, усложнение схем бюджетных хищений, вовлечение в них транснациональных субъектов и коммерческих организаций.

Реализация мероприятий федеральных проектов, оказывают влияние на достижение национальной цели развития Российской Федерации, установленной Указами Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г.

№ 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». С 01.01.2007 года на всей территории Российской Федерации действует Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2]. Который определяет достаточно ограниченные направления расходования средств материнского (семейного) капитала.

Начало реализации нацпроектов было положено в 2006 году, когда стартовали проекты «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса» [8].

В 2018 году были приняты новые нацпроекты, рассчитанные на период до 2024 года:

- Нацпроект «Здравоохранение». Направлен на повышение доступности и качества медицинской помощи, увеличение продолжительности жизни, профилактику заболеваний;
- Нацпроект «Образование». Обеспечивает доступность качественного образования для всех, поддержку талантливых детей, развитие инфраструктуры образования;
- Нацпроект «Демография». Направлен на повышение рождаемости, поддержку семей с детьми, улучшение демографической ситуации.
- Нацпроект «Культура». Обеспечивает доступность к культурным ценностям и благам, развитие креативных индустрий, поддержку творческих проектов;
- Нацпроект «Цифровая экономика». Заключается в формирование цифровых платформ, развитие цифровых технологий, повышение цифровой грамотности населения.

Национальные проекты направлены на обеспечение комплексного развития страны, повышение уровня жизни граждан, создание условий для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, а также на укрепление позиции Российской Федерации на мировой арене.

Необходимо выделить основные цели нацпроектов:

- 1) **Улучшение качества жизни.** Заключается в повышение уровня жизни населения, создание комфортных условий для проживания, работы и отдыха;
- 2) **Обеспечение экономического роста.** Предусматривает стимулирование развития различных отраслей экономики, повышение производительности труда, поддержка малого и среднего предпринимательства, развитие экспортной;

- 3) **Развитие человеческого капитала.** Предполагает инвестирование в образовательную сферу, здравоохранение, культуру, науку, поддержку молодежи и семьи;
- 4) **Укрепление технологического суверенитета.** Развитие отечественных технологий, цифровой экономики, инноваций;
- 5) **Обеспечение экологической безопасности.** Защита окружающей среды, сохранение природных ресурсов, ликвидация накопленного экологического ущерба.

Финансирование реализации нацпроектов обеспечивается за счет средств бюджета: федерального, регионального, местного и привлеченных внебюджетных средств.

Ежегодно, из бюджета страны на реализацию федеральных программ тратится свыше 3 трлн рублей. Так, согласно официальным данным Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, раздел «Мониторинг СМИ», расходы бюджета на исполнение нацпроекта «Демография» в 2024 году составили свыше 890,0 млрд рублей [7].

Хищение бюджетных средств — основной вид совершения преступлений в ходе реализации национальных проектов.

В своих выступлениях президент России В.В. Путин, неоднократно призывал уделять серьезное внимание вопросам экономической безопасности, борьбы с коррупцией [9].

Структура, цели, задачи, мероприятия нацпроектов разработаны и реализуются на межведомственном уровне и имеют системный характер. Реализация мероприятий, обеспечивающих достижение результатов нацпроектов, основывается за счет объемов финансирования, доведенных на 2019-2024 и 2025-2030 года.

С 2025 года реализуются новые нацпроекты, рассчитанные на период до 2030 года: «Семья», «Кадры», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», «Новые технологии сбережения здоровья», «Экологическое благополучие», «Инфраструктура для жизни», «Международная кооперация и экспорт», «Эффективная транспортная система», «Туризм и гостеприимство», «Транспортная мобильность», «Экономика данных и цифровая трансформация государства», «Эффективная и конкурентная экономика», «Средства производства и автоматизации», «Беспилотные авиационные системы», «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», «Новые материалы и химия», «Новые энергетические технологии (в том числе атомные)», «Перспективные космические технологии и сервисы».

Некоторые нацпроекты, действующие до 2024 года, трансформировались в вышеперечисленные нацпроекты. Например, нацпроект «Наука», действовавший с 2018 года, трансформировался в нацпроект «Наука и университеты», сохранив свою ключевую направленность на развитие научно-образовательной инфраструктуры, поддержку научных исследований и развитие высшего образования. Также большая часть мер перешла в нацпроект «Молодежь и дети». Государство уделяет этому особое внимание, предоставляя молодым людям широкий спектр высококачественных образовательных программ, стипендий, грантов и других возможностей для самореализации. Приемником нацпроекта «Демография» является новый нацпроект «Семья», который стартовал в 2025 году. В рамках проекта «Семья» планируется продолжение и расширение мер поддержки семей с детьми, а также обновление действующих программ и льгот, таких как материнский капитал и единое пособие. Таким образом, можно сказать, что проект «Демография» был расширен и преобразован в проект «Семья», а некоторые его направления в области здорового образа жизни и спорта были выделены в отдельный проект «Продолжительная и активная жизнь».

Национальные проекты направлены на достижение конкретных целей по улучшению качества жизни граждан и обеспечение устойчивого социально-экономического развития России. Они представляют собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, охватывающих различные сферы. Порядок применения указанных проектов достаточно подробно регулируют федеральные законы и иные нормативно-правовые акты.

В этой связи реализация национальных проектов как одной из форм воплощения концепции социального государства в практической плоскости выступает объектом повышенного криминального интереса, что, в свою очередь, требует системного противодействия со стороны органов внутренних дел Российской Федерации. Преступные деяния, совершаемые при реализации нацпроектов, подрывают основы социальной справедливости, поднимают вопросы обеспечения доверия граждан к институтам власти и ответственности государства перед обществом.

Необходимо отметить, что серьёзные трудности выявления хищений и их раскрытия вызывает постоянное совершенствование и рост высокотехнологичной составляющей способов совершения и сокрытия следов таких преступлений [10]. Соответственно, особое значение приобретает правовое регулирование общественных отношений, возникающих при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе с преступлениями, совершаемыми при реализации нацпроектов. Немаловажным следует учитывать, что преступления,

совершаемые в данной сфере, как правило, чаще всего относятся к организованному характеру, являются высоко латентными, а также планируются и подготавливаются тщательно и немало времени.

Выявление и закрепление замаскированных схем владения преступным путем бюджетных средств на этапах до следственной проверки, предварительного расследования и судебного разбирательства практически невозможно либо проблематично. В этой связи целесообразно осуществлять фиксацию и сбор доказательств преступной деятельности оперативным путем [11].

Значительный объем выделяемых бюджетных средств требует надлежащего контроля за их распределением и расходованием со стороны правоохранительных органов в связи с тем, что бюджетные средства являются объектом повышенного интереса со стороны криминальной субкультуры.

Наиболее распространенные преступления, совершаемые при реализации нацпроекта «Демография»:

- при погашении ипотечных жилищных кредитов, а также при реализации материнского (семейного) капитала (ст. 159.2 УК РФ) [3];
- использование должностным лицом своих полномочий для получения имущественной выгоды (ст. ст. 285, 286, 290, 291 УК РФ);
- присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ);
- незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо, получение данным лицом денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание последнему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействий) в интересах дающего или иных лиц (ст. 204 УК РФ).

Одной из главных задач сотрудников экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК), является противодействие хищению бюджетных средств.

Борьба с преступлениями, совершаемыми при реализации нацпроекта «Семья», включает в себя основные положения:

- своевременное выявление и предотвращение фактов хищений бюджетных средств и материально-технических ресурсов, а также коррупционных проявлений при их выделении, распределении и освоении в рамках данной целевой программы;
- пресечение преступлений, в том числе коррупционной направленности, при реализации нацпроекта;
- предотвращение со стороны бюджетополучателей фактов совершения хищений бюджетных средств путем заключения фиктивных договоров.

Анализ материалов правоприменительной и судебной практики Приморского края позволяет обозначить первоначальные действия сотрудников ЭБиПК по сбору информации для выявления преступлений в рамках реализации средств материнского (семейного) капитала:

- 1) Получение информации о лицах, которые имеют право на использование средств материнского (семейного) капитала. Данную информацию можно получить от лиц, оказывающих содействие ОВД, или, путем направления соответствующих запросов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (по субъекту).
- 2) Выезд и осмотр земельных участков на предмет наличия построенных объектов, пригодных для жилья или строящихся объектов, ведения строительных работ, наличие коммуникаций для осуществления строительства.
- 3) После того, как круг лиц, представляющих оперативный интерес по реализации средств материнского (семейного) капитала установлен, необходимо получить копии дел о вышеуказанных лицах, путем направления запроса в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

ции. В данных делах указаны сведения об обстоятельствах приобретения недвижимости.

- 4) Провести опрос соседей, с целью визуального установления факта пригодности или непригодности дома, установления наличия или отсутствия строительных работ на объекте недвижимости. Также опросить «продавца» сделки, с целью установления реальной суммы при осуществлении купли-продажи недвижимости.
- 5) Провести опрос лица, подавшего заявление о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала, на предмет установления реальной возможности и желания для проживания и строительства на объекте недвижимости.

Одновременно с указанными мероприятиями, чаще всего сотрудники ЭБиПК проводят дополнительные оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление преступных связей фигурантов. А полученные результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2025);
2. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2025);
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ Москва: Издательство АСТ, 2024. 448 с.;
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2025);
5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть 2). С. 5351;
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 2.05.2025);
7. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19694631> (дата обращения 01.02.2025);
8. URL: <https://национальныепроекты.рф/176345> (дата обращения 01.02.2025);
9. Заседание Совета по противодействию коррупции: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51207> (дата обращения 01.02.2025);
10. Мангасаров Р.А., Павличенко Н.В. Противодействие хищению бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов: монография. — М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 4;
11. Землякова Е.В. Актуальные проблемы науки и практики // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий. Хабаровск, 2024. С. 23–27.

© Землякова Екатерина Владимировна (flower_27@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОЗНАНИЯ, ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ОКОНЧАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ON THE QUESTION OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INQUIRY, ITS PROCEDURAL ORDER OF TERMINATION IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

A. Ivanov

Summary. The issues related to the formation and development of the inquiry, its procedural order of termination in the pre-revolutionary period are considered. The origin of the concept of inquiry as a form of preliminary investigation. The periods (stages) of the formation and development of the end of the inquiry have been determined. Problems of legal regulation of criminal proceedings at the end of the inquiry in the pre-revolutionary period. The opinion of well-known procedural scientists on the origin, formation and development of inquiry, its procedural order of termination in the pre-revolutionary period (N.N. Rozin, A.A. Kvachevsky, O.V. Michurina, V.Yu. Stelmakh, A.E. Lodkin, M.M. Kuzembayeva, M.A. Makov, P.V. Makalinsky, A.N. Ratkov, L.V. Cherepnin, and others). Powers of officials of that period. Russian Federation and the Russian Empire's previous legislation in the field of criminal justice has been analyzed, including the provisions of Russkaya Pravda, the Judicial Code of 1497 or the Judicial Code of Ivan III, the code of laws of the Russian State, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, issued in 1830, and the Statute of Criminal Justice, adopted on November 20, 1864. Conclusions are drawn about the peculiarities of the formation and development of the inquiry, its procedural termination procedure, and the range of powers of officials in the pre-revolutionary period.

The theoretical issues of the inquiry, its procedural order of completion in the pre-revolutionary period are considered, and the scientific literature on the problem and scientific discussions are analyzed.

Keywords: history of criminal proceedings, preliminary investigation, preliminary investigation, inquiry, historical stages of development, formal investigation, Russkaya Pravda, Ivan III's Judicial Code, The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the Statute of Criminal Proceedings, police, judicial investigator and prosecutor, justice of the peace.

Иванов Антон Андреевич
соискатель, Всероссийский
научно-исследовательский институт МВД России
ivanton1501@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, касающиеся становления и развития дознания, его процессуального порядка окончания в дореволюционный период. Зарождение понятия дознания, как формы предварительного расследования. Определены периоды (этапы) становления и развития окончания дознания. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства при окончании дознания в дореволюционный период. Мнение известных ученых-процессуалистов по вопросу зарождения, становления и развития дознания, его процессуального порядка окончания в дореволюционный период (Н.Н. Розин, А.А. Квачевский, О.В. Мичурина, В.Ю. Стельмах, А.Е. Лодкин, М.М. Кузембаева, М.А. Маков, П.В. Макалинский, А.Н. Ратьков, Л.В. Черепнин и др.). Полномочия должностных лиц того периода. Проведен анализ ранее действовавшего законодательства Древней Руси и Российской Империи в области уголовного судопроизводства, в том числе положения Русской Правды, Судебника 1497 года или судебника Ивана III — свода законов Русского государства, Полного собрания законов Российской империи, изданные в 1830 году, Устава уголовного судопроизводства, принятого 20 ноября 1864 года. Сделаны выводы об особенностях становления и развития дознания, его процессуального порядка окончания, круг полномочий должностных лиц в дореволюционный период.

Рассмотрены теоретические вопросы дознания, его процессуального порядка окончания в дореволюционный период и проведен анализ научной литературы по затронутой проблеме и научные дискуссии.

Ключевые слова: история уголовного судопроизводства, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, исторические этапы развития, формальное следствие, Русская Правда, Судебник Ивана III, Полное собрание законов Российской империи, Устав уголовного судопроизводства, полиция, судебный следователь и прокурор, мировой судья.

Введение

История уголовного судопроизводства России олицетворяет собой историю становления предварительного расследования. Слово «дознание» имеет исконно русские корни. В Толковом словаре русского

языка С.И. Ожегова «дознание» определено как «Предварительное административное расследование» [9, с. 147].

В толковом словаре юридических терминов под редакцией А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцына понятие «дознание» определено как самостоятельная форма

предварительного расследования, проводимая по небольшому кругу уголовных дел, которая существует параллельно с предварительным следствием [2, с. 101]

В своих трудах известный российский юрист, профессор Н.Н. Розин определил понятие «дознание» как первичные меры, принимаемые специально уполномоченными органами, для установления по горячим следам события преступления и предполагаемое лицо, его совершившее [11, с. 461]. Российский юрист А.А. Квачевский, принимавший участие в разработке Судебных уставов 1864 года, под дознанием понимал первоначальное производство, с целью собирания данных, для удостоверения, что известное событие является деянием, запрещенным законом под угрозой наказания и для установления виновника, его совершившего [3, с. 7].

По мнению известного ученого-процессуалиста О.В. Мичуриной дознание является формой предварительного расследования, выраженной в виде уголовно-процессуальной деятельности органа дознания по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно [8, с. 42].

Понятие «дознание» раскрыто в пункте 8 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и определено как форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно.

Рассматривая названных должностных лиц как участников уголовного судопроизводства, необходимо дать определение понятиям дознаватель и следователь.

Так, в соответствии с пунктом 7 статьи 5 УПК РФ дознаватель — это должностное лицо органа дознания, правомочное или уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

В соответствии с пунктом 41 статьи 5 УПК РФ, дано определение понятию следователь как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Из описанных определений мы можем выделить следующее, дознавателем может быть не только уполномоченное лицо, но и правомочное, а следователем может быть только уполномоченное лицо. Дознаватель не может осуществлять предварительное следствие, а следователь может осуществлять дознание, но не все следователи наделены такими процессуальными полномочиями. В соответствии с пунктом 7 части третьей ста-

тьи 151 УПК РФ дознание могут осуществлять следователи Следственного комитета Российской Федерации, и только в случаях, указанных в уголовно-процессуальном законе. В данном случае форма предварительного расследования, может быть, не изменена, и следователь Следственного комитета Российской Федерации будет руководствоваться положениями, по производству дознания, в связи с чем, следователь и был дополнительно указан в понятие дознания.

Изложенное позволяет сделать вывод, что дознание является одной из форм предварительного расследования, осуществляемая дознавателем органа дознания, а также следователем, в случаях, предусмотренных УПК РФ, по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно.

Материалы и методы исследований

В исследовании использован эмпирический метод: произведен анализ ранее действовавшего законодательства Древней Руси, Российской Империи, научной литературы.

Результаты и обсуждения

Говоря о становлении и развитии окончания дознания прежде всего нам необходимо определить их периоды (этапы), провести сравнительный анализ становления и развития дознания. Анализ развития дознания и его окончания позволяет выделить четыре этапа в истории Российского уголовного судопроизводства:

1. Дореволюционный;
2. Советский (с 1917–1960 гг.);
3. Период с 1961–2002 гг.;
4. Настоящее время (современный) с 01 июля 2002 года — вступление в силу действующего УПК РФ.

Некоторые ученые-процессуалисты выделяют иные этапы развития дознания как формы предварительного расследования. Например, А.Е. Лодкин, исследуя становление и развитие дознания, следующим образом определил этапы развития:

1. Дореволюционный этап;
2. Советский этап — с 1917 года до вступления в действие УПК РСФСР 1960 года;
3. Переходный период от советского к современному — с 1961 по 2002 годы;
4. Современный этап — с момента введения в действие УПК РФ 2001 года (с 1 июля 2002 года) по настоящее время [6, с. 30].

По мнению кандидата юридических наук, доцента М.М. Кузембаевой становление дознания имеет следующие этапы:

1. Дореволюционный (1864–1917 гг.);
2. Послереволюционный и советский (1917–1958 гг.);
3. Поздний советский и постсоветский (1958–2001 гг.);
4. Современный (с 2001 г. по настоящее время).

На указанных этапах развития из отдельного направления деятельности дознание постепенно эволюционировало в самостоятельную форму расследования [4, с. 6–7].

По мнению О.В. Мичуриной дознание, как форма предварительного расследования развивалось в семь этапов, которые соответствуют трем историческим периодам:

1. Дореволюционный период Российской империи (до октября 1917 г.), состоящий из двух этапов: первый–зарождение дознания (XIV–XVII вв. до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) и второй–развития дознания (от принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. До октября 1917 г.);
2. Советский период (период СССР с октября 1917 г. по конец 1991 г.), состоящий из трех этапов: третий этап (с 1917 г. по 1922 г.), четвертый (от принятия УПК РСФСР 1922 г. до 1958 г.), пятый (с момента принятия Основ уголовного судопроизводства союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. до конца 1991 г.);
3. Постсоветский период (с октября 1991 г. по настоящее время), состоящий из двух этапов: шестой этап (ранний постсоветский — с момента разработки Концепции судебной реформы в Российской Федерации до 2001 г.), седьмой этап (новейший — с принятием УПК 2001 г. до настоящего времени) [8, с. 40–44].

Анализ дознания как формы предварительного расследования начинается с самого первого свода законов древней Руси — Русской Правды. Начинать исследовать данный вопрос необходимо с Русской Правды, так как именно в тот период начинается становление древней Руси как правового государства. Зарождение уголовного судопроизводства происходило в те годы, когда борьба с преступностью перестает быть делом общины, его производством начинают заниматься специально наследные люди. На Руси функция охраны правопорядка выполнялась дружиной князя. В дальнейшем при развитии Руси как правового государства функцию охраны правопорядка реализовывали наместники, посадники, старосты и т.д.

Однако особое место занимали «вирники» или «емлющий», в древней Руси представитель княжеской администрации, занимался сбором судебных пошлин и штрафов, то есть лицо, взыскивающее виру. У вирника был

помощник-метельщик. Вирники производили следствие и суд об убийстве на месте, а также виру-уголовную пеню на жителей, на земле которых было установлено убийство [1, С. LXXIII].

В то время не существовало четкого разграничения между уголовными и уголовно-процессуальными нормами. Нормы, регулирующие процессуальный порядок предварительного расследования и судебного разбирательства были слиты.

В Древней Руси не было специальных органов предварительного расследования, поэтому расследование преступлений возлагалось на членов общины. Первое упоминание о расследовании (следствии) отражено в ст. 77 (Пространной редакции «Русской Правды») о «гонении следа» — преследовании, о розыске вора вне пределов общины. Гонением следа занимались потерпевшие, их родственники, члены общины, добровольцы. Община должна была принимать участие в гонении следа, иначе возникали сомнения в достоверности этого гонения.

С принятием Судебника в сентябре 1497 года или Судебник Ивана III — свод законов Русского государства дела начинались не только по иску частного лица, но и по обвинению, которое производили доводчики (доводники). Каждое наместничество и волостельство делилось на станы, за которыми были закреплены доводчики [5, с. 10]. Также функцию расследования выполняли недельщики, приставы.

В конце XV в начале XVI вв. для расследования преступлений из Москвы на места стали направляться «особые обыщики-расследователи» для сыска и поимки разбойников [13, с. 617].

Серьезные изменения в государственную систему России связаны с установлением абсолютной монархии и именем Петра I. Именно при нем создается регулярная полиция (1702 год), которая стала осуществлять свою деятельность самостоятельно на ровне со всеми государственными органами.

18 января 1721 года функции розыска и расследования краж были возложены на полицию. Следующие преобразования связаны с именем Екатерины II, где при ней были утверждены должности приставов уголовных и гражданских дел, что можно полагать началом производства предварительного расследования в полиции России.

Дальнейшее развитие предварительного расследования в России отражено в Полном собрании законов Российской империи, изданное в 1830 году. Именно там указано на необходимость разграничения следствия

на предварительное (дознание), и формальное. Предварительное следствие (дознание) представляло систему мер, направленных на собирание данных, свидетельствующих о возможности привлечения лица к обвинению, и служило средством для успешного формального следствия.

Таким образом, дознание проводилось с целью проверки поступившей жалобы и сводилось к разрешению вопроса о необходимости производства формального следствия или отказав удовлетворении жалобы.

В последующем указанные две формы следствия взяты за основу предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания и предварительного следствия.

Далее, развитие уголовного судопроизводства в России связано с проведенной судебной реформой второй половины XIX века и принятием 20 ноября 1864 года Устава уголовного судопроизводства, где дознанию посвящены статьи 250–261.

В своем диссертационном исследовании М.А. Маков указал, что с введением Устава уголовного судопроизводства уголовно-процессуальная функция разделена на 5 направлений:

1. Проведение дознания происшествий (проверок) — «когда признаки преступления или проступка сомнительны, или, когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или, вообще, из источника не вполне достоверного, то во всяком случае, прежде сообщение о том по принадлежности, она должна удостовериться через дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка» (статья 253 УУС);
2. Проведение дознания по преступлениям и проступкам, подлежащих ведомству мировых судей — «полицейские и другие административные власти сообщают мировому судье о тех обнаруженных ими, в круге их действия, проступках, которые подлежат преследованию без жалоб частных лиц» (статья 49 УУС), «в сообщениях мировому судье как письменных, так словесных, полицейские и другие административные власти должны указывать: 1) когда и где преступное действие совершено; 2) на кого падает подозрение и какие на то есть доказательства; 3) имеются ли в виду гражданский истец или свидетели; 4) место жительство всех означенных лиц» (статья 50 УУС), сюда же относятся проверки по поручениям мировых судей — «по усмотренным лично мировым судьею преступным действиям он может, если признает нужным, поручить полиции произвестить предварительное розыскование» (статья 52 УУС);

3. Проведение дознания (в виде неотложных следственных действий) по преступлениям и проступкам, подсудным окружным судам (производимых судебными следователями) — «в тех случаях, когда полициею застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также, когда до прибытия на место происшествия судебного следователя, следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, нетерпящих отлагательства, как то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям, полиция не делает, разве бы кто из них оказался тяжко больным и представилось бы опасение, что он умрет до приезда следователя» (статья 258 УУС), при этом «полиция соблюдает во всей точности правила, постановления для производства предварительного следствия» (статья 259 УУС);
4. Выполнение поручения судебного следователя и прокурора (статьи 483–484 УУС), а также мирового судьи — «осмотры, освидетельствования и обыски производятся или самим мировым судьею, или, по его поручению, чинами местной полиции» (статья 105 УУС);
5. Участие в разбирательстве дел у мирового судьи — «к разбирательству дел, начинаяемых по сообщениям должностных лиц, они, если не могут сами явиться, присылают вместо себя доверенные лица» (статья 64 УУС) [7, с. 32–34].

Из статей Устава уголовного судопроизводства следует, что дознание начиналось полицией не по всем сообщениям о преступлениях, а когда ни прокурора, ни следователя, нет на месте (статья 252 УУС), или нет уверенности в том, что имело место именно преступление, а не иное происшествие (статья 258 УУС). Надзор за дознанием осуществляла прокуратура, которая имела право прекратить дознание. Следователь в то время не мог прекратить дознание, если устанавливал отсутствие состава преступления. В данном случае в соответствии со статьей 309 УУС следователь обязан направить материалы дознания прокурору.

В соответствии со статьей 254 Устав уголовного судопроизводства регулировал формы и методы дознания, причем розыск выступал как составная часть дознания. А.А. Квачевский отмечал, что «дознание иногда называют розыском — это неточно». «В своем особенном значении розыск — составная часть дознания, в обширном смысле — один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления» [3, с. 5].

П.В. Макалинский подчеркивал: «Дознание и розыск употребляются часто в одном значении, но понятие о до-

знания обширнее понятия о розыске, последний представляет как бы часть первого, направленную на обнаружение чего-либо скрытого, не легко доступного, он предполагает быстроту действия и потому упоминается тогда, когда говорится о делах или обстоятельствах загадочных или важных, требующих особенной деятельности со стороны полиции» [14, с. 30].

Производство дознания и розыска, действиями по этому производству должны быть собраны все сведения, необходимые для разбирательства мирового судьи и предварительного следствия судебным следователем [3, с. 186].

В статье 250 Устава уголовного судопроизводства указано, что «Овсякомпроисшествии, заключающемся в себе признаки преступления или проступка, полиция немедленно и не позднее суток сообщает об этом судебному следователю и прокурору или его товарищу». Указанное требование о немедленном уведомлении следователя говорит о том, что судебный следователь при получении информации о совершенном преступлении по своему усмотрению может принять решение о производстве следствия минуя стадию дознания (статья 297 УУС).

Вместе с тем полиция сообщает о происшествии в указанный срок и прокурору или его товарищу. Цель этого предписания заключалась в том, чтобы прокурор был своевременно извещен о совершенном преступлении, из представленных сведений он (прокурор) может убедиться о необходимости требования производства следствия или провести полицейское разведывание. Ему открывается возможность наблюдать за действиями полиции и следователя на начальном этапе производства, а также управлять действиями полиции по дознанию и розыску.

Сведения по преступлениям и проступкам, подлежащим ведомству мировых судей, полиция передает им по принадлежности (статья 251 УУС).

В случае отсутствия на месте следователя, прокурора, полиция сообщала им о происшествии, содержащем признаки преступления, после чего производила дознание (статья 252 УУС). В данном случае условием для производства дознания являлось отсутствие судебного следователя, прокурора. Это условие необходимо для того, что если судебный следователь прибыл на место происшествия, с признаками преступления, то по его усмотрению будет зависеть начать предварительное следствие или же поручить полиции производить дознание

или собирание справок, а если на месте будет прокурор, то они управляют производством дознания, или его производят самостоятельно.

В статье 253 Устава уголовного судопроизводства указано, что когда признаки преступления сомнительны, или, когда о преступлении полиции становится известно по слуху или о недостоверных источниках, то полиция должна была проверить информацию через производства дознания.

В соответствии со статьей 254 Уставом уголовного судопроизводства дознание осуществлялось следующими способами:

расспросах;

негласное наблюдение.

По окончании дознания полиция передает собранные материалы судебному следователю и извещает об этом прокурора, однако до окончания дознания полиция наделена правом производства следственных действий, а именно: осмотр, освидетельствование, обыск и выемка.

В своих трудах А.Н. Ратьков определил дознание того периода как административную деятельность полиции и некоторых других субъектов по фактам, содержащим в себе признаки преступления или проступков. Эта деятельность предшествовала официальному расследованию, не носила процессуального, то есть регламентированного законом, гласного характера и служила лишь подспорьем для следователей, которые на основании собранных при дознании материалов должны были дать правовую оценку содеянному и при наличии в действиях признаков преступления приступить к официальному расследованию [10, с. 21].

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года законодательно закреплена такая форма предварительного расследования как дознание, при этом полномочия лиц, осуществляющих дознание, были сведены лишь к розыску, словесным расспросам, негласным наблюдениям и полномочия по расследованию не имели, а служили лишь средством обеспечения расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болховитинов Е.А. Историческое обозрение российского законоположения. Болховитинов Е.А. СПб: Типография Ивана Глазунова, 1826. С. LXXIII.
2. Головистикова А.Н. Толковый словарь юридических терминов / А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцина. — Москва: Эксмо, 2007. — 443 с.
3. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Ч. 2. — Санкт-Петербург, 1867.
4. Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: автореферат дис. канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.
5. Ланге Н.И. Древние русские смесные или вобчие суды [Текст] / сост. Николай Ланге. — Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1882. — 234 с.
6. Лодкин А.Е. Институт дознания в России: история и современность: учебное пособие / Лодкин А. Е. — Вологда: 2019. — 143 с. С 30.
7. Маков М.А. Организационно-правовые основы развития службы дознания в отечественных органах внутренних дел: 1802 г. — н/в: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01 / Маков Михаил Анатольевич. — Москва, 2014. — 227 с. С. 32–34.
8. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: диссертация доктора юридических наук: 12.00.09 / Мичурина Оксана Валерьевна. — Москва, 2008. — 581 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. — 17-е изд., стер. — Москва: Рус. яз., 1985. — 797 с.
10. Ратьков А.Н. Дознание: прошлое, настоящее, будущее: монография / А. Н. Ратьков. — Сочи: ИИЦ СИМБиП, 2009. — 250 с.
11. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям / [сочинение] Н.Н. Розина, ординарного профессора Императорского Петроградского университета. — 3-е пересмотренное изд. — Петроград: издание Юридического книжного склада «Право», 1916. 597 с.
12. Стельмах В.Ю. Дознание в Органах внутренних дел: учебное пособие / под редакцией д. ю. н., доцента В.Ю. Стельмаха. Москва. 2019. 536 с.
13. Черепнин Л.В. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV–XVII вв. Москва, 1956. С. 617.
14. Макалинский П.В. «Практическое руководство для судебных следователей». Изд. 6-е. СПб., 1907. С. 30.

© Иванов Антон Андреевич (ivanton1501@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЛАТФОРМЕННОЕ ПРАВО И МОДЕЛЬ СОУПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ ЭКОСИСТЕМАМИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

PLATFORM LAW AND THE CO-REGULATION MODEL OF DIGITAL ECOSYSTEMS: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE EUROPEAN UNION'S APPROACH

D. Isaev

Summary. The article presents a comprehensive study of the transformation of the European Union's regulatory paradigm in the context of digital age challenges. The relevance of the topic is determined by the rapid development of the «platform law» phenomenon and the need to develop adequate mechanisms for legal regulation of digital ecosystems. The study focuses on analyzing the evolution of the EU's approach from a policy of voluntary self-regulation to a model of «enlightened co-regulation» amid new technological challenges, including the proliferation of generative artificial intelligence and escalating cyber threats. The methodological basis of the research comprises comparative legal analysis, institutional approach, and case study method applied to examine the law enforcement practice under the Digital Services Act (DSA) and Digital Markets Act (DMA) Regulations during 2024–2025. The scientific novelty of the work lies in developing the concept of «algorithmic constitutionalism» as a new stage in the evolution of digital contractualism, as well as conducting a comprehensive analysis of the initial implementation results of the European «Digital Services Package2 in the context of countering risks generated by artificial intelligence. The research concludes that the EU is establishing a precedent-setting model of hybrid digital regulation based on the principle of «constructive rigidity», where public-law guarantees ensure the legitimacy of private rule-making in transnational digital space. The theoretical significance of the work is determined by its contribution to the development of the digital public law doctrine, while its practical value lies in identifying optimal ways to balance private and public interests in the digital environment.

Keywords: platform law, digital regulation, co-regulation, European Union, DSA, DMA, algorithmic constitutionalism, generative artificial intelligence, meta-regulation, digital public goods, cyber resilience.

Введение

Развитие глобальных цифровых экосистем бросает вызов традиционным парадигмам права и государственного суверенитета. В XXI веке нормативность перестала быть монополией государства: частные кор-

Исаев Давид Шахларович
Начальник юридического отдела ООО «Стройкапитал»;
Аспирант, Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
d.isaev_lawyer@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование трансформации регуляторной парадигмы Европейского Союза в контексте вызовов цифровой эпохи. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием феномена «платформенного права» и необходимостью разработки адекватных механизмов правового регулирования цифровых экосистем. В центре внимания находится анализ эволюции подхода ЕС от политики добровольного саморегулирования к модели «просвещенного соуправления» (англ. enlightened co-regulation) в условиях новых технологических вызовов, включая распространение генеративного искусственного интеллекта и усиления киберугроз. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, институциональный подход и метод case study, применяемые для изучения правоприменительной практики в рамках Регламентов о цифровых услугах (DSA) и цифровых рынках (DMA) в период 2024–2025 годов. Научная новизна работы заключается в разработке концепции «алгоритмического конституционализма» как новой стадии эволюции цифрового контрактуализма, а также в проведении комплексного анализа первых результатов имплементации европейского «пакета о цифровых услугах» в контексте противодействия рискам, порождаемым искусственным интеллектом. В результате исследования сформулирован вывод о становлении в ЕС прецедентной модели гибридного цифрового регулирования, основанной на принципе «конструктивной жесткости», где публично-правовые гарантии обеспечивают легитимность частного нормотворчества в транснациональном цифровом пространстве. Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие доктрины цифрового публичного права, а практическая ценность — выявлением оптимальных путей балансировки частных и публичных интересов в цифровой среде.

Ключевые слова: платформенное право, цифровое регулирование, соуправление, Европейский Союз, DSA, DMA, алгоритмический конституционализм, генеративный искусственный интеллект, метарегулирование, цифровые публичные блага, киберустойчивость.

поративные правила, алгоритмы и пользовательские соглашения крупнейших IT-компаний де-факто регулируют поведение миллиардов пользователей, формируя транснациональные нормативные порядки. Этот феномен, обозначаемый в литературе как «платформенное право» (англ. platform law), характеризуется отсутствием

территориальных границ и механизмов демократической легитимации, что порождает парадокс — корпоративные акты приобретают силу публичных норм, оставаясь вне традиционного правового контроля [4].

Европейский Союз, являясь одним из мировых регуляторных лидеров, предложил на данный вызов сложный и многоуровневый ответ. Вместо пути тотального государственного контроля или, напротив, полного невмешательства (как в ранней модели США), ЕС избрал стратегию «просвещенного соуправления» (англ. enlightened co-regulation). Данная модель представляет собой симбиоз жесткого публичного регулирования, дающего цели и рамки, и гибких механизмов частного самоуправления, отвечающих за их операционную реализацию [5].

Актуальность данного исследования усиливается новыми технологическими вызовами, возникшими в 2024–2025 гг., в частности, стремительным развитием генеративного искусственного интеллекта и эскалацией гибридных угроз в киберпространстве. Эти вызовы обуславливают необходимость переосмыслиения существующих регуляторных подходов и требуют разработки новых теоретико-правовых конструкций.

Целью настоящего исследования является теоретико-правовое осмысливание феномена «платформенного права» и анализ его трансформации в правовом поле Европейского Союза через призму модели соуправления. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. раскрыть теоретико-правовое содержание концепций «платформенного конституционализма» и «цифрового контрактуализма» в их эволюции к «алгоритмическому конституционализму»;
2. проследить эволюцию подхода ЕС от добровольного саморегулирования к гибридной модели в контексте противодействия новым технологическим вызовам;
3. проанализировать ключевые элементы модели соуправления на примере Регламентов о цифровых услугах (DSA) и цифровых рынках (DMA), включая первые результаты их имплементации в 2024–2025 гг.;
4. выявить преимущества и ограничения данной модели в обеспечении подотчетности цифровых платформ в условиях рисков, порождаемых генеративным ИИ.

Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении европейского регулирования как целостной философско-правовой модели, направленной не на подавление саморегулирования, а на его «цивилизацию» и интеграцию в публично-правовое поле с учетом новейших технологических вызовов. В работе развивается концепция «цифрового публичного

права» и вводится понятие «конструктивной жесткости» европейского подхода.

Методологическую основу составляют сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить эволюцию регуляторных подходов, институциональный анализ, применяемый для изучения новых органов цифрового надзора, а также формально-юридический анализ текстов нормативных актов ЕС.

Теоретико-правовые основы платформенного права и эволюция подхода ЕС

Современные цифровые платформы выходят далеко за рамки экономических акторов, превращаясь в «частных регуляторов» своих экосистем [4]. Их корпоративные нормы — Правила сообщества (англ. Community Standards), алгоритмы модерации, пользовательские соглашения — образуют то, что можно обозначить как «Lex Digitalis» — новую совокупность цифровых правил, формирующихся вне национальных юрисдикций.

Данный феномен осмысливается в науке через две ключевые концепции. «Платформенный конституционализм» [19] предполагает, что крупные платформы создают собственные «квазиконституции», которые регулируют фундаментальные вопросы свободы слова, приватности и прав пользователей, используя для этого алгоритмические инструменты и армии модераторов. «Цифровой контрактуализм» [7, 19], в свою очередь, рассматривает пользовательские соглашения как форму частноправового договора, который, однако, приобретает публично-правовое значение, размывая границы между частным и публичным правом.

В 2024–2025 гг. данные концепции получили развитие в концепции «алгоритмического конституционализма», который акцентирует, что основным источником регуляции становится уже не текст соглашений, а функционирование алгоритмов — рекомендательные системы, ранжирование контента, системы автоматизированного принятия решений, формирующие новую цифровую нормативную реальность [21].

Исторически ЕС в 2000-х — начале 2010-х годов сделал ставку на добровольное саморегулирование и отраслевые инициативы, стремясь не препятствовать инновациям [3]. Однако усиление рыночной концентрации, системные риски, связанные с распространением дезинформации и нарушением прав пользователей, продемонстрировали недостаточность исключительно добровольных мер. Это побудило ЕС совершить переход к стратегии метарегулирования — подходу, при котором публичная власть задает рамки и цели, а частные акторы разрабатывают конкретные механизмы их достижения, находясь под постоянным надзором [16].

Новые технологические вызовы придали дополнительный импульс этому переходу:

1. генеративный ИИ и синтетический контент — массовое распространение Deepfakes, AI-генерация мошеннического контента и автоматизация дезинформации создали новые системные риски, требующие регуляторного ответа [17];
2. кибербезопасность и гибридные угрозы — эскалация кибератак на критическую инфраструктуру и использование платформ для гибридных войн обусловили необходимость усиления киберустойчивости цифровых экосистем [14].

Ключевыми вехами на этом пути стали:

1. Общий регламент по защите данных (GDPR, 2018), который, в частности, в ст. 40 поощрял разработку отраслевых кодексов поведения;
2. Кодекс поведения по борьбе с разжиганием ненависти в интернете (2016) — первое крупное соглашение между Еврокомиссией и платформами о добровольном удалении незаконного контента в течение 24 часов [13];
3. Кодекс практики по борьбе с дезинформацией (2018, 2022), ознаменовавший переход к более обязывающим формам сотрудничества [12].

Важным катализатором для перехода ЕС к наднациональному регулированию стало принятие в 2017 году германского Закона об обеспечении правоприменения в сетях (NetzDG). Данный национальный акт, устанавливающий для платформ строгие 24-часовые сроки удаления противоправного контента под угрозой многомиллионных штрафов [8], продемонстрировал два ключевых риска: во-первых, потенциальную фрагментацию цифрового единого рынка ЕС из-за появления несогласованных национальных правил, и, во-вторых, готовность государств-членов к жесткому администрированию цифрового пространства в отсутствие общих стандартов. Таким образом, NetzDG выступил своего рода «предвестником» и одновременно стимулом для разработки DSA, который, воврав в себя некоторые принципы немецкого закона (как, например, обязательность и срочность исполнения предписаний), перенес их на наднациональный уровень в более сбалансированном виде, дополнив механизмами защиты прав пользователей и системного управления рисками [18].

Апофеозом этой эволюции стало принятие в 2022 году «пакета о цифровых услугах» (англ. Digital Services Package), ядро которого составили Регламенты DSA и DMA, закрепившие гибридную модель соуправления в качестве основной для цифрового пространства ЕС.

Модель «просвещенного соуправления» в Регламентах DSA и DMA.

Модель, реализуемая ЕС, основана на принципе «ответственного цифрового суверенитета», который предполагает, что гибкость частного управления может быть сохранена только при условии его подчинения легитимности и подотчетности публичного права [15]. DSA и DMA выступают двумя столпами этой модели.

1. Регламент о цифровых услугах (DSA): управление контентом и системными рисками.

DSA [9] создает горизонтальную, основанную на принципе пропорциональности, систему регулирования. Его ключевые инновации в контексте соуправления заключаются в следующем:

- Обязательства по управлению системными рисками.

Крупнейшие платформы (VLOPs) обязаны проводить ежегодную оценку системных рисков, связанных с распространением незаконного контента, нарушением фундаментальных прав и манипулятивными практиками, и принимать адекватные меры по их смягчению [9]. Это переводит саморегулирование из реактивной в проактивную фазу, заставляя платформы действовать как ответственные управляющие системными процессами.

- Стимулирование разработки кодексов поведения и кризисных протоколов.

Еврокомиссия напрямую поощряет создание и внедрение отраслевых кодексов на основе DSA, которые, пройдя процедуру одобрения, становятся элементом правоприменительной практики. В условиях кризиса (например, пандемии или конфликта) Комиссия может инициировать принятие кризисных протоколов, обязывающих платформы к скоординированному действию [9].

- Многоуровневая система надзора.

Наднациональный уровень (Еврокомиссия) курирует VLOPs, в то время как национальные уровни (координаторы цифровых услуг) контролируют прочие платформы. При этом независимая Группа европейских регуляторов аудиовизуальных услуг (ERGA) и советы по надзору за платформами выполняют консультативные и аналитические функции, обеспечивая участие экспертного сообщества [11].

Первые годы применения DSA выявили ряд значимых тенденций. В 2024 году Еврокомиссия инициировала расследования в отношении нескольких VLOPs, включая X (бывший Twitter), за недостаточную эффективность в противодействии дезинформации и незаконному контенту [19]. Особое внимание уделялось готовности платформ противостоять рискам, связанным с избира-

тельными процессами в ходе выборов в Европейский парламент. Это продемонстрировало практическую реализацию заложенного в DSA риск-ориентированного подхода.

2. Регламент о цифровых рынках (DMA): соуправление для обеспечения конкуренции.

DMA [10] вводит концепцию «контролеров доступа» (англ. gatekeepers) — системно значимых платформ, к которым применяется превентивный список запретов и предписаний. Роль соуправления здесь иная:

- Диалог в процессе назначения.

Комиссия не назначает контролеров доступа в одностороннем порядке, но ведет диалог с компаниями, которые могут оспаривать этот статус, представляя доводы и доказательства.

- Отсроченное правоприменение и комплаенс-диалог.

После признания компании контролером доступа у нее есть 6 месяцев на внедрение необходимых мер. В этот период возможен диалог с Комиссией для уточнения способов выполнения обязательств, что позволяет учитывать технические особенности платформ.

- Интероперабельность и стандарты.

Требования DMA по обеспечению интероперабельности мессенджеров и переносимости данных стимулируют платформы к совместной разработке технических стандартов, что является формой отраслевого саморегулирования, инициированного сверху.

В 2024 году Еврокомиссия назначила шесть компаний контролерами доступа: Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta и Microsoft. Уже в первые месяцы 2025 года были запущены несколько расследований о возможных нарушениях DMA, в частности, в отношении Apple касательно ограничений для альтернативных магазинов приложений и в отношении Google concerning предпочтительного положения собственных сервисов в результатах поиска [19]. Это демонстрирует строгое правоприменение новых правил.

Проведенный анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны европейского подхода.

Потенциальные преимущества:

1. сбалансированность — сочетает гибкость и технологическую экспертизу частного сектора с демократической легитимностью и защитой общественных интересов со стороны публичной власти [15];

2. эффективность — позволяет быстрее адаптироваться к технологическим изменениям по сравнению с чисто законодательными методами [16];
3. культура проактивного соответствия — стимулирует платформы к внедрению механизмов управления рисками до прямого вмешательства регулятора, что снижает общие издержки регулирования [20].

Ключевые ограничения и риски:

1. сложность и ресурсоемкость надзора — создание и координация работы многоуровневой системы регуляторов (Комиссия, национальные координаторы, ERGA) требуют значительных административных ресурсов и высокой квалификации персонала [11];
2. риск «захвата регулятора» — постоянный тесный диалог между регуляторами и крупными корпорациями создает почву для лоббирования и оказания влияния на процесс принятия решений [5];
3. непоследовательность применения — несмотря на гармонизацию, сохраняется риск различий в трактовке и применении норм DSA на национальном уровне, что может привести к фрагментации единого цифрового рынка [6].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Европейский Союз предложил миру наиболее сложную и проработанную на сегодняшний день модель реагирования на вызовы «платформенного права». Эволюционировав от политики поощрения добровольных инициатив к стратегии «просвещенного соуправления», ЕС создал прецедент легитимации частного нормотворчества через его интеграцию в систему публично-правовых гарантий.

Регламенты DSA и DMA не отменяют саморегулирование, а переводят его на качественно новый уровень, делая его подотчетным, прозрачным и сориентированным на снижение системных рисков. Эта модель, несмотря на свои сложности и потенциальные изъяны, представляет собой практическую реализацию формирующейся парадигмы цифрового публичного права, в котором государство и частные субъекты выступают не как антагонисты, а как партнеры, несущие совместную ответственность за сохранение демократических ценностей и прав человека в цифровую эпоху.

Перспективы дальнейших исследований видятся в анализе правоприменительной практики в рамках DSA и DMA, а также в сравнительном изучении данной модели с подходами других юрисдикций, что позволит оценить ее эффективность и потенциал для возможной глобальной гармонизации стандартов цифрового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abbott, K.W., & Snidal, D. (2009). *The Governance Triangle: Regulatory Standards Institutions and the Shadow of the State*. Oxford University Press.
2. Belli, L., & Venturini, J. (2016). Private ordering and the rise of terms of service as cyber-regulation. *Internet Policy Review*, 5(4).
3. Van Dijck, J., Poell, T., & De Waal, M. (2018). *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford University Press.
4. Gawer A. (2022) Digital Platforms and Ecosystems: Remarks on the Dominant Organizational Forms of the Digital Age. *Innovation*, vol. 24, issue 1, pp. 110–24.
5. Gorwa, R. (2019). The platform governance triangle: Conceptualising the informal regulation of online content. *Internet Policy Review*, 8(2).
6. Gorwa, R. (2019). What is platform governance? *Information, Communication & Society*.
7. Gillespie, T. (2018). *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions that Shape Social Media*. Yale University Press.
8. Доронин П.А., Ларионова М.В. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2.
9. Европейская комиссия (2022). Digital Services Act. Official Journal of the EU, L 277/1.
10. Европейская комиссия (2022). Digital Markets Act. Official Journal of the EU, L 265/1.
11. ERGA (2023). Report on the Implementation of the DSA: Supervisory Mechanisms and Best Practices.
12. European Commission (2022). Code of Practice on Disinformation. Brussels.
13. European Commission (2016). Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online. Brussels.
14. ENISA (2025). Threat Landscape for Digital Platforms 2024–2025. European Union Agency for Cybersecurity.
15. Helberger, N., Pierson, J., & Poell, T. (2018). Governing online platforms: From contested to cooperative responsibility. *The Information Society*, 34(1), 1–14.
16. Marsden, C. (2011). *Internet Co-Regulation: European Law, Regulatory Governance and Legitimacy in Cyberspace*. Cambridge University Press.
17. OECD (2025). AI and the Future of Digital Platform Regulation. OECD Digital Economy Papers, No. 315.
18. Roberts, S. T. (2019). *Behind the Screen: Content Moderation in the Shadows of Social Media*. Yale University Press.
19. Suzor, N. (2019). *Lawless: The Secret Rules That Govern Our Digital Lives*. Cambridge University Press.
20. Шелепов А.В., Оценка роли цифровых платформ и экосистем в экономическом развитии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. №3.
21. Yeung, K. (2024). The New Algorithmic Governance: A Research Agenda. *Journal of Law and Society*, 51(1), 1–25.

© Исаев Давид Шахларович (d.isaev_lawyer@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСМОТРЕНИЕ В СФЕРЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ (ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫНЕСЕНИЯ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕУРЕГУЛИРОВАННОСТИ)

DISCRETION IN TAXES AND FEES (SPECIFIC ISSUES OF DECISION- MAKING IN CONTEXTS OF LEGAL UNSETTLEDNESS)

M. Kobzar-Frolova

Summary. This article addresses the topical issue of making and issuing decisions through discretion (using tax legal relations as an example) in contexts where the legal relations are not regulated by a legal norm. The author's definition of «discretion» is presented. Examples of tax authority decisions through discretion are provided. The position of higher courts on the actions of tax authorities through discretion is presented. Corresponding conclusions are drawn. It is recognized that judicial review is of primary importance in matters of establishing the legality of taxes and fees.

Keywords: discretion, tax legal relations, tax disputes, conflicts, taxpayer, tax benefit, good faith, regulation, legality, tax control.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна
доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник, сектор административного права
и административного процесса,
ФГБУН Институт государства и права РАН,
Margokfmn@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме — принятия и вынесения решения в порядке усмотрения (на примере налоговых правоотношений) в условиях, когда правоотношения не урегулированы правовой нормой. Дано авторское понятие «усмотрение». Приведены примеры принятия и вынесение решения налоговым органом в порядке усмотрения. Даны позиция судов высших инстанций на действия налоговых органов в порядке усмотрения. Сделаны соответствующие выводы. Признано, что судебный контроль имеет ведущее значение в вопросах установления законности в сфере налогов и сборов.

Ключевые слова: усмотрение, налоговые правоотношения, налоговые споры, конфликты, налогоплательщик, налоговая выгода, добросовестность, регулирование, законность, налоговый контроль.

Введение

Тема усмотрения не новая для российской юридической науки и правоприменительной практики. Анализируя суть проблематики, приходится констатировать, что тема если не вечная, то явная долгожительница. И это возможно объяснить следующим. Право — есть регулятор общественных отношений. Правовыми нормами регулируется тот круг общественных отношений, который объективно уже возник и нуждается в наличии определенных правил, в силу которых эти отношения будут упорядоченно развиваться, не приводя к конфликту сторон. Весьма сложно выдумать, «назначить» круг общественных отношений. Как раз некоторым исключением выступают, пожалуй, налоговые правоотношения: когда государство вводит новый налог и устанавливает правила, в силу которых налог будет исчисляться и взиматься. И, тем не менее, в большинстве случаев, законодательно регулируется только сложившиеся в социуме отношения. В этой связи, становится совершенно очевидно, почему законодатель зачастую «отстает», как говорят «играет в догонялки» со сложившимися отношениями, которым нужно придать упорядоченность. В налоговых правоотношениях есть очевидный выгодоприобретатель (бенефициар) — госу-

дарство и органы местного самоуправления. В этой связи правила, которые устанавливаются для целей уплаты налогов и сборов ориентированы на интересы государства и интересы и органов местного самоуправления. Данные правила носят исключительно императивный характер. У налогоплательщика нет выбора, он не может вступать в дискуссию, требуя изменить лично для себя порядок действия правил, он обязан их исполнять. Нередки случаи, когда правила в сфере налогов и сборов еще не сложились, а конфликт между государством и налогоплательщиком уже возник. В этом случае орган, уполномоченный сфере налогов и сборов, соблюдая интересы государства, стремясь не допустить злоупотребления и факты недобросовестного использования права, вынужден действовать по усмотрению. То есть налоговые органы не имеют право бездействовать и ждать утверждения правил. Они обязаны производить налоговый контроль и выявлять факты недобросовестного поведения налогоплательщика, пусть даже формально последний не нарушил никаких норм (потому что их просто нет — нет, например, запрета, обязанности и проч.) Насколько это законно? — попробуем разобраться.

Тема усмотрения в деятельности органов исполнительной власти поднималась еще в 30–40-е годы Со-

ветской власти в работах российских ученых-административистов, создателей академической школы науки административного права. А.Е. Лунев, С.С. Студеникин и Ц.А. Ямпольская, рассматривая сущность данной проблемы, сумели отстоять сложившееся предубеждение о том, что административное усмотрение не является тождественным произволу [21]. С.С. Студеникин, разрабатывая вопросы принципов правовой нормы, и останавливаясь на проблеме законности в деятельности органов исполнительной власти, пришел к выводу сущность ее заключается, в выяснении конкретной возможности судебной или административно-юрисдикционной проверки дисcretionного элемента, содержащегося в вынесенном акте органа публичной власти.

Б.М. Лазарев отмечая, что к вопросам административного усмотрения в советское время наблюдалось настороженное отношение. Его наличие либо отрицалось, либо трактовалось как определенная свобода проявления самостоятельности в рамках законности [20].

Как уже было отмечено, тема административного усмотрения остается актуальной и привлекает внимание ученых всей России [12; 15; 21–24; 26]. В сфере налогов и сборов проблематика усмотрения особенно актуальна. Обсуждение вопросов усмотрения важно не только в целях соблюдения законности, но и обеспечения публичных и частных интересов при принятии и вынесении решений, которые часто приводят к конфликтам.

Постановка проблемы

Вопросы дисcretionии в налоговых отношениях рассматриваются в печати и на научных площадках преимущественно с позиции налоговых споров (возникающих конфликтов), когда речь идет об оспаривании действий (бездействия) налоговых органов и их должностных лиц.

Отдельные ученые твердо убеждены, что в финансовых отношениях нет и не может быть отношений административного дисcretionии, поскольку финансовая деятельность регулируется нормами финансового, а не административного права. Так, О.Н. Горбунова высказалаась о недопустимости административного регулирования в сфере финансов. Она пишет: если «регулировать финансовую деятельность государства ... с помощью норм административного права ... немедленно появится усмотрение и волюнтаризм». [13, с. 87]. С.В. Запольский не поддерживая позицию О.Н. Горбуновой утверждает, что фискальная деятельность государства состоит из двух составляющих: законодательной политики, формирования системы налоговых органов, установления юридического порядка взимания налогов и вторая, — организационная (управленческая), урегулированная нормами как финансового так и административного права (например, налоговый контроль, регистрация

и учет, разрешение споров и проч). применение налоговых санкций и проч. [14, С. 287]

С.А. Старостин выразил мнение, что в административном усмотрении имеют место определенные конституционные начала [25]. Объективно, налоговые правоотношения вытекают из норм российской Конституции, например, принцип обязательности уплаты установленных налогов и сборов (статья 57) [1]. Нормы Конституции РФ нашли свое закрепление в Части первой НК РФ, например, нормы об исполнении обязанности по уплате налога, и сроках ее исполнения [4, ст. 45]. Если налогоплательщик не исполняет должным образом конституционную обязанность, он несет соответствующую ответственность.

Современная налоговая система получила свое оформление лишь в начале 80-х годов прошлого века. Она начала складываться в период, так называемой «перестройки», с принятия закона об индивидуальной трудовой деятельности [11]. В наши дни предпринимательство рассматривается как наиболее значимая движущая сила, позволяющая развивать экономику страны, создавать новые рабочие места, увеличивать занятость населения, участвовать в подъеме ВВП страны.

Налоговые отношения — в силу закона неравные, властные отношения, носящие императивный характер. Это закреплено в статье 2 НК РФ: «законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения ...» [4]. Данное понятие — «властные отношения», не только узаконило неравенство сторон в этой сфере, но и косвенно способствовало росту деликтности, выраженной в протесте (вызове) налогоплательщика. Налогоплательщик идет на конфликт, не желания слепо подчиняться, он стремится найти пути, позволяющие обходить закон, не платить налоги. Наиболее подготовленные налогоплательщики разрабатывают схемы, позволяющие формально не нарушая закон, изыскивать пути для уменьшения сумм начислений, либо сведение налогового бремени на «нет». Инженерные и IT-технологии XXI века позволяют им удачно использовать пробелы законодательства.

Разумеется, что налоговые органы тоже развивают цифровые платформы, наращивают потенциал баз данных о налогоплательщиках, совершенствуют процесс обмена информационными ресурсами между органами, осуществляющими регистрационные, учетные и иные действия, контролирующими и иными органами публичной власти, активно используют методы анализа, синтеза, сопоставления и проч. Это позволяет выявлять отдельные финансовые схемы, которые можно было бы квалифицировать как девиантные отклонения, но в отсутствие прямых запретов, возникают проблемы с доказыванием посягательства, злоупотреблением правом и проч.

Ускоряющийся прогресс не позволяет законодателю оперативно реагировать и вносить соответствующие изменения в НК РФ, пресекая попытки ухода от уплаты налога, вводить нормы, устанавливающие запреты, ограничения, либо иным образом регулировать проблемный круг отношений в сфере налогов и сборов. Тут еще надо отметить, что предложения законодателю о правовом регулировании проблемного круга отношений может дать только налоговый орган, как субъект, который ежедневно контролирует, выявляет и устанавливает факты девиантного поведения налогоплательщика. Механизм запрета должен быть выверен настолько, чтобы не допустить образования нового конфликта, а норма понятной и не допускающей иного толкования, а признаки девиантности должны быть четко определены. На это нужно время, порой много времени. Все это зачастую не позволяет законодателю действовать на опережение и нормативно пресекать действия, направленные на использование финансовых и иных схем. Закон (вернее, существующие пробелы в законе) выступает сдерживающим для контролирующего органа фактором, не позволяющим доначислить налог и привлечь налогоплательщика к ответственности. В этих условиях налоговый орган зачастую действует и принимает решение в порядке усмотрения.

Усмотрение в налоговых отношениях

Прежде чем перейти к сути проблемы, представляется необходимым обозначить авторскую позицию на понятие «усмотрение». Усмотрение в налоговых юридических отношениях, в том числе в конфликтах по налоговым спорам есть правовое отношение, в основе которого лежит вынесенный уполномоченным органом публичной власти (должностным лицом) подзаконный, ненормативный акт, который имеет своим назначением юридическое разрешение дела, но является оспоримым в силу того, что основания (или) порядок его издания не урегулированы правовыми нормами с достаточной полнотой или конкретностью (законом, Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ), налоговым кодексом субъекта Российской Федерации).

В какой-то степени усмотрение — есть свобода принятия и вынесения уполномоченным органом публичной власти (должностным лицом) — налоговым органом подзаконного, ненормативного характера акта.

Раскрывая данный тезис нужно сказать о предназначении налогового органа. Это орган публичной власти, на который возложена функция осуществлять контроль и надзор за деятельностью налогоплательщиков [10] (основная задача). С этой целью он осуществляет регистрацию, учет налогоплательщиков, проводит проверки, мониторинг и проч. Налоговый орган, прежде всего бенефициар государства в сфере налогов и сборов. Он

представлять интересы государства в части исполнения доходной части бюджета.

Ежедневно осуществляя мероприятия налогового контроля, должностные лица (налоговые инспекторы) опираются на процессуальные нормы НК РФ о порядке проведения и оформления результатов налогового контроля и пользуются внутренними инструкциями, (как правило, для служебного пользования). Так, при вынесении решений, направленных на пресечение финансовых схем налоговые органы, используют положения нормы ст. 54.1 НК РФ, ч. 1 где сказано: любое действие налогоплательщика, направленное на уменьшение налоговой базы и (или) суммы налога, и/или искажение сведений о хозяйственной деятельности, об объекте налогообложения и прочее признаются недопустимыми [4].

Обобщая практику налоговых органов с применением статьи 54.1 НК РФ, можно прийти к выводу, что у налогового инспектора могут возникнуть основания для признания налогоплательщика недобросовестным в случаях:

- если налогоплательщик ранее привлекался к налоговой ответственности;
- зарегистрировался незадолго до совершения хозяйственной сделки;
- сделка совершалась не по месту нахождения налогоплательщика;
- сделки носят разовый, неритмичные характер;
- финансовые операции проходили через один банк;
- прослеживается цепь транзитных платежей или расчетов между участниками взаимосвязанных хозяйственных операций;
- выявлены иные обстоятельства, указывающие на действие взаимозависимых лиц;
- к сделке привлечены посредники.

Анализируя перечисленное уместно заметить, что шесть первых оснований, сами по себе не могут выступать признаком противоправности, о чем предостерег суды Пленум ВАС №53 [6, п. 6].

Обязанностью налоговых органов является собрать доказательства состава нарушения (признаков) с указанием обстоятельств недобросовестности налогоплательщика [6–8; 17–19]. Вот тут возникает несколько проблемных моментов. Первое. Законодательство о налогах и сборах не конкретизирует в чем разница между незаконным уменьшением налогооблагаемой базы и оптимизацией деятельности. В отсутствии данной законодательной позиции, налоговый орган любую оптимизацию рассматривает как недобросовестное действие. НК РФ не содержит и такие понятия (которые, к слову сказать, широко применяются в судебной правоприменительной практике) «разумность действий», «доброповестность».

Данные понятия закреплены в части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, п. 5, ст. 10] (далее — ГК РФ), и распространяют свое действие на участников предпринимательских отношений. Нормы гражданского законодательства действуют в налоговых правоотношениях в той мере, в которой отношения не урегулированы нормами НК РФ [ст. 11]. Исходя из смысла нормы ст. 10 ГК РФ, добросовестным следует признавать такое действие (поведение) налогоплательщика, которое ожидает от него налоговый орган как орган публичной власти, представляющий интересы государства. При этом, налогоплательщик не уклоняется, и не препятствует налоговому органу в проведении мероприятий налогового контроля.

Таким образом, и добросовестность, и разумность в действиях предпринимателя — понятия априори законные. Эта законодательная «защита» имеется у налогоплательщика до тех пор, пока иное не будет доказано вступившим в законную силу решением суда. Пленум Верховного суда РФ № 53 [6], еще в 2006 году в вопросе выразился в пользу бизнеса. Решение ВС РФ было направлено на создание единообразной судебной практики при оценке арбитражными судами доказательств по налоговым спорам. ВС РФ сделал несколько рекомендаций: в частности, при разрешении налоговых споров исходить из презумпции добросовестности налогоплательщиков. Действия предпринимателей, ориентированные на минимизацию расходов — определены как разумные. Вести бизнес разумно — значит минимизировать свои расходы, эффективно, экономно, использовать свои ресурсы. По сути — это есть основа выживаемости и конкурентоспособности для любого предпринимателя [19].

Второй проблемный момент. Законодатель закрепил в нормах НК РФ и не определил признаки и соотношение понятий «недобросовестность», «оптимизация», «незаконное уменьшение налоговой базы». В этой связи, налоговые органы, выходя за рамки закона, самостоятельно выделили ряд обстоятельств, являющихся основанием для признания налогоплательщика недобросовестным [7; 8; 12]. Эти обстоятельства нашли отражение в актах (письмах) Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной налоговой службы Российской Федерации. Отдельные из них уже получили разъяснение в актах судов высших инстанций. Среди таких обстоятельств: дробление бизнеса между несколькими налогоплательщиками, применяющими специальные налоговые режимы рассматривается ФНС в качестве основания признания налогоплательщика недобросовестным.

В 2021 году в связи с возникающими в работе территориальных налоговых органов проблемами по применению ст. 54.1 НК РФ ФНС России выпустило Письмо № БВ-4-7/3060@ [12]. В разделе VIII которого содержатся

рекомендации по доказыванию обстоятельств и квалификации деяний, выявленных при проведении мероприятий налогового контроля. Цель — обоснование доказательства позиции налоговых органов при разбирательстве дела в суде [12].

Данным актом ФНС России вводят рекомендации о порядке проведения мероприятий налогового контроля и выявления фактов незаконного уменьшения налоговой базы, тем самым, по сути, расширяя действие норм НК РФ. При выявлении схем «дробления бизнеса» налоговый орган доначисляет суммы налога, подлежащего уплате в бюджет. Однако, ФНС России не законодательный орган. Он не вправе принимать акты расширяющие действие основного закона (НК РФ). НК РФ не содержит такого запрета, как дробление бизнеса. Предприниматели вправе самостоятельно для себя выбирать формы осуществления предпринимательской деятельности и налоговый режим, в соответствии с правилами которого вести бизнес и платить налоги.

Законодатель регулируя отношения в рассматриваемой области закрепил конституционные гарантии налогоплательщику, плательщику сборов защиту их прав и законных интересов, включая административную и судебную. Налогоплательщики всемерно пользуются данными гарантиями и большинство налоговых конфликтов, в конечном итоге, рассматривается и разрешается в суде. Каждый участник процесса, должен доказать обстоятельства, на которые он ссылается (см. положения ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) [2]. То есть, законодательно для налоговых органов вменена обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для признания налогоплательщика недобросовестным и обоснование признаков состава нарушений законодательства о налогах и сборах и незаконного посягательства на финансовые интересы государства (органов местного самоуправления).

В начале 2000-х на сайте Федеральной налоговой службы была официально размещена информация о количестве налоговых споров по статьям НК РФ. Мною в диссертации на соискание ученой степени доктора наук по налоговой деликтологии [18, С. 460–485], была дана юридическая оценка квалификации деяний и степени обоснованности доказательств (см. Приложения). Надо сказать, что в 2008–2010 году из 100 % налоговых споров, рассматриваемых в судах до 97 % решений выносилось не в пользу налоговых органов. В настоящее время ФНС России не размещает на своем сайте (в открытом доступе) подобную информацию. Однако, ни совершенствование информационных технологий в налоговой сфере, ни мониторинг, ни введение системы рисков и проч не дают существенно положительных результатов. В отсутствие нормативного обоснования,

суды встают на сторону налогоплательщика (см. Обзоры правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации) [9].

Пленумом ВАС №53 признал комплекс действий налогоплательщика, направленный на извлечение налоговой выгоды априори законным. Налоговой выгодой признается уменьшение размера налоговой обязанности, включая: уменьшение налоговой базы, получение налогового вычета, налоговой льготы, применение более низкой налоговой ставки, а также получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета [6]. Данные действия не подлежат рассмотрению как противоречащие налоговой политике в случае, если налогоплательщик представил в налоговый орган надлежаще оформленные документы о своей деятельности, постановил Пленум ВАС.

В настоящее время, Суд рассматривая подобные конфликты, требует от налогового органа предоставления доказательств и осуществляет проверку законности решения налогового органа. В этой связи, контроль за принятием и вынесением актов усмотрения в сфере налогов и сборов с вышестоящего налогового органа был фактически переложен на судебную систему, увеличив нагрузку судов на рассмотрение подобных дел [7; 8].

Выводы

Усмотрение — объективная реальность человеческой жизнедеятельности. В том случае, когда нет сложившегося жизненного подхода, правила, правовой нормы, органы публичной власти (должностное лицо) действуют самостоятельно, то есть пользуются свободой принятия решения по усмотрению. Это вынужденная мера. Это не верно относить к проблематике беззакония, произвала и проч. В условиях информационных технологий это становится реальной действительностью. Поэтому изначально воспринимать усмотрение как нечто негативное, аморальное, противоправное было бы не верным.

В налоговых контрольно-надзорных отношениях, вынесение решения налогового органа в порядке дискреции (усмотрения) явление не редкое, но обоснованное самим предназначением налогового органа. Поскольку такое решение не имеет своим основанием законодательную норму, то действия налогового органа оспоримы, соответственно, акт налогового органа (решение) может быть признан в суде ничтожным.

Поскольку налоговые инспекторы действуют, опираясь на рекомендации ФНС России, следует усилить возможности полноценного судебного контроля за актами усмотрения налоговых органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации, 1993 с внесенными поправками от 14.03.2020 //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации// Собр.законодательства РФ, 2002, N 30, ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ// Собр. законодательства РФ, 1994, N 32, ст. 3301.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации, Часть 1//Собр. законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»// Вестник ВАС РФ, № 12, декабрь, 2006.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015
7. Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2018 № 308-КГ18-12753 по делу № А32-44581/2017//Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2021 № 309-ЭС20-17277.
9. Обзор правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых во втором квартале 2018 года по вопросам налогообложения// Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
10. Закон РФ от 21.03.1991 N 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2023)// Бюллетень нормативных актов, N 1, 1992.
11. Закон СССР от 19.11.1986 «Об индивидуальной трудовой деятельности»// Ведомости ВС СССР, 1986, N 47, ст. 964 (утратил силу)
12. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации»// Официальные документы, № 10, 16–22.03.2021 (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).
13. Бросалина А.А. Административное усмотрение: понятие и пределы реализации в деятельности органов исполнительной власти // Государственная служба. Т. 25. 2023. № 5. С. 6–14;
14. Горбунова О.Н. Избранное. М.: РГУП, 2017. 543с.
15. Запольский С.В.Теория финансового права. Научные очерки. М. Типогр. РГУП, 2010, С. 287.
16. Зырянов С.М. Пределы усмотрения в правоприменительной деятельности органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 72–77;
17. Кобзарь-Фролова М.Н. Концептуальные основы теории налоговой деликтологии: монография. М.: ВГНА, 2010 473с.
18. Кобзарь-Фролова М.Н. Теоретико-правовые и прикладные основы налоговой деликтологии: дисс... доктора юридических наук. Люберцы, 2011, 496 с.

19. Кобзарь-Фролова М.Н. Основания признания налогоплательщика и контрагента недобросовестными (отдельные вопросы теории и практики налогового контроля)// Вестник Нижегородского университета им. Н.Г.Лобачевского, №5, 2024, С. 122–129.
20. Лазарев Б.М. Гражданин и аппарат управления СССР: монография //отв. ред. Б.М.Лазарев. М.: Наука.1982, С. 24–27.
21. Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А. Социалистическая законность в советском государственном управлении / под общ. ред. С.С. Студеникина. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. 136 с.
22. Серков П.П., Соловей Ю.П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юридическое обозрение.2022. Т.19, №4. С.374–383.
23. Соловей Ю.П. Административное усмотрение (сравнительно-правовое исследование) // Формирование и развитие отраслей права в исторической и со- временной правовой реальности России. В 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права: моногр. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова; д-ра юрид. наук, проф. А.П. Шергина. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 407–454;
24. Старилов Ю.Н. Административное усмотрение — не «свое мнение», а правовое решение! (Старилов Ю.Н.) Административное право и процесс, 2024, N 12 (106), С. 3–13;
25. Старостин С.А. В продолжение дискуссии об административном усмотрении. Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 145–157.
26. Шерстбоев О.Н. Теория административного усмотрения: этапы формирования // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 2. С. 158–173 и др.

© Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (Margokfmn@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИП ФОРМАЛЬНОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОПАСНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

THE PRINCIPLE OF FORMAL (LEGAL)
TRUTH IN CIVIL PROCEEDINGS:
THE DANGERS OF LAW ENFORCEMENT
AND THE INTERNAL CONTRADICTION
OF LEGAL REGULATION

V. Kudriavtseva

Summary. This article continues to achieve the goal of researching the problems of deep contradiction between the principle of formal (judicial) truth and the goals of civil procedure. The subject of the research is the existing developments in the theory of civil procedural law, the empirical base consists of materials of law enforcement practice. The research was conducted using general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, analogy), as well as the method of historical comparison, the formal legal method. The problem is considered from the standpoint of a systematic approach. According to the results of the research, the author demonstrates the latent contradiction of the idea of formal (legal) truth to the fundamental provisions of civil procedure law, which can be used in the analysis of other recent reforms in the field of law. For the first time in the theory of civil procedure law, the question is raised about the contradiction of a single idea being introduced at the present stage of legal reform to a system of well-established basic provisions, which generates an internal logical inconsistency of the Russian legal system.

Keywords: objective truth, formal (judicial) truth, evaluation of evidence, equality of means of proof, principle of civil procedure law, principle of law.

Кудрявцева Вера Павловна

Кандидат юридических наук, доцент, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»
kvpo001@usla.ru

Аннотация. Настоящая статья продолжает достижение цели исследования проблематики глубокого противоречия принципа формальной (судебной) истины целям гражданского процесса. Предметом исследования выступают имеющиеся наработки в теории гражданского процессуального права, эмпирическую базу составляют материалы правоприменительной практики. Исследование проведено с помощью общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, аналогия), а также метода исторического сравнения, формально-юридического метода. Проблематика рассмотрена с позиций системного подхода. По результатам исследования автором продемонстрировано латентное противоречие идеи формальной (юридической) истины основополагающим положениям гражданского процессуального права, что может быть использовано при анализе иных реформ последнего времени в сфере права. Впервые в теории гражданского процессуального права ставится вопрос о противоречии отдельно взятой внедряемой на современном этапе реформирования права идеи системе устоявшихся базовых положений, что порождает внутреннюю логическую противоречивость системы права России.

Ключевые слова: объективная истина, формальная истина, оценка доказательств, равенство средств доказывания, принцип гражданского процессуального права, принцип права.

Реальное проявление принципа формальной (юридической) истины в правоприменительной практике сводится к идее непротиворечия юридических документов. То есть на первый план выдвигается концепция соответствия документов друг другу, а не соответствия документов тому, что произошло на самом деле. Представляется, что вопрос, насколько при таких обстоятельствах ценна идея состязательности сторон, становится риторическим. Суд не менее заинтересован в установлении «истины», только теперь краеугольным камнем стало не положение, что добытые доказательства должны быть максимально приближены к действи-

тельным обстоятельствам (именно поэтому в советское время внимание процессуалистов приковывала и идея вероятностей [2], в условиях действия принципа непротиворечия документов друг другу эта идея выродилась до заимствованного из англо-саксонской системы «стандарта доказывания» [обзор позиций по этому вопросу см., например: 6]), а ценность согласования документов между собой, чтобы между ними не было противоречий, а что было на самом деле — никого не интересует.

Ярким примером, демонстрирующим, что принцип объективной истины давно «похоронен» профессио-

нальным сообществом, может служить следующее дело, которое также стало предметом сюжета одной из программ-расследований, транслированной на центральном канале нашей страны [1]. На детской площадке произошел несчастный случай: во время игр мальчик тринадцати лет, прыгая с детской горки, столкнулся с девятилетней девочкой. В результате столкновения девочка упала и получила повреждение ноги. По результатам доследственной проверки инспектором по делам несовершеннолетних было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением мальчиком возраста уголовной ответственности. В рамках гражданского процесса дело рассматривалось после проведенной доследственной проверки, в основу решения суда по этому делу легли постановление инспектора по делам несовершеннолетних и иные документы, собранные в рамках уголовно-процессуального законодательства. Однако в этих документах элементы объективной стороны состава доказаны не установлены: в частности, факт деяния (столкновение детей на детской площадке) установлен в постановлении из слов пострадавшей, ее матери (которые свои объяснения меняли, но оценки этого обстоятельства инспектором не было представлено), а также свидетелей последствия (сестер пострадавшей, которые не видели факта столкновения детей), при этом объяснения самих детей-участников события разнятся, а показания от очевидцев (других детей, гулявших на детской площадке) не были взяты, также не был произведен осмотр места происшествия в соответствии с требованиями УПК России (статьи 176–177) для установления физических закономерностей происшествия. Также сделан однозначный вывод о наличии причинной связи между деянием (столкновение детей) и последствием (перелом ноги) из средств доказывания с низкой степенью достоверности (в частности, экспертизы, произведенной по договору с матерью пострадавшей девочки и содержащей вывод о причине повреждения вследствие «удара тупым предметом», в рамках доследственной проверки экспертиза должностным лицом не была назначена, что нарушает правила статей 196, 197 УПК России). При рассмотрении гражданского дела позиция ответчика, основывавшегося на ст. 56 ГПК России, оспаривавшего факт события (посредством просьбы о допросе свидетелей — детей-очевидцев события) и причинной связи (посредством просьбы о назначении экспертизы о причинах и давности повреждения здоровья), была судом полностью отклонена, решение принято на основании доказательств, представленных только стороной истца. Указанное дело — яркий пример, когда во втором деле перед судом на идеи «равенства средств доказывания» (которая в условиях действующего регулирования фактически не работает) с одной стороны представлены средства доказывания, подтверждающие состав деликта, а с другой стороны позиция ответчика, которая может опровергнуть образующие состав деликта элементы. В условиях действия принципа формаль-

ной (юридической) истины критерием подбора доказательственного материала и оценки их достоверности становится их непротиворечивость друг другу, именно поэтому, как представляется, суд по изложенному делу отказал ответчику в возможности отстоять свою позицию: непротиворечивая картина произошедшего была бы разрушена также сомнительными с точки зрения достоверности средствами доказывания (показания детей, хотя бы и очевидцев события, а также экспертиза пострадавшей после частичного восстановления её здоровья по прошествии длительного времени). Между тем, цитируемое дело представляет пример нарушения целого комплекса принципов гражданского процессуального права: процессуального равноправия (ответчику, в сущности, было полностью отказано в использовании процессуальных возможностей по оспариванию фактов, положенных в основу иска), помощи суда стороне в представлении доказательств (суд отказал в допросе свидетелей, назначении экспертизы — то есть тех средствах доказывания, которые без властного предписания суда не могут быть стороной представлены), равенства средств доказывания (приоритет отдан официальным документам, вывод о достоверности которых сделан на факте их юридической силы), наконец независимости суда и законности.

Необходимо отметить, что наличие юридической силы у официальных документов для суда в условиях действия принципа объективной истины не имеет основополагающего значения, так как в стремлении установить действительные обстоятельства произошедшего суд был бы обязан принимать любые источники информации, собранные в соответствии с требованиями законодательства. Как совершенно верно было отмечено И.И. Мухиным, «доброчестность процессуального источника сама по себе еще не означает достоверности полученных от него сведений о факте» [8, С. 13].

Этот пример далеко не единственный, хотя и очень наглядный. Таких ситуаций, когда не просто непонятно, что произошло на самом деле, но в результате судебного вмешательства всё только ухудшилось, в современной практике, к сожалению, очень много. Например, массово порождает проблемы в жизни общества такой системный сбой, когда спустя какое-то время после вынесения судебного приказа (конечно же, после пропуска всех процессуальных сроков обжалования и отмены судебного акта при невозможности их восстановления, или когда обстоятельства жизни кардинально меняются, что делает постановленный судебный акт дестабилизирующим жизнь фактором) и даже его исполнения должник решает защитить свои права через иск. Здесь происходит самый настоящий слом не только в законодательном регулировании, но и в научном осмыслении, так как системный взгляд на ситуацию и темпоральное действие права зачастую остаются даже за пределами

научного внимания. В нашей системе права по существу нет такого способа защиты права, как отмена судебного акта (подобие этого института имеется в Семейном кодексе России, когда перед судом ставится вопрос прекращения выплаты алиментов (пункт 2 статьи 120 Семейного кодекса России), и любой представитель юридического сообщества знает, что отмена судебного акта возможна только через использование инструментария обжалования), с актами органов исполнительной власти препятствующим фактором служит институт давности обращения с жалобой или административным иском. С учетом этого обстоятельства и преюдициального значения судебных актов (проблематика преюдиции в отношении судебных приказов уже ставилась научным сообществом [4, С. 221–222]) в настоящее время приобрела массовый характер ситуация, когда в одном судебном акте «установлены» одни факты с соответствующими властными предписаниями, а в другом — противоположно иные. Например, когда после нескольких лет исполнения судебного приказа о взыскании алиментов плательщик алиментов (чаще всего это отец ребенка) обращается с иском об оспаривании отцовства. Всеобщность права на судебную защиту (статья 46 Конституции России) и ликвидация исковой давности по таким требованиям (статья 9 Семейного Кодекса России, для сравнения: абзац 5 статьи 49 Кодекса о браке и семье РСФСР устанавливал, что «лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка, вправе оспорить произведенную запись в течение года с того времени, когда ему стало или должно было стать известным о произведенной записи») сформировали «кривое зеркало», в которое здравомыслящему человеку лучше не смотреть. Нет нужды дополнительно аргументировать, что требование «отменить судебный приказ о взыскании алиментов» в качестве предмета иска абсолютно противоправно (но неизбежно), так как законодательные нововведения надстраивались на совершенно иную правовую систему без глубокого анализа их соотносимости и непротиворечия, иском судебный приказ «обнулить» невозможно. И в случае если юристы ограничиваются лишь указанием в просительной части искового заявления требования об исключении актовой записи об отце из документов ребенка (настоящий фарс превращается ситуация, когда исполнительное производство на период рассмотрения такого дела вообще отсутствует — например, мать ребенка отозвала судебный приказ — так как просить о прекращении завершенного исполнительного производства объективно невозможно, а значит, даже приставов не вызвать в качестве «третьих лиц без самостоятельных требований», поскольку нет действующего основания их привлечения), то принудительное взыскание алиментов на ребенка с такого «не отца» продолжится. Так, например, в одном деле факт отцовства сначала в рамках приказного производства был подтвержден презумпцией отцовства супруга, затем опровергнут решением суда на основании процессуальной фикции, так

как бывшая супруга не привела ребенка для проведения генетической экспертизы, и суд применил ч. 3 статьи 73 ГПК России [10]. Судебная система провела два(!) процесса, и ни в одном точно не установила, имеется ли между ребенком и отцом действительная генетическая связь. Два противоположных по смыслу акта продолжают действовать и порождать юридические последствия (а в случае уклонения от уплаты алиментов — еще и уголовно-правовые по статье 157 УК России). К сожалению, подобного рода дел (не только в спорах об оспаривании отцовства/материнства) не десятки и не сотни.

Следующее последствие, на которое стоит обратить внимание, это попрание принципа доказательственного права о равенстве всех средств доказывания у суда. В новой логической норме (которая разорвана на несколько статей) прослеживается принцип формальной истины в своем классическом выражении — по документам всё должно быть хорошо и «сочетаемо». Идея объективной истины обслуживала идею-надстройку о равенстве средств доказывания, так как выступала тем самым «мерилом», «весами», на которых суд взвешивал все средства доказывания и выявлял, что больше походит на истину. Сейчас этот фундамент из доказательственной деятельности суда выбит, на какой идеи судье остается основывать сопоставление представленных сторонами средств доказывания? Только на идеи их не противоречия, и здесь ярко выsvечивается корпоративность на государственном уровне: если до суда какой-то правоприменитель уже высказался по вопросу, и его постановление не оспорено, значит, это постановление берется за основу. Таким образом, идея формальной (юридической) истины выступает основой для возрождения принципа формальной оценки доказательств, изжитого в советского времени [11, С. 163]. И в этой связи нельзя ли прийти к выводу, что такое положение формирует недопустимую взаимную связь между средствами доказывания, делая суд зависимым от результатов имевших место до гражданского процесса по рассмотрению конкретного дела иных производств (уголовного, административного, нотариального, третейского разбирательства, особенно если на решение третейского суда уже выдан исполнительный лист, что лишает возможности оспорить это третейское решение, и т.д.)? Таким образом, нарушается один из базовых принципов правосудия — независимости суда при его отправлении. Этот вывод, например, подтверждается, частью 5 статьи 61 ГПК России, закрепляющим особую «достоверность» нотариального акта для суда (в методической литературе получившего название «квалифицированное доказательство» [15, С. 163]), рассматривающего гражданское дело, пока этот акт не оспорен в порядке главы 37 ГПК. То есть закрепив обязательность этого средства доказывания для суда, законодатель, во-первых, попрал принцип равенства всех средств доказывания (ч.2 ст. 67 ГПК России), разбалансируя идею их достоверности в зависимости

сти от того, является ли доказательство официальным документом и не было ли оно отменено по результатам соответствующих процедур обжалования, и, во-вторых, сделал их содержание для суда обязательным, выведя за пределы фокуса рассмотрения на предмет их достоверности. В результате совокупность юрисдикционных актов выстраивает вокруг установленных в них обстоятельств своеобразную «юридическую броню», которую невозможно преодолеть посредством предоставленных законодателем процессуальных средств защиты в конкретном судебном процессе, где разрешается спор о праве. Это регулирование в самом фундаменте разбивает идею равенства средств доказывания для суда, при котором, в частности, достоверность письменных доказательств должна была устанавливаться не через их юридическую силу, а через сопоставление их содержания со сделанными в них выводами [см. об этом, например: 13, С. 101].

Однако при сонастройке уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной систем или гражданской процессуальной системы в контексте влияния на длящиеся правоотношения не учитывается:

- 1) рассинхронизация темпа цивилистического и уголовного опровержения постановлений (так, в соответствии со статьями 123, 125 УПК России вообще не установлен срок оспаривания в суде постановлений органов предварительного расследования по делу, а потому привязка к их «истинности» при рассмотрении вопросов-следствий в целом губительна), если гражданское дело закрывает частные или производные вопросы уголовного дела (материалов);
- 2) темпоральное действие права — так как с течением времени обстоятельства жизни могут меняться, появляться новые факты — что не позволяет правопримениителю для реализации идеи социальной справедливости учитывать эти изменения и более гибко работать с представленными средствами доказывания (опять же, мерилом здесь может быть только реальная жизнь, а значит, должен работать принцип объективной истины).

К числу последствий истребления принципа объективной истины можно отнести возникновение, развитие и, как следствие, попадание в фокус научного внимания, такого феномена, как теория процессуального риска [5, 9, 12, 14]. Также неожиданным следствием отказа от объективной истины служит такое, казалось бы, позитивное явление, как более широкий спектр оснований для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с фальсификацией доказательств, преступлениями состава суда или лиц, участвующих в деле. Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 11.12.2012 N 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» (абзац 3 пункта 10) дал разъяснение (несомненно, исключительно для достижения позитивного эффекта правоприменения и исправления возникших при отправлении правосудия ошибок), что основанием к такому пересмотру служат не только обвинительный приговор (как то всегда требовал закон, особенно это важно в контексте работы конституционной презумпции невиновности), но и постановления органов предварительного расследования, а также суда о прекращении уголовного дела (или преследования) ввиду истечения давности привлечения к уголовной ответственности и иных обстоятельств. Безусловно, идея того, что в постановлениях властных органов изложенные данные соответствуют тому, что было на самом деле, благородна, но так ли это в действительности? Ведь в таких случаях основанием для пересмотра служит не однозначный акт, фиксирующий противоправное деяние и опровергнувший гарантированную Основным законом нашего государства презумпцию невиновности, а служебный процессуальный документ, соответствие которого действительным обстоятельствам вообще никем не проверено и, более того, должно охраняться указанной конституционной презумпцией невиновности. И в таком случае опять возникает двоякая ситуация: в силу действия этой презумпции «главшее» или «фальсифицировавшее» лицо считается невиновным и ничего не совершившим, но само уголовное (административное) дело становится той «черной дырой», которая втягивает в себя юридический результат другого дела. Представляется, что такое разъяснение Верховного Суда России — это игра в адвоката дьявола. В любом из двух вариантов регулирования (когда основанием к пересмотру становится исключительно обвинительный приговор и когда основанием к пересмотру могут служить иные процессуальные акты, не фиксирующие полный состав преступления или правонарушения) судебные акты находятся в согласовании, то есть формальная (юридическая) истина достигнута, только в первом варианте больше ясности (даже если она также не соотносится с действительностью, поскольку принцип объективной истины вычеркнут также из уголовного процесса — то есть государство, по сути, признало, что ему всё равно, кто совершил преступление, главное — чтобы по документам всё сошлось), а во втором — при расширительном толковании — происходит настоящая рассинхронизация регулирования не только с объективной реальностью, но и внутри себя, так как в отсутствие однозначного обоснования и более достоверной фиксации система правосудия должна пересматривать постановленные и порождающие юридические последствия (и очень часто даже полностью исполненные с большими финансовыми, организационными и временными затратами с привлечением властных органов, например ФССП России) акты, изменять их

только из-за факта подозрения, но не точно установленного события. Представляется, что такое расширение юридической силы (преюдициальности) судебных актов порождено именно ликвидацией принципа объективной истины.

Очень часто решая юридическую проблему «здесь и сейчас», представители юридического сообщества не видят отдаленных последствий своих действий, не осознают системный характер воздействия права и его влияние на судьбы людей достаточно длительное время спустя. Иными словами, юрист не понимает в текущем моменте, что, вполне возможно, в отдаленном будущем результат его действий негативно скажется на жизни человека. Например, по упомянутому делу о несчастном случае на детской площадке, если вдруг впоследствии этот мальчик решит связать свою профессиональную жизнь с социально значимой сферой, правоохранительной, служебной, иной подобной, то он не сможет реализовать свой потенциал, ведь в случае проверки соответствующими ведомствами его карьера даже не начнется, так как «постановление об отказе в возбуждении уголовного дела *ввиду недостижения возраста уголовной ответственности*» станет тем черным пятном в биографии, закрывающим доступ к ряду профессий (если будучи ребенком уже такое творил, что уж говорить о взрослой жизни?). А что же произошло тогда на самом деле — государству, несомненно, будет всё равно: момент упущен. И понимание, что такое возможно не из-за чьей-то разовой пропущенной ошибки, а из-за системной настройки всего механизма правоприменения, только рождает сочувствие к нашим гражданам, поскольку тогда приходит приближенное осознание масштаба такой практики. Представляется, что этот аспект нашей профессиональной деятельности нуждается в глубинном переосмыслении. Врач своим незнанием «убивает», а юрист — «ломает судьбу».

Приведенные отдельные примеры судебной практики наглядно показывают, что проблема кроется не в конкретных нормах или институтах отрасли (отраслей) права, а в изначальной настройке правового инструментария, возведения нормативного массива на, как видится, глубоко порочной системе идей под прикрытием «позитивных», «демократических», «либеральных» преобразований права. Представляется, что реформу законодательства через предоставление всяческих «свобод», которые, по сути, если внимательно их изучить, таковыми никогда не являлись и не являются, стоит уже завершить. Кроме того, постоянное изменение законодательства может быть сравнено с постоянным изменением протоколов лечения в медицинских учреждениях, вряд ли кто-нибудь в здравом уме сможет когда-либо аргументировать, что такая перманентная динамика будет работать исключительно во благо общества. Эти эта-

пы непрекращающегося реформирования всё больше подводят к мысли, что государство будто не должно знать, что происходит на самом деле с его гражданами. Видится очень точным высказанное век назад мнение В.А. Краснокутского, что «имея перед собой факт утверждения стороны о существовании права, суд должен принимать меры к тому, чтобы выяснить, насколько этот факт соответствует праву. Предоставить же выяснение этого самим тяжущимся невозможно ввиду того, что решение в этом случае будет зависеть не от правильности заявлений той или другой сторон, а от того, насколько та или другая сторона обладает большим искусством в ведении процесса». И далее: «суд не орудие, которое используется сторонами, ... а руководитель процесса» [7, С. 44, 45]. Таким образом, уже век назад в российской юриспруденции было высказано и аргументировано положение о необходимости сохранения принципа объективной истины.

Можно смело с позиции «прожитых» государством в новой юридической реальности лет заключить, что идея почти неограниченной диспозитивности в гражданском процессе (в настоящей статье эта идея затронута лишь вскользь, но её детальный анализ и сопоставление достигнутых результатов заявленным в начале реформирования, представляется, покажет такую же картину) и верховенства формальной (юридической) истины сущностно ущербна, глубинно ошибочна и порочна, находится в экзистенциальном противоречии с назначением судебной власти — защитить «пострадавшее» лицо, восстановить социальную справедливость, а потому должна быть системно пересмотрена, подвергнута жесткой ревизии и приведена в соответствие с базовыми положениями (основами конституционного строя) нашего государства. Стоит отметить, что и в уголовном судопроизводстве имеются принципиальные взгляды на возвращение принципа объективной истины в уголовный процесс [см., например: 3].

В заключение необходимо отметить, что на практике подчинение принципу формальной (юридической) истины (а точнее: отсутствие обязанности у суда установить действительные обстоятельства дела) нарушает совокупность других идей, базовых положений права (о равенстве средств доказывания, о процессуальном равноправии сторон, о независимости суда при отправлении правосудия), подчеркивая внутреннюю противоречивость системы права России, непрозрачность логики деятельности судебной системы и непредсказуемость ее результатов, что порождает в том числе и проблему недоверия ей со стороны населения. Система права — это единое целостное образование (социальный регулятор), внутренняя противоречивость которого недопустима и социальна опасна.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Человек в праве» с Андреем Кунициным. Выпуск от 23 июня 2024 года. Сюжет 3 «Кто за кого в ответе» // [Электронный ресурс]: URL: <https://rutube.ru/video/b053bdaecc8c8961fb21b2b7acb9786/> (дата обращения: 12.10.2024); Материалы дела предоставлены для исследования стороной.
2. Барашков С.А. Достоверность и вероятность в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.
3. Динека В.И., Гулый А.А., Денисенко М.В. Объективная и процессуальная истина в уголовном деле // Российский судья. 2025. № 9.
4. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клювер, 2007.
5. Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук, Воронеж, 2023.
6. Корноухова П.Е. Реализация принципа свободной оценки доказательств в гражданском процессе // Арбитражные споры. 2025. № 2.
7. Краснокутский В.А. Очерки гражданского процессуального права: Опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судоустройству и гражданскому судопроизводству [Кинешма, 1924]. М.: ИД «Городец», 2025.
8. Мухин И.И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Ленинград, 1974.
9. Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117–122;
10. Сунцова Ю. Пожил в семье — плати! Почему суды начисляют алименты за чужих детей [Электронный ресурс]: URL: <https://newizv.ru/news/2021-08-12/pozhil-v-semie-plati-pochemu-sudy-nachislyayut-alimenty-za-chuzhih-detey-331723?ysclid=mhtilubvjk962987467>
11. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: ОАО ИД «Городец».
12. Хасашин И.А., Хасашин Р.И. Процессуальные риски в арбитражном судопроизводстве // Современное право. 2024. № 10.
13. Юдельсон К.С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. М.: Госюриздан.
14. Юдин А.В. Категория «риска» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5.
15. Ярков В.В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Яркова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма : ИНФРА-М, 2023. — 928 с.

© Кудрявцева Вера Павловна (kvp001@usla.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА ФОРМАЛЬНОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ – ПОПРАНИЕ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

THE EFFECT OF THE PRINCIPLE OF FORMAL (LEGAL) TRUTH IN CIVIL PROCEEDINGS IS A VIOLATION OF THE IDEA OF SOCIAL JUSTICE: POSING A PROBLEM

V. Kudriavtseva

Summary. In the article, the author examines the principle of objective truth in civil procedure, which is currently considered obsolete. The relevance of the study of the designated topic is emphasized through the prism of problems in legislation and law enforcement, which are hidden and therefore difficult to identify. The purpose of the study is to raise the issue that the elimination of the principle of objective truth contributes to the leveling of the idea of social justice. The subject of the study is the normative regulation of public relations in civil proceedings to establish objective truth, as well as theoretical views available in the science of civil procedural law on the manifestation of the principle of objective truth in civil cases. To achieve this goal, both general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy) and the method of historical comparison, as well as the formal legal method, are used. The conclusions drawn can serve as a basis for reviewing the vector of reform of Russian legislation. For the first time in the science of civil procedure law, the question is raised about the contradiction of new ideas being introduced to the basic socio-political principles of the life of our state.

Keywords: objective truth, formal (judicial) truth, evaluation of evidence, equality of means of proof, principle of civil procedure law, principle of law.

Кудрявцева Вера Павловна

Кандидат юридических наук, доцент, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева» kvp001@usla.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает в настоящее время считающийся утратившим свою актуальность принцип объективной истины в гражданском процессе. Подчеркивается актуальность исследования обозначенной тематики через призму наличия проблем в законодательстве и правоприменительной деятельности, которые носят скрытый характер, а потому трудно выявляемы. Целью исследования является постановка на обсуждение вопроса о том, что ликвидация принципа объективной истины способствует нивелированию идеи социальной справедливости. Предметом исследования выступает нормативное регулирование общественных отношений в гражданском процессе по установлению объективной истины, а также имеющиеся в науке гражданского процессуального права теоретические воззрения на проявление принципа объективной истины при рассмотрении гражданских дел. Для достижения обозначенной цели применены как общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия), так и метод исторического сравнения, а также формально-юридический метод. Сделанные выводы могут служить основой для пересмотра вектора реформирования российского законодательства. Впервые в науке гражданского процессуального права ставится вопрос о противоречии новых внедряемых идей базовым социально-политическим принципам жизни нашего государства.

Ключевые слова: объективная истина, формальная (судебная) истина, оценка доказательств, равенство средств доказывания, принцип гражданского процессуального права, принцип права.

П роблематике принципов гражданского (и в целом) процессуального права посвящено немало работ. Базовым началам построения системы права России традиционно уделяется достаточно широкое научное и методическое внимание. Снимает ли такое раскрытие и осмысление системы принципов и ее отдельных элементов научную актуальность постановки новых вопросов и необходимость фокусирования на них в современных правовых реалиях. Ответ на этот вопрос видится двояким. С одной стороны, если в категорию «актуальность темы исследования» закладывать смысл, насколько рассматриваемая категория нова для сферы (отдельная актуальность выстраивается через новизну терминов, достаточно посмотреть названия защищаемых в настоящее время диссертаций, размещенных

на сайте Высшей аттестационной комиссии), наличие трендовых явлений в правоприменительной практике или в целом общественной жизни, то, наверно, ответ будет отрицательным. Однако если подходить к определению актуальности вопроса для научного взгляда с позиции сохранения нерешенных или образования новых проблем, несмотря на широкий фокус внимания, то есть исходить из того смысла, который имеет эта категория в иных сферах научной деятельности, то ответ должен быть противоположен (простыми словами — пока проблема остается нерешенной, она актуальна для науки), поскольку вычеркивание принципа объективной истины из законодательства России породило ряд последствий, во многих случаях даже не осознаваемых научным сообществом, также спровоцировало появление

проблем фундаментального характера и поставило ряд эзистенциальных вопросов для правовой системы нашего государства. Самым ярким «симптомом заболевания» служит практика применения (то есть реализации в жизни) нормативных предписаний, которая, как лакмусовая бумажка, демонстрирует нежизнеспособность многих заложенных в современное право идей.

Назначение права как социального регулятора поведения людей обеспечивает наше мирное сосуществование друг с другом («социальная справедливость»), упорядочивает общественные отношения, способствует прогрессивному развитию жизни общества и государства, гарантирует стабильность и безопасность социума на достигнутых этапах развития. Поэтому встраивание отдельных идей (принципов) в юридический фундамент имеет немаловажное значение, поскольку оно определяет вектор направления и степень конкретизации регулирования, а также служит инструментом аналогии при отсутствии детализированной нормативной регламентации.

Во время трансформационного перехода на новую экономическую модель в 90-е годы законодателем было принято решение последовательного отказа от принципа объективной истины и замены его принципом формальной (юридической) истины сначала в рамках арбитражного процесса (так, норма об обязанности суда установить действительные обстоятельства дела не была закреплена ни в одном Арбитражном процессуальном кодексе России), затем переосмыслинию подверглись основы гражданского процессуального и уголовно-процессуального права. Такая трансформация объяснялась новыми экономическими реалиями, усилением начала состязательности в судопроизводстве, снижением следственных начал в судебной деятельности и предоставлением больших свобод гражданам, повышением гуманистических начал в праве, и эта аргументация до настоящего времени не вызывает вопросов у большинства представителей профессионального юридического сообщества. Вместе с тем, как представляется, указанные идеи «гуманизации» права не просто не были достигнуты в нашей стране, а скорее наоборот, способствовали и способствуют деградации правовой сферы, разрушению судеб людей, качественно снижают уровень защищенности населения и порождают недоверие граждан как к правовой сфере в целом, так и сфере отправления правосудия как её неотъемлемой составляющей и главным фронтиром в защите нарушенных прав, делают её непредсказуемой, непрозрачной, а потому опасной. Аргумент ежегодного роста дел, рассматриваемых судами, не может быть признан состоятельным в качестве доказательства «доверия граждан» к системе отправления правосудия, поскольку сама система настроена так, что государственные суды превращены в концентратор правовых проблем идеей всеобщ-

ности права на судебную защиту (статья 46 Конституции России), по сути гибельной для судов как системы органов государства и для населения, которое перемалывается жерновами судопроизводства, так как точечное тяжеловесное средство (судебная защита) было превращено в конвейер массового правоприменения, однако этот вопрос не входит в постановленную проблематику, а потому не будет в настоящем исследовании анализироваться.

Целью настоящего исследования является постановка вопроса перед научным сообществом о глубинном противоречии между заявленными идеями «демократизации» и «гуманизации» российского права, зафиксированными в действующих нормах ГПК России, и имеющимися её результатами, анализ имплицитных деструктивных начал в реформированном «демократизированном» праве в нашем государстве и постановка вопроса о глубинном противоречии внедренных в отечественное право категорий нашему правовому наследию и базовым идеям человеческого общежития, традиционно составляющим основу политico-правового устройства России.

Прежде всего необходимо выявить суть категорий «объективная истина» и «формальная (юридическая) истина». Классической начальной посылкой для определения объема термина «принцип объективной истины» служит статья 14 ГПК РСФСР, закреплявшая необходимость для суда выявить действительные обстоятельства рассматриваемого дела. Процессуалисты советского периода в сфере доказывания были единодушны в мысли, что вся доказательственная деятельность суда (не сторон!) базируется на этой обязанности [14; 15, С. 66; 16; 28].

Смена фокуса деятельности суда с действительных обстоятельств на юридически доказанные посредством удаления обязанности суда устанавливать действительные обстоятельства дела из ГПК РСФСР и принятие действующего в настоящее время ГПК России без этой идеи большим числом процессуалистов, исследовавших проблематику принципов цивилистического процессуального права, была встречена позитивно [6, С. 41–71; 20, С. 332–336; 23, С. 11; 24, С. 57]. Более того, в условиях современного регулирования даже было высказано мнение о том, что на смену принципу объективной истины пришел из англо-саксонской системы права стандарт доказывания [21; 22]. Такой настрой был продиктован в том числе «демократическими» взглядами иностранных правоведов. Так, американский исследователь У. Бернэм отмечал, что «погоня за объективной истиной представляется не только наивной, но и недостижимой», поскольку «само событие как таковое не может быть воспроизведено в суде. После того как оно произошло, если только оно не записано на видеопленку, можно положиться только на субъективное восприятие

события, и то лишь в той мере, в какой событие запомнили люди, а затем рассказали о нем» [2, С. 116–117]. На этой волне «демократизации» нашего права законодатель отказался от принципа объективной истины и заменил его юридическим суррогатом. В настоящее время задача суда не выяснять, что произошло на самом деле, а вынести решение в пользу той стороны, которая оказалась более убедительна в доказывании своей позиции по делу. Действительно, если, выражаясь словами У. Бернэма, невозможно достичь объективной истины, бессмысленна сама идея её достижения в процессуальной деятельности.

Среди теоретиков, неуклонно отстаивавших сохранение принципа объективной истины в гражданском процессе, можно отметить А.Т. Боннера [3, С. 154–172], Э.М., Мурядъян [17, С.100–101], М.К. Треушникова [26, С. 126–166; 27, С. 2–4], М.Д. Олегова [18, С. 4]. Так, профессор А.Т. Боннер отмечал, что, несмотря на изменение текста Кодекса, у суда сохраняется обязанность установить действительные обстоятельства дела, однако принцип закреплен в условиях действующего регулирования косвенно и его действие выводится из содержания иных норм [5, С. 51–53]. По его очень меткому, хотя не бесспорному по указанной аргументации, замечанию, «... принцип объективной истины существует... Если же отказаться от этой идеи, то, по-видимому, нужно будет отказаться и от института гражданского судопроизводства в целом как сложного, дорогого, но тем не менее в целом достаточно эффективно работающего механизма защиты субъективных гражданских прав» [4, С. 761–762]. Применительно к уголовному процессу критический анализ порочащих принцип объективной истины исследований постсоветского периода предложен профессиональному сообществу профессором И.Л. Петрухиным [25, С. 275–280.]. Также представляет интерес «смягченная» позиция С.Ф. Афанасьева в его монографии «Проблема истины в гражданском производстве», в которой он отстаивает мнение о сохранении «принципа истины» [1, С.57, 68 и др.]. Примечательно, что авторские коллективы учебников по гражданскому процессуальному праву, содержащих «переработку и упрощение» теоретических взглядов, излагаемых в доступной форме для студентов, в настоящее время единообразно доносят до будущих юристов мысль, что принципа объективной истины в современном гражданском процессе нет [7, С. 97, 102 и др.; 8 С. 30–31; 9, С. 83; 10, С. 39; 61–62, 13, С. 158, 262; 19, С. 137–142], вместо него работает идея формальной (юридической) истины. Тем не менее, как представляется, теоретические споры о ценности объективной истины или её замещении принципом формальной юридической истины концентрируются вокруг философского понимания достоверности объективного знания и её аксиологической значимости, убедительной аргументации на необходимость склонения «чаша весов» в ту или другую

сторону не предлагая. Однако необходимо учитывать следующее.

Критерием истинности научного знания в рамках юриспруденции традиционно выступает судебная практика [обзор взглядов по этому вопросу см., например: 12, С. 3–4 и др.], которая предоставляет эмпирическую базу для теоретических изысканий. Поэтому полярные взгляды на вопрос, какой вид истины необходимо устанавливать в суде, наиболее отчетливо могут быть проверены на обоснованность именно судебной практикой. Безусловно, в случаях, когда дело выступает объектом однократного рассмотрения только судебной системой (даже с учетом прохождения нескольких правоприменительных циклов в инстанционном порядке), вопрос вида достигаемой истины основывается на принципах состязательности и диспозитивности по известной аксиоме «в споре рождается истина». Вместе с тем, как представляется, действительно разрушительный характер главенствующего сегодня принципа формальной истины проявляется не тогда, когда судебная система выступает единственным правоприменителем при разрешении юридического вопроса, а при последовательном (поэтапном) разрешении юридического дела разными правоприменительными органами (должностными лицами-правоприменителями).

Как следствие, особо ценный эмпирический материал предоставляют дела, прошедшие несколько «витков» правоприменения, когда один и тот же вопрос поэтапно становился предметом рассмотрения либо разными судебными органами (не в контексте обжалования, а через призму порождения одним юридическим делом другого) или же судебным органом после рассмотрения вопросов, ставших базисом для обращения в суд за судебной защитой, органами нотариата, следствия, административными органами. Именно в контексте последовательного разрешения юридического дела разными органами ценностная картина в разрезе принципов права наиболее четко кристаллизуется, во всей своей неприглядности демонстрируя истинное зафиксированное государством в законодательстве отношение к реальной жизни. Однако сложность исследования такого эмпирического материала в данном случае состоит в том, что выявление многих проблем возможно единственно при системном взгляде на ситуацию, анализе всех правоприменительных актов, что становится проблематичным при исследовании только судебных актов, опубликованных в свободном доступе. Изучение исключительно судебных актов в этом плане мало информативно, так как в них судами отражается установленная ими картина юридического дела, отсутствие доступа к остальным данным не позволяет проанализировать в полном объеме представленный судом фактический материал. Кроме того, выявленные судами вышестоящих инстанций факты неверного установления обстоятельств дела или их не-

доказанности квалифицируются как судебные ошибки¹ [подробнее об этом см., например: 11], которые устраивают самой судебной системой, что поверхностно снимает противоречие, но, в сущности, лишь усиливает его имплицитный характер. Анализ юридических дел во всей совокупности собранных материалов позволяет преодолеть сложность идентификации обозначенной

¹ Подробнее об этом см., например: Дерхо Д.С. К вопросу о содержании, признаках и дефиниции понятия «судебная ошибка» // Российский судья. 2025. N 4.

проблемы и заключить, что внедренный в современное российское право принцип формальной (юридической) истины фактически сводит к нулю установленный принцип оценки доказательств о равенстве средств доказывания (ч.2 ст. 67 ГПК России), реализуя идею формальных доказательств, которая долгое время критически оценивалась отечественными теоретиками. Указанное положение также подтверждается действующим регулированием, таким образом, можно заключить, что базовый принцип оценки доказательств, установленный частью 2 статьи 67 ГПК России, де-факто утратил свое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве. М.: ИД «Городец», 2025.
2. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1995.
3. Боннер А.Т. Закрепление принципа судебной истины в ГПК РФ // LEX RUSSIA. 2004. № 1.
4. Боннер А.Т. С. Принципы гражданского процессуального права (проблемы и перспективы) // Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар — Сочи, 23–26 мая, 2002, г. Краснодар, 2002 / Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб гос. ун-та, 2005.
5. Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. 2000.
6. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец. 2009.
7. Гражданский процесс: учебник / С.Ф. Афанасьев, Л.В. Борисова, А.В. Габов [и др.]; под ред. А.В. Габова, В.Г. Голубцова, С.Ж. Соловых; ИГП РАН, БелГУ, ПГНИУ. — М.: Статут, 2024.
8. Гражданский процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юрист-предприниматель», специальности «Правоохранительная деятельность» / под науч. ред. Р.А. Курбанова, Л.В. Тумановой; под общ. ред. Н.Д. Эриашвили, А.Н. Кузбагарова. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
9. Гражданский процесс: Учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова; Под ред. М.К. Треушникова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014.
10. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В.В. Ярков. — 11-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2021.
11. Дерхо Д.С. К вопросу о содержании, признаках и дефиниции понятия «судебная ошибка» // Российский судья. 2025. N 4.
12. Евдеева Н.В. Истинность как критерий научной теории // Современное право. 2012 № 3.
13. Женетль, С.З. Гражданский процесс: учебник / С.З. Женетль, А.В. Никифоров. — 6-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019.
14. Иванов О.В. Объективная истина в советском гражданском процессе: Автoref. дис. канд. юрид. наук. М., 1964.
15. Козлов А.Ф. Теоретические вопросы установления истины в гражданском процессе. Иркутск, 1980.
16. Курылев С.В. Установление истины в советском правосудии: Автoref. дис. д-ра юрид. наук. М., 1967.
17. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2002.
18. Олегов М.Д. Истина в гражданском процессе: Автoref. дис. канд. юрид. наук. М., 1999.
19. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: Учебник / Г.Л. Осокина. — 3-е изд., перераб. — Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013.
20. Плюхина М.А. Истина в гражданском судопроизводстве // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса 2001. № 1.
21. Решетникова И.В. Современные тенденции развития доказывания в арбитражном, гражданском и административном процессуальном праве // Закон. 2025. № 2.
22. Решетникова И.В. Стандарт доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 8.
23. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург. 1997.
24. Самсонов В.В. Состязательность в системе гражданских процессуальных принципов // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 1.
25. Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003.
26. Треушников М.К. Гражданский процесс: теория и практика. М.: Издательский дом «Городец», 2008.
27. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004.
28. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕПРАВОМЕРНОГО (ПРЕДНАМЕРЕННОГО ИЛИ ФИКТИВНОГО) БАНКРОТСТВА

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL- LEGAL CHARACTERISTICS OF ILLEGAL (INTENTIONAL OR FICTITIOUS) BANKRUPTCY

I. Makarov

Summary. The presented article provides a comprehensive theoretical and practical study of the criminological and criminal-legal aspects of illegal (deliberate or fictitious) bankruptcy in the Russian Federation. The author focuses on the existing problems of qualification, proof of intent and causal relationship in the investigation and trial of cases provided for in Articles 196 and 197 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article identifies key shortcomings of the current legislation, gaps in effective prevention and monitoring of financial flows, as well as difficulties associated with the detection and suppression of these crimes due to their high latency and professionalization of the subjects. A detailed analysis of the factors contributing to the commission of illegal bankruptcies is carried out, the personality of the criminal is characterized, and modern schemes for concealing assets and falsifying reporting are highlighted. Particular attention is paid to the problem of distinguishing illegal bankruptcy from related crimes, in particular, fraud, and the insufficient effectiveness of existing investigation methods. Based on the results of the analysis, proposals have been developed to improve the criminal-legal and criminological tools aimed at increasing the effectiveness of combating illegal bankruptcy. These include the introduction of digital technologies for monitoring financial transactions, strengthening interdepartmental cooperation, improving the qualifications of specialists, and developing methods of financial and economic expertise. The practical significance of the article lies in the formation of scientifically based recommendations for strengthening economic security, protecting the property interests of creditors and ensuring the stability of the market economy of the Russian Federation.

Keywords: intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, criminal procedural evidence.

Макаров Илья Михайлович

Аспирант, Сибирский юридический университет;
Адвокат, (Москва)
ilya_mac@mail.ru

Аннотация. В представленной статье проводится комплексное теоретическое и практическое исследование криминологических и уголовно-правовых аспектов неправомерного (преднамеренного или фиктивного) банкротства в Российской Федерации. Автор акцентирует внимание на существующих проблемах квалификации, доказывания умысла и причинно-следственной связи при расследовании и судебном рассмотрении дел, предусмотренных статьями 196 и 197 УК РФ. В статье выявляются ключевые недостатки действующего законодательства, пробелы в эффективной профилактике и мониторинге финансовых потоков, а также сложности, связанные с выявлением и пресечением данных преступлений из-за их высокой латентности и профессионализации субъектов.

Проведен детальный анализ факторов, способствующих совершению неправомерных банкротств, охарактеризована личность преступника, а также выделены современные схемы сокрытия активов и фальсификации отчетности. Особое внимание уделено проблематике разграничения неправомерного банкротства от смежных составов преступлений, в частности, мошенничества, и недостаточной эффективности существующих методов расследования.

На основе результатов анализа выработаны предложения по совершенствованию уголовно-правового и криминологического инструментария, направленные на повышение эффективности противодействия неправомерному банкротству. В их числе — внедрение цифровых технологий мониторинга финансовых операций, усиление межведомственного взаимодействия, повышение квалификации специалистов, а также развитие методов финансово-экономической экспертизы. Практическая значимость статьи заключается в формировании научно обоснованных рекомендаций по укреплению экономической безопасности, защите имущественных интересов кредиторов и обеспечению стабильности рыночной экономики Российской Федерации.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, уголовно-процессуальное доказывание.

Неправомерное банкротство, включая преднамеренное и фиктивное, представляет существенную угрозу экономической безопасности России, подрывая доверие к институту банкротства и нарушая финансовую стабильность. Эти преступления приводят к значительным убыткам кредиторов, дестабилизации рыночных отношений и ухудшению инвестиционного климата. Уголовно-правовое регулирование закреплено в статьях 196 и 197 УК РФ, однако выявление и доказатель-

ство данных преступлений сложны из-за необходимости комплексного анализа экономических и юридических факторов, выявления умысла и причинно-следственных связей. Современные экономические вызовы требуют совершенствования правоприменительной практики и разработки комплексных мер противодействия, что важно для защиты имущественных интересов кредиторов и стабильности рыночной экономики России.

Целью представленной статьи является комплексное теоретическое и практическое осмысление криминологических и уголовно-правовых характеристик неправомерного (преднамеренного или фиктивного) банкротства, а также разработка и обоснование направлений совершенствования уголовно-правового и криминологического инструментария с целью повышения эффективности противодействия указанным преступлениям.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретического и практического осмысления проблем неправомерного банкротства в современных экономических условиях, поскольку существующие уголовно-правовые нормы и правоприменительная практика не обеспечивают достаточного уровня защиты имущественных интересов кредиторов и экономической безопасности государства. Сложности квалификации, доказывания умысла, недостаточная результативность расследований, а также отсутствие эффективных механизмов предупреждения и унифицированной научной методологии комплексного анализа данных преступлений свидетельствуют о потребности в совершенствовании законодательства и развитии новых инструментов мониторинга и расследования. Проведённое исследование направлено на систематизацию существующих проблем, выявление теоретических пробелов и формирование комплексного подхода к противодействию преднамеренному и фиктивному банкротству, что представляет значительный научный и практический интерес для дальнейшего развития уголовного права и укрепления экономической стабильности Российской Федерации.

Теоретико-правовые основы неправомерного банкротства

Проанализировав научные труды таких авторов как Аджиев Б.Н., Кольцова Т.А., Блошенко М.С., можно сделать вывод, что преднамеренное банкротство — представляет собой уголовно наказуемое деяние, заключающееся в совершении действий или бездействия, которые заведомо влекут неспособность юридического лица либо индивидуального предпринимателя удовлетворить требования кредиторов или исполнить обязательные платежи. Согласно части 1 статьи 196 Уголовного кодекса Российской Федерации, данное деяние признаётся преступлением при условии, что оно причинило крупный ущерб. Ключевыми признаками преднамеренного банкротства являются:

- Искусственное создание неплатежеспособности, то есть умышленное доведение экономического субъекта до состояния, при котором он не в состоянии выполнять свои финансовые обязательства;
- Совершение расточительных сделок или принятие необоснованных, неисполнимых обязательств, направленных на ухудшение финансового положения должника;

- Причинение крупного ущерба, который в соответствии с действующим законодательством определяется как сумма, превышающая 1,5 миллиона рублей.

Данный состав преступления характеризуется наличием прямого умысла и осознанным стремлением лица к созданию условий для банкротства с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности деяния.

Фиктивное банкротство квалифицируется как заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности, когда у субъекта имеется реальная возможность рассчитаться с долгами, но он сознательно скрывает своё платежеспособное состояние. Согласно части 1 статьи 197 УК РФ, фиктивное банкротство предполагает следующие отличительные черты:

- Сокрытие реальной платежеспособности, что достигается путём искажения бухгалтерской отчётности, сокрытия активов или иных способов маскировки финансового состояния;
- Целью деяния является отсрочка платежей кредиторам либо сокрытие имущества с целью его последующего вывода из-под ответственности;
- Минимальный порог причинённого ущерба составляет 3,5 миллиона рублей, что отражает значительный масштаб противоправной деятельности.

Фиктивное банкротство характеризуется не только умышленным введением в заблуждение кредиторов и государственных органов, но и серьёзным нарушением экономической стабильности и доверия к институту банкротства. Исходя из вышеизложенного, данные составы преступлений требуют тщательного правового анализа и дифференцированного подхода при квалификации и применении мер уголовной ответственности¹².

Объект преступлений в сфере неправомерного банкротства охватывает имущественные интересы кредиторов, а также установленный законодательством порядок проведения процедуры банкротства. Данные общественные отношения направлены на обеспечение справедливого и прозрачного распределения имущества должника среди кредиторов, поддержание финансовой дисциплины и стабильности экономических отношений. Нарушение этих отношений посредством преднамеренных или фиктивных действий подрывает доверие к институту банкротства и наносит существенный ущерб

¹ Аджиев Н.Б. Особенности статей 196, 197 УК РФ: «Преднамеренное банкротство», «Фиктивное банкротство» //Государственная служба и кадры. — 2021. — №. 2. — С. 200–201.

² Кольцова Т.А., Блошенко М.С. Банкротство юридических лиц как угроза экономической безопасности страны //Агропродовольственная политика России. — 2023. — №. 3. — С. 23–30.

экономической безопасности государства. Субъектами указанных преступлений выступают, как правило, руководители и учредители юридических лиц, а также индивидуальные предприниматели, обладающие полномочиями и возможностями влиять на финансовое состояние организации и принимать решения, ведущие к банкротству.

Уголовно-правовая характеристика

Признак	Преднамеренное банкротство	Фиктивное банкротство
Действие	Совершение действий или бездействия, заведомо создающих неплатежеспособность должника	Заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности при наличии реальной возможности исполнения обязательств
Последствия	Причинение крупного имущественного ущерба, превышающего 1,5 миллиона рублей	Причинение крупного имущественного ущерба, превышающего 3,5 миллиона рублей
Способы	Осуществление расточительных сделок, перевод активов, создание условий для неплатежеспособности	Сокрытие имущества, фальсификация бухгалтерской и иной отчетности, иные методы маскировки реального финансового положения

Объективная сторона данных составов характеризуется как конкретными действиями (или бездействием), так и их последствиями, выражаящимися в существенном имущественном вреде кредиторам и нарушении установленного порядка банкротства. В случае преднамеренного банкротства акцент делается на умышленных действиях, направленных на ухудшение финансового состояния должника, тогда как фиктивное банкротство связано с введением в заблуждение кредиторов и контролирующих органов посредством ложных сведений.

Субъективная сторона

Для обоих видов неправомерного банкротства характерен прямой умысел, при котором субъект осознаёт общественную опасность совершаемого действия, предвидит наступление крупного имущественного ущерба и желает или сознательно допускает его наступление. Мотивы совершения данных преступлений, как правило, связаны с желанием уклониться от исполнения долговых обязательств, осуществить рейдерские захваты, а также вывести активы из-под контроля кредиторов и государственных органов. Наличие прямого умысла и корыстных мотивов свидетельствует о высокой степени общественной опасности данных деяний и требует строгого уголовно-правового реагирования.

Санкции

За совершение преступлений, предусмотренных статьями 196 и 197 УК РФ, связанных с преднамеренным и фиктивным банкротством, законодательством Российской Федерации установлены дифференцированные меры уголовно-правового воздействия, направленные на предупреждение и наказание виновных лиц.

В отношении преднамеренного банкротства предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до 500 тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до полутора лет. Кроме того, возможны меры принудительного характера, включая принудительные работы или лишение свободы на срок до шести лет с возможным дополнительным штрафом. Такая санкция отражает высокую общественную опасность деяния, связанного с умышленным доведением юридического лица или индивидуального предпринимателя до неплатежеспособного состояния с причинением крупного ущерба кредиторам.

В случае фиктивного банкротства санкций менее суровы в части штрафных санкций — штраф может составлять до 300 тысяч рублей или эквивалент дохода за период до двух лет. Однако максимальный срок лишения свободы также достигает шести лет, что свидетельствует о серьёзности общественной опасности данного преступления. Помимо лишения свободы, возможно назначение принудительных работ и штрафов, направленных на комплексное наказание виновных.

Поэтому, уголовное законодательство предусматривает широкий спектр мер ответственности, позволяющих дифференцированно реагировать на различные формы неправомерного банкротства с учётом характера и степени общественной опасности деяния.

Криминологический анализ

Современный криминологический анализ выявляет ряд объективных и субъективных факторов, способствующих совершению преступлений, связанных с неправомерным банкротством, на что обращает внимание Дерягина С.В.³:

— Экономические факторы включают кризисные явления в секторе малого и среднего предпринимательства, усиление конкуренции, нестабильность финансовых рынков и недостаток ликвидности, что создаёт предпосылки для злоупотреблений при управлении экономическими субъектами.

³ Дерягина С.В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ : дис. — 5.1. 4/Светлана Владимировна Дерягина. Екатеринбург, 2022. 24 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01011153721,2022>.

- Правовые пробелы и недостатки проявляются в слабом контроле за сделками должника, недостаточной прозрачности финансовой отчётности, а также в несовершенстве механизмов выявления и пресечения неправомерных действий в процессе банкротства.
- Организационные уязвимости связаны с недостаточной квалификацией арбитражных управляющих, отсутствием эффективного надзора и контроля со стороны государственных органов, что способствует реализации преступных схем и манипуляций с активами должников.

Личность преступника

Анализ криминологической практики, в частности Дерягина С.В. показывает, что основными субъектами неправомерного банкротства выступают руководители юридических лиц, на долю которых приходится около 85 % выявленных случаев. Часто преступления совершаются организованными группами с чётким распределением ролей, включая создание фирм-однодневок, используемых для вывода активов и сокрытия имущества.

Значительная часть виновных обладает экономическим образованием и профессиональными навыками, что позволяет им применять сложные финансово-экономические схемы для сокрытия реального финансово-экономического положения и введения в заблуждение кредиторов и контролирующих органов. Такая профессионализация преступников повышает сложность их выявления и пресечения, что требует от правоохранительных органов применения специализированных методов расследования и финансово-экономической экспертизы⁴.

Теоретический пробел в представленном можно сформулировать следующим образом:

Несмотря на существующее уголовно-правовое регулирование (ст. 196 и 197 УК РФ) и развитую правоприменительную практику противодействия неправомерному (преднамеренному и фиктивному) банкротству, в научной литературе и законодательстве отсутствует детально проработанная и унифицированная научная методология комплексного анализа признаков умысла, схем сокрытия активов, а также четких критериев ограничения неправомерного банкротства от смежных экономических преступлений. Это выражается:

- В отсутствии разработанных подходов к доказыванию умысла и причинно-следственной связи между действиями должника и наступившими последствиями, что порождает трудности для

⁴ Дерягина С.В. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступные банкротства //Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — №. 2 (37). — С. 140–145.

правоохранительных органов при квалификации преступлений.

- В недостаточной научной проработке инструментов выявления сложных схем вывода активов и маскировки финансового положения (цифровой мониторинг, анализ данных и т.п.) — эти вопросы не получили системного отражения в теории и методике расследования данных преступлений
- В неразработанности критериев разграничения неправомерного банкротства от иных составов преступлений (например, мошенничества и других экономических правонарушений), что негативно влияет на единство правоприменительной практики и теоретическую базу уголовного права.

Считаем, что теоретический пробел заключается в отсутствии интегрированного научного подхода, позволяющего эффективно выявлять, квалифицировать и расследовать случаи неправомерного банкротства с учетом специфики современных экономических отношений и цифровизации хозяйственной деятельности. Это обосновывает необходимость дальнейших теоретических исследований с целью формирования современных критериев, методов и инструментов противодействия данным преступлениям⁵.

Заключение

Неправомерное банкротство продолжает оставаться одной из наиболее латентных и социально опасных форм экономических преступлений в Российской Федерации, что обуславливает необходимость системного и комплексного противодействия, объединяющего уголовно-правовые меры и криминологические механизмы. Уголовно-правовое регулирование, закреплённое в статьях 196 и 197 УК РФ, служит основой привлечения виновных к ответственности, однако практика выявляет потребность в его совершенствовании, усилении контроля за сделками должников и внедрении современных цифровых технологий для мониторинга финансовых операций и повышения прозрачности экономической деятельности.

Важным аспектом эффективной борьбы с неправомерным банкротством является повышение качества финансово-экономической экспертизы и межведомственное сотрудничество между арбитражными судами, правоохранительными органами и саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих. Комплексный подход, направленный на выявление, расследование и предупреждение преступлений посредством циф-

⁵ Дерягина С.В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ: дис. — 5.1. 4/Светлана Владимировна Дерягина. Екатеринбург, 2022. 24 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01011153721, 2022>.

ровизации контроля, повышения профессиональной подготовки специалистов и координации действий различных структур, способствует не только защите имущественных интересов кредиторов, но и укреплению экономической стабильности и правопорядка в стране.

Следующими шагами в изучении данного вопроса, считаем:

- Детальное анализа положений действующего уголовного законодательства (в частности, статей 196 и 197 УК РФ), а также особенностей квалификации и доказывания составов преднамеренного и фиктивного банкротства;
- Выявления и систематизации ключевых криминологических признаков, обуславливающих совершение данных преступлений, а также факторов, способствующих их распространению;
- Критическое осмысления существующих проблем правоприменительной практики, связанных с за-

труднениями доказывания умысла, определения ущерба и ограничения от смежных экономических составов;

- Формулирования научно-обоснованных подходов к совершенствованию методик раскрытия, расследования и доказывания преступлений, связанных с неправомерным банкротством, а также внедрению современных превентивных и мониторинговых технологий.

Таким образом, достижение указанной цели позволяет не только углубить научное понимание природы и механизма совершения преступлений, связанных с неправомерным банкротством, но и выработать практические рекомендации по усилению экономической безопасности, защите интересов кредиторов и обеспечению устойчивости рыночной экономики Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобков А.В. Криминальное банкротство: криминологическая характеристика и противодействие. — 2006.
2. Босхолов С.С., Иванова А.Б. Основные направления противодействия преднамеренному и фиктивному банкротству // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16. — №. 1. — С. 7–17.
3. Морозова Ю.В. Неправомерные действия при банкротстве и фиктивное банкротство: некоторые вопросы правоприменения // Криминалистика. — 2013. — №. 2 (13). — С. 98–101.
4. Паронян К.М., Хоменко С.М. Уголовно-правовая характеристика неправомерных действий при банкротстве: объективные и субъективные признаки // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. — 2022. — №. 1. — С. 361–370.
5. Подбельцев Д.А. Криминалистическая характеристика и особенности расследования преднамеренного банкротства. // Вектор научной мысли №12(17)
6. Уголовно-правовая характеристика преступлений https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151139/95cc50db4c13d06ea0f027253d870284eadca77b/
7. Чебоньян Т.Г. Уголовно-правовая характеристика неправомерных действий при банкротстве. — 2005.

© Макаров Илья Михайлович (ilya_mac@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ОБОРОТ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

PRODUCTION AND CIRCULATION OF MATERIALS OR OBJECTS WITH PORNOGRAPHIC IMAGES OF MINORS: CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS

M. Pryanikova

Summary. The article provides a comprehensive criminological and criminal-legal analysis of crimes related to the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors. Particular attention is paid to the consideration of the social and legal nature of these acts, identifying their causes, conditions of commission, as well as the characteristic personality traits of criminals. The article describes modern trends in the development of criminal activity in the digital environment, provides a description of the objective and subjective signs of the crime provided for in Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, considers qualified compositions and features of punishment. The author focuses on the difficulties of law enforcement, the need to improve legislative and preventive measures, as well as the importance of interdepartmental cooperation for the effective detection, investigation and prevention of these crimes. A conclusion is made about the need for a systemic and interdisciplinary approach to combating the sexual exploitation of minors in the context of the digitalization of society.

Keywords: minors; child pornography; production and circulation; criminal-legal characteristics; criminological characteristics; Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; digital technologies; crime prevention; law enforcement practice; sexual exploitation; investigation; protection of children's rights.

Пряникова Мария Анатольевна
Аспирант, Сибирский юридический университет
pryanikovamari@bk.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный криминологический и уголовно-правовой анализ преступлений, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Особое внимание уделяется рассмотрению социальной и правовой природы данных деяний, выявлению их причин, условий совершения, а также характерных черт личности преступников. Описываются современные тенденции развития преступной деятельности в цифровой среде, даётся характеристика объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 242.1 УК РФ, рассматриваются квалифицированные составы и особенности наказания. Автор акцентирует внимание на сложностях правоприменения, необходимости совершенствования законодательных и профилактических мер, а также значении межведомственного взаимодействия для эффективного выявления, расследования и предупреждения данных преступлений. Делается вывод о необходимости системного и междисциплинарного подхода к противодействию сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в условиях цифровизации общества.

Ключевые слова: несовершеннолетние; детская порнография; изготовление и оборот; уголовно-правовая характеристика; криминологическая характеристика; статья 242.1 УК РФ; цифровые технологии; профилактика преступлений; правоприменительная практика; сексуальная эксплуатация; расследование; защита прав детей.

Введение

Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних представляют собой особо опасные преступления, направленные на эксплуатацию детей в сексуальной сфере и грубо нарушающие их права, свободы и безопасность. Данные деяния наносят неправимый вред физическому и психическому здоровью

несовершеннолетних, подрывают нравственные устои общества и способствуют распространению криминальной деятельности, связанной с сексуальной эксплуатацией детей. В российском уголовном законодательстве такие преступления регламентированы статьёй 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает комплекс строгих мер уголовной ответственности, включая лишение свободы на срок от двух до десяти лет, а также ограничение права зани-

мать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пятнадцати лет¹.

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена значительным ростом преступлений в сфере изготовления и распространения детской порнографии, что особенно усугубляется развитием и широким использованием информационно-телеkomмуникационных технологий, в частности сети Интернет. Современные цифровые платформы предоставляют преступникам новые возможности для анонимного создания, хранения и массового распространения порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, что значительно осложняет выявление и пресечение таких преступлений правоохранительными органами². Это требует глубокого криминологического и уголовно-правового анализа, направленного на выявление причин, условий и механизмов совершения данных деяний, а также совершенствование правоприменительной практики и профилактических мер.

Важнейшим аспектом является криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с детской порнографией, которое требует применения специальных методов и средств для установления лиц, причастных к изготовлению и распространению таких материалов, а также для преодоления факторов сокрытия личности и местонахождения преступников в цифровом пространстве. Эффективность борьбы с данной категорией преступлений во многом зависит от своевременного и грамотного планирования следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и комплексного анализа информации, получаемой из различных источников, включая социальные сети и другие интернет-ресурсы³.

Таким образом, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних представляют собой сложный комплекс общественно опасных деяний, требующих системного подхода в уголовно-правовом регулировании и криминологическом исследовании, направленного на защиту прав и интересов несовершеннолетних, а также на обеспечение общественной безопасности и правопорядка в условиях цифровой эпохи.

¹ УК РФ Статья 242.1. Изготовление и оборот материалов или... https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/23ac064057d5bca235050872f65b23a1a1db092a/

² Агильдин В.В. Уголовно-правовая характеристика незаконного распространения порнографических материалов или предметов //Молодой ученый. — 2022. — Т. 22. — С. 418.

³ Бадоян С.М. Криминалистические особенности установления лиц, совершивших распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — №. 1 (25). — С. 35–44.

Криминологическая характеристика

Социально-правовая природа преступления

Преступления, связанные с изготовлением и оборотом порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, представляют собой одну из наиболее тяжких форм посягательств на права и свободы ребёнка, а также на нравственные и правовые основы общества. Данные деяния наносят серьёзный и многоаспектный ущерб как непосредственным жертвам — несовершеннолетним, так и обществу в целом. Во-первых, они способствуют эксплуатации детей в целях удовлетворения сексуальных потребностей взрослых, что является грубым нарушением международно-правовых норм, закреплённых в Конвенции ООН о правах ребёнка, а также в национальном законодательстве Российской Федерации. Во-вторых, распространение таких материалов подрывает морально-нравственные устои общества, способствует формированию и укоренению девиантных моделей поведения, а также стимулирует развитие преступной деятельности в информационно-телеkomмуникационной среде, что создаёт дополнительные угрозы общественной безопасности. В совокупности эти факторы делают данные преступления социально опасными и требуют комплексного подхода к их изучению и противодействию.

Причины и условия совершения

Анализ криминологических исследований выявляет ряд объективных и субъективных факторов, способствующих совершению преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних.

- Рост доступности цифровых технологий и сети Интернет существенно расширил возможности для анонимного создания, хранения и распространения порнографических материалов, что значительно ослабило контроль за данной сферой и повысило риски вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.
- Недостаточная эффективность профилактических мер и правоохранительной деятельности, обусловленная как недостатком ресурсов, так и отсутствием специализированных программ и методик, направленных на выявление и пресечение подобных преступлений.
- Социальные и психологические факторы, включающие семейные проблемы, низкий уровень воспитания, влияние асоциального окружения, а также психологическую уязвимость несовершеннолетних, способствуют их вовлечению в изготовление и распространение порнографических материалов.

— Недостаток информированности населения о правовых последствиях и вреде, наносимом несовершеннолетним такими деяниями, снижает уровень общественного контроля и способствует формированию толерантного отношения к подобным нарушениям.

Личностные характеристики преступников

Исследования криминологической практики показывают, что основными субъектами данных преступлений являются лица, достигшие возраста уголовной ответственности, преимущественно старше 16 лет, обладающие необходимыми техническими знаниями и навыками для создания, обработки и распространения порнографических материалов. В ряде случаев преступления совершаются организованными группами, которые используют интернет-ресурсы и современные цифровые технологии для массового оборота детской порнографии, что свидетельствует о высокой степени профессионализма и системности в совершении данных деяний. Такие преступники зачастую демонстрируют устойчивые девиантные установки, а также склонность к манипуляции несовершеннолетними и эксплуатации их в корыстных целях. Анализ личностных характеристик указывает на наличие у них определённых психологических особенностей, включая отсутствие эмпатии, склонность к асоциальному поведению и, в ряде случаев, наличие психопатологических черт, что требует комплексного подхода к профилактике и социальной реабилитации.

Уголовно-правовая характеристика

Объект преступления

Основным объектом преступлений, предусмотренных статьёй 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, является охраняемая законом неприкосновенность половой неприкосновенности и половая свобода несовершеннолетних. Данный объект охватывает не только индивидуальные права и свободы ребёнка, но и общественные отношения, направленные на защиту детей от сексуальной эксплуатации и насилия. В юридическом смысле это означает, что преступления данного рода посягают на фундаментальные конституционные ценности, а также на международно признанные нормы, обеспечивающие защиту несовершеннолетних от любых форм сексуального посягательства. Кроме того, объектом выступают общественные отношения, связанные с обеспечением нравственной безопасности общества и поддержанием правового порядка в сфере защиты детства, что подчеркивает высокую общественную опасность данных деяний.

Объективная сторона

Объективная сторона данных преступлений выражается в совокупности конкретных действий, направлен-

ных на незаконное обращение с материалами или предметами, содержащими порнографические изображения несовершеннолетних. К таким действиям относятся:

- **Изготовление** — процесс создания, производства порнографических материалов с изображениями детей, включая как физическое изготовление, так и цифровую обработку;
- **Приобретение и хранение** — получение и хранение в своём распоряжении таких материалов без законных оснований;
- **Перевозка и распространение** — перемещение и передача данных материалов с целью их дальнейшего использования или реализации;
- **Публичная демонстрация и рекламирование** — открытое представление или продвижение порнографических изображений несовершеннолетних, что способствует их распространению среди широкой аудитории;
- **Перемещение через государственную границу** — трансграничная деятельность, направленная на распространение детской порнографии, что усугубляет общественную опасность и требует международного сотрудничества в сфере правоохранительной деятельности.

Данные действия характеризуются не только фактическим нарушением закона, но и причинением значительного вреда как конкретным лицам — несовершеннолетним, так и обществу в целом, подрывая основы правопорядка и нравственности⁴.

Субъективная сторона

Субъективная сторона преступлений, связанных с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, характеризуется прямым умыслом. Это означает, что лицо, совершающее указанные деяния, осознаёт противоправный характер своих действий, предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления либо сознательно допускает их возможность. Прямой умысел проявляется в целенаправленном изготовлении, приобретении или распространении порнографических материалов, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности и моральной безответственности субъекта. В ряде случаев умысел может сопровождаться корыстными мотивами, стремлением к получению материальной выгоды, что усугубляет общественную опасность преступления.

⁴ Бадоян С.М. Криминалистические особенности установления лиц, совершивших распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — №. 1 (25). — С. 35–44.

Субъект преступления

Субъектом данных преступлений является физическое лицо, достигшее на момент совершения деяния возраста уголовной ответственности, то есть 16 лет, что соответствует установленным нормам Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом законодательство учитывает особую ответственность лиц, занимающих определённые должности или обладающих специальными знаниями, которые могут использоваться для совершения данных преступлений. В случае участия несовершеннолетних в совершении таких деяний, уголовная ответственность наступает с 14 лет, если деяния квалифицируются по соответствующим статьям УК РФ. Особое внимание уделяется субъектам, действующим в составе организованных групп или с использованием служебного положения, что отражается в повышении степени наказания и усилении уголовно-правовой ответственности.

Квалифицированные составы

Статья 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ряд квалифицирующих признаков, которые существенно усиливают уголовную ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Ужесточение наказания наступает при совершении данных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, что связано с повышенной общественной опасностью и широкомасштабным распространением таких материалов. Кроме того, квалифицированными признаками являются совершение преступления в составе организованной группы или по предварительноному сговору, применение насилия или угрозы его применения в отношении потерпевших, а также массовое распространение порнографических материалов. Особое внимание законодатель уделяет случаям, когда преступление совершается в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также при извлечении дохода в крупном размере, что свидетельствует о коммерческой направленности противоправной деятельности и повышает степень общественной опасности деяния⁵.

Наказание

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает за совершение преступлений, предусмотренных статьёй 242.1 УК РФ, наказание в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет в зависимости

⁵ Витрук П.А. Проблемные аспекты квалификации преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов в сети Интернет //Вопросы российского и международного права. — 2021. — Т. 11. — №. 8А. — С. 137.

от конкретных обстоятельств дела и квалифицирующих признаков. Помимо основного наказания, суд может назначить дополнительное наказание в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пятнадцати лет, что направлено на предотвращение повторного совершения подобных преступлений. В ряде случаев возможно применение штрафных санкций, ограничения свободы или иных мер уголовно-правового воздействия, обеспечивающих комплексное наказание виновных лиц и защиту общественных интересов. При этом законодательство предусматривает дифференциацию наказаний в зависимости от способа совершения преступления, его масштабов, а также наличия отягчающих обстоятельств⁶.

Проблемы правоприменения и профилактики

В практике расследования и судебного рассмотрения дел, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, выявляются значительные сложности, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами. Одной из ключевых проблем является доказательство состава преступления, особенно в части установления возраста изображённых лиц, что требует проведения сложных и высококвалифицированных экспертиз. Кроме того, установление умысла субъекта нередко осложняется использованием современных технологий, позволяющих скрывать источники и маршруты распространения материалов, а также обеспечивать анонимность преступников.

Технический прогресс, в частности развитие цифровых коммуникаций и криптографических средств, значительно затрудняет выявление и пресечение противоправной деятельности в данной сфере, что требует от правоохранительных органов постоянного повышения квалификации сотрудников, внедрения современных методов криминалистики и использования специализированного программного обеспечения.

Важным аспектом эффективной борьбы с данной категорией преступлений является межведомственное взаимодействие правоохранительных органов, социальных служб, образовательных учреждений и общественных организаций. Комплексная профилактическая работа должна включать информирование населения о правовых последствиях, повышение правовой грамотности несовершеннолетних и их родителей, а также реализацию программ социальной поддержки и реабилитации пострадавших детей. Особое значение имеет

⁶ Витрук П.А. Проблемные аспекты квалификации преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов в сети Интернет //Вопросы российского и международного права. — 2021. — Т. 11. — №. 8А. — С. 137.

воспитание у несовершеннолетних навыков безопасного поведения в информационно-телекоммуникационной среде, что способствует снижению их уязвимости перед лицами, склонными к эксплуатации и вовлечению в противоправную деятельность.

Заключение

Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних представляют собой тяжкие и социально опасные преступления, требующие комплексного и системного подхода как в уголовно-правовой, так и в криминологической плоскости. Данные деяния наносят значительный вред не только непосредственно жертвам — несовершеннолетним, — но и обществу в целом, подрывая основы нравственности, правопорядка и безопасности. В связи с этим совершенствование законодательства, направленное на уточнение понятийного аппарата, расширение состава преступлений и ужесточение уголовной ответственности, является одним из ключевых факторов эффективного противодействия данной категории преступлений.

Особое значение имеет усиление контроля и мониторинга в цифровой среде, учитывая, что современные информационно-телекоммуникационные технологии предоставляют преступникам широкие возможности

для анонимного изготовления, хранения и распространения порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних. В этой связи необходимо внедрение современных технических и организационных мер, способствующих своевременному выявлению и пресечению противоправной деятельности в сети Интернет и иных цифровых платформах.

Повышение эффективности правоохранительной деятельности должно сопровождаться развитием специализированных компетенций следственных и судебных органов, а также внедрением современных криминалистических методов и средств, обеспечивающих качественное расследование и доказательство состава преступлений. Неотъемлемой частью является также межведомственное взаимодействие правоохранительных органов, социальных служб, образовательных учреждений и общественных организаций, направленное на профилактику преступлений, защиту прав несовершеннолетних и реабилитацию пострадавших.

В совокупности указанные направления создают целостную систему противодействия изготовлению и обороту материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, способствующую защите детства, укреплению правового государства и обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. УК РФ Статья 242.1. Изготовление и оборот материалов или ... https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/23ac064057d5bca235050872f65b23a1a1db092a/
2. Агильдин В.В. Уголовно-правовая характеристика незаконного распространения порнографических материалов или предметов //Молодой ученый. — 2022. — Т. 22. — С. 418.
3. Бадоян С.М. Криминалистические особенности установления лиц, совершивших распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — №. 1 (25). — С. 35–44.
4. Витрук П.А. Проблемные аспекты квалификации преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов в сети Интернет // Вопросы российского и международного права. — 2021. — Т. 11. — №. 8А. — С. 137.
5. Иванова О.М., Гурина В.Д. Тактика производства отдельных следственных действий при расследовании уголовных дел о распространении порнографических материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей //Вестник Российского университета кооперации. — 2022. — №. 1 (47). — С. 147–150.
6. Кольева И.А. Вопросы квалификации использования несовершеннолетнего в качестве «орудия» изготовления порнографического материала посредством информационно-телекоммуникационных сетей //Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — №. 2 (157). — С. 271–277.

© Пряникова Мария Анатольевна (pryanikovamari@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ИСПОЛНИМОСТИ СУДЕБНОГО АКТА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF ENSURING THE PRACTICAL ENFORCEABILITY OF COURT DECISIONS

R. Sekretaryov

Summary. The article addresses the problem of ensuring the practical enforceability of judicial acts. It distinguishes between the binding force and the enforceability of court decisions and highlights the main obstacles to their implementation in practice: vague wording in the operative part of judgments, procedural errors in identifying the responsible party, economic disproportionality between the judgment and the debtor's capacity, and organisational difficulties in enforcement proceedings. Drawing on legal doctrine and case law, the article argues for improving both the quality of judicial acts and the mechanisms for their execution. The article formulates proposals to strengthen the guarantees of restoring violated rights through the effective enforcement of court decisions, with particular regard to the defendant's conduct in the case.

Keywords: judicial act, enforceability, binding force, enforcement proceedings, civil procedure, commercial procedure.

Секретарёв Роман Викторович
канд. философских наук, Владивостокский
государственный университет
rvs1dv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам обеспечения реальной исполнимости судебных актов. Рассматриваются различие между обязательностью и исполнимостью решений, а также факторы, препятствующие их фактическому исполнению: неясность формулировок резолютивной части, процессуальные ошибки при определении обязанного лица, экономическая несоразмерность присуждённого и организационные трудности исполнительного производства. На основе анализа научных подходов и судебной практики обосновывается необходимость повышения качества судебных актов и совершенствования механизмов их реализации. Сформулированы предложения, направленные на усиление гарантий восстановления нарушенных прав через эффективное исполнение решений судов с учётом поведения ответчика по делу.

Ключевые слова: судебный акт, исполнимость, обязательность, исполнительное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Проблема исполнимости судебных актов является одной из центральных в современном гражданском и арбитражном процессе. В теории её содержание представляется достаточно определённым: судебное решение должно подлежать реализации, обеспечивая восстановление нарушенного права. Однако практика показывает, что фактическое исполнение не-редко сталкивается с серьёзными затруднениями.

К числу таких затруднений относятся: неясность формулировок в резолютивной части, ошибки при определении надлежащего ответчика, несоразмерность присуждённого имущественным возможностям должника, а также организационные проблемы исполнительного производства. В этих случаях обязательность судебного акта формально сохраняется, но его реальная исполнимость оказывается под вопросом.

Цель статьи заключается в исследовании проблем и перспектив обеспечения реальной исполнимости судебных актов. Объектом исследования выступает судебный акт как результат осуществления правосудия. Предметом — условия и механизмы, влияющие на возможность его фактического исполнения. В задачи работы входят: анализ теоретических концепций и выявление проблемных аспектов судебной практики.

Вопрос о содержании и границах исполнимости судебных актов находит наиболее полное отражение в исследованиях В.В. Яркова. Учёный разграничивает обязательность и исполнимость судебного решения как самостоятельные характеристики его законной силы. Обязательность, по его выводам, обращена к неопределённому кругу лиц и проявляется во всех формах реализации акта — от соблюдения и использования до добровольного исполнения. Исполнимость же имеет адресный характер и связана с возможностью принудительного исполнения силами ФССП. Важным представляется предупреждение о рисках расширительного толкования: нельзя признавать исполнимыми акты, не содержащие прямых обязанностей конкретного субъекта, поскольку это приводит к подмене категориального аппарата и искаложению сути судебной защиты [1].

Эта позиция получила развитие в более поздних публикациях. Так, И.Ю. Стрельникова, С.А. Трофимов, А.В. Руденко и И.В. Бондарчук подчёркивают необходимость разграничения понятий «исполнение» и «исполнимость». Авторы отмечают, что именно чёткое различие этих терминов позволяет корректно описать пределы судебной власти и избежать смешения материального и процессуального аспектов. Тем самым акцентируется мысль: реальная исполнимость судебного акта не может

сводиться к формальной обязательности, а требует специальных правовых механизмов обеспечения [2].

Практическую сторону проблемы проанализировала Г.М. Титова. Исследуя деятельность службы судебных приставов, она пришла к выводу, что значительная часть актов, особенно утверждённые мировые соглашения, страдает от неясных формулировок. Такие документы не позволяют возбуждать исполнительное производство без последующего разъяснения, что фактически лишает взыскателя своевременной защиты. Приведённая автором статистика возвратов исполнительных документов финансовыми органами подтверждает системный характер проблемы. Отсюда вывод: суд должен активнее участвовать на стадии утверждения условий мирового соглашения, оценивая их с точки зрения исполнимости [3].

Таким образом, в теоретических и практических исследованиях формируется единый вывод: реальная исполнимость судебного акта зависит как от категориальной ясности различия между обязательностью и исполнимостью, так и от качества резолютивной части самого решения.

Также уместно обратиться к стимулирующим инструментам. А.А. Косынкин, Н.А. Федякова и Е.Н. Ефремов рассматривают астрент как меру побуждения должника к исполнению неденежных требований. Авторы фиксируют ключевые узлы правоприменения: разброс в подходах к определению размера судебной неустойки, соразмерность и её пределы, влияние имущественного положения должника и вопрос о возможности корректировки чрезмерных сумм. В их выводах последовательно проводится мысль: без более чётких критериев назначения астрент не достигает заявленной цели — обеспечить именно реальное исполнение, а не формальное усиление санкций [4].

На уровне конституционного процесса Н.С. Бондарь и Н.С. Малютин показывают, что исполнимость зависит и от конструкции самого судебного акта. Анализ решений Конституционного Суда РФ демонстрирует: формулировка резолютивной части, объём и точность предписаний, а также адресат нормотворческой реакции предопределяют дальнейшее исполнение. Следовательно, структурная ясность решения и корректная адресация обязанностей — не «вторичный» вопрос оформления, а условие последующей исполнимости [5].

Наконец, на уровне повседневной практики внимание к исполнимости разделяют и практикующие юристы. Ещё на стадии обеспечения иска суды способны предопределить судьбу последующего исполнения. Отказы в обеспечительных мерах нередко приводят к тому, что имущество распродается, и приставы оказываются

в ситуации невозможности исполнения. Дополнительно ситуацию усугубляют технические сложности работы с сервисом ФССП: поиск должников ограничен и неудобен, а сопоставимой статистики, позволяющей оценить результативность исполнения, попросту нет. В этих условиях автор справедливо предлагает интегрировать электронные сервисы судов и ФССП, что позволило бы устранить «слепые зоны» и повысить прозрачность исполнительной стадии [6].

Практические примеры наглядно подтверждают: формальное наличие судебного решения далеко не всегда гарантирует его исполнение. Так, в иске российских вешателей к компании Google сумма требований достигла 1,8 дюодециллиона рублей. Даже при наличии судебных актов взыскание в подобном объёме выходит за пределы любой реальной модели исполнения: размер требований превышает мировой ВВП. Попытки истцов добиться исполнения за рубежом уперлись в ограничение, установленное Высоким судом Лондона: взыскание допустимо лишь в юрисдикциях Великобритании и США. Однако корень проблемы — не в географии исполнения, а в заведомой экономической нереализуемости такого объёма требований. Этот пример наглядно иллюстрирует, что реальная исполнимость имеет объективные пределы: при несоразмерности присуждённого и имущественных возможностей должника исполнение оказывается фикцией, а судебное решение превращается в декларацию [7].

Другую грань проблемы обозначило дело № 5-КГ23-77-К2, рассмотренное Верховным Судом РФ. В нём рассматривался вопрос о замене способа исполнения решения: вместо передачи автомобиля должник обязан был выплатить его стоимость. При этом оценка машины, проведённая в начале 2022 г., составляла около 16 млн руб., тогда как уже через месяц цена выросла почти вдвое. Первые инстанции проигнорировали это обстоятельство и ограничились первоначальной суммой, что фактически лишило взыскателя возможности приобрести автомобиль и восстановить право. Верховный Суд указал: суд должен учитывать изменившиеся обстоятельства и обеспечивать баланс интересов сторон. Иначе исполнение превращается в формальность, которая фактически не восстанавливает нарушенные права. Поэтому реальная исполнимость невозможна без учёта экономических реалий [8].

Эти практические наблюдения фиксируют ключевую мысль: реальная исполнимость зависит не только от категориального различия «обязательности» и «исполнения», но и от экономической соразмерности требований, способности суда учитывать изменяющиеся обстоятельства и эффективности организационно-технических механизмов.

Полагаем необходимым дополнить изложенное ранее двумя примерами из собственной судебной практики. В первом из них районная прокуратура обнаружила несанкционированную свалку мусора и обратилась к муниципалитету с требованием о ликвидации этой свалки. В первом судебном заседании выяснилось, что свалка расположена на земельном участке, который принадлежит на праве собственности не муниципалитету, а субъекту Российской Федерации — Приморскому краю. Сотрудники прокуратуры заблаговременно копию иска о региональные органы исполнительной власти не направили, поэтому явку представителя второй ответчик не обеспечил, правовую позицию в материалы дела не представил. Но судью это не смутило, было вынесено решение о возложении на Правительство Приморского края обязанности ликвидировать несанкционированную свалку на вышеупомянутом земельном участке [9].

Буквальное исполнение принятого судом первой инстанции решения означало: несанкционированная свалка должна быть ликвидирована; ликвидировать её должны были должностные лица Правительства Приморского края. На решение была подана апелляционная жалоба. Суть жалобы сводилась к следующему: суд принял заведомо неисполнимое решение, поскольку требовать от должностных лиц Правительства Приморского края чтобы они с лопатами прибыли и лично ликвидировали свалку незаконно, т.к. этим должны заниматься сотрудники регионального экологического оператора. Подобная деятельность является лицензируемой, а лицензии на ликвидацию несанкционированных свалок Правительство Приморского края не только не имеет, но не может иметь в принципе, поскольку правом самостоятельного ведения хозяйственной деятельностью органы исполнительной власти не наделены.

Однако КГУП «Приморский экологический оператор» к участию в деле привлечено не было. Аналогичным образом суд проигнорировал полномочия Министерства жилищно-коммунального хозяйства Приморского края, поскольку именно этот отраслевой орган исполнительной власти Приморского края полномочен представлять регион в судах по вопросам, связанным с ликвидацией незаконных свалок. Кроме того, если суд решил возложить эту обязанность на Правительство Приморского края, дело подлежало рассмотрению по правилам административного, а не гражданского судопроизводства.

После того, как апелляционная инстанция согласилась с логичным доводом о нарушении процедуры судопроизводства, дело было возвращено в первую инстанцию для рассмотрения в надлежащем процедурном порядке. На это ушёл целый год, т.к. ответчику дважды отказывали в восстановлении процессуального срока на подачу апелляционной жалобы. Спустя год прокуратура продолжала настаивать на исходных требова-

ниях — свалка должна быть ликвидирована именно Правительством Приморского края. Но привлеченный к участию в деле экологический оператор пояснил, что на момент повторного рассмотрения дела свалка уже ликвидирована. Поэтому вместо уточнения надлежащего ответчика прокуратура заявила отказ от иска, который был принят судом.

Еще одно примечательное дело — № А51-20474/2020, рассмотренное Арбитражным судом Приморского края. Прокуратура обжаловала муниципальный контракт на выполнение аварийно-спасательных работ по укреплению береговой линии, заключённый администрацией Октябрьского района с ООО «Альфа». Основанием иска послужило нарушение порядка закупки, предусмотренного Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

Существенной процессуальной особенностью стало то, что прокурор отказался от требования о применении последствий недействительности сделки. Суд этот отказ принял, ограничившись признанием контракта ничтожным. Такая позиция была обусловлена риском наступления негативных последствий для публичных интересов: возврат сторон в первоначальное положение повлек бы значительные бюджетные расходы и разрушение защитного сооружения, обеспечивающего безопасность жителей одного из сёл Приморского края.

Данный кейс демонстрирует противоречие между формальной стороной недействительности сделки и фактическими обстоятельствами, связанными с уже исполненным обязательством. Решение суда оказалось частично «неисполнимым» в материальном смысле: признание недействительности произошло, но последствия реституции не применены, что оставило правовое нарушение без корреспондирующего механизма восстановления. Таким образом, реальная исполнимость судебного акта зависит не только от юридической конструкции, но и от оценки публичного интереса, который в отдельных случаях может перевесить требования формальной законности [10].

Проведённый анализ подтверждает: проблема исполнимости судебных актов имеет комплексный характер и выходит за рамки формальной обязательности решений. Она напрямую связана с качеством резолютивной части, экономической реализуемостью присуждённого и эффективностью механизмов исполнительного производства.

Во-первых, различие между обязательностью и исполнимостью проявилось в деле о несанкционированной свалке, где суд возложил обязанность на Правительство Приморского края. Формально решение было обязательным, но его исполнение оказалось невозможным: орган власти не может самостоятельно вести хо-

зяйственную деятельность и ликвидировать отходы без привлечения специализированного оператора. Исполнимость здесь отсутствовала именно из-за некорректного адресата предписания.

Во-вторых, значительная часть затруднений обусловлена дефектами формулировок. Примером служит ситуация с муниципальным контрактом, который оспаривался в деле № А51-20474/2020: прокурор отказался от применения последствий недействительности, поскольку реституция разрушила бы уже возведённое защитное сооружение и поставила под угрозу безопасность жителей. Суд признал сделку ничтожной, но разрушать защитный объект не пришлось. Этот кейс показал, что даже юридически корректный акт может остаться «частично неисполнимым», поскольку отказ прокурора от части требований был де-факто вынужденным.

В-третьих, практика демонстрирует объективные пределы исполнимости при экономической несоразмерности или изменении обстоятельств. Так, в деле о передаче автомобиля Верховный Суд подчеркнул: оценка имущества должна учитывать рост рыночной стоимости, иначе взыскатель формально получает исполнение, но фактически лишается возможности восстановить нарушенное право. Аналогичная логика применима и к требованиям в заведомо нереализуемых размерах (как в деле российских вещателей к Google).

Эти примеры показывают: исполнимость зависит не только от категориальной ясности и качества резолютивной части, но и от способности суда учитывать реальные обстоятельства дела и последствия буквального исполнения вступившего в законную силу судебного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярков, В.В. Соотношение обязательности и исполнимости судебных актов / В.В. Ярков // Российский юридический журнал. — 2018. — № 5(122). — С. 85–91. — EDN VTPKMC.
2. Стрельникова, И.Ю. К вопросу исполнимости судебных актов / И.Ю. Стрельникова, С.А. Трофимов, А.В. Руденко, И.В. Бондарчук // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 9(172). — С. 404–405. — EDN CLHGLD.
3. Титова, Г.М. К вопросу исполнимости судебного акта / Г.М. Титова // Вестник Омской юридической академии. — 2013. — № 2(21). — С. 76–79. — EDN RITUNH.
4. Косынкин, А.А. Правовая природа и практика применения астрента в отечественном гражданском праве / А.А. Косынкин, Н.А. Федякова, Е.Н. Ефремов // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9, № 10-1. — С. 113–119. — DOI 10.34670/AR.2020.91.10.013. — EDN GFCAES.
5. Бондарь, Н.С. Исполнимость решений Конституционного Суда Российской Федерации как индикатор эффективности конституционного правосудия. Часть II / Н.С. Бондарь, Н.С. Малютин // Журнал конституционного правосудия. — 2024. — № 1. — С. 13–22. — DOI: 10.18572/2072-4144-2024-1-13-22. — EDN THXCAT.
6. Петров, М. Неисполнительное производство [Электронный ресурс] // Pravo.ru. — 2018. — URL: <https://pravo.ru/opinion/201524/> (дата обращения: 31.08.2025).
7. СМИ требуют с Google 1,8 дуодециллиона рублей [Электронный ресурс] // Pravo.ru. — 2024. — URL: <https://pravo.ru/news/257143/> (дата обращения: 31.08.2025).
8. Адвокаты доказали в ВС, что повышение цен должно учитываться при изменении порядка исполнения судебного акта [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. — 2023. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-dokazali-v-vs-chto-povyshenie-tsen-dolzhno-uchityavtsya-pri-izmenenii-poryadka-ispolneniya/> (дата обращения: 31.08.2025).
9. Решение Советского районного суда г. Владивостока от 28.09.2021 по делу № 2-2058/2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://sovetsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=78909489&case_uid=ef615730-cfca-4812-b0e2-29968fa092ad&delo_id=1540005 (дата обращения: 31.08.2025)
10. Решение Арбитражного суда Приморского края от 25.03.2021 по делу № А51-20474/2020 [Электронный ресурс]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ba95ed32-2b95-43fa-a421-72934f2663f1/f87db112-25a4-4e35-b1ad-7f3f928131d8/A51-20474-2020_20210325_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 31.08.2025).

© Секретарёв Роман Викторович (rvsvldv@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕСТО НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВА

THE PLACE OF TAX LIABILITY IN THE LEGAL SYSTEM

V. Spilnaya

Summary. The article is devoted to the study of tax liability. Various approaches derived from scientific research related to this topic are considered, namely: the nature of tax liability, its essence, as well as similarities and differences with administrative liability. Based on the analysis of existing scientific approaches, conclusions are made about the place of tax liability in the legal field, which consist in the fact that tax liability is a subspecies of administrative liability and does not have sufficient characteristics to recognize it as autonomous.

Keywords: tax liability autonomy, characteristics, tax law, administrative liability.

Спильная Валерия Анатольевна
адъюнкт, Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И.Ф. Шилова (г. Хабаровск)
Spilnay.2002@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы определения отраслевой принадлежности налоговой ответственности в структуре юридической ответственности. Рассмотрены различные подходы, выведенные научными исследованиями, которые касаются данной темы, а именно: природа налоговой ответственности, ее сущность, а также сходства и различия с административной ответственностью. На основе проведенного анализа существующих научных подходов, сделаны выводы о месте налоговой ответственности в системе правового поля, которые заключаются в том, что налоговая ответственность является подвидом административной и не обладает достаточными признаками для признания ее автономной.

Ключевые слова: налоговая ответственность, автономия, признаки, налоговое право, административная ответственность.

Налоговое право — одна из ключевых сфер в развитии российской системы, играющей центральную роль в функционировании государства, развитии экономики и обеспечении социальной справедливости. Оно регулирует отношения, связанные с установлением, исчислением и контролем за уплатой налогов и сборов, а также определяет права и обязанности налогоплательщиков, налоговых органов и государства. Существование налогового права как независимой и упорядоченной отраслевой нормы имеет огромное значение для стабильности, развития и справедливости в обществе.

Следует отметить, что мы придерживаемся позиции, согласно которой налоговое право не выделяется в качестве самостоятельной отрасли права, поскольку в достаточной степени не обладает соответствующими признаками для признания ее таковой.

Современное государство невозможно представить без эффективной налоговой системы, которая обеспечивает финансовую основу для реализации его социально-экономических и управлеченческих функций. Налоги являются основным источником формирования бюджетов всех уровней, а их своевременность и полнота поступление напрямую влияет на качество государственных услуг, развитие экономики, защиту населения и экономическую стабильность страны. В этой части соблюдение налогового законодательства со стороны налогоплательщиков определяется особой важностью.

Однако наличие налоговых норм само по себе не гарантирует их добровольного исполнения. Для обеспе-

чения соблюдения налоговых обязательств необходимо наличие юридической ответственности за их нарушение. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение налогового законодательства — это не просто инструмент принуждения, это важнейший элемент воспитания правовой культуры, содействия формированию налоговой дисциплины, предотвращения уклонения от уплаты налогов и условий сохранения для всех участников экономической деятельности.

Дискуссионным является вопрос о правовой природе налоговой ответственности, ее самостоятельности и полноценности. В научном сообществе существуют различные подходы к данной теме, прежде всего:

1. Налоговая ответственность является подвидом финансово-правовой ответственности;
2. Она выступает автономным феноменом правового поля;
3. Налоговая ответственность выступает видом административной.

По мнению М.Б. Разгильдиевой, признаки, присущие ответственности за совершение налоговых правонарушений (сфера действия, характер применяемых санкций, а также процессуальный признак), позволяют рассматривать ее как отличный от административно-правовой ответственности вид юридической ответственности, имеющий собственную финансово-правовую природу [3, с. 236].

Напротив, Н.М. Артемов и С.П. Бортников отмечают, что оба законодательно определенных института осно-

ваны на соответствующей отраслевой принадлежности; имеют сходные черты правонарушения как основания возникновения ответственности; обладают сходной спецификой применяемых мер ответственности в виде штрафа.

Административная и налоговая ответственность относятся между собой как общее и частное и имеют общую административную публичную природу [1, с. 21].

Нам близка вышеуказанная точка зрения, поскольку, на наш взгляд, отрасль административного права определяет сферу действия, касающуюся общественных отношений, возникающих в рамках государственного (исполнительного) управления и реализации публичных функций государственными органами, их должностными лицами и гражданами.

Демин А.В. рассматривает налоговую ответственность также, как разновидность административной ответственности, имеющую существенные особенности в сфере налогового процесса.

Внимание акцентируется на том, что единственным отличительным признаком выступает объект посягательства — налоговое правонарушение всегда посягает на налоговое законодательство. Также по мнению автора, универсальность, то есть межотраслевой характер — это атрибутивное качество любой юридической ответственности, претендующей рассматриваться в качестве самостоятельного вида. Очевидно, налоговая ответственность указанным качеством не обладает [2, с. 230].

Наше мнение совпадает с вышеуказанной точкой зрения в той части, что налоговая ответственность не представляет собой отдельную правовую категорию в качестве самостоятельного вида юридической ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах, поскольку, исключительно наличие различия в объекте посягательства при совершении противоправного действия, не может выступать в качестве единственного определяющего признака самостоятельности того или иного вида ответственности.

Согласно положениям основ теории государства и права, ключевыми критериями разграничения видов юридической ответственности являются характер и степень общественной опасности правонарушения, а также специфика правовой отрасли, регулирующей данные отношения.

Хочется отметить, что это наиболее обобщенные критерии, однако для более детального рассмотрения вопроса, касающегося правовой природы налоговой ответственности и ее месте в системе государственного

принуждения, стоит обратиться, например, к позиции Ягудиной В.М., которая заключает, что признание элемента юридической ответственности самостоятельным видом возможно при одновременном соблюдении всех условий, а именно:

- отраслевая специфика норм, устанавливающих юридическую ответственность, и их фиксация в текстах нормативных правовых актов — источниках соответствующей отрасли права;
- реализация юридической ответственности специальными, предназначенными для применения мер этого вида ответственности государственными органами и должностными лицами;
- реализация мер юридической ответственности в рамках особого вида юрисдикционного процесса [4, с. 17].

С указанной позиции, проанализируем так называемую налоговую ответственность. Налоговый Кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ), прежде всего, глава 16 закрепляет виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение, а также возможные применяемые санкции — штрафы различных размеров.

Акцентируем внимание на факте того, что некоторые авторы придерживаются позиции, согласно которой особенность налоговой ответственности, как автономной категории правовой сферы, определяется именно наличием лишь одной формы санкции за совершение налогового правонарушения — штрафа, в то время, как Кодекс об Административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ), — предупреждение и административный штраф.

В поддержку позиции о том, что налоговая ответственность автономна, утверждается, что специфика налоговой ответственности по характеру применяемых санкций заключается не в том, что штраф как налоговая санкция должен приобретать какие-либо иные черты, особенности, а в том, что в качестве налоговой санкции возможно применение только штрафа как наиболее целесообразной формы наказания за налоговое правонарушение в рамках имущественных отношений [3, с. 235].

Что же касается второго критерия, то налоговая ответственность реализуется налоговыми органами, то есть, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Фактически, административная ответственность также может реализовываться должностными лицами федеральных органов исполнительной власти. Однако четко определённой процедуры реализации мер этой ответственности в рамках особого вида юрисдикционного процесса не закреплено на законодательном уровне в НК РФ, что создает определенные сложности в правоприменитель-

ной сфере. А соответственно, можем говорить о том, что налоговая ответственность еще не сформирована в достаточной степени как самостоятельный вид юридической ответственности, хоть и обладает некоторыми ее критериями.

Проведенное исследование и анализ существующих позиций, касающихся вопроса о автономии налоговой ответственности в системе российского право-применения позволяет сделать обоснованный вывод о том, что налоговая ответственность не является самостоятельным, обособленным видом юридической ответственности, выделенным государством с уголовной, административной, гражданской или дисциплинарной формами ответственности. Ее правовая основа носит производный и комплексный характер, поскольку она реализуется исключительно через уже последующие виды юридической ответственности, закрепленные в природе отраслевых кодифицированных актов.

В научной и приведенной формулировке термин «налоговая ответственность» употребляется как функционально-правовая категория, обозначающая совокупность правовых последствий, наступающих за нарушение норм налогового законодательства. Однако с точки зрения рассмотрения системы юридической ответственности, она не обладает автономией. В соответствии с общепризнанными критериями категорий видов юридической ответственности — такими как характер правонарушений, субъекты и процедура реализации, меры и цели — налоговая ответственность не формирует собственную форму ответственности, а интегрируется в рамках других, более широких отраслевых видах ответственности, прежде всего в административной.

Она реализуется через механизмы уже существующих отраслей права. Она иллюстрирует собой функциональную сторону юридической ответственности,

объединённую по признаку предмета правового регулирования — нарушения норм налогового законодательства, но не по системообразующему признаку, необходимого для выделения ее в самостоятельный вид.

Более того, в действующем законодательстве отсутствует единый нормативный акт, который бы систематизировал налоговую ответственность как самостоятельный феномен правового поля. Несмотря на то, что основные нормы, связанные с ответственностью за налоговые правонарушения, закреплены в НК РФ, они не устанавливают какие-либо специфические черты и новые виды наказаний или же процедуру привлечения виновного лица, а лишь конкретизируют условия и порядок применения уже существующих мер ответственности, предусмотренных КоАП РФ, УК РФ и другими нормативными актами.

Таким образом, в научно-правовом решении налоговая ответственность не может быть признана самостоятельным видом юридической ответственности. Она представляет собой комплексную, межотраслевую категорию, реализуемую через административную, уголовную, гражданскую и иные формы ответственности в зависимости от характера и тяжести правонарушения.

Ее значение заключается не в признании автономии, а в специфике регулирования отношений — в обеспечении налоговых обязательств, установленных законодательством, что составляет ее основу как составную часть финансово-правовой системы государства.

При этом сохранение ее в рамках теории юридической ответственности в гетерономном виде обеспечивает системность, логичность, а также закономерность правового регулирования, избегая искусственного дробления правовых категорий и приводя к преемственности в правоприменительной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов Н.М., Бортников С.П. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения. Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120) ноябрь. С. 11–21.
2. Демин А.В. Налоговое право России: Учеб. пособие / А.В. Демин; Федер. агентство по образованию; Краснояр. гос. ун-т; Юрид. ин-т. — Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. 329 с.
3. Разгильдиева М.Б. К вопросу об административной природе налоговой ответственности. Вестник Саратовской государственной юридической академии № 5 (94). 2013. С. 230–237.
4. Ягудина В.М. Юридическая ответственность: система и классификация. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 33 с.

© Спильная Валерия Анатольевна (Spilnay.2002@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ В РОССИИ: АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

SOCIAL PERCEPTION OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF JUDGES IN RUSSIA: ANALYSIS OF PUBLIC OPINION AND ITS IMPACT ON JUDICIAL PRACTICE

I. Stebivko

Summary. Purpose: The research is aimed at analyzing the social perception of the institution of disciplinary responsibility of judges in the Russian Federation and identifying the nature of the influence of public opinion on judicial practice. The work aims to identify key contradictions between existing legal mechanisms and their assessment by civil society. Methods: The research is based on a systematic approach that combines the analysis of regulatory legal acts regulating the disciplinary responsibility of judges and the study of sociological research data reflecting the level of public confidence in the judicial system. Methods of comparative legal and statistical analysis were used, as well as content analysis of media materials and official court portals.

Results: It has been established that there is a steady demand in society to increase the transparency and accountability of the judiciary. An imbalance has been revealed between the real grounds for holding judges accountable and their simplified perception in the public consciousness, where disciplinary responsibility is often associated solely with the correctness of a court decision. It is shown that public opinion has an indirect, rather than direct, influence on judicial practice, manifested in the increased attention of judges to compliance with procedural norms. **Conclusions:** It is concluded that it is necessary to increase the information openness of the judicial community and develop a systematic communication strategy to explain the criteria and procedures for disciplinary responsibility to citizens. To strengthen confidence in justice, a set of measures has been proposed, including the development of constructive forms of public control, updating educational programs for judges and improving methods for evaluating the effectiveness of disciplinary procedures. The prospects for further research are related to the study of the regional specifics of the perception of judicial power and the professional consciousness of the judiciary.

Keywords: social perception, disciplinary responsibility, judiciary, public opinion, judicial system, trust in justice, judicial qualification boards, judicial ethics, transparency of justice, judicial community, judicial accountability, legal awareness, judicial practice, judicial community bodies, judicial efficiency.

Стебивко Иван Юрьевич
Аспирант, Государственный академический
университет гуманитарных наук, г. Москва
ivan.stebivko@mail.ru

Аннотация. Цель: Исследование направлено на анализ социального восприятия института дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации и выявление характера влияния общественного мнения на судебную практику. Работа призвана выявить ключевые противоречия между существующими правовыми механизмами и их оценкой гражданским обществом.

Методы: В основе исследования лежит системный подход, сочетающий анализ нормативно-правовых актов, регулирующих дисциплинарную ответственность судей, и изучение данных социологических исследований, отражающих уровень доверия населения к судебной системе. Применились методы сравнительно-правового и статистического анализа, а также контент-анализ материалов средств массовой информации и официальных порталов судов.

Результаты: Установлено, что в обществе сформировался устойчивый запрос на повышение прозрачности и подотчетности судебского корпуса. Выявлен дисбаланс между реальными основаниями для привлечения судей к ответственности и их упрощенным восприятием в общественном сознании, где дисциплинарная ответственность часто связывается исключительно с правильностью судебного решения. Показано, что общественное мнение оказывает не прямое, а опосредованное влияние на судебную практику, проявляющееся в повышенном внимании судей к соблюдению процедурных норм.

Выводы: делается вывод о необходимости повышения информационной открытости органов судебного сообщества и разработки системной коммуникативной стратегии для разъяснения гражданам критерии и процедур дисциплинарной ответственности. Для укрепления доверия к правосудию предложен комплекс мер, включающий развитие конструктивных форм общественного контроля, актуализацию образовательных программ для судей и совершенствование методик оценки эффективности дисциплинарных процедур. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением региональной специфики восприятия судебной власти и профессионального сознания судебского корпуса.

Ключевые слова: социальное восприятие, дисциплинарная ответственность, судебский корпус, общественное мнение, судебная система, доверие к правосудию, квалификационные коллегии судей, судебная этика, прозрачность правосудия, судебское сообщество, подотчетность судей, правосознание, судебная практика, органы судебного сообщества, эффективность правосудия.

Институт дисциплинарной ответственности судей представляет собой фундаментальный элемент обеспечения независимости, беспристрастности и авторитета судебной власти. Его функционирование непосредственно затрагивает проблему доверия граждан к правосудию, что обуславливает пристальное внимание к данному вопросу не только со стороны профессионального сообщества, но и всего общества. Настоящее исследование посвящено анализу социального восприятия механизмов привлечения судей к дисциплинарной ответственности в Российской Федерации.

Актуальность изучения социального восприятия дисциплинарной ответственности судей обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, в условиях построения правового государства повышаются требования к уровню профессионализма и добросовестности носителей судебной власти [1]. Общественность ожидает от судей не только безупречного соблюдения материального и процессуального закона, но и высочайших стандартов поведения как в профессиональной, так и в непрофессиональной деятельности.

Во-вторых, наблюдается растущий запрос общества на прозрачность и подотчетность всех публичных институтов, включая судебную систему. Информация о дисциплинарных проступках судей становится предметом широкого обсуждения в средствах массовой информации и коммуникации, формируя определенный, зачастую критический, образ правосудия. Это обсуждение оказывает косвенное, но существенное давление на судебную власть в целом.

В-третьих, существует объективная необходимость в преодолении разрыва между официальными процедурами дисциплинарного производства и их оценкой гражданами. Недостаточная информированность о критериях и основаниях для привлечения к ответственности, а также о реальной практике работы органов судебского сообщества может порождать недоверие и подозрения в избирательности и непоследовательности применяемых мер [2]. Таким образом, исследование общественного мнения позволяет выявить «болевые точки» и способствовать выработке мер по укреплению доверия к судебной системе.

Дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации понимается как особый вид юридической ответственности, наступающий за совершение дисциплинарного проступка, под которым подразумевается нарушение норм законодательства о статусе судей, а также положений судебского кодекса этики [3]. Ключевым отличием данного вида ответственности от уголовной или административной является ее корпоративный характер, направленный прежде всего на сохранение чести и достоинства судебского звания.

Становление института дисциплинарной ответственности судей в России прошло сложный эволюционный путь. В дореволюционный период дисциплинарное производство в отношении членов судебного ведомства регулировалось преимущественно административными предписаниями, а судьи находились в сильной зависимости от исполнительной власти [4, с. 145–150].

Советский период характеризовался полным подчинением судебной системы партийно-государственному аппарату. Дисциплинарная ответственность приобрела ярко выраженный политический характер, а гарантии независимости судей были фактически упразднены. Меры воздействия применялись часто вне какой-либо формализованной процедуры.

Кардинальные изменения начались с судебно-правовой реформы конца XX века, ключевыми принципами которой стали провозглашение независимости судей и их несменяемости. Формирование органов судебского сообщества, в первую очередь квалификационных коллегий, позволило передать вопросы дисциплинарной ответственности в ведение самого судебского корпуса [5, с. 278–285]. Это рассматривалось как важнейшая гарантия против внешнего вмешательства в судебную деятельность.

С течением времени законодательство о дисциплинарной ответственности продолжало развиваться, уже сточались требования к поведению судей, расширялся перечень оснований для досрочного прекращения полномочий. Современный этап развития данного института отнесен поиском баланса между принципом независимости судьи и необходимостью обеспечения его персональной ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Функционирование судебной власти в любом государстве неразрывно связано с уровнем доверия, которым она пользуется в обществе. В Российской Федерации вопрос общественного восприятия судебной системы, и в особенности механизмов дисциплинарной ответственности судей, приобретает особую значимость. Доверие граждан к судебным институтам является фундаментальным условием легитимности всей государственной власти, поскольку именно суд олицетворяет собой справедливость и является конечным арбитром в разрешении социальных конфликтов [6, с. 45].

Вместе с тем, результаты многочисленных социологических исследований свидетельствуют о наличии устойчивого скептицизма в оценках населением деятельности судов. Значительная часть граждан воспринимает судебную систему как закрытый институт, решения которого не всегда поддаются логике правовой аргументации. Подобные настроения формируют так называемый «кризис

доверия», который выражается в убежденности респондентов в зависимости судей от исполнительной власти или иных влиятельных групп, а также в обвинениях в непрозрачности процедур привлечения судей к ответственности [7, с. 78–85]. Это, в свою очередь, порождает ощущение безнаказанности представителей судебского корпуса за возможные должностные проступки, что еще более усугубляет негативное восприятие.

Ключевым аспектом в структуре общественного мнения является низкая осведомленность граждан о реальных механизмах дисциплинарного производства. Подавляющее большинство респондентов не знакомо с полномочиями Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Федерации, а также с основаниями для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, закрепленными в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [8, с. 12–16]. Незнание процедурных тонкостей приводит к тому, что любое судебное решение, не совпадающее с ожиданиями стороны по делу, трактуется как следствие коррупции или служебной недобросовестности, а отсутствие видимых последствий для судьи укрепляет эту уверенность [9, с. 12–16].

Средства массовой информации выступают в качестве основного канала, через который общество получает информацию о деятельности судебной системы. Характер подачи таких материалов оказывает непосредственное влияние на формирование массовых представлений о дисциплинарной ответственности судей. Анализ медийного поля позволяет выявить две основные тенденции в освещении данной проблематики.

С одной стороны, имеет место достаточно сдержанное и фрагментарное освещение работы органов судебского сообщества. Информация о конкретных мерах дисциплинарного воздействия, за исключением резонансных случаев, редко становится достоянием широкой общественности.

С другой стороны, в случаях освещения конфликтных или скандальных ситуаций, связанных с судьями, часто доминирует обвинительный уклон. Публикации в ряде средств массовой информации, особенно в сети Интернет, нередко строятся на основе односторонней подачи материала, без глубокого правового анализа и без предоставления всех точек зрения. Акцент делается на личности судьи и возможных этических нарушениях, тогда как юридические основания для возбуждения дисциплинарного производства могут оставаться за кадром [10, с. 104–120]. Подобный подход способствует формированию в общественном сознании упрощенного и зачастую искаженного образа судебского корпуса как касты, неподконтрольной обществу.

Важно отметить, что подобная медийная стратегия может оказывать и обратное, сдерживающее влияние на сами органы судебского сообщества. Опасность оказаться в центре публичного скандала может побуждать квалификационные коллегии судей к принятию излишне жестких решений в отношении своих коллег под давлением общественного мнения, либо, напротив, к излишней закрытости и круговой поруке с целью избежать огласки. Оба сценария негативно сказываются на объективности дисциплинарного производства [11, с. 112–125].

Объективную картину социального восприятия дисциплинарной ответственности судей позволяют получить данные, собираемые официальными органами и профессиональными социологическими службами. Так, согласно ежегодным опросам Всероссийского центра изучения общественного мнения, показатель доверия россиян судебной системе на протяжении последних лет остается на умеренном уровне, однако при этом существенная часть граждан затрудняется дать оценку ее работе, что косвенно указывает на недостаточную информированность [12].

Более детализированную информацию предоставляют специализированные исследования. Данные, публикуемые Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствуют о стабильном количестве рассматриваемых дисциплинарных дел. Однако статистика отражает лишь количественные параметры (число поданных жалоб, количество примененных взысканий), но не раскрывает содержательной стороны вопроса — характера нарушений и мотивов принятия тех или иных решений. Это является питательной средой для недоверия.

Таким образом, анализ общественного мнения позволяет заключить, что социальное восприятие дисциплинарной ответственности судей в России характеризуется противоречивостью. С одной стороны, присутствует запрос на строгость и прозрачность данного института, а с другой — сохраняется низкий уровень правовой осведомленности и устойчивое недоверие, подпитываемое как личным негативным опытом взаимодействия с судьями, так и спецификой медийного освещения. Преодоление этого разрыва является одной из важнейших задач для повышения авторитета судебной власти в целом.

История российской судебной системы последних лет демонстрирует ряд случаев, когда устойчивый общественный запрос становился катализатором изменений в судебной практике по отдельным категориям дел. Ярким примером может служить эволюция подходов к назначению наказаний по делам, связанным с нарушением правил дорожного движения, повлекшим тяжкие последствия [13]. Широкий общественный резонанс,

вызванный рядом громких происшествий, привел к ужесточению практики привлечения к ответственности виновных лиц, что отразилось в систематизации соответствующих разъяснений высших судебных инстанций [14].

Другим показательным примером является корректировка судебной практики по вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг. Массовый характер нарушений в данной сфере и рост количества обращений граждан в общественные организации и органы власти способствовали формированию более строгой судебной позиции в отношении недобросовестных кредитных организаций [15, с. 34–41]. Суды стали активнее применять нормы законодательства о защите прав потребителей, удовлетворяя требования о взыскании неосновательных комиссий и штрафов, что, безусловно, стало реакцией на сформировавшийся социальный заказ на восстановление справедливости [16, с. 55–62].

Взаимодействие между общественным мнением и судебной практикой осуществляется через систему формальных и неформальных механизмов. Ключевым формальным институтом является гласность судопроизводства, гарантированная законодательством [17]. Открытость судебных процессов, доступ к судебным актам через официальные интернет-порталы и возможность освещения хода разбирательства в средствах массовой информации создают основу для информирования общества о деятельности судов и формирования на этой основе общественной оценки.

Еще одним значимым каналом влияния является законодательная деятельность. Общественный дискурс по тем или иным вопросам правоприменения часто находит отражение в законодательных инициативах. Парламент, реагируя на запросы общества, вносит изменения в материальное или процессуальное право, которые, в свою очередь, непосредственно определяют основы судебной практики [18]. Таким образом, суды вынуждены применять обновленные нормы, адаптируя к ним сложившуюся практику.

К неформальным механизмам можно отнести формирование профессионального мнения внутри юридического сообщества — через научные публикации, комментарии к судебным актам, выступления авторитетных процессуалистов, которые, будучи доведенными до сведения судей, способны скорректировать подходы к разрешению правовых коллизий.

Несмотря на позитивный потенциал учета общественного мнения, его прямое или косвенное давление на судей сопряжено с рядом серьезных рисков для основ правосудия. Наиболее существенным из них является угроза принципу независимости судебной власти [19]. Судья, принимая решение, должен руководствоваться

исключительно законом и внутренним убеждением, а не опасением вызвать негативную реакцию в обществе. Давление, особенно в условиях высокой медиатизации отдельных процессов, может привести к принятию решений, основанных не на правовой оценке доказательств, а на эмоциональном фоне, созданном вокруг дела.

Следующим риском является возникновение явления, известного в юридической доктрине как «прецедент общественного резонанса» [20, с. 25–36]. Это ситуация, когда по одному громкому делу выносится решение, идущее вразрез со сложившейся практикой, исключительно под влиянием внешних факторов. Подобные прецеденты дестабилизируют правоприменительную деятельность, создавая неравенство граждан перед законом: по схожим составам правонарушений участники публичного процесса и лица, чьи дела остались без внимания общественности, могут быть подвергнуты различной мере ответственности.

Таким образом, влияние общественного мнения на судебную практику представляет собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, оно выступает как важный фактор обратной связи, способствующий приведению судебной практики в соответствие с социальными ожиданиями и представлениями о справедливости. С другой стороны, чрезмерное давление и популистские запросы несут в себе угрозу для конституционных основ судебной власти, ее независимости и беспристрастности. Задачей современной судебной системы является поиск баланса между учетом общественных настроений и неуклонным следованием предписаниям закона.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд ключевых выводов, раскрывающих специфику социального восприятия дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации и ее взаимосвязь с судебной практикой.

Важным выводом является установление косвенного влияния общественного мнения на судебную практику, которое носит опосредованный и системный характер. Прямого воздействия на содержание конкретных судебных актов не выявлено, однако устойчивый критический фон способствует формированию у судебского корпуса повышенной чувствительности к вопросам процессуальной легитимности. Это проявляется в более тщательном подходе к соблюдению формальных требований процесса, в то время как по делам, связанным с оценкой доказательств и применением материального права, влияние внешнего фактора минимально.

Кроме того, исследование показало, что низкий уровень информированности населения о реальных основаниях и процедурах дисциплинарного производства

приводит к подмене объективных критериев субъективными оценками справедливости итогового судебного акта. Общественность склонна связывать дисциплинарную ответственность исключительно с отменой судебных решений вышестоящими инстанциями, не учитывая комплексный характер требований к поведению судьи как во время процесса, так и вне. Таким образом, формируется упрощенная и зачастую искаженная картина функционирования института дисциплинарной ответственности.

На основе выявленных проблем и закономерностей представляется целесообразным предложить следующие меры, направленные на гармонизацию отношений между судебной системой и обществом.

Во-первых, развитие информационной открытости. Необходимо внедрить практику регулярной публикации обезличенных сводных данных о результатах рассмотрения дисциплинарных производств в квалификационных коллегиях судей с подробным указанием видов нарушений и примененных мер воздействия. Это позволит продемонстрировать обществу реальную практику при-

влечения судей к ответственности и развеет миф об их безнаказанности

Во-вторых, совершенствование коммуникативной стратегии. Рекомендуется разработать и реализовать системный план разъяснительной работы, направленной на информирование граждан о критериях и процедурах дисциплинарной ответственности, не связанных напрямую с оценкой правильности судебных решений. Целесообразно активнее использовать официальные интернет-порталы судов и социальные сети для популяризации примеров объективного и строгого подхода к вопросам судейской этики.

В-третьих, стимулирование общественного контроля в его конструктивных формах. Целесообразно рассмотреть возможность расширения участия представителей общественности в работе квалификационных коллегий судей, обеспечив при этом баланс между независимостью судейского корпуса и прозрачностью процедур. Важно законодательно закрепить четкие критерии отбора таких представителей и их полномочия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1527.
2. Данные социологических исследований, проведенных ВЦИОМ и Левада-Центром в период с 2018 по 2023 год, фиксируют устойчивый уровень скептического отношения к объективности судебных решений
3. Ст. 12.1 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992.
4. История судебной системы России: учебное пособие / под ред. В.М. Лебедева. М., 2018. С. 145–150.
5. Эбзеев Б.С. Конституционные основы правосудия в Российской Федерации: монография. М., 2019. С. 278–285.
6. Марченко М.Н. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы организации и деятельности. М.: Норма, 2021. С. 45.
7. Дементьева А.В. Общественное доверие к судебной системе в современной России // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 78–85.
8. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 01.10.2023) «О статусе судей в Российской Федерации».
9. Петрова Е.Г. Дисциплинарная ответственность судей: теоретические и практические аспекты // Российская юстиция. 2023. № 4. С. 12–16.
10. Ковалев С.М. Образ суда в российских СМИ: проблемы формирования и воздействия // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 104–120.
11. Федоров А.А. Независимость судей и дисциплинарная практика: поиск баланса // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 112–125.
12. ВЦИОМ. Индекс доверия институтам власти. Пресс-выпуск № 4785 от 25.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeksy-doverija-institutam-vlasti-oktjabr-2023-g> (дата обращения: 15.11.2023).
13. Обзор практики рассмотрения судами уголовных дел о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 10. С. 15–22.
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2020 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области дорожного движения» // Российская газета. 2020. 30 июня
15. Аналитическая записка по вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Банка России. 2021. № 45. С. 34–41.
16. Обобщение практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о защите прав потребителей финансовых услуг // Информационный бюллетень Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 3. С. 55–62.
17. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
18. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 2021 г. № 6574-8 ГД «Об объявлении амнистии в связи со 100-летием образования СССР» // Парламентская газета. 2021. 25 января.
19. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792
20. Петрухин И.Л. Правосудие и общественное мнение // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 25–36.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990–2000-Х ГГ.

FORMATION OF THE SYSTEM OF EMPLOYMENT OF MINOR CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990–2000 S

V. Potapchuk
E. Potapchuk

Summary. This article presents the development of the juvenile employment system in Russia, which took place from the early 1990s to the mid-2000s. The authors note that since the collapse of the USSR, the development of employment for adolescents aged 14 to 18 has been practically from scratch and was initially positioned as a means of correcting and preventing deviant behavior. It was found that in the 1990s and first half of the 2000s, when the Russian Government implemented measures to develop juvenile labor, the main emphasis was placed on the introduction of legal acts regulating the work of adolescents aged 14–17, the basic rules and requirements for their employment, and state guarantees for working minors. Furthermore, during this period, the first state programs aimed at organizing the employment of adolescents aged 14 to 18 were implemented in Russia. This work also presents state programs, regulatory legal acts, as well as various projects and events from the early 1990s to the first half of the 2000s, aimed at regulating and developing the employment of minors.

Keywords: labor, employment, minors aged 14 to 18, teenagers aged 14 to 17, employment of minors, labor rights of teenagers.

Потапчук Владимир Владимирович

Аспирант, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
vova.potapchuk.01@inbox.ru

Потапчук Елена Юрьевна

кандидат культурологии, доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
epotapchuk@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен процесс становления системы трудоустройства несовершеннолетних граждан в России, который проходил с начала 1990-х по середину 2000-х гг. Авторы отмечают, что с момента распада СССР, процесс развития трудовой занятости подростков от 14 до 18 лет проходил практически «с нуля», и изначально позиционировался, как способ коррекции и профилактики девиантного и делинквентного поведения у них. Было установлено, что в 1990-х — первой половине 2000-х гг., при реализации Правительством РФ мероприятий по развитию труда несовершеннолетних граждан, основной упор делался на введение нормативно-правовых актов, регламентирующих труд подростков 14–17 лет, основных правил и требований по их трудоустройству, а также государственных гарантий для работающих несовершеннолетних. Кроме того, в указанный период, в России стали проводиться первые государственные программы, направленные на организацию трудоустройства подростков от 14 до 18 лет. Также в данной работе представлены государственные программы, нормативно-правовые акты, а также различные проекты и мероприятия периода начала 1990-х — первой половины 2000-х гг., направленные на регламентацию и развитие трудовой занятости несовершеннолетних граждан.

Ключевые слова: труд, трудовая занятость, несовершеннолетние граждане от 14 до 18 лет, подростки 14–17 лет, трудоустройство несовершеннолетних, трудовые права подростков.

Проблема трудоустройства несовершеннолетних граждан является одной из самых обсуждаемых в России, как на общественном, так и на государственном уровнях. Изучением вопросов, касающихся организации и развития трудовой занятости подростков, занимаются исследователи, представители органов государственной власти РФ, работники и специалисты социальных служб, граждане и сами несовершеннолетние. В августе 2023 г. положительно отнеслись к трудоустройству школьников около двух третей опрошенных (64 %) [20]. Согласно другому опросу высокую заинтересованность в трудоустройстве своих детей-подростков выражали 78 % россиян, чьим детям от 7 до 16 лет [14]. В 2023 г. 62 % учащихся 7–11 классов, не участвующих в трудовой деятельности, хотели бы трудоустроиться, а 16 %

из них — уже имеют постоянную работу [25]. По результатам опроса ВЦИОМ, 91 % школьников старших классов заявили о своем желании подрабатывать в период летних каникул [12]. Решение подростков о трудоустройстве, по исследованиям ВЦИОМ 2019 г., поддержало 83 % респондентов [13], а большая часть (74 %) из них — сами начинали трудовую деятельность в подростковом возрасте [22]. Таким образом, разрешение проблем трудоустройства подростков от 14 до 18 лет стало одним из ключевых направлений развития экономики и социальной сферы современного российского государства, что также требует и пристального научного анализа.

Цель данного исследования — проследить формирование системы трудовой занятости несовершенно-

летних в России в период с начала 1990-х по середину 2000-х гг. Выводы исследований были сделаны на основе анализа документов, государственных программ, нормативно-правовых актов и социологических опросов (ВЦИОМ, hh.ru, SuperJob и др.). Были использованы метод анализа документов.

В 1990-е гг. после раз渲ала СССР и начала процесса полного переустройства экономической системы РФ, связанной с ее переходом от командно-административной формы к рыночной, страну охватил ряд экономических и социальных трудностей. Отмечается, что проведение в 1992–1993 гг. экономических реформ способствовало росту имущественного неравенства среди жителей и резкой поляризации населения, [19, С. 43] т.е. — его разделения на различные слои. Падение уровня доходов, безработица, закрытие ведущих предприятий привело не только к сокращению числа квалифицированных специалистов [11], но и росту преступности, в том числе и среди несовершеннолетних. Именно подростки в «лихие» 1990-е гг. стали одной из самых уязвимых категорий населения, которая легко оказывалась под влиянием преступных группировок. Согласно статистическим данным, если в 1991 г. число преступлений несовершеннолетних составляло — 173 375, то в 1992 г. уже — 199 291, а в 1993 г. их число выросло до 225 740 [15, С. 195–196]. Увеличилось и число подростков в возрасте 14–17 лет, совершивших уголовное правонарушение: в 1991 г. — 159 461 человек, в 1992 г. — 188 186, а в 1993 г. — 203 826 человек [15, С. 196]. Таким положением дел были всерьез обеспокоены и российские власти, и общественность. Для снижения числа правонарушений, коррекции и профилактики девиантного и деликтного поведения среди подростков, переориентации их с антиобщественной на созидательную деятельность, улучшения их материального и финансового положения были предприняты шаги для развития системы трудовой занятости среди несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет.

Начиная с 1990-х гг. и до первой половины 2020-х гг., процессы трудоустройства молодежи в России регламентировались Законом РФ № 1032-1 от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации», где утверждалось, что российское государство берет на себя обязательства по проведению политики содействия гражданам в сфере трудоустройства и занятости, чтобы они могли реализовать свои права в этой сфере [5]. В число полномочий органов государственной власти субъектов РФ входило оказание содействия трудовой занятости граждан, в том числе услуг по организации временного трудоустройства несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время [5]. Таким образом, Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» (1991 г.) играл ключевую роль в сфере организации трудоустройства российских граж-

дан в период 1990-х — начала 2020-х гг., в том числе и несовершеннолетних.

Государственная политика, направленная на стабилизацию и развитие сферы занятости населения в 1990-е гг., должна была решить ряд возникших проблем:

- 1) формирование нормативно-правовой базы, регламентировавшей трудоустройство подростков 14–17 лет;
- 2) определение организаций и учреждений, занимавшихся трудоустройством несовершеннолетних;
- 3) реализация государственных программ, направленных на развитие трудовой занятости молодежи.

Созданная в 1992 г. на базе Комитета по занятости населения при Министерстве труда и занятости населения РФ Федеральная служба занятости России [3], должна была способствовать развитию нормативно-правовой базы содействия трудовой занятости несовершеннолетних. Так, в ноябре 1994 г. ею был издан приказ № 150 «Об утверждении «Положения об организации временной занятости безработной молодежи — «Молодежная практика», который был направлен на расширение возможностей трудоустройства безработных молодых людей (включая и несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет) и приобретения ими профессиональных знаний, навыков и умений, необходимых для осуществления трудовой деятельности. Согласно этому приказу организовывалась и проводилась молодежная практика на предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от их форм собственности. Туда направлялись безработные граждане в возрасте от 14 до 26 лет, трудоустройство которых затруднено в связи с отсутствием для них подходящей работы. Устройство этих граждан на работу проводилось по договорам, заключаемым с центрами занятости. Для проведения молодежной практики создавались временные рабочие места, куда молодые люди устраивались в качестве учеников, а компенсация финансовых расходов работодателей по заработной плате в рамках молодежной практики осуществлялась за счет средств Государственного фонда занятости населения РФ [9].

В 1995 г. был утвержден документ, заложивший основу для создания системы нормативно-правовых актов, регулирующих трудовую деятельность несовершеннолетних граждан России как в период 1990–2000-е гг., так и в последующие десятилетия — Приказ ФСЗ России от 26 апреля 1995 г. № 94 «Об утверждении «Положения о временном трудоустройстве несовершеннолетних граждан». Оно определяло основные принципы деятельности органов службы занятости по организации временного трудоустройства обучающихся общеобразовательных школ, начальных и средних профессиональных учебных заведений в возрасте от 14 до 18 лет, а также подростков, которые, на момент обращения

в органы службы занятости, не являлись по каким-либо причинам учащимися в вышеуказанных учебных заведениях. Основная задача заключалась в приобщении их к труду, адаптации подростков к трудовой деятельности, а также в создании условий для получения ими профессиональных знаний, умений и навыков. В «Положении...» впервые назывались категории несовершеннолетних граждан, которые могли пользоваться приоритетным правом трудоустройства: 1) несовершеннолетние из числа сирот и оставшиеся без попечения родителей; 2) подростки из семей безработных; 3) несовершеннолетние из неполных, многодетных и неблагополучных семей; 4) несовершеннолетние из семей беженцев и вынужденных переселенцев; 5) подростки, состоящие на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних, освобожденные из воспитательно-трудовых колоний или закончившие специальные учебно-воспитательные учреждения [10]. Указывалось, что дети 14–17 лет могли трудиться на работах, не наносящих ущерба их здоровью, нормальному развитию, нравственности и не нарушающих их образовательного процесса. Трудоустройство несовершеннолетних в возрасте 14 лет было возможно только при наличии письменного согласия одного из родителей или лиц, их заменяющих. Впервые устанавливалась продолжительность рабочего дня для несовершеннолетних: во время каникул он не мог превышать 24 часа в неделю и 4 часа в день — для обучающихся от 14 до 16 лет и 36 часов в неделю и 6 часов в день для обучающихся в возрасте от 16 до 18 лет. В течение же учебного года продолжительность ежедельного и ежедневного рабочего времени учащихся не должна была превышать половины максимальной продолжительности рабочего времени, предусмотренного для обучающихся соответствующего возраста [10]. Трудоустройство на временную работу подростков 14–17 лет могло осуществляться в организации независимо от форм их собственности.

Органам государственной исполнительной власти, органам по труду и службы занятости, образовательным, здравоохранительным учреждениям, комиссиям по делам несовершеннолетних, комитетам по делам молодежи поручалось осуществлять организацию трудоустройства несовершеннолетних на временную работу совместно с работодателями, профсоюзными, молодежными, детскими и другими общественными организациями и объединениями [10].

В сентябре 1992 г. Указ Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» законодательно закрепил конкретные социально-экономические, правовые и организационные условия и гарантии для социального становления и максимального раскрытия потенциала молодых людей в интересах российского общества [16]. Одним из условий являлось «обеспечение соблюдения прав молодых

граждан, установление для них гарантий в сфере труда и занятости, содействие их предпринимательской деятельности» [4].

Обеспечение трудовой занятостью несовершеннолетних граждан регламентировалось также вступившей в силу 12 декабря 1993 г. Конституцией Российской Федерации, где каждый гражданин, в том числе и подростки от 14 до 18 лет, получал право свободно выбирать профессию и род деятельности, заниматься трудовой деятельностью в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Кроме того, несовершеннолетние, как и взрослые граждане, могли рассчитывать на вознаграждение за труд, который должен быть не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также на отдых, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск [1].

В рамках мероприятий по реализации государственной политики в сфере занятости несовершеннолетних в 1990-е гг. государство реализовало ряд федеральных программ. В 1994 г. была одобрена и утверждена федеральная целевая программа «Молодежь России (1994–1997 гг.)», включавшая в себя подпрограмму «Решение вопросов занятости молодежи», которая была направлена на создание условий, способствующих интеграции молодого поколения в рынок труда. Реализация данной подпрограммы предполагала: 1) прогноз и анализ состояния занятости молодежи; 2) регламентацию трудового обучения и занятости молодых людей путем разработки соответствующих методических документов; 3) создание на базе центров занятости молодежных бирж труда и бизнес-инкубаторов, сети специализированных информационно-консультационных центров по профессиональному образованию и занятости молодых людей; 4) организацию и проведение ярмарок вакансий, где несовершеннолетних знакомили с работодателями. Ярмарки вакансий были направлены на обеспечение подростков оплачиваемой работой, а работодателей — необходимыми работниками [24, С. 46].

Для выполнения этих задач было выделено 32015 млн руб. — часть — из федерального бюджета, часть — из бюджетов субъектов РФ [24, С. 46]. В рамках подпрограммы: 1) российскими властями оказывалась финансовая помощь и поддержка работодателям, создавшим временные дополнительные рабочие места для подростков; 2) проводились специализированные ярмарки вакансий; 3) предлагалась помочь в формировании бригад и групп подростков для работы по договорам с работодателями [8]; 4) реализовывались краткосрочные программы по созданию дополнительных рабочих мест для подростков от 14 до 18 лет и по их профессиональному обучению в субъектах РФ. Большинство этих программ были ориентированы на трудоустройство

подростков в сельскохозяйственной и ремонтно-строительной сферах [24, С. 46–47].

Однако, несмотря на все вышеуказанные мероприятия, достичь значимых успехов в трудоустройстве молодежи не удавалось из-за отсутствия должного финансирования и, в целом, слабого ресурсного обеспечения мероприятий и программ, связанных с молодежной политикой, недостаточно развитой нормативно-правовой базы, трудностей в кадровом обеспечении организационных структур молодежной политики и отсутствия сформированной системы органов по делам молодежи в регионах России [16, С. 787]. Ключевым фактором, препятствовавшим развитию системы трудовой занятости несовершеннолетних в 1990-е гг. стала установка российских властей, не рассматривавших молодежь в качестве ресурса социального развития страны, но, в противовес, считающих ее одной из социально незащищенных категорий населения [16, С. 787].

Тем не менее, определенные успехи в трудоустройстве молодежи, в том числе и несовершеннолетних, были достигнуты. Благодаря введенной системе общественных работ, в 1995 г. было обеспечено работой в свободное от учебы время около 1 млн молодых людей [24, С. 47]. По состоянию на конец 1996 г. было зарегистрировано более 70 молодежных трудовых бирж. Произошло существенное снижение преступности среди несовершеннолетних: так если в 1994 г. ими было совершено 221 649 уголовно наказуемых правонарушений, то в 1995 г. — 209 777, в 1996 г. — 202 935, а в 1997 г. — только 182 798. Снизилась численность подростков 14–17 лет, совершивших преступления: в 1995 г. их число составляло 208 096 чел., то в 1997 г. — уже 161 978 чел. [15, С. 196].

В 1997 г. была утверждена новая Федеральная целевая программа «Молодежь России (1998–2000 гг.)», в которой было обозначено направление «Решение социально-экономических проблем молодежи», включавшее в себя подпрограмму «Решение вопросов занятости молодежи», которая предусматривала: 1) организацию сезонной занятости школьников и студентов средних специальных учебных заведений, в том числе через систему общественных работ; 2) восстановление системы студенческих отрядов, а также координацию их деятельности; 3) завершение формирования общероссийской системы молодежных трудовых бирж и центров занятости молодежи в целях содействия трудоустройству данной категории лиц на постоянную и временную работу; 4) обеспечение вторичной занятости [6].

В 1999 г. Министерство труда и социального развития РФ утвердило нормы предельно допустимых нагрузок для лиц моложе 18 лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную, «которые учитывают характер работы,

показатели тяжести труда, предельно допустимую массу груза в килограммах для юношей и девушек» [23].

В начале 2000-х гг. продолжилась деятельность по развитию системы трудовой занятости несовершеннолетних. Одним из первых мероприятий в этой области стало установление Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 163 законодательного запрета на участие подростков 14–17 лет во вредных и опасных видах труда.

Весомый вклад в законодательное урегулирование труда несовершеннолетних в России внес принятый в декабре 2001 г. новый Трудовой кодекс РФ. В нем был закреплен ряд положений о трудовой деятельности лиц младше 18 лет: 1) был подтвержден запрет на их участие в работах, где были предусмотрены вредные или опасные условия труда, причинявших вред их здоровью и нравственному развитию; 2) подтвержден запрет на переноску и передвижение несовершеннолетними тяжестей, которые превышали установленные для них предельные нормы; 3) введен обязательный медицинский осмотр несовершеннолетних за счет работодателя, который проводился при приеме на работу, и в дальнейшем, ежегодно до достижения 18 лет; 4) установлен ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью в 31 календарный день, предоставлявшийся в удобное для подростков время; 5) введен запрет на служебные командировки и на привлечение к работе в ночные времена, сверхурочной работе, в выходные и нерабочие праздничные дни для лиц младше 18 лет; 6) для них отменялись испытания при приеме на работу; 7) запрещалось расторжение трудового договора с несовершеннолетними от 14 до 18 лет по инициативе работодателя (это было возможно только с согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) [2]; 8) устанавливалась продолжительность рабочего времени: в возрасте до 16 лет — не более 24 часов в неделю, в возрасте 16–18 лет — не более 35 часов в неделю [2].

27 декабря 2000 г. была утверждена новая Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 гг.)», которая должна была способствовать развитию массовых видов детского и молодежного спорта и туризма, системы дополнительного образования и социальных служб, обеспечению правовой защиты подростков и молодежи, снижению уровня безработицы среди них, росту деловой активности, стимулированию инновационной деятельности, созданию условий для реализации научно-технического и творческого потенциала молодых россиян [7]. Отмечается, что для реализации мероприятий по организации трудовой занятости несовершеннолетних в 2001 г. государство израсходовало 537,2 млн руб., а в 2002 г. — выделило из федерального бюджета еще 570 млн руб. [24, С. 48].

Результаты кампании по трудоустройству несовершеннолетних на временную работу в первой половине 2000-х гг. оказались весьма успешными: так, в 2002 г. на временную работу были устроены за счет всех источников финансирования 1,4 млн чел., в том числе 1,1 млн чел. — за счет федерального бюджета [24, С. 48]. В основном подростки были задействованы в благоустройстве территорий городов и населенных пунктов, в восстановлении, озеленении и уходе за зелеными насаждениями, в приведении в порядок и сохранении культурно-исторических памятников, мемориалов и пр., в реставрации и починке книг, расклейке объявлений, доставке прессы и прочей корреспонденции, в сельскохозяйственных работах [18].

Значительно была усовершенствована профориентационная работа с несовершеннолетними. В 2001–2002 гг. в России органами службы занятости населения было проведено от 10 000 до 15 000 ярмарок вакансий при участии от 1 до 1,5 млн молодых людей [24, С. 48]. В 2003 г. организации среднего и высшего профессионального образования провели свыше 5 000 ярмарок вакансий для обучающихся, в результате чего более было трудоустроено 60 000 чел., более 200 000 чел. получили профессиональные консультации [24, С. 48].

В 2000-х гг. к существовавшим с 1990-х гг. трудовым биржам, центрам занятости населения и органам государственной власти, кадровым агентствам при органах по делам молодежи, осуществлявшим профориентационную деятельность среди несовершеннолетних, присоединились учреждения среднего и высшего профессионального образования, а также штабы студенческих отрядов. В 2003 г. в субъектах РФ 255 организаций и учреждений занимались проблемами трудоустройства молодежи [24, С. 48]. В 2005 г. Федеральным законом в Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» было внесено изменение, закрепившее участие органов местного самоуправления в организации временной занятости подростков от 14 до 18 лет в свободное от учебы время [5].

Поддерживалось развитие разнопрофильных студенческих отрядов. Их деятельность существенно повысила и улучшила качество профессиональной подготовки специалистов, а также способствовала приобретению ими опыта. Так, если в 2001 г. в России действовало 745 разнопрофильных студотрядов при участии 24 179 чел., то в 2003 г. число таких отрядов составляло более 2 500, объединявших 109 967 чел., в 2004 г. число отрядов достигло 3 500, в них трудилось около 150 000 человек [24, С. 48].

Продолжалась работа по защите трудовых прав подростков, поскольку, согласно результатам проверок Министерства труда и социального развития РФ, в 2002 г. допущенные работодателями в отношении несовершеннолетних нарушения законодательства о труде имели массовый характер. Наиболее часто фиксировались такие нарушения, как: 1) задействование подростков на запрещенных для них видах работ, 2) привлечение их к работе в выходные и праздничные дни, в ночное время, а также к сверхурочной работе, отправка их в служебные командировки; 3) организация труда несовершеннолетних в условиях, не соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям [18]. В 2000-х гг. Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), образованная в 2004 г., и ее территориальные органы в лице государственных инспекций труда в субъектах РФ осуществляли контроль и надзор за соблюдением законодательства в сфере труда несовершеннолетних [21].

Итак, анализ мероприятий, инициированных и осуществленных российским государством в 1990–2000-х гг. и направленных на развитие системы трудоустройства несовершеннолетних россиян в возрасте от 14 до 18 лет, позволяет сделать вывод, что к концу 2000-х гг. система трудовой занятости данной категории граждан в стране была уже сформирована и были достигнуты некоторые результаты. Например, по данным статистики, в период с 2000 по 2009 гг. удельный вес преступлений среди несовершеннолетних от общего числа зарегистрированных правонарушений снизился с 6,6 % до 4,6 % (со 195 000 до 95 000 преступлений) [17].

Однако, в связи с тем, что российские власти, отказавшись рассматривать несовершеннолетних граждан как уязвимую категорию населения, стали воспринимать молодежь как одну из главных сил развития страны, как значимый экономический потенциал государства, требовалось и далее создавать условия для участия подростков и молодежи, в целом, в трудовой деятельности, а также формировать у молодого поколения россиян позитивного образа трудового человека, желания трудиться и приобретать профессиональные навыки, способствовать возникновению заинтересованности и желания трудиться у подрастающих поколений. В дальнейшем, в 2010–2020-х гг., государственная политика РФ в сфере развития трудоустройства молодежи была направлена на модернизацию уже сложившейся системы трудовой занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция РФ (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=meiely9sg613730924> (дата обращения 19.08.2025).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 01.09.2025).
3. Указ Президента от 14 июня 1992 г. № 625 «О Федеральной службе занятости России» (ред. от 09.07.1997) // Ельцин Центр. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/34434/?ysclid=mefjba0ylv363116635> (дата обращения 17.08.2025).
4. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (ред. от 12.04.1999) // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2300503/?ysclid=meicmortl9896162236> (дата обращения 19.08.2025).
5. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1. (Утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения 17.08.2025).
6. Постановление Правительства РФ от 18 июня 1997 г. № 746 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (1998–2000 годы)» (Фактически не применяется) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9044318?ysclid=mfoocjwhsj759643207> (дата обращения 01.09.2025).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2000 г. № 1015 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (2001–2005 годы)» (Фактически утратило силу) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901778285?ysclid=mffeydcus965173829> (дата обращения 01.09.2025).
8. Приказ ФСЗ РФ от 06.05.1994 № 59 «Об организации трудоустройства несовершеннолетних граждан на временную работу». (Утратил силу) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-fsz-rf-ot-06051994-n-59/?ysclid=mev9bpfl9m295787097> (дата обращения 28.08.2025).
9. Приказ ФСЗ РФ от 22.11.1994 № 150 «Об утверждении Положения об организации временной занятости безработной молодежи — «Молодежная практика» (Утратил силу) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-fsz-rf-ot-22111994-n-150/?ysclid=megwo22m2668951980> (дата обращения 18.08.2025).
10. Приказ ФСЗ РФ от 26.04.1995 № 94 «Об утверждении «Положения о временном трудоустройстве несовершеннолетних граждан» (Утратил силу) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-fsz-rf-ot-26041995-n-94/?ysclid=megy9fu22683051547> (дата обращения 18.08.2025).
11. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н. Об определяющих факторах промышленного спада в Российской Федерации в 1990-е гг. // Власть. 2013. № 7. С. 152–155.
12. Более 90% старшеклассников хотели бы подрабатывать на каникулах // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10701109?ysclid=me72bzmkn302683112> (дата обращения 11.08.2025).
13. Большинство россиян выступили за выход на работу до 18 лет. // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d0740249a79476942a1124b?ysclid=me71kkj17z105990709> (дата обращения 11.08.2025).
14. Большинство россиян выступили за трудоустройство подростков // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/04/2025/67fdbe249a794746e7a1b833?ysclid=me575ygb8846218320> (дата обращения 11.08.2025).
15. Бражников С.А. Программно-целевое планирование мер профилактики правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации (1991–1999 гг.) // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 4. С. 195–205.
16. Гукова И.Н. Становление государственной молодежной политики в РФ: политico-правовой аспект // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2018. — Т. 45, № 4. — С. 784–797.
17. Морев М.В. Состояние и динамика преступности несовершеннолетних // Проблемы развития территории. — 2011. — № 2(54). — С. 46–53.
18. На основной работе, 2000–2002 гг. // Инфопедия. URL: <https://infopedia.su/2xb1f1.html?ysclid=mf2blcm7k6290795787> (дата обращения 02.09.2025).
19. Николаева Л.В. Социальные проблемы и социальные отношения российского общества эпохи 1990-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 3 (28). С. 42–47.
20. Почти две трети россиян поддержали трудоустройство школьников // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/09/2023/64f0c7949a7947847ab73e22?ysclid=me571zs9vv677396122> (дата обращения 11.08.2025).
21. Прокурор района разъясняет, как защитить трудовые права несовершеннолетнего // Муниципальное образование городское поселение город Кола Кольского муниципального района Мурманской области. Правительство Мурманской области. URL: <https://kola.gov-murman.ru/news/zakonodatelnaya/333307/> (дата обращения 03.09.2025).
22. Работа для подростков: за и против. Россияне поддерживают подростков, решивших получить первый опыт работы еще в школе или в университете // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-dlya-podrostkov-za-i-protiv?ysclid=me57d8oy7w461502996> (дата обращения 11.08.2025).
23. Терентьева Н.О. Проблема трудоустройства несовершеннолетних // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007019?ysclid=mf0tlfz9lo651527442> (дата обращения: 01.09.2025).
24. Ткаченко В.В. Государственная политика занятости и трудоустройства молодежи в 90-х гг. XX — начале XXI в. // Известия ВГПУ. (Известия Волгоградского государственного педагогического университета) — 2012. — № 3. — С. 45–49.
25. Труд учебе не помеха. Российские школьники хотят подрабатывать // АО «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6349600?ysclid=me579s1ebc400201142> (дата обращения 11.08.2025).

© Потапчук Владимир Владимирович (vova.potapchuk.01@inbox.ru); Потапчук Елена Юрьевна (epotapchuk@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЫТИЙНОСТИ

MECHANISMS OF SOCIAL DEVELOPMENT AND SELF-DETERMINATION OF ADOLESCENTS IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL EXISTENCE

V. Skopa

Summary. Social development and self-determination of adolescents is a complex, multi-layered process of integrating the individual into social reality through the acquisition of cultural norms, values, and behavioral patterns. The development of the younger generation's personality directly depends on the transformations occurring in the global world and their immediate social environment. The need for a deep understanding and comprehensive study of social changes, their essential characteristics, and their impact on the development of a child's personality remains a crucial research challenge. This paper analyzes the socialization process of modern adolescents. Based on a comprehensive theoretical study of scientific sources, it reveals key features of the contemporary social environment and the mechanisms by which various factors influence youth development in the information society.

Keywords: social development, adolescent, social institutions, socio-cultural existence, society.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. Социальное становление и самоопределение подростков — сложный многоуровневый процесс интеграции личности в социальную реальность через освоение культурных норм, ценностей и моделей поведения. Формирование личности подрастающего поколения напрямую зависит от трансформаций, происходящих в глобальном мире и ближайшем социальном окружении. Потребность в глубоком понимании и всестороннем изучении социальных изменений, их сущностных характеристик и влияния на становление личности ребенка по-прежнему остается крайне важной исследовательской задачей. В представленной работе анализируются Механизмы социального становления и самоопределения подростков в условиях социокультурной бытийности. На основе комплексного теоретического исследования научных источников раскрываются ключевые особенности современной социальной среды и механизмы воздействия различных факторов на развитие молодежи в условиях информационного общества.

Ключевые слова: социальное становление, подросток, социальные институты, социокультурная бытийность, общество.

В современном динамично изменяющемся мире процесс социального становления подростков приобретает особую значимость и сложность. Социокультурная реальность XXI века характеризуется стремительными трансформациями технологического, коммуникативного и ценностного пространства, что существенно влияет на механизмы социализации молодого поколения. В эпоху быстрого становления глобального информационно-финансового контура, основанного преимущественно на цифровых технологиях, личность приобретает ключевое значение в социально-экономической и общественной сферах [1].

Социальная адаптация, как процесс, представляет собой интеграцию личности в социальную среду, особенно это приобретает высокую актуальность в подростковом возрасте. В этот период происходит активное формирование индивидуальных моделей поведения и взаимодействия с окружающими. Традиционные институты социализации — семья, школа, сверстники претерпевают существенные изменения. Если раньше они выступали

основными агентами формирования личности, то сегодня их роль трансформируется под влиянием цифровой среды и глобальных коммуникативных практик [11]. Современные подростки формируют идентичность в принципиально новых условиях, посредством расширения социальных контактов через интернет-пространство, формирование виртуальных сообществ, конструирование личностного имиджа в социальных сетях, а также альтернативные модели коммуникации.

В современной научной литературе значительное внимание уделено исследованию процесса социализации в условиях цифровой реальности. Исследователи анализировали многогранные аспекты этого явления, включая механизмы социализации в семейном пространстве, общественных объединениях и молодежной среде [2, 6, 7]. Принципиально важным является выявление трансформаций в системе социализации. Известный ученый Л.Е. Сикорская подчеркивает существенный кризис традиционных социальных институтов, особенно государственных структур, которые утрачивают функцию

передачи социального опыта подрастающему поколению [10]. Подобные изменения неизбежно приводят к деструктивным процессам в механизмах социальной адаптации молодежи. Ключевое различие современного этапа социализации заключается в трансформации каналов межпоколенческой коммуникации и размывании классических трансляционных моделей.

Практически все современные исследователи единодушны в оценке колоссального влияния медиа-коммуникаций на становление личности молодого поколения. Ученые подчеркивают определяющую роль информационных каналов в процессах социализации детей, подростков и молодежи. Исследователь Е.Н. Трухманова акцентирует внимание на трансформационном воздействии интернет-коммуникаций [12]. По ее мнению, цифровое пространство выступает мощным инструментом формирования индивидуального самосознания, аксиологической системы, сферы потребностей и интересов современных подростков. Виртуальная среда становится не просто каналом информации, а полноценным социальным пространством, где молодые люди конструируют собственную идентичность, апробируют социальные роли и выстраивают коммуникативные стратегии [12]. Вместе с тем, исследователи подчеркивают неоднозначность и сложность влияния информационных технологий на социальное становление молодежи. Трухманова акцентирует необходимость комплексного научного подхода и разработки инновационных моделей семейного и коллективного воспитания, которые будут адекватны современным цифровым реалиям. Белинская Е.П. в своих работах представляет принципиально важный тезис: информационные технологии выступают одновременно инструментом и средой социального развития личности в подростковом и юношеском возрастах [2]. Они кардинально трансформируют процессы формирования коммуникативного опыта молодого поколения. Примечательно, что сама исследовательница указывает на существенный дефицит эмпирических данных относительно специфических особенностей социализации в цифровую эпоху. Этот научный пробел требует пристального внимания и системных междисциплинарных исследований.

При исследовании механизмов интеграции подростков в информационное пространство А.Ю. Авлеев формулирует принципиально важный методологический подход. Он подчеркивает, что современная социализация — это не пассивная адаптация, а активный процесс самоконструирования личности одновременно в реальном и виртуальном измерениях [1]. Захаркин Р.А. в контексте изучения факторов социализации представляет не менее «революционное» заключение. По его мнению, средства массовой коммуникации сегодня достигли патритеческого статуса с традиционными социальными институтами, такими как семья [8]. Более того, медийные

каналы нередко становятся доминирующим фактором формирования мировоззрения и ценностных ориентаций молодого поколения. Ключевая особенность современной социализации заключается в трансформации классических моделей передачи социального опыта, где на смену вертикальным коммуникативным стратегиям приходят горизонтальные мультимедийные механизмы взаимодействия.

Влияние медиа-коммуникаций кардинально трансформирует аксиологические установки современного подростка, особенно в контексте формирования представлений о героичности и идеале. Исследования С.В. Чернобровиной выявляют принципиально новую модель конструирования героического вида [13]. Ключевые выводы свидетельствуют о том, что для современных подростков характерна деформация традиционных представлений о герое. Образ героя редуцируется только к экранному конструкту, лишаясь глубинных смысловых черт. Более того, исследователь подчеркивает отрицательный аспект такой трансформации. Ориентация на преимущественно инокультурные медийные персонажи делает невозможным формирование полноценных моральных ориентиров и ценностных установок молодого поколения [13]. Принципиальное отличие современной модели социализации заключается в замене содержательных героических архетипов поверхностными медийными симулякрами, что создает системные вызовы для становления подрастающего поколения.

Корпус современных научных исследований представляет комплексный анализ социально-психологического портрета молодого поколения. Известные отечественные исследователи М.И. Гореликов, Д.А. Подольский, С.В. Рослякова, Е.Г. Черникова фундаментально изучили ценностные установки, мотивационные стратегии, потребности и социальные ориентации современных подростков. Обобщая результаты научных работ, можно выделить ключевые характеристики нынешнего подростка: доминирование потребительских ценностей; трансформация традиционных моделей гражданственности; высокий уровень медиа-компетентности; вариативность коммуникативных практик; клиповое мышление и мозаичность ценностных ориентаций. Принципиальным аспектом является снижение патриотической направленности и усиление индивидуалистических тенденций в молодежной среде. Коммуникативная компетентность становится ключевым социальным капиталом современных подростков.

Критический анализ научно-исследовательских источников последних десятилетий демонстрирует комплексную трансформацию процессов социализации современной молодежи [3, 4, 9]. Ключевые особенности современной социализации обусловлены рядом факторов, где к числу важнейших можно отнести:

- кардинальные изменениями социокультурного пространства;
- появлением новых агентов, влияющих на процесс социализации;
- трансформация традиционных механизмов социальной адаптации;
- формирование принципиально новых форм взаимодействия с социальной средой.

Принципиальное отличие современного процесса социализации заключается в многовекторности и нелинейности. Классические модели социального становления личности утрачивают свою монолитность, уступая место динамическим, вариативным и персонализированным траекториям развития. Ведущую роль в этих процессах играют информационно-коммуникативные технологии, которые выступают не только средством, но и полноценным пространством социального конструирования идентичности [5, 9].

Современная социальная реальность характеризуется взаимопроникновением физического и цифрового пространств, в которых протекает жизнедеятельность индивида. Интернет-среда и реальный мир больше не воспринимаются как изолированные области, а представляют собой целостное коммуникативное пространство. Особенно ярко это проявляется в процессе становления подростков, которые одновременно существуют и развиваются в обоих измерениях. Они выстраивают социальные связи, удовлетворяют личностные потребности, формируют идентичность, активно используя как традиционные, так и цифровые каналы взаимодействия. Такая интегрированная среда существенно усложняет механизмы социализации молодого поколения, требуя от него гибкости и адаптивности в навигации между различными социальными контекстами.

Процесс социализации напрямую зависит от специфики конкретной социальной среды и ее комплексного влияния. Изучение научных работ, посвященных оценке современного российского социума как пространства становления детей и молодежи, выявило ключевые особенности: затяжную трансформацию общества, которая провоцирует переосмысление и поиск новых норм, ценностных ориентиров формирующейся социальной реальности [8, 11, 12]. Этот период характеризуется критическим анализом опыта предыдущих поколений и формированием альтернативных представлений о будущем устройстве общества. Параллельно происходит существенное снижение идеологического давления в сравнении с советским периодом, уменьшение количества жестко регламентированных социальных норм и стандартов. Подобные изменения неизбежно оказывают значительное влияние на процесс воспитания и развития подрастающего поколения. В результате можно констатировать, что социализация современных под-

ростков протекает в условиях нестабильной социальной среды с динамично меняющимися экономическими, культурными и политическими характеристиками.

В эпоху цифровых технологий процесс социализации подростков значительно трансформировался. Помимо традиционных агентов — семьи, школы и сверстников, появились новые влиятельные факторы, где к основополагающим агентам социализации относят социальные медиа; блогеров; компьютерные игры; стриминговые платформы; искусственный интеллект [9]. Именно современные агенты социализации кардинально трансформируют процесс становления личности подростка, требуя нового понимания и адаптивных стратегий воспитания.

Современная социальная среда претерпевает значительные изменения, что кардинально влияет на процессы адаптации подрастающего поколения. Ключевые трансформационные тренды включают цифровую социализацию; изменение механизмов социального обучения; психологические особенности; новые адаптивные стратегии: многозадачность, быстрая смена социальных ролей, гибкость поведенческих моделей и постоянное самообразование. Отсюда отчетливо виден ключевой вызов современности — создание эффективных механизмов поддержки подростков в условиях стремительных социальных трансформаций.

Современная социальная среда переживает глубокое изменение, которое кардинально меняет механизмы взаимодействия подростков с окружающим миром. Ключевыми факторами этих изменений выступают цифровизация, виртуальная коммуникация и принципиально новые модели социализации [11, 12]. К основным направлениям формирования новых форм взаимодействия можно отнести цифровую социализацию, сетевые молодежные сообщества, измененные коммуникативные практики и новые модели самореализации. Важно отметить, что эти трансформации несут как позитивные, так и потенциально деструктивные эффекты. С одной стороны, расширяются возможности для самореализации и познания, с другой — существует риск дефицита эмоционального развития и сопричастия, а также навыков очного взаимодействия.

Так же важно заметить, что социализация современного подростка характеризуется как информационно-ориентированный процесс, который разворачивается в контексте цифрового общества с определяющим влиянием виртуальных коммуникативных пространств [3, 7]. Наблюдается существенная модификация механизмов социализации, которые проявляется через нарастающую стихийность социального взаимодействия; трансформацию коммуникативных моделей в плоскость опосредованного общения; появление альтернативных

агентов социализации (сетевые сообщества); формирование новых каналов самопрезентации и межличностной коммуникации.

Таким образом, социальное становление подростков в современной социокультурной реальности представляет собой сложный, многоуровневый процесс адаптации к постоянно меняющимся условиям. Ключевым становится не только усвоение социальных норм, но и умение гибко интерпретировать реальность, выстраи-

вать индивидуальные стратегии развития. В данном контексте воспитательные концепции должны учитывать процессы девальвации традиционных духовных ориентиров подростка. Образовательная система обязана диверсифицировать подходы, интегрируя формирование медиакультуры и гармоничных моделей информационного потребления. Принципиально важно разработать инновационные методики семейного и институционального воспитания, адаптированные к особенностям цифрового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авлеев А.Ю. Современный подросток в пространстве информационных технологий: психологический аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. № 3. Т. 18.
2. Белинская Е.П. Информационная социализация в поликультурном пространстве // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т 3. Вып. 3 (11).
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
4. Войсунский А.Е. Интернет — новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.relarn.ru/human/vae03.html> (дата обращения: 08.09.2025).
5. Гам В. Стратегическое мышление как основа успеха // Народное образование. 2007. № 7.
6. Гореликов М.И. Особенности духовно-нравственного воспитания подростка в современных условиях социализации // Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия: Педагогика. 2017. № 3.
7. Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf> (дата обращения: 02.08.2025).
8. Захаркин Р.А. Средства массовой коммуникации как фактор социализации современной молодежи // Научные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011.
9. Максимова О.А. Цифровое поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. № 22(313). 2013.
10. Сикорская Л.Е. Кризис институтов социализации в современной молодежи // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 4.
11. Скопа В.А. Проблемы социализации личности в условиях техногенной цивилизации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Экономика и право». 2025. № 6-2.
12. Трухманова Е.Н. Интернет-коммуникации как фактор социализации современных подростков и юношей // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2(39).
13. Чернобровкина С.В. Образ героя современных подростков // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2013. № 2.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Bayanov A. — Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

Bobkova E. — Candidate of pedagogical Sciences Associate Professor Moscow city university. Samara campus

Bobkova E. — Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow city university Samara campus

Chimiris E. — Candidate of Political Sciences, Head of the Center for Socio-Political Research, Institute for the Development of Integration Processes, All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow

Dadalyan M. — Postgraduate, Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation

Darbishukhumaev M. — Graduate student, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Eremina N. — Senior Lecturer, Institute of Food Technology and Design — branch of Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University (Knyaginino)

Fursov A. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saratov State University

Gradoboev E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education (IGMAPO) — Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Continuing Professional Education «Russian Medical Academy of Continuous Professional Education» of the Ministry of Health of the Russian Federation; Doctoral Degree Applicant, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education «International Banking Institute named after Anatoly Sobchak», St. Petersburg

Grigoryants I. — Ph.D. Associate Professor Samara University

Isaev D. — Head of the Legal Department, Stroykapital LLC; Postgraduate student, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs

Ishchenko N. — Candidate of Law, Associate Professor, All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow

OUR AUTHORS

Ivanchina O. — Candidate of Economic Sciences Associate Professor Volga State Transport University

Ivanov A. — Candidate of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ivanova L. — PhD in Economics, Leading Researcher, FSB Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Kobzar-Frolova M. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Koryagina I. — PhD in History, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Krupina A. — Analyst, All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Postgraduate Student at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Kudriavtseva V. — Candidate of Law, Associate Professor Federal State Educational Institution of Higher Education «Ural State Law University named after V.F. Yakovlev»

Lyashenko V. — Postgraduate, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

Makarov I. — PhD student at Siberian Federal University; advocate (Moscow)

Medvedeva N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Northwestern Institute of Management, RANEPA, St. Petersburg

Polozov Ya. — graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Potapchuk E. — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk

Potapchuk V. — Postgraduate student, Pacific National University, Khabarovsk

Pryanikova M. — PhD student at Siberian Federal University

Puren K. — Junior Research, All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation; Research, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; Postgraduate Student, MGIMO University, Moscow

Pyzhikov N. — Head of the Center for Economic Integration of the Institute of Development of Integration Processes, Research Officer of the Institute of World Economy and Finance, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow

Ryabokon L. — Kazan (Pivolzhsky) Federal University

Sekretaryov R. — PhD in Philosophy, Vladivostok State University

Shkolny Yu. — Postgraduate student, Synergy University, Moscow

Silakova V. — Editor-in-Chief of the Journal "Issues of Nature Management"; Deputy Editor-in-Chief of the Journal «Current Problems and Prospects of Economic Development: Russian and International Experience»; Corresponding Member of the Moscow Academy of Management, Doctor of Economics, Professor at the State University of Management; Moscow Institute of Veterinary Medicine

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Spilnaya V. — postgraduate student, Far East Home Ministry Law Institute of the Russian Federation named after I.F. Shilov (Khabarovsk)

Stebivko I. — postgraduate student, State Academic University of Gumanitarni Sciences, Moscow

Ta Na — Graduate Student, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Tarasova O. — senior lecturer, Volga State Transport University

Tarasova T. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Volga State Transport University

Tsisar A. — Postgraduate student, Moscow Institute of Economics, Politics and Law

Zemlyakova E. — Teacher, Vladivostok branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov»

Zhiltssov S. — PhD in Economics, associate professor MIREA — Russian Technological University (Moscow)

Zhivalov V. — Doctor of Economic Sciences, Chief Research Officer All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow

Zolotovskiy V. — Candidate of History Sciences, Associate Professor, Volgograd State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растворные форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растворные форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e-mail: redaktor@nauteh.ru).